

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/90

«Шоковая терапия»: вьетнамский вариант

Южная Корея: нелегкий путь к процветанию

Семейный подряд: за и против

Жизнь и трагедия Михаила Бородина

Сокровища российской духовной миссии в Пекине

Дракон — древний символ Китая

Трактат школы ушу: «Кулак Восьми триграмм»

══════════ ЦИГУН И СПОРТ ══════════

Первый совместный советско-китайский журнал

По договоренности с Международной научной ассоциацией ЦИГУН (КНР) в 1991 году журнал «Проблемы Дальнего Востока» начинает выпускать в качестве приложения китайский журнал «ЦИГУН И СПОРТ» в переводе на русский язык.

Искусство «ЦИГУН» — это лучший способ
укрепления здоровья,
— поддержания высокого
морального духа,
— развития потенциальной
энергии организма,
— проведения эффективной
цигун-терапии.

Оформить подписку на журнал «ЦИГУН И СПОРТ» Вы можете без ограничений в любом отделении связи и «Союзпечати».

Журнал выходит 6 раз в год.

Индекс журнала — 70764.

Цена одного номера — 3 руб.

Цена подписки на год — 18 руб.

на полгода — 9 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва.
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЛЬС РЕГИОНА

- В. Б. Воронцов. Дальний Восток: мы и соседи 3
Е. А. Богатова, Н. А. Макаров, С. А. Малыгин. «Шоковая терапия»: вьетнамский вариант 8
Син Хён Хвак. Южная Корея: нелегкий путь к процветанию 18
В. Д. Андрианов. НИС Азии: приоритет — наукоемкой продукции 25

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

- Чжан Чжунли. О реформе хозяйственной системы 35
А. М. Круглов. Промышленность села в новых условиях 42
В. Е. Данилов. Налоги и прибыль предприятий 51

ДИАЛОГИ И ДИСКУССИИ

- Семейный подряд в Китае: «за» и «против»
И. Н. Наумов. Реальность или иллюзия? 61
А. С. Мугрузин. Важна не только экономика, но и политика 67

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

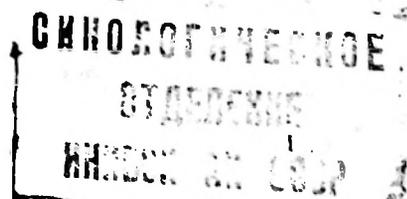
- Б. П. Гуревич. Там, за Тарбагатаем (из истории ранних советско-китайских отношений) 72
Я. И. Гриценко. Что это было? (к событиям в Синьцзяне в 1933—34 гг.) 79

ПРОФИЛИ

- В. Б. Воронцов. Михаил Бородин: жизненный подвиг и трагедия 86

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

- С. Л. Тихвинский. Китай в моей жизни (окончание) 99

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Е. Хияма. Планы покушения на Сталина (продолжение) 109

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Э. С. Кульпин. Макс Вебер и Китай: каким его видел европейский ученый 122

МЕМОРИАЛ

В. В. Матвеев. Воспоминания о Вельгусе (окончание) 132

Е. Ю. Бондаренко. Он ехал в Россию с надеждой... 141

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

В. Я. Сидихменов. Дракон — древний символ Китая 148

В. В. Малявин. Сунь Лутан. Наука школы «Кулак Восьми триграмм» 157

С. Б. Маркарьян, Э. В. Молодцова. Чайная церемония 167

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Б. Н. Гусев. Конверсия военной промышленности: опыт Китая 173

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

С. Н. Неверов. И одна фраза поможет понять друг друга... 180

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ли Ваньчэн. Избранницы правителя (о женах Чан Кайши) 185

И. Л. Кармановская. Сокровища российской духовной миссии в Пекине 194

Корейский полуостров: пути безопасности 201

В. С. Кузнецов. У верующих КНДР 205

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Г. Д. Толорая. На перепутье 208

В. И. Антюхина-Московченко. Документальная панорама русско-японских отношений 211

А. Н. Желозовцев. Мост над рекой времени 214

Ю. В. Чудодев. Китай с близкого расстояния 216

А. М. Ледовский. «История Северо-Восточного Китая»: плюсы и минусы новой книги 219

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЙ ЖУРНАЛ «ЦИГУН И СПОРТ» 221

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1990

В. ВОРОНЦОВ

Утверждающееся во внешней политике СССР новое мышление зиждется на осознании универсальности для всех стран, независимо от их формационных характеристик, приоритета проблем выживания перед лицом ядерной и экологической угрозы, голода, неизлечимых заболеваний и т. д. Основной фактор, повлиявший на формирование новых подходов к тихоокеанской безопасности, связан прежде всего с усилиями Москвы по преодолению поразившего экономику, общественно-политическую жизнь страны недуга. В среде нашей общественности, особенно в академической, весьма позитивно был воспринят призыв советского руководства отказаться от укоренившихся за многие десятилетия идеологических догматов, от изживших себя стереотипов и устаревших взглядов на мировое развитие.

Необходимость выработки новых подходов в отношениях с Советским Союзом была осознана, как показала советско-американская встреча в верхах в Вашингтоне (май — июнь с. г.), и в США. Принятое президентами совместное заявление об основных положениях Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) показало движение, хотя и не столь скорое, как хотелось бы, к упрочению системы доверия между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Позитивные сдвиги в процессе разоружения необходимы, как никогда ранее, Дальнему Востоку. Именно здесь ощущается — особенно в свете снижения военной напряженности в Европе — высокий уровень военного противостояния, сохраняются отличающиеся повышенной степенью конфликтности зоны.

Если учесть, что для Западной части Тихого океана характерна наибольшая концентрация военных кораблей, то вполне очевидной становится тесная взаимозависимость идеи безопасности в этом районе с исходом советско-американских переговоров по вопросам снижения уровня военно-морского противостояния, с чем, как известно, всегда связывались особые трудности. Так, и на последних советско-американских переговорах на высшем уровне серьезные проблемы возникли при обсуждении ограничений крылатых ракет морского базирования. Возможно, они связаны со стойкими традициями ковбойского мышления, которые в значительной мере определили взгляд на Тихий океан сначала как на «американское озеро», а затем и как на полигон для обоюдной пробы сил. Сокращение, в крайнем случае замораживание военно-морских и военно-воздушных сил, ограничение их активности в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР, Южной Кореи, должно обеспечить соответствующие предпосылки для упрочения климата доверия, взаимопонимания в этом районе.

Постепенно сооружается здание доверия между Советским Союзом и его великим соседом — КНР, обстановку на советско-китайской границе все больше определяет не наличие вблизи нее воинских формирований, а взаимные усилия к развитию двусторонних связей по различным линиям, движение сторон по пути демилитаризации. Политические методы, а не разорительные расходы на военное противостояние, обеспечили как Советскому Союзу, так и КНР условия безопасности на одной из самых протяженных границ мира, позволили сторонам использовать освободившиеся средства на нужды экономического развития. Упрочению позитивных тенденций в советско-китайских отношениях служит достигнутое весной этого года соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы.

Воронцов Владилен Борисович — главный редактор ж-ла «ПДВ», доктор исторических наук.

Сдвиги в советско-американских отношениях, затрагивающие магистральные направления политики и экономики по линии Восток — Запад, отражают значительное повышение роли экономического фактора в системе международных отношений. Несмотря на впечатляющее возрастание притягательной силы японского экономполюса, позиции США остаются здесь еще весомыми, оказывая если не решающее, то весьма заметное воздействие на институционное оформление регионального сотрудничества, что проявилось, например, при создании Азиатско-тихоокеанского совета в 1989 г. Последний призван оказывать содействие в реализации совместных программ по развитию свободной торговли, уменьшению существующего дефицита в торговле между индустриальными и развивающимися странами в АТР.

Наш диалог в сфере торгово-экономических отношений с США, как и с другими странами, не может не учитывать перспективу перехода советской экономики на рыночные отношения. Только открытость, более активная вовлеченность в мирохозяйственные связи, и может быть в первую очередь в динамично развивающемся азиатско-тихоокеанском регионе, поможет нам преодолеть стагнацию, исправить экономические и социальные перекосы в стране.

Политические и экономические процессы в Европе, связанные с объединением Германии, порождают надежды в ЕЭС на ускоренное продвижение Европы к повышению уровня внутрирегионального сотрудничества, расширению и упрочению объединенного европейского рынка. Японские аналитики не могли не обратить внимания на то, что лидеры ЕЭС договорились созвать конференцию с целью достижения политического объединения Германии и сослались на это обстоятельство в качестве одного из важнейших аргументов в пользу упрочения внутрирегионального сотрудничества в АТР. Белая книга, изданная министерством внешней торговли и промышленности Японии в июне этого года, подчеркивала новую роль АТР в мировой экономике, гораздо больший рост транстихоокеанской, нежели трансатлантической торговли.

А как же с нашим участием в интеграционных процессах в АТР? До этого нам предстоит пройти еще довольно длительный путь. Даже торговля Советского Союза — а это отнюдь еще не показатель интеграции — с нашими ведущими здесь партнерами слишком уж слаба, если не сказать большее, и не соответствует потребностям современных преобразований советской экономики (у Японии и КНР доля советского импорта в общем объеме импорта не превышает 2 %. Доля же США и Японии в импорте стран региона составляет от 15 до 30 %). Политика привлечения иностранного капитала, если она станет долгосрочной, убедит деловой мир США, Японии, Южной Кореи и других стран региона в надежности советских партнеров, может стать тем мостом, перейдя который мы будем действительно вовлекаться в интеграционные процессы региона. От того, насколько успешно пойдет дело с созданием законодательной основы, отвечающей высоким стандартам международного законодательства, гарантирующей собственность, права иностранных инвесторов, будет во многом зависеть наше движение на путях сотрудничества с дальневосточными партнерами, а значит и сроки оздоровления советской экономики.

Активнее вовлекается в межрегиональные торгово-экономические связи МНР. Живой интерес в Китае, Гонконге, Сингапуре, Таиланде, Республике Корея вызвала провозглашенная монгольским правительством открытая экономическая политика. Развитие торгово-экономических связей между СРВ и Австралией оказало давление на тех, кто пытался бойкотировать Вьетнам в сфере внешней торговли. Повышается роль в межрегиональном сотрудничестве государств АСЕАН. Курс на изоляцию любой страны — малой или большой — никогда не содействовал позитивным переменам, а, напротив, способствовал росту антидемократических тенденций в управлении обществом этой страны. Наши отношения с рядом государств региона, прежде всего с МНР, КНДР, СРВ, наполняются новым содержанием, на что оказывают заметное воздействие политические и экономические преобразования в Советском Союзе.

Трезвый анализ проблем участия тихоокеанских государств в развитии регионального сотрудничества и на более высоком уровне — в структурных взаимосвязях между воспроизводственными процессами на межнациональной основе, что наиболее

ярко отражает интеграционные тенденции (скажем, по линии Япония — США), не может не вызвать сегодня особый интерес.

Для советских политологов приобретает, как нам представляется, особую актуальность изучение подходов США и Японии к вопросам развития тихоокеанского регионализма, что может содействовать достаточно аргументированному прогнозированию образования структуры международных отношений в регионе на начало XXI в., места и роли как больших, так и малых (с опытом НИС мы стремимся постоянно знакомить нашего читателя) тихоокеанских государств в этой структуре, а также и будущей тихоокеанской интеграции, места в ней других государств, в том числе СССР и Китая.

Жизнь потребовала от нас отказа от устоявшихся стереотипов, от привычных идеологических догматов. Реформа в СССР и в КНР — какой ей быть? Ведь встав на путь обновления общества мы, как говорят в Китае, «пошли вброд, ощупывая камни на дне реки». Тщательное изучение как позитивного, так и негативного опыта связано с вполне понятным стремлением не повторить просчеты соседа, впитать в себя лучшее, приобретенное им в результате практики. Советско-китайские отношения развиваются в целом по восходящей, обогащаются новыми перспективными формами сотрудничества (например, договоренность о сотрудничестве в мирном исследовании космического пространства), но вместе с тем возникают и определенные трудности, обозначаются различия внутри стран в подходах к анализу международно-политической ситуации. Предметом академической дискуссии стали, например, оценки глубоких изменений в Европе, в которых ряд китайских ученых (Китайский народный университет) увидели не крах отжившей командно-административной системы, а «заговор» и подрывные действия «международного империализма». В журнале мы стараемся по возможности вносить свой вклад в создание обстановки доверия, взаимопонимания, публикуя подчас полярные точки зрения советских и китайских ученых, специалистов, деловых людей, дипломатов, помогая советским и китайским партнерам лучше узнать друг друга, их возможности и уровни сотрудничества.

Наш ближайший тихоокеанский сосед — Япония за последние два — три десятилетия стала одним из ведущих мировых экономических центров, ее присутствие в ряде районов АТР стало преобладающим. Казалось бы, тесная привязка Японии к экономике развитых стран Запада будет резко ограничивать интересы Токио к отношениям с Советским Союзом. Подобное наблюдалось, собственно, сравнительно недавно, когда японская сторона, действуя вслед за партнером по американско-японскому союзу, уходила от коллективного обсуждения проблем безопасности в АТР, ссылаясь обычно на неурегулированность спора о «северных территориях». Сдвиги в отношениях между США и СССР, советско-китайская нормализация, встреча президентов — М. С. Горбачева и Ро Дэ У в Америке, не могли не оказать влияние на формирование нового политического мышления в Токио. В духе нового мышления прозвучала высказанная премьером Т. Кайфу идея многосторонней встречи заинтересованных в безопасности Северо-Восточной Азии государств.

Ослабление военного противостояния в Европе, подкрепленные делами внешнеполитические инициативы Москвы, нацеленные на демилитаризацию примыкающих к советским дальневосточным рубежам районов, подрывают военно-политическую основу американско-японского союза, повышают значимость для этого союза политических и экономических факторов. Развитие антимилитаристских тенденций подталкивает официальный Токио к активизации диалога по проблемам безопасности в регионе.

В условиях, когда в современных международных отношениях благоразумие берет, казалось бы, верх над философией холодной войны, неспособность сторон найти путь к подписанию советско-японского мирного договора вызывает чувство особой горечи у всех, кому не безразличны судьбы мира. Японская сторона, хотя и не сводит, судя по словам г-на Кайфу, отношения со своим соседом к территориальному вопросу, но четыре острова, как и прежде, остаются в центре внутривнутриполитических дискуссий в Токио.

В мировой печати обсуждаются различные варианты решения проблемы «северных территорий» с учетом желания сторон достичь компромисса:

— отложить решение на будущее, главные усилия направить на качественное наполнение двусторонних отношений, что должно способствовать созданию в перспективе обстановки большого доверия, при котором нельзя будет не распутать завязан-

ный накрепко узел. Кстати, о такой возможности говорит опыт японо-китайских переговоров (острова Сэнкаку), японо-южнокорейских (остров Такэсима).

— решение рассматриваемого вопроса может иметь в виду и роль международных организаций, прежде всего ООН. В международной практике встречались прецеденты, когда претворялась в жизнь формула «совместного освоения без решения вопросов суверенитета». По рекомендации Лиги наций Перу и Колумбия, прекратив в начале 30-х годов конфликт, вступили в переговоры ради достижения компромисса по вопросу о владении Литисией. Компромисс был найден путем установления на Верхней Амазонке зоны свободной торговли, судоходства, одинаковых для обеих сторон тарифов.

— передача островов под опеку ООН с выработкой с течением времени компромиссных вариантов.

Японские руководители все больше убеждаются — и это подтвердил премьер Кайфу — в необходимости распространить волну перемен на АТР, чему может способствовать улучшение советско-японских отношений. В Токио родилась в связи с этим концепция «сбалансированного расширения» отношений, предусматривающая признание сторонами в качестве важнейшей задачи разрешение территориального вопроса и заключение мирного договора (а он, по мнению Кайфу, будет подписан в XXI в.) и эффективное наполнение двусторонних связей по различным линиям. Обе стороны ведут подготовительную работу к визиту в Японию президента СССР, что должно способствовать созданию климата добрососедства, благоприятных условий для развития продуктивного диалога.

В центре внимания мировой общественности остается проблема разделенной Кореи, тяжелое наследие холодной войны от тех времен, когда военная сила рассматривалась в качестве наиболее результативного средства развязывания любых узлов международных противоречий. Общее потепление международно-политического климата, что тесно связано с перестроечными процессами в Советском Союзе, не могло не сказаться на активизации заинтересованными сторонами поиска путей к нормализации обстановки на корейском полуострове. Международные конференции представителей общественно-политических и академических кругов, посвященные этой теме, состоялись в этом году в Вашингтоне, Москве, Токио, Пхеньяне, Сеуле. О дискуссиях вокруг корейской проблемы мы рассказываем на страницах нашего журнала (в том числе и в нынешнем номере), намереваясь, учитывая читательский интерес к Корее, делать это и впредь.

Многие корейские ученые подчеркивают преимущественную ответственность за поддержание мира и стабильности на Корейском полуострове Пхеньяна и Сеула. И с этим нельзя не согласиться. Обнадеживающим выглядела июльская встреча представителей КНДР и Республики Корея, где достигнуто согласие о проведении переговоров на высоком уровне сначала в Сеуле, затем в Пхеньяне. Однако одним из главных факторов, которые выводят Корею на глобальный уровень еще сохраняющегося военно-политического соперничества, остается американское военное присутствие на Юге, наличие там американского ядерного оружия. Поиск соперничающими здесь сторонами путей обеспечения своей безопасности с помощью собственных военно-силовых возможностей может, конечно, ослабить действие в этом смысле подобного фактора, хотя и не уменьшить степень напряженности на полуострове. Особенно опасными выглядят поползновения к созданию собственного ядерного потенциала в качестве одного из средств обеспечения безопасности с опорой на собственные силы. Известно, что последствия чернобыльской катастрофы коснулись территории более обширной, нежели Корея, и с этой точки зрения соперничество на Корейском полуострове в области вооружений не только не укрепляет безопасность участников этого соперничества, а напротив, делает ее иллюзорной, что лишь усиливает опасность случайного столкновения.

В этих условиях особое значение приобретают шаги, которые могли бы содействовать активному вовлечению КНДР в мирохозяйственные связи, инициативы, нацеленные на диалог с Пхеньяном по различным линиям.

В этом смысле особую актуальность, как представляется, приобретает идея проведения конференции шести государств — Советского Союза, Китая, США, Японии, Южной Кореи, КНДР с целью поиска путей обеспечения мира и ослабления напряженности на Корейском полуострове. При наличии механизма консультаций

для обсуждения подобных проблем появились бы реальные гарантии обеспечения мира в этом районе с сохранением для внутрикорейского диалога перспективы объединения страны.

Принципы нового мышления обозначили разрыв с устоявшимися за многие годы идеологическими догмами, отражая по существу общечеловеческие ценности, они проявляют себя, хотя и в разной степени, в современных международных отношениях, во всех сферах экономической и общественно-политической жизни в различных уголках нашей планеты. Прагматический подход к решению проблем развития экономики, потребности обеспечения социально-политической стабильности способствуют выработке и широкому распространению «интернационализованного» взгляда на мир и свое место в нем.

Широкие круги советской общественности с надеждой восприняли новое мышление и стали резко противодействовать тому, что отрывало Советский Союз от общемирового потока в развитии производительных сил, изолировало от выдающихся достижений мировой цивилизации. Не изоляция, а тесное взаимодействие в преодолении преград, а также наслоений в международных отношениях, оставшихся в наследство от «холодной войны», — единственно надежный путь к обеспечению всеобщей и региональной безопасности.

«Шоковая терапия»: вьетнамский вариант

*Е. БОГАТОВА,
Н. МАКАРОВ,
С. МАЛЫГИН*

В настоящее время, когда мы переживаем сложный, противоречивый период слома административно-распределительной системы, ищем пути перестройки экономического механизма на рыночных принципах, взоры ученых и практиков непременно обращаются к опыту других стран,двигающихся в этом направлении,— восточноевропейских, Китая. При этом незаслуженно мало, как нам кажется, принимается во внимание опыт Вьетнама — страны, которой в последние два года удалось осуществить значительный шаг к новой хозяйственной модели и добиться определенной стабилизации рынка, укрощения инфляции. На фоне наших оскорбительно пустых прилавков, «ненавязчивого сервиса» и разрастающейся «социально справедливой» карточной системы действительно реальным контрастом выглядят витрины вьетнамских магазинов и лавочек, наполненных товарами со всего света и на любой вкус, изобилие в них золотых украшений, обуви, западных сигарет, напитков и т. д. Сеть кафе и ресторанов способна удовлетворить любые потребности — от желания быстро и недорого перекусить до запросов изысканного гурмана.

Что же мешает серьезно отнестись к вьетнамскому опыту? Может, то, что ранее, причем в течение десятилетий, вплоть до 1988 г., Вьетнам всячески изображал из себя старательного ученика, приглашая наших советников для разработки рекомендаций по социально-экономической стратегии, по изменению хозяйственного механизма. Есть и еще одно обстоятельство, почему опыту СРВ не уделяют должного внимания: экономика страны не очень развита, велика ее зависимость от внешней помощи, народнохозяйственная структура далеко не так разветвлена и сложна, как у нас.

Тем не менее при переходе и такой экономики от административно-командного механизма к рыночному достаточно четко проявляются некоторые общезначимые закономерности, свойственные странам с различным уровнем развития. Попробуем разобраться, в чем они состоят и что же происходит во Вьетнаме.

Финансовое оздоровление, многоукладность и рыночный механизм: звенья одной цепи

Особое удивление вызывает быстрота перемен в экономике СРВ. Еще в начале 1988 г. во многих провинциях Севера Вьетнама ощущалась острая нехватка продовольствия, граничащая с голодом. А уже в 1989 г. оказалось, что риса не только достаточно на всех, но и появилась возможность его экспорта. В прошлом году Вьетнам продал на внешнем рынке 1,4 млн. т риса, выйдя на третье место в мире среди экспортеров этой продукции после США и Таиланда. При этом внутренние цены на рис оставались стабильными.

После многолетней галопирующей инфляции удалось уменьшить среднемесячный темп инфляции с 14 % в 1988 г. до вполне приемлемых 2—3 % в 1989 г., цены на отдельные важные виды товаров порой даже снижались¹. Стабилизировались доходы большинства населения.

Богатова Евгения Роменовна, старший научный сотрудник ИЭМСС АН СССР, кандидат экономических наук,

Макаров Николай Александрович, зав. сектором ИЭМСС АН СССР, кандидат экономических наук,

Малыгин Сергей Александрович, научный сотрудник ИЭМСС АН СССР, кандидат экономических наук.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает анализ комплекса мероприятий, с помощью которых СРВ удалось так быстро изменить ситуацию к лучшему. По сути, во Вьетнаме в начале 1989 г. была применена самая настоящая «шоковая терапия», близкая по набору мер к традиционным рецептам Международного валютного фонда. Цель ее состояла в резком ограничении (прежде всего путем уменьшения финансовой подпитки госсектора за счет бюджета) массы денежных и кредитных средств в хозяйственном обороте. Государственные производственные и торговые предприятия были практически сняты с дотации, отменены компенсации рабочим и служащим, возмещающие разницу цен на товары первой необходимости, распределявшиеся ранее по карточкам, фактически прекратилось дотирование экспортной деятельности. Чтобы лучше понять важность данных мер для финансово-экономического оздоровления, поясним, что ранее на это шло до 30 % расходов госбюджета.

Следующая мера из того же пакета мероприятий — резкое повышение банковского процента на вклады предприятий и населения и увеличение кредитных ставок. Важно, что уровень новых процентных ставок превысил уровень инфляции, тем самым обезопасив вклады от обесценения и вызвав резкий приток денежных средств в банки. «Связыванию» денежной массы способствовал целенаправленный импорт золота и разрешение его свободной купли-продажи внутри страны².

Переключению части денежной массы из сферы потребления в производственную сферу содействовало и то, что в 1988 г. был принят целый ряд документов, давших «зеленую улицу» развитию всех негосударственных экономических укладов, включая частнокапиталистический³. Девальвация донга по отношению к доллару в несколько раз, введение плавающего официального курса, привязанного к рыночному, а также существенная либерализация экспортно-импортной деятельности привели к существенному наполнению рынка товарами (свою роль в этом, естественно, сыграла и контрабанда)⁴.

Одновременно был взят курс на установление механизма единых цен. Иными словами, была ликвидирована существовавшая долгие годы система искусственно заниженных государственных цен, оторванных от реальной рыночной конъюнктуры. Государство отказалось от централизованного административного установления цен практически на все виды продукции (за исключением электроэнергии, нефтепродуктов и ряда других товаров).

В результате всего комплекса антиинфляционных и рыночно-ориентированных мер удалось стабилизировать цены, насытить рынок продовольствием и другими товарами, активизировать экспорт. В 1989 г. экспорт СРВ в страны со свободно конвертируемой валютой впервые превысил экспорт в социалистические страны и вырос более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом. Импорт стал более экономным и рациональным, получено положительное сальдо внешнеторгового оборота со странами так называемой «второй зоны» (то есть несоциалистическими).

Важное следствие новой политики — стабилизация денежного обращения. Донг стал привлекательной, желаемой денежной единицей, «бегство» от него, так характерное для прежних лет, прекратилось. Рыночная конъюнктура позволила поддерживать относительно стабильный и даже в отдельные периоды повышающийся курс донга к доллару.

Вместе с тем видно, что реализация радикального варианта перестройки экономической системы столкнулась с серьезными трудностями чисто экономического, политического, даже психологического характера.

Одним из главных, как нам представляется, результатов реформы 1989 г. стало то, что предпринятые меры практически впервые поставили предприятия в жесткие, требующие активных действий условия. Они уже не могли поправлять свое финансовое положение за счет повышения цен, так как столкнулись с острой конкуренцией в новой, рыночной, ситуации. Как бывает в условиях «плановой» экономики, нам хорошо известно. Пользуется продукция спросом потребителя или идет на склад, неважно: раз ее производство запланировано, то оно в конечном счете и оплачивается из средств госбюджета. Товарные запасы растут, деньги по каналам торговой выручки не возвращаются, дотации из бюджета и сверхнормативные кредиты, а следовательно, и эмиссия увеличиваются — налицо раскрутка инфляционной спирали. Вьетнам в этом смысле в недавнем прошлом не являлся исключением в ряду «стран с плановой экономикой», а по многим параметрам, по степени злоупотребления печатным станком в условиях псевдопланирования многих даже перегнал⁵.

Теперь же финансовые условия предприятий напрямую увязаны с результатами их

работы на реальный рынок. На первых порах финансовое положение многих предприятий ухудшилось не только вследствие отмены дотаций, но и в результате роста себестоимости выпускаемой продукции (подорожание импортируемых сырья и материалов из-за изменения валютного курса). Характерно, что в первые месяцы после введения новой системы государство все-таки пыталось сохранить адресное распределение продукции в государственном секторе, однако хроническая неплатежеспособность получателей парализовала деятельность продавцов. В итоге возник и развился кризис реализации, своего рода кризис перепроизводства, что фактически смело адресно-директивную систему.

Однако главная сложность нынешнего положения состоит в том, что приспособляемость проявили далеко не все вьетнамские предприятия. Наименее жизнеспособными оказались предприятия государственные. Административные связи разрушились, адаптация же к рыночным условиям требовала времени, знаний, гибкости, коренной реорганизации производства. Первые месяцы после шока на Севере страны, например, не работали почти все государственные предприятия, рабочие или получали пособия по временной безработице, или не получали ничего. Многие были уволены по сокращению штатов.

Из такой ситуации некоторые предприятия выходили достойно, они быстро сориентировались, развили рекламу, нашли новые рынки сбыта, перестроили ассортимент и организацию производства. Вместе с тем другим предприятиям государство, проявляя непоследовательность, вынуждено помогать, постепенно снизив ставки процентов на кредит, начав выплачивать дотации, хотя и в небольших размерах, предоставляя льготные условия в материально-техническом снабжении импортными материалами. Иными словами, вновь началась подпитка малоэффективных предприятий за счет госбюджета, правда в новых условиях. Статистика показывает, что в результате трудности в промышленном производстве продолжают нарастать, прежде всего на Севере, где больше госпредприятий, особенно крупных. Так, в I квартале 1990 г. объем промышленного производства в госсекторе Ханоя уменьшился на 14 % по сравнению с тем же периодом 1989 г. Возросли товарные запасы на складах. Около 16 % занятых на промышленных предприятиях фактически не имеют работы⁶.

На Юге ситуация лучше, что свидетельствует о гораздо большей приспособляемости расположенных там предприятий к рыночной ситуации. Далеко не в последнюю очередь это объясняется и особенностями государственного сектора южных провинций: его большей независимостью, большей мобильностью, сложившимися традициями коммерческого расчета.

Таким образом, напрашивается вывод, что пока вьетнамское руководство не решается на действительную, по-настоящему радикальную санацию внутреннего промышленного производства путем разгосударствления экономики. Меры по финансовому оздоровлению были сопряжены со спадом в общественном производстве, а для преодоления этого спада применяются прежние рычаги бюджетных расходов, что в конечном счете чревато новым раскручиванием инфляционной спирали и сохранением неэффективности экономики в целом.

Итак, картина нового этапа вьетнамской реформы складывается весьма противоречивая, но это противоречия самой жизни, и ключ к их пониманию находится в динамике реформы. Нельзя оценить вьетнамскую реформу только с позиций 1989 г., нужно оглянуться назад. Что же можно понять, исходя из опыта «до 1989 г.»?

Экономические реформы, как известно, проводятся не на пустом месте, их необходимость, как правило, бывает обусловлена следующими факторами: изначальной необоснованностью экономической политики или изменением условий, требующих соответствующей корректировки проводимой экономической политики. На наш взгляд, во Вьетнаме решающей оказалась первая причина: провал экономической политики, проводившейся после 1975 г., когда страна стала единой. Политика того периода всецело диктовалась принципами идеологической доктрины быстрого перехода к социализму, минуя этап капиталистического развития. В этом Вьетнам не стал первопроходцем, он взял на вооружение ту модель, которую сейчас принято называть сталинской и которая в предыдущие годы усиленно внедрялась на Севере страны. Основное содержание этой модели «построения социализма» заключается в тотальном огосударствлении административными методами производительных сил общества, внеэкономической ликвидации так называемых «несоциалистических укладов», априорном признании государственного сектора в качестве ведущего, максимальной централизации и бюрократизации функций управления народным хозяйством на основе директивного планирования, форсированном проведении

«социалистической индустриализации» за счет внешней помощи и обескровливании традиционных отраслей экономики.

В условиях экономической слабости Вьетнама массированное внедрение подобной модели не могло означать ничего иного, как кризис в народном хозяйстве, который и наступил в стране в конце 70-х годов.

В первой половине 80-х годов во Вьетнаме начались поиски выходов из сошедшего тупика, в экономической политике наметился отход от наиболее ортодоксальных методов. Произошла определенная либерализация деятельности частного сектора, государственные предприятия получили большую производственно-хозяйственную самостоятельность, были замедлены темпы «социалистических преобразований» в южных провинциях, в кооперативном секторе сельского хозяйства получил широкое распространение «семейный подряд». Первые, довольно робкие реформы позволили оживить общественное производство, наметить пути выхода из экономического кризиса. Вместе с тем меры, ведущие к подъему народного хозяйства, все в большей степени выявляли на практике несостоятельность многих идеологических установок официальной экономической политики. Так, оказалось, что государственный сектор менее эффективен, чем кооперативный, а кооперативный в свою очередь менее эффективен, чем частный. «Семейный подряд» на селе позволил добиться увеличения урожая риса, но и означал по сути возврат к единоличному землепользованию в рамках формально сохраняющихся производственных кооперативов, а это противоречие сдерживало дальнейшее развитие производства.

Вьетнамское руководство оказалось перед своеобразной альтернативой: или, следуя логике реформ, предпринимать решительные шаги по их углублению во имя дальнейшего экономического роста, или попытаться подремонтировать существующую модель, «не поступаясь принципами». Анализ показывает, что был выбран второй путь. Существующая система оставалась «неприкосновенной», а все возрастающие социально-экономические трудности объяснялись «присками империализма, международной и внутренней реакции». Подходы к экономическим проблемам в официальных партийных документах приобретали все более ярко выраженный идеологический характер: усиленно пропагандировался лозунг обострения классовой борьбы на хозяйственном фронте, вина за провалы возлагалась на низы, которые «ослабили диктатуру пролетариата» и недостаточно последовательно проводили курс центра.

Половинчатость, непоследовательность решений, принимаемых с постоянной оглядкой на их соответствие идеологическим догмам, привели к дальнейшему усугублению социально-экономического кризиса, усилению апатии населения, неверию широких масс в способность правящей партии вывести страну из тупика. Накануне VI съезда КПВ (1986 г.) со всей очевидностью встала задача: необходима кардинальная ревизия всей прежней концепции социально-экономического развития. С 1986 по 1988 г. наблюдается своего рода переходный период, когда намеченные пунктиром на съезде известные «прагматические» меры (многоукладность, единство рынка, открытость экономики) стали наполняться реальным содержанием. Однако и в эти годы отчетливо проявляется старое желание «не поступаться принципами», и лишь нарастающее ухудшение экономической ситуации в стране заставило руководство пойти на описанные выше реформы.

Первые уроки вьетнамской реформы

Попробуем взглянуть на опыт Вьетнама под углом зрения тех вопросов, которые возникли в связи с обсуждением предложенного правительством СССР в мае 1990 г. варианта концепции перехода к регулируемой рыночной экономике. Среди множества спорных позиций, содержащихся в докладе Н. И. Рыжкова, обращает на себя внимание суть выбранного варианта перехода — на основе сочетания финансово-экономических и административных методов, путем постепенного, шаг за шагом снижения масштабов прямого жесткого государственного воздействия на экономику и расширения сферы рыночных отношений. В этом варианте как бы совмещены два разных этапа вьетнамской реформы — этап до 1989 г. и современный. Из первого этапа взят принцип совмещения рыночных и нерыночных сфер хозяйства как в производстве, так и в обращении (идея госзаказа и самостоятельного производства и сбыта, твердых и регулируемых цен и др.), а из второго — принцип жесткости финансово-кредитной системы. (пред-

лагается банковская реформа, повышение процентов по вкладам и кредитам и др.).

Вспомним, что характерной чертой двойственной, гибридной системы — и план, и рынок — во Вьетнаме в 1981—1988 г. был постоянный, периодически углубляющийся разрыв в уровнях цен и валютных курсов в рыночной и нерыночной сферах развития, сохранялся дефицит всех ресурсов и потребительских товаров в сфере, вовлеченной в директивное планирование, что питало инфляцию и спекуляцию. Попытки компенсировать рост цен лицам, живущим на зарплату и фиксированные выплаты (занятым в госсекторе, пенсионерам, студентам, военнослужащим и другим категориям населения), на практике приводили к росту дефицита бюджета, издержек производства и давали дополнительный толчок инфляции. Кроме того, производимые выплаты не успевали за ростом цен и реальные доходы все равно снижались. Постоянно нараставший разрыв в затратах на производство по государственному плану (или по госзаказу) и твердыми государственными ценами вынуждал государство периодически пересматривать параметры цен, курсов, зарплаты, доводить их до уровня рыночных, но уже в сам момент пересмотра этот разрыв возникал вновь, так как в ходе пересмотров не производилось ломки дефицитности и инфляционности экономики: планового фондируемого распределения продукции в условиях отсутствия стимулов к экономии ресурсов, убыточной, неповоротливой госторговли. В результате потребность в дотациях и эмиссии не снижалась, а нарастала, но уже по новым ценовым пропорциям, в растущих абсолютных размерах, что через некоторое время вновь приводило к необходимости пересмотров, уменьшало промежутки между ними и вело к скачкообразному росту цен, усилению инфляционной психологии.

Такой вариант развития событий проявился во Вьетнаме при сохранении старой финансово-кредитной системы, не «сопротивляющейся» росту себестоимости производства, а как бы «смазывающей» путь такого неэффективного производства, в большинстве случаев — на склад. Если предположить, что уже с начала 80-х годов во Вьетнаме была бы предпринята антинфляционная перестройка финансов и кредита, как это было сделано в 1989 г., то очевидно, что гораздо раньше (а не сейчас) страна столкнулась бы с проблемой приспособления предприятий и сферы обращения к жестким рыночным условиям.

Следовательно, один из принципиальных вопросов — не просто финансово-кредитная реформа, а степень ее жесткости, ускоряющая переход к рынку и избавляющая от растянутого «вьетнамского» варианта «управляемой инфляции».

Опыт же «шоковой терапии» после 1989 г. — а в смягченном виде ее эффект можно ожидать даже в случае более или менее последовательного осуществления проекта Н. И. Рыжкова — отчетливо выветил то, что стабилизация рынка путем резкого ограничения платежеспособного спроса (как производственного, так и потребительского) является лишь исходным моментом для дальнейшего развития на базе действительных рыночных отношений. А вот чтобы обеспечить это развитие, надо коренным образом менять систему хозяйства, прежде всего госсектор и систему государственного управления. Какие сектора и уклады должны стимулироваться в целях преодоления неизбежного дефляционного спада — это центральный вопрос послешокового развития (наименее пока разработанный). От выбора его решения зависит дальнейшая судьба экономики, а в конечном счете и всего развития страны. Вот в этом смысле пример Вьетнама пока не дает положительного ответа, а скорее порождает сомнения в целесообразности спасения госсектора любой ценой. Крайне трудным в этой связи оказывается и вопрос финансовой деятельности на макро- и микроуровнях, особенно в банковской системе. Привлечь деньги в банк, «связать» их оказалось не самым трудным делом, гораздо труднее обеспечить их оборот, «работу» в целях эффективности экономики. А для этого нужны эффективные динамичные предприятия, нужна культура банковско-кредитного дела.

При этом, как нам кажется, терапия после «шока» будет удачной лишь в том случае, если уже заранее (или одновременно) с принятием жестких денежно-кредитных и ценовых мер будут созданы условия для действительного рынка: снятие всех барьеров с проявления хозяйственной инициативы, включая частную, свобода выбора продавца и покупателя, создание конкурентной среды и условий для восполнения нехватки денежных и материальных ресурсов за счет привлечения их извне (из-за рубежа).

Благоприятным для Вьетнама фактором стало то, что масштабы огосударствления экономики не приобрели там тотальных масштабов⁷, даже снизились в первые годы ре-

форм. Частный сектор хотя и ограничивался в прежние годы, но все-таки развивался и потому оказался способным смягчить последствия от паралича госсектора. «Вечный противник» госторговли — торговля частная была готова к расширению товарного предложения риса и промышленных потребительских товаров. Негосударственные сектора помогли сгладить и другую крайне болезненную проблему — проблему занятости. Однако это не позволило пока решить ее в целом. Остро выявилась нехватка средств для создания новых рабочих мест, состояние временной безработицы затянулось. Незрелость системы посредничества в поиске рабочих мест и вообще инфраструктуры посреднических услуг, маркетинга ограничила возможности приспособления предприятий и работников к новой рыночной системе.

При рассмотрении вьетнамского опыта не следует также сбрасывать со счетов и фактор быстроты насыщения рынка не только под воздействием сокращения платежеспособного спроса, но и под влиянием роста предложения товаров. Чем быстрее идет второй процесс, тем больше шансов быстрее создать механизм усиления мотивации производительного и качественного труда и стимулировать экономический рост. Во Вьетнаме наряду с производством в негосударственных секторах факторами быстроты роста товарного предложения стали импорт и контрабанда товаров. Здесь были и серьезные издержки, так как по ряду видов продукции конкуренция со стороны внутреннего производства даже в обозримой перспективе оказалась делом сложным, однако в целом насыщенный рынок в экономическом плане все же более предпочтительный вариант, усиливающий давление на отечественные предприятия (естественно, при условии жесткости финансовой системы).

Важность внешнего фактора определяется и другим обстоятельством — возможностью с его помощью быстрее приспособляться к потребностям рынка за счет обновления оборудования и технологии. Из навязываемого сверху «планового» оснащения импортным оборудованием (результаты которого — горы неустановленных станков и механизмов на складах и под открытым небом) этот процесс теперь становится внутренней потребностью предприятий, условием их выживаемости. В 1989 г. были созданы предпосылки для такой деятельности.

Главное в новом механизме — не просто механическое увеличение числа участников экспортно-импортных операций, а постепенное преодоление отрыва этих операций от внутрихозяйственного оборота. В условиях расширившейся свободы рыночных хозяйственных связей предприятия всех укладов, даже не производящие экспортные товары, получили возможность зарабатывать валюту. К примеру, производя нужные для крестьян товары, продают их внешнеторговым объединениям, а те, обменивая их на рис или другую экспортную продукцию, экспортируют ее и получают валюту, часть из которой тратят на удовлетворение потребностей промышленного предприятия (в оплату нужных для сельского хозяйства товаров). Эти и подобные цепочки связей позволяют непосредственно увязать экспорт и импорт, установить прямую связь между внешним и внутренним рынком. Такая связь крайне важна, и в условиях перестройки экономики на рыночные рельсы необходимо с самого начала создавать механизм ее реализации и поддержания.

Мы намеренно не проводим прямых параллелей с проблемами советской экономики, с возможными узкими местами нашей реформы при условии ее радикализации. Это заняло бы очень много места. Но надеемся, что из сказанного такие параллели легко реконструировать. Нужно идти на радикальную реформу с открытыми глазами: без иллюзий возможности провести ее поэтапно, если под этапами понимать введение разных элементов рынка и частичных изменений собственности, и без иллюзий возможности выхода из неизбежного состояния спада без коренного разгосударствления экономики, а также без определенного, но приемлемого ущерба на первых этапах для основной массы населения.

При анализе вьетнамской реформы возникает еще один крайне интересный вопрос. Для нас уже привычным стало утверждение, что экономические и политические реформы должны происходить взаимосвязанно. Многопартийность стала реальностью во многих странах, ставших на путь реформ. В ряде европейских стран коммунистические партии уже не являются правящими, они перешли в ряды оппозиции. Во Вьетнаме же вопрос о многопартийности не ставится. Как же удастся совместить довольно глубокие экономические реформы, реальный экономический плюрализм с отсутствием плюрализма политического?

Экономика или идеология?

Как показывает анализ партийных документов, руководство КПВ осознает, что у различных групп вьетнамского общества существуют собственные интересы, однако в целом общество по-прежнему рассматривается в качестве монолитного целого. Предполагается, что именно КПВ способна выявить, согласовать и реализовать интересы различных слоев без кардинальных изменений политической системы, в которой партия сохранит за собой монопольную руководящую роль, а все политические, государственные и общественные институты по-прежнему будут являться инструментами проведения в жизнь партийных решений. При таком варианте допускается соблюдение внешних атрибутов демократии (всенародные обсуждения, критические выступления в печати, демократические выборы, дискуссии), однако все они не должны выходить за установленные сверху идеологические рамки, ограничиваться низшим уровнем политической системы, не подвергать сомнению основополагающие идеологические принципы КПВ: руководящую роль марксистско-ленинской партии, диктатуру пролетариата.

Наиболее однозначно позиция руководства КПВ была сформулирована на VII пленуме ЦК КПВ (август 1989 г.): допущение плюрализма в экономике при полном неприятии политического плюрализма, который, по мысли партийного руководства, может привести к дестабилизации ситуации, что в свою очередь нанесет ущерб экономическому развитию⁸. Довольно однозначно в этом смысле высказался Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь в интервью газете «Известия»: «Вьетнамский народ... признает только КПВ своей единственной ведущей силой и отвергает политический плюрализм вместе с многопартийностью, равно как и возможность существования в нашем обществе оппозиционных течений и партий»⁹.

Однако, на наш взгляд, за внешней видимостью прочности существующей во Вьетнаме политической системы скрываются далеко не однозначные, противоречивые процессы. Сохраняющаяся политическая стабильность, а в ее основе лежит улучшение экономической ситуации, и удающийся пока компромисс интересов в рамках партийного курса не означают отсутствия во вьетнамском обществе объективной базы для существования и развития разнонаправленных устремлений, в том числе и политических, а также для деятельности политических сил и организаций. Напротив, в последние годы под влиянием активизации и радикализации политики обновления такая база существенно укрепилась.

В ходе осуществления реформы возникают новые очаги напряженности, способные при определенных обстоятельствах перерасти в конфликты. Субъектами этого недовольства выступают крестьяне, не удовлетворенные результатами решения земельных споров, половинчатостью решения вопроса о собственности на землю, снижением цены на рис и другую сельскохозяйственную продукцию, увеличивающимися «ножницами цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары. Недовольна и часть директоров государственных предприятий, причем это недовольство носит подчас взаимоисключающий характер: определенная группа директоров (в основном предприятий легкой промышленности) недовольна отсутствием полной свободы деятельности, сохранением малокомпетентного руководства со стороны вышестоящих органов, другая же группа (преимущественно директора предприятий тяжелой промышленности, а также тех предприятий, которые в большей степени страдают от конкуренции со стороны импортных товаров) недовольна сокращением льготного бюджетного финансирования и отсутствием действенных протекционистских мер.

Частные предприниматели не удовлетворены тем, что до сих пор не приняты законодательные акты, гарантирующие их долговременную и безопасную хозяйственную деятельность. Отсутствие четких юридических норм создает питательную почву для расцвета коррупции, взяточничества партийно-государственных чиновников, что вызывает недовольство как самих предпринимателей (без значительных взяток невозможна успешная деятельность на рынке), так и широких масс населения.

Развитие рыночных отношений не сопровождалось до сих пор созданием системы социальной защиты от малопредсказуемых последствий рынка. В результате вполне естественные с точки зрения логики рынка события (банкротства, спекулятивные операции на денежном рынке, рост имущественной дифференциации и др.) оборачиваются ростом недовольства, направленного во многих случаях не против непосредственных виновников, а против партийно-государственных структур, от которых по традиции тре-

буют твердых гарантий стабильности.

Еще один «очаг недовольства» возникает в среде интеллигенции и студенчества. Он связан не только с тяжелым материальным положением этих слоев, но и с отсутствием реальных каналов свободомыслия, идеологического плюрализма, навязыванием сверху рамок и границ допустимых суждений, «промыыванием мозгов» в виде постоянных собраний, заседаний и политических кампаний.

Таким образом, совершенно очевидно, что вьетнамское общество становится все более разнородным, многополюсным. Существенно ограничивается непосредственное директивное вмешательство центральных органов в хозяйственную жизнь, и, как следствие, ослабевают экономические основы монополии партийно-государственного аппарата на политическую власть. В обществе кристаллизуются и оформляются различные интересы, без учета и согласования которых развитие существенно осложняется и замедляется.

В то же время внимательное наблюдение за процессами, происходящими во Вьетнаме, позволяет сделать вывод о том, что во вьетнамском обществе нарастает понимание, что КПВ без отказа от идеологических догм не способна адекватно отразить и реализовать интересы, присущие различным социальным группам вьетнамского общества. Это понимание характерно не только для нарождающихся в результате политики рыночного развития слоев, но и для традиционных для Вьетнама социальных групп (студенчество, интеллигенция, рабочие госпредприятий). Особенно это присуще тем, кто в результате экономической реформы приобрел хозяйственную самостоятельность, — частным предпринимателям, части крестьян, ремесленникам, торговцам. Вместо покорного согласия на верховенство (от их имени) партии раздаются (правда, пока еще робкие) требования создания новых общественных организаций и превращения существующих в подлинно самостоятельные для защиты интересов их членов, в настоящее время преимущественно экономических.

Вместе с тем, несмотря на упомянутые выше «очаги конфликтных ситуаций» и вызревание во вьетнамском обществе разнонаправленных интересов, в стране в настоящее время отсутствует какая-либо реальная организационно оформившаяся сила, способная представлять опасность для политического руководства. В связи с этим во многом неожиданно прозвучали резкие формулировки VII пленума ЦК КПВ, выдержанные в духе конфронтации и подавления любого инакомыслия. Очевидно, что общий настрой пленума отразил первую реакцию вьетнамского руководства на события в Китае, Восточной Европе и Советском Союзе. Настороженное же отношение общества к решениям пленума, а также дальнейшее развитие событий в Восточной Европе, показавшее поддержку происходящего демонтажа неосталинизма большинством населения, заставили в дальнейшем (уже осенью 1989 г.) лидеров КПВ несколько смягчить позицию по идеологическому вопросу.

Серьезный кризис в коммунистических и рабочих партиях Восточной Европы, а также усиливающиеся процессы внутренней эрозии КПВ (коррупция, связь некоторых партийных работников с преступным миром, моральное разложение, серьезное падение авторитета партии и др.) побудили вьетнамское руководство несколько изменить свою позицию относительно роли и места партии в обществе. От безоговорочного отстаивания «непорочности» партии и ее «исторического» права на монопольную политическую власть произошел переход к признанию необходимости самообновления партии и укрепления ее связей с «массами». Именно эта идея стала центральной в повестке дня VIII пленума ЦК КПВ (март 1990 г.)¹⁰. Однако в ходе всеобщего обсуждения позиции Политбюро ЦК КПВ, изложенной в опубликованных в феврале 1990 г. тезисах к пленуму¹¹, все же отчетливо проявились различия в подходе к проблеме «партия — народ» со стороны высшего эшелона руководства КПВ и различных слоев общества.

Сам факт опубликования тезисов пленума для всенародного обсуждения, а также выдвижение лозунга «всемерной опоры на народ» свидетельствуют о понимании руководством КПВ необходимости демократизации партии, повышения ее авторитета в глазах населения. Тем самым партия рассчитывает сохранить за собой роль представителя и выразителя общенациональных интересов. Однако многие принявшие участие в обсуждении тезисов подчеркивали, что необходимо перестать рассматривать «народ» как нерасчлененное целое, обращали внимание на вызревание во Вьетнаме «гражданского общества» с присущей ему множественностью экономических и политических интересов.

Необходимо отметить, что и в руководящих кругах страны на всех уровнях (при

всем внешнем подчеркнутом единстве) существуют различные точки зрения о дальнейших путях общественного развития. Линия водораздела проходит, условно говоря, между «практиками» и «идеологами». Те, кто занимается конкретными вопросами экономики, выступают за продолжение и углубление экономических реформ: сокращение государственного сектора в промышленности и торговле за счет создания акционерных предприятий, закрытия или приватизации нерентабельных производств, всемерное стимулирование частного сектора, создание правовых гарантий частного предпринимательства; официальное признание краха производственной кооперации на селе; дальнейшее сокращение административного вмешательства партийно-государственных органов в хозяйственную деятельность; ускоренное формирование всех элементов рынка (рынок рабочей силы, ценных бумаг, валютные биржи и пр.). Такой подход предполагает сокращение и даже ликвидацию ряда ведущих экономических ведомств, присущих старой административно-директивной системе.

В противовес «практикам» «идеологи» выступают с традиционных позиций защиты «чистоты социализма», сущностными чертами которого в экономике считают ведущую роль (командные высоты) государственного и кооперативного секторов, а также централизованное директивное управление. Эти идеи высказываются не столь явно, однако при малейшем ухудшении экономической конъюнктуры (а это вполне вероятно) мнение «идеологов» может быть заявлено в полный голос. Именно за этой позицией скрывается понимание того факта, что поступательное развитие экономических реформ в рыночном направлении неминуемо потребует серьезных политических перемен.

Сторонники продолжения радикального курса в области экономических реформ в настоящее время имеют веский аргумент для отражения упреков в нарушении идеологической чистоты: в их пользу говорят некоторая стабилизация и оздоровление экономической ситуации.

Противостояние «практиков» и «идеологов» прослеживается не только в области внутренней политики, но и в отношении к внешнему фактору экономического роста. И те, и другие единодушны, что значение помощи Советского Союза и стран Восточной Европы в будущем развитии Вьетнама будет существенно сокращаться. Однако «практики» склонны к преимущественной ориентации на Запад. Для этого они считают необходимым всемерно активизировать усилия по нормализации отношений с США, Японией и другими западными странами, реально уйти из Камбоджи, проводить политику подлинной открытости внешнему миру. «Идеологи» хотели бы видеть в качестве основного донора современный Китай. Естественно, они сознают, что экономические возможности КНР по оказанию помощи Вьетнаму значительно уступают западным странам, но их прежде всего прельщает то, что Китай может выступить гарантом «социалистической перспективы» СРВ. Одновременно часть вьетнамских лидеров с опасением относится к политическим процессам, происходящим в СССР и особенно в странах Восточной Европы¹². Трудности и перипетии перестроечных процессов, негарантированность стабильности власти укрепляют руководство КПВ в нежелании ослабить идеологический контроль за обществом, воспринять идею разделения политической власти с другими общественно-политическими силами.

На современном этапе основная дилемма заключается в следующем: для продолжения экономической реформы необходимо радикальное преобразование политической системы (прежде всего самой компартии и ее идеологической платформы), признание правящей партией возможности формирования и выхода на политическую арену других политических сил. Этот процесс означает, что партия должна (во имя экономического роста) провести в жизнь такие мероприятия, которые объективно подрывают ее позиции в обществе. Очевидно, что эта дилемма все острее встает перед вьетнамским руководством, по мере развития реформ нерешенность политических вопросов будет все больше сдерживать развитие экономики. Попытки «балансирования» между прагматическим и догматическим направлением, стремление совместить экономический плюрализм с политическим монополизмом становятся все более проблематичными.

* * *

Итак, из вышеизложенного вытекает, что современному руководству Вьетнама удалось вывести вьетнамское общество из состояния нокаута и выиграть очередной, важный раунд поединка с отсталостью и застоєм. Резкий поворот к рынку одновременно с оздоров-

лением денежного обращения оказался тем решительным ударом, который ослабил скрывающиеся экономические пути: отрыв от мировых хозяйственных процессов, зажим частной инициативы, уравнильность в распределении, не имеющий противовесов волюнтаризм и бюрократизм руководства и планирования. Но этот удар, как показала практика, чтобы стать сокрушительным, должен быть дополнен серией других: глубоким преобразованием отношений собственности, снятием барьеров на пути притока капитала и технологий в страну, прежде всего в экспортный сектор, устранением изживших себя догм и стереотипов. Удастся ли эта серия — от этого будет зависеть исход нового, решающего раунда. Старая система, как мы видели, пока продолжает сопротивляться.

¹ Нян зан.— 1989.— 19 декабря.

² См.: Вопросы экономики.— 1989.— № 11.— С. 117—126.

³ Речь идет о Постановлении Политбюро ЦК КПВ № 10 «Об обновлении управления сельским хозяйством», Постановлении Политбюро ЦК КПВ № 16 «Об обновлении политики и механизма управления производственными единицами в негосударственных укладах экономики», ряде постановлений Совета Министров СРВ о негосударственных секторах в сельскохозяйственной сфере (март 1988 г.), о различных укладах в сельском хозяйстве (июнь 1988 г.) и торговле (ноябрь 1988 г.).

⁴ См.: Вопросы экономики.— 1990.— № 7.

⁵ Среднегодовой индекс роста эмиссии составил в 1976—1980 гг. 134,6 %; в 1981—1985 гг.— 186,8; 1986 г.— 448,8; 1987 г.— 380,5 % (см.: Там же конг шан.— № 3.— С. 41).

⁶ Нян зан.— 1990.— 5 апреля.

⁷ Вот некоторые данные, дающие общее представление о роли различных секторов экономики во Вьетнаме в 1988 г.

Таблица

	Госсектор	Коллективный сектор	Частное, индивидуальное производство
Валовой общественный продукт	31,1	45,7	23,2
Национальный доход	23	52	25
Валовая промышленная продукция	31,1	45,7	23,2
Розничный товарооборот	40,4	9,2	50,6

Источник: Статистические данные СРВ 1988. — Ханой.— С. 19, 22, 118, 222.

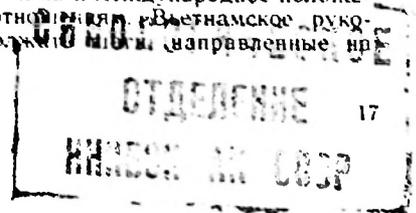
⁸ Там же конг шан.— 1989.— № 9.— С. 19.

⁹ Известия.— 1990.— 17 апреля.

¹⁰ Нян зан.— 1990.— 29 марта. На пленуме была рассмотрена современная международная обстановка, ситуация в стране и принято Постановление «Об укреплении связей между партией и народом, о развитии права народа быть хозяином, активизации политики обновления».

¹¹ См.: Нян зан.— 1990.— 6 февраля.

¹² В интервью газете «Юманите» в июне 1990 г. Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь заявил, что в связи с недавними событиями в Восточной Европе и сменой руководства и правящих партий в ряде стран некоторые политические силы решили, что пришло время перейти в наступление на социализм, начав с Вьетнама. В этих условиях, подчеркнул он, необходимо сохранять и поддерживать хорошие отношения со всеми силами, защищающими социализм. Было отмечено, что Коммунистическая партия Китая и китайское правительство придерживаются пути строительства социализма и международное положение требует придания нового импульса вьетнамо-китайским отношениям. Вьетнамское руководство, как заявил Нгуен Ван Линь, твердо намерено продолжать политику направленные на улучшение отношений и развитие сотрудничества с Китаем.

Южная Корея: нелегкий путь к процветанию

СИН ХЁН ХВАК

От редакции. С 10 по 17 июня 1990 г. в Москве по приглашению Академии наук СССР находилась делегация крупнейшей южнокорейской корпорации «Самсун» во главе с почетным председателем правления корпорации, бывшим премьер-министром страны профессором Син Хён Хваком.

Почетного доктора экономики Сеульского, Гарвардского и Кембриджского университетов по праву считают «отцом южнокорейского экономического чуда», виднейшим южнокорейским экономистом-практиком. В 1949 г. он был назначен министром национальной реконструкции, в 1964 — членом президентского Совета по научно-техническим вопросам. В 1970 г. профессор Син Хён Хвак становится исполнительным вице-президентом Торгово-промышленной палаты Южной Кореи, в 1973 — членом Национальной ассамблеи. В 1978 г. он занял пост заместителя премьер-министра и министра экономического планирования. Через год его назначают премьер-министром, на этом посту он находился до 1983 г. В 1986 г. профессор Син Хён Хвак становится председателем правления корпорации «Самсун», в 1988 г. — председателем Комитета по административной реформе.

Во время встреч и бесед с ведущими советскими экономистами академиками С. С. Шаталиным, Л. И. Абалкиным, А. Г. Аганбегяном, членом-корреспондентом АН СССР В. П. Чичкановым профессор Син Хён Хвак неоднократно проводил мысль о том, что опыт развития южнокорейской экономики может оказаться полезным для осуществления экономической реформы в Советском Союзе, перехода последнего к регулируемой рыночной экономике. В отличие от многих западноевропейских стран, США, в которых роль правительства в управлении экономикой проявлялась не столь заметно, в развитии таких стран АТР, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, по мнению профессора Син Хён Хвака, есть общий знаменатель — «направляющая роль правительства» в проведении экономической реформы. «Если сравнивать экономику Южной Кореи и Советского Союза, то можно найти гораздо больше общего, нежели при сравнении моделей экономического развития СССР, Западной Европы и США», — подчеркивал профессор. «Самое существенное сходство между экономикой наших стран — сильная роль правительства в процессе регулирования экономических преобразований». Как правительство оптимизирует свою роль, какие методы и средства выберет для реализации намеченных целей, насколько умело будет управлять процессом экономических и социальных преобразований, насколько успешно будет корректировать свою первоначальную программу — от этих и других факторов, по мнению профессора Син Хён Хвака, будет зависеть успех экономической реформы. И, конечно, главное во всех экономических преобразованиях — это люди. Экономика сама по себе, ее реформы зависят прежде всего от людей, от осознания ими необходимости коренных преобразований. Здесь, как считает профессор Син Хён Хвак, на первый план выступает консенсус правительства, с одной стороны, и населения — с другой. Необходимо правительство, пользующееся доверием у населения. А это доверие можно заслужить не словами, а конкретными продуманными мерами по оздоровлению экономики, выходу из экономического кризиса.

«Говорят, что в одной стране люди трудолюбивые, а в другой — ленивые. Я в это не верю», — во время одной из встреч сказал профессор Син Хён Хвак. «Люди в любой стране одинаковые. Почему же одни усердно трудятся, а другие ничего не делают? Все очень просто. Если у людей есть интерес — они работают, если его нет — они оставляют все как есть. Именно поэтому, чтобы добиться консенсуса, правительство должно так спланировать свои действия, чтобы люди захотели работать хорошо, на совесть. Если не будут созданы такие предпосылки, всю экономическую реформу, все планы можно будет свести к нулю».

Материал подготовлен на основе выступления г-на Син Хён Хвака перед сотрудниками ИДВ и ИЭ АН СССР 12 июня 1990 г.

* * *

В начале XX в. Корея была страной, отсталой во всех сферах: политической, экономической и социальной. В результате она подверглась оккупации Японией, эксплуатировавшей Корею и не заботившейся о развитии корейского государства. В течение 36 лет японской оккупации промышленность Кореи развивалась слабо, страна являлась лишь поставщиком сырья и сельскохозяйственной продукции для японской экономики. Установилась обычная система зависимости между экономикой метрополии и колониального придатка.

После окончания второй мировой войны страна освободилась от японского господства, и в 1948 г. было создано правительство Кореи. Первоочередной задачей в тот момент была реорганизация правительственной и общественной системы, поэтому развитию экономики не уделялось должного внимания.

Положение еще более осложнилось, когда 25 июня 1950 г., всего два года спустя после создания нового правительства, разразилась корейская война. В стране царил разруха, были почти полностью уничтожены производственные объекты. Реальное экономическое развитие нашей страны началось лишь в 1953 г., после окончания войны. А сегодня она быстро превращается в высокоразвитую индустриальную державу. Экономические успехи были обеспечены правительством, которое принимало своевременные и правильные меры в ответ на изменения политической и социальной обстановки в Корее.

Мне хотелось бы рассказать о моем опыте руководства экономикой страны, и я буду рад, если это окажется полезным при решении экономических проблем, стоящих перед Советским Союзом.

Денационализация государственного капитала

С момента освобождения от японского господства в 1945 г. до середины 50-х годов продолжался период войны и хаоса, но в это время была заложена основа индустриализации Кореи через создание «свободной рыночной экономической системы» на базе денационализации капитала, оставленного Японией после ее поражения во второй мировой войне. Он составлял примерно 80 % капитала южной части полуострова, причем 13 % этого капитала приходилось на сельское хозяйство. Около 90 % бизнеса и 97 % крупных корпораций входили в ту же категорию.

Первоначальная стоимость земли, распределенной между фермерами по принципу «земля — земледельцам», составляла три годовых урожая, что окупалось выплатой в течение 15 лет 20 % урожая в год. В 1950 г. была проведена земельная реформа, в соответствии с которой землю, ранее принадлежавшую помещикам, перераспределили между арендаторами. Реформа включала приобретение земли с компенсацией и распределение без компенсации. Считается, что эти меры ускорили процесс демократизации в деревне, так как практически уничтожили помещичье землевладение и в дальнейшем способствовали развитию аграрного сектора страны.

Кроме того, делались попытки денационализации производственного капитала, включая большинство промышленных предприятий, но это не имело успеха. Несомненно, причинами неудач были социально-политические проблемы, отсутствие предпринимательского опыта, неспособность платить за приобретение, недостаток сырья и электроэнергии. Однако главной причиной явилась неспособность правительства эффективно руководить, правильно планировать и управлять. Более того, назначаемые правительством чиновники совершенно не стремились к нормализации положения, они лишь пытались уклониться от выполнения своих обязанностей. Это был хрестоматийный пример низкого организационно-технического уровня и производительности административно-командной системы по сравнению с частными фирмами. Вот простой пример: хотя в 1948 г. служащие государственных предприятий составляли 48 % всех служащих, а оборудование госпредприятий было лучше, послед-

ние выпускали только 35 % всей промышленной продукции.

После окончания корейской войны я занимал пост генерального директора управления промышленности в министерстве торговли и промышленности. Именно тогда я пришел к выводу, что Корею необходима экономическая и техническая помощь со стороны развитых стран и, что самое важное, для возрождения национальной промышленности нужно гораздо более активное и эффективное использование предприятий и капитала, чем это имеет место со стороны правительства.

В результате мы ускорили процесс денационализации и установили льготные условия платежей. Правительство сохранило за собой право собственности на железные дороги, источники электроэнергии, водоснабжение, автодороги и порты. В результате правительственный и частный секторы имели четкие границы.

С помощью ускоренной денационализации была прочно введена «свободная рыночная экономическая система», которая оказала большое влияние на дальнейшее развитие страны. Основой индустриализации явились частные предприятия, возникшие в результате эффективных мер, что стало особенно очевидно в 60-е годы.

Сдерживание инфляции

Корейское правительство уделяло огромное внимание сдерживанию инфляции, так как нестабильность цен подрывала экономику Кореи и вела к неустойчивости жизненного уровня, неконкурентоспособности корейских товаров и даже к политической нестабильности. Прежде всего в борьбе с инфляцией были предприняты денежные и кредитные меры. Корейское правительство уделяло первостепенное внимание быстро растущему денежному обороту, вызванному политической реконструкцией. Следовало остановить рост запасов необеспеченных денег.

В первой половине 50-х годов бюджетный дефицит, вызванный послевоенной реконструкцией, покрывался главным образом путем эмиссии, а ежегодный рост денежной массы составлял 128,2 %. Однако рост промышленного производства не соответствовал увеличению денежной массы, что приводило к хроническому избыточному спросу. В результате оптовые цены ежегодно повышались в среднем на 167,4 %. Исходя из этого правительство изменило закон о налогах с целью увеличения государственных доходов, ввело принцип твердо сбалансированного бюджета путем увеличения зарплаты государственным служащим и превращения в самостоятельные доходные организации службы связи, железных дорог и государственных монополий.

В то же время коммерческим банкам предлагалось придерживаться «принципа кредитования по вкладам». В результате в конце 50-х годов рост денежного оборота снизился в среднем до 30,5 % в год. Рост запасов необеспеченных денег постепенно сократился, а увеличение цен составляло в среднем 25 % в год.

Однако начиная с 1962 г. бурное экономическое развитие и индустриализация вызвали переориентацию правительственной политики, что снова привело к увеличению денежного оборота. Более того, правительство стремилось направить банковские ссуды на развитие производства средств производства и экспорт. Таким образом, возросший денежный запас был направлен на увеличение производства. Другими словами, финансовый сектор поддержал частные вложения в основной капитал с помощью размещения банковских кредитов. Для поддержания надлежащего уровня денежного оборота правительство использовало денежные облигации, потолок на банковские кредиты, ассигнования, налоговую политику.

Вторым средством борьбы с инфляцией был непосредственный контроль цен, а также политика управления спросом. Я уже отмечал, что правительство активно использовало денежно-кредитную политику управления избыточным спросом. Тем не менее разрыв во времени между вложениями и отдачей постоянно приводил к нехватке товаров, и мы не могли полностью остановить инфляцию. Так, в 1963 г. правительство попыталось побороть растущую нестабильность цен, уделяя этому вопросу особое внимание, но в результате неурожая оптовые цены подскочили на 20 %. Чтобы справиться с этой ситуацией, было принято решение о контроле над ценами на ограниченное число основных товаров, необходимых для производства и удовлетворения насущных потребностей населения в рамках рыночной экономики. Были приняты Закон о фондах поставок и Закон о распределении сельскохозяйственных продуктов и о ста-

бильности цен с целью стабилизации спроса и предложения основных товаров через государственные резервы и компенсации несовпадения спроса и предложения.

Однако основные причины инфляции в результате прямого контроля над ценами на отдельные товары ни в коей мере не уничтожались. Напротив, процветал черный рынок и массовое сокрытие товарных запасов в расчете на быстрое спекулятивное обогащение.

Эти неудачи привели правительство к осознанию того, что эффективное хозяйствование может осуществляться только через активную конкуренцию отдельных фирм, которые самостоятельно делают выбор и принимают решения. Поэтому было решено добиваться стабильности цен, развивая конкурентную рыночную систему. На создание такой системы был направлен Закон о стабильности цен, управлении монополиями и взаимовыгодной торговле, принятый во второй половине 70-х годов, когда была проведена индустриализация легкой, а также тяжелой и химической промышленности.

Денежная реформа

В случае, если инфляция обусловлена внешними факторами, не помогают ни бюджетно-финансовые ограничения, ни прямой контроль. И в начале 50-х годов, во время корейской войны, и в начале 60-х годов, когда к власти пришло новое правительство, цены быстро росли. Срочной мерой для обеспечения их стабильности стала денежная реформа.

В начале 50-х годов производство находилось в состоянии застоя в связи с войной. Для финансирования колоссальных военных расходов и из-за других нужд был значительно увеличен денежный оборот, инфляция была невероятной, а экономика оказалась на грани развала.

После достижения перемирия и начала восстановления экономики правительство приступило к серьезным мерам по борьбе с инфляцией. 17 февраля 1953 г. была объявлена денежная реформа, подготовка к которой велась в строгой тайне. Старые деньги были исключены из оборота. Через девять дней после выхода закона все деньги и платежные средства следовало внести в банки, а новые денежные знаки стали единственными платежными документами в стране, причем денежные единицы обменивались в отношении один к ста. Кроме того, от 20 до 100 % банковских вкладов были превращены в срочные вклады со сроком выплаты от одного до трех лет.

Первая денежная реформа оказалась успешной в борьбе с инфляцией. Уже в 1953 г. рост оптовых цен снизился с 102,3 % за предыдущий год до 25,3 %. Это был самый низкий показатель начиная с 1945 г. Существенно снижался также денежный оборот — со 114,3 % в 1953 г. до 19,8 % в 1957. Успех денежной реформы можно отнести на счет поглощения избыточной ликвидности и других соответствующих мер. К тому же правительство подготовило запас основных товаров для противодействия избыточным накоплениям после реформы.

Вторая денежная реформа — в 1962 г. — была направлена на подавление инфляции и создание фонда развития экономики. Она проводилась в отношении один к десяти, а ликвидность принималась на вклады, используемые для финансирования различных видов инвестиций для осуществления первого плана экономического развития.

Однако замораживание ликвидности неожиданно привело к ухудшению денежного рынка, как и общего экономического положения, и спустя 33 дня от этого плана пришлось отказаться. Итак, вторая денежная реформа не смогла создать фундамент развития, хотя и была сравнительно успешной в борьбе с инфляцией.

Выпуск правительственных облигаций

Корейское правительство широко использовало выпуск облигаций в качестве антиинфляционных средств финансирования экономики и удовлетворения бюджетных потребностей. На ранней стадии экономического развития внутренние ресурсы были очень невелики по сравнению с требованиями инвестиционной деятельности. В этих условиях увеличение денежного оборота привело бы к инфляции. Поэтому

правительство пошло на выпуск облигаций для торможения избыточной ликвидности и сдерживания инфляции, с одной стороны, и для эффективного обеспечения инвестиций в различные отрасли, с другой.

С 1949 до конца 1989 г. было выпущено 17 видов правительственных облигаций, а их общая стоимость составляет 7,6 % валового национального продукта. Помимо «универсальных облигаций» для покрытия бюджетного дефицита в 50-х годах, правительство сосредоточило внимание на выпуске специальных облигаций для финансирования конкретных задач. За последние 30 лет выпущены облигации двух видов: для финансирования дорожного и жилищного строительства, известные как «проектные облигации», и для накопления фондов — «фондовые облигации».

Отличительной чертой облигаций корейского правительства является их выпуск двумя различными способами. Первый — это форсированное введение облигаций, имеющих более низкие, чем обычно, процентные ставки, второй — на основе рыночных процентных ставок. В начале нашего экономического подъема, когда происходило повышение цен и процентные ставки были высоки, правительство опиралось главным образом на обязательную продажу облигаций населению по низким процентным ставкам в качестве неинфляционного средства финансирования. Это хорошо видно на примере «проектных облигаций». Дорожные облигации покупаются при регистрации автомобиля, облигации по телесвязи — при установке телефона или изменении абонента, облигации по жилищному строительству — при покупке или регистрации дома.

Со второй половины 70-х годов, когда экономика постепенно стабилизировалась и была создана фондовая биржа, метод выпуска «фондовых облигаций» в основном был заменен на облигации с обычными процентными ставками.

С помощью облигаций правительство смогло обеспечить средства для экономического развития, не нарушая экономической стабильности, и со временем процентные ставки правительственных облигаций постепенно поднялись до уровня рыночных.

Система поощрения экспорта

Начиная с 1960 г. единственным средством спасения корейской экономики от порочного круга бедности стали называть индустриализацию. Из-за ограниченных размеров внутреннего рынка и хронической нехватки иностранной валюты правительство увеличивало потенциал роста экономики через ориентацию на экспорт, тем самым стремясь ускорить процесс индустриализации. Для этого осуществлялось долгосрочное и краткосрочное финансирование экспортных фирм с помощью системы финансовой поддержки экспорта. Краткосрочное экспортное финансирование, проводимое с 1948 г. по сегодняшний день, создало базу для экспортных вложений. Эта система обеспечивает займы для получения необходимых фондов по производству экспортной продукции.

Корея всегда находилась в трудном финансовом положении. В этой связи возможность получить заем на определенную сумму для развития экспортного производства является хорошим стимулом для деятельности фирм.

По мере индустриализации экономики страны структура экспорта улучшалась, и возникла необходимость поддержки экспорта с помощью отсрочки платежей, что привело к созданию в 1976 г. Экспортно-импортного банка, который осуществляет систему долгосрочной помощи экспорту на основе отсрочки платежей. Налоговая политика также обеспечила поддержку экспорту. Для поощрения последнего правительство предоставило частичные скидки с подоходного налога на иностранный капитал, и даже была введена система возмещения таможенных тарифов, с помощью которой возвращалась пошлина при экспорте продукции, изготавливаемой из импортного сырья.

Тема экспортной политики правительства Кореи не будет полностью раскрыта, если не коснуться еще одного важного аспекта внешнеэкономической политики. Даже и при совершенной поддержке экспорт не будет развиваться, если правительство не будет вести правильную валютную политику. С момента начала интенсивного развития корейской экономики правительство трижды проводило девальвацию корейской воны. В результате была достигнута конкурентоспособность экспортной продукции, исключившая переоценку покупательной способности вона вследствие раз-

ного темпа инфляции в стране и за рубежом. Фактически девальвация привела к небывалому росту экспорта и к сокращению импорта.

При поддержке правительства общий объем корейского экспорта увеличился с 40 млн. долл. в 1961 г. до 60 млрд. долл. в 1989 г. Более того, Южная Корея, эта небольшая дальневосточная страна, теперь испытывает давление со стороны колоссов экономики, пытающихся заставить ее сократить экспорт.

Внедрение иностранного капитала

В ходе выполнения пятилетних планов развития экономики, начиная с 1962 г., темпы экономического роста составили в среднем 8 % в год. Для поддержания такого высокого уровня правительство поощряло капиталовложения; в среднем они составляют 30 % валового национального продукта, хотя коэффициент внутренних накоплений в среднем достиг только 24 %.

Единственным средством преодоления этого разрыва является привлечение иностранного капитала. Для стимулирования его притока правительство ввело Закон о внедрении иностранного капитала, основные принципы которого гарантируют его свободное движение, устанавливают льготные налоги для капиталовложений иностранных фирм и предоставляют гарантии выплаты коммерческих ссуд. При этом виды иностранных капиталовложений постепенно видоизменялись.

В период развития легкой промышленности с 1962 по 1971 г. иностранные инвестиции составили 2,6 млрд. долл., в основном в виде займов, предоставленных правительству или частному сектору. Однако некоторые фирмы, созданные на основе внешних займов, не справлялись с работой, и банки, выступавшие поручителями, в таких случаях были вынуждены погашать ссуду.

В 70-х годах прямые вложения иностранного капитала начали догонять иностранные займы как главную форму притока иностранного капитала. В это время правительство учредило ряд свободных экспортных зон для поощрения прямых вложений иностранного капитала. В них иностранным предприятиям гарантировалась свобода действий и экспорта. Им предоставлялись площадь, водоснабжение, электроэнергия и прочие услуги. В результате суммарный приток иностранного капитала возрос в 8 раз по сравнению с предыдущим десятилетием и составил 20 млрд. долл. Невозможно точно определить, насколько приток иностранного капитала содействовал развитию экономики страны, но, согласно некоторым подсчетам, средние темпы экономического роста в период с 1962 по 1982 г. без него составили бы не 8 % в год, а лишь 4,9 %.

Внедрение иностранного капитала в Корею в значительной степени способствовало модернизации технологии. Делая капиталовложения, иностранная фирма передавала и прогрессивную технологию, тем самым принося большую пользу экономике Кореи.

В заключение я хотел бы особо подчеркнуть, что лицо, отвечающее за формирование экономической политики, должно уметь принимать твердые решения и четко осуществлять их. Конечно, справедливо, что экономическая политика направлена на улучшение экономики в целом и что она определяется в свете будущих экономических преобразований, но она обязательно должна встречать единодушную поддержку всего населения. Иногда приходится проводить экономическую политику, которая выгодна одним и невыгодна другим. Бывает, что она непопулярна, однако абсолютно необходима.

Трудно ожидать, что большинство людей будет выступать в поддержку реформ, особенно если подобные экономические реформы инициируются правительством.

Правильность экономической политики не в том, что она служит интересам некоторых групп или же отвечает чаяниям народа, это не вопрос мнения большинства или же демократических принципов. Главное — осуществима ли она в настоящей экономической реальности и имеет ли перспективы на будущее.

Обращаясь к прошлому опыту, мы видим, что всегда, даже при успешном осуществлении здоровой экономической политики, возникает неудовлетворенность. Поэтому если люди, ответственные за создание и осуществление политики, не тверды в своих убеждениях или же не способны довести их до конца, все их попытки обречены на неудачу. Мы не раз сталкивались с этим в ходе развития экономики Кореи.

Заключение

Я рассказал о роли правительства в экономическом развитии Кореи с 1945 г. Я бы также хотел подчеркнуть важность духа предпринимательства и стремления к максимальной прибыли, трудолюбия и умения работать в условиях свободной экономики, гарантирующей право собственности. Без всего этого корейская экономика не смогла бы столь успешно развиваться.

В начале 80-х годов корейское правительство сократило влияние официальной политики на руководство экономикой. С ростом масштаба и сложности народного хозяйства страны предпочтение было отдано расширению частной инициативы в управлении экономикой. В то же время мы стремимся сделать экономику Кореи более открытой и достичь большего разнообразия в торговле.

Вслед за Олимпийскими играми 1988 г. в Сеуле и началом перестройки в Советском Союзе Корея пытается использовать возможности, открывшиеся в результате окончания «холодной войны», для установления межгосударственных отношений и увеличения торговых связей с СССР и странами Восточной Европы. В частности, я полагаю, что возникает возможность значительного укрепления сотрудничества и торговли между Кореей и Советским Союзом. Если мы сможем достичь этого, обе наши страны получат огромную экономическую выгоду и, что самое главное, внесут существенный вклад в дело мира и создание системы экономического сотрудничества во всем тихоокеанском регионе.

НИС Азии: приоритет — наукоемкой продукции

В. АНДРИАНОВ

В условиях радикальной экономической реформы в Советском Союзе весьма актуальной является разработка концепции совершенствования управления научно-техническим прогрессом. Как перестроить систему финансирования науки, прежде всего прикладной? Какими должны быть наиболее эффективные формы и методы организации научно-исследовательских работ? Как создать механизм экономической заинтересованности предприятий в выпуске наукоемкой и конкурентоспособной продукции? На эти и другие вопросы может помочь дать ответ опыт новых индустриальных стран Азии, которые в последние примерно полтора десятилетия добились весьма ощутимых успехов в производстве именно наукоемкой продукции.

* * *

Если следовать теории длинных волн известного советского экономиста Н. Д. Кондратьева, то начавшаяся в середине 80-х годов новая, пятая по счету волна научно-технического прогресса, в основе которой лежит развитие микроэлектроники, мекатроники, биотехнологии, генной инженерии, создание новых материалов, использование принципиально новых видов энергии, сверхпроводимости и др., может создать переворот в производительных силах современного общества, по своей глубине превосходящий все предыдущие. Научно-техническая революция и использование ее результатов в экономике превращаются в один из основных факторов интенсивного развития производительных сил.

В последние годы важнейшим фактором, обеспечивающим высокие темпы экономического развития большинства новых индустриальных стран (НИС) Азии (в 1989 г. темп прироста ВВП Таиланда составил 12,4 %, Сингапура — 9,2, Малайзии — 8,1, Тайваня — 7,8, Южной Кореи — 7,0, Гонконга — 4,5 %) ¹, является качественное совершенствование их научно-технического потенциала, который превращается в один из наиболее активных элементов современного воспроизводственного процесса.

На первом этапе развития наукоемких отраслей азиатские НИС использовали стратегию заимствования зарубежного опыта и технологии. Практически все наукоемкие отрасли этих стран используют западные технологии, оснащены иностранным оборудованием.

Для привлечения иностранного капитала и современных технологий азиатские НИС использовали практику создания экспортно-производственных зон (ЭПЗ), которые заложили основу для развития наукоемких отраслей, ориентированных на внешний рынок. Как правило, ЭПЗ — это географически определенный район страны с развитой промышленной инфраструктурой вблизи морского или крупного воздушного порта. Организация ЭПЗ сопровождается принятием специального закона, устанавливающего льготный порядок налогообложения действующих предприятий, беспошлинный ввоз машин, оборудования, полуфабрикатов и сырья для создаваемых предприятий; такой же режим распространяется и на экспорт готовой продукции. Предприятия, находящиеся в экспортно-производственных зонах, получают право экстерриториальности — к ним не применяется местное законодательство. Вместе с тем в ЭПЗ, как правило, запрещается создавать профсоюзы, устраивать забастовки, не гарантируется минимум заработной платы.

На начало 1988 г. в 53 развивающихся государствах функционировало 260 ЭПЗ,

---

Андрианов Владимир Дмитриевич, старший научный сотрудник НИКИ МВЭС СССР, кандидат экономических наук

на которых было занято 1,3 млн. человек, из них почти 60 % приходилось на азиатские НИС². В частности, в девяти ЭПЗ Южной Кореи функционировало 1631 предприятие с общим числом занятых 289 тыс. человек, на Тайване — 296 предприятий (около 80 тыс. человек), в Малайзии — 190 предприятий (70 тыс. человек).

Экспортно-производственные зоны сыграли важную роль в развитии наукоемких отраслей азиатских НИС. Постепенно наукоемкая продукция превратилась в основную статью экспорта этих стран. В настоящее время Тайвань обеспечивает треть мировых потребностей в мониторах (супервизорах). Малайзия занимает третье место в мире по производству полупроводников и по экспорту электронных компонентов, Южная Корея — крупнейший в мире экспортер телевизоров и микроволновых печей, Сингапур — магнитных дисков и дисководов, Гонконг — электронных часов, у Таиланда — третье место в мире по экспорту твердых дисков для ЭВМ. Эти страны превратились в крупных мировых поставщиков видеоматриц, видеокамер, персональных компьютеров, периферийного оборудования и др.

Немаловажное значение сыграли ЭПЗ для повышения квалификации и организационного навыка местного персонала. Опыт работы на предприятиях в этих зонах, с их жестким контролем качества, стал важным фактором подготовки местных специалистов. Полученные в ЭПЗ производственные и управленческие навыки впоследствии помогли НИС Азии в развитии местной базы наукоемкой промышленности.

Оценивая эффективность экспортно-производственных зон по развитию наукоемких отраслей, следует отметить, что они имеют объективные пределы. Постепенно деловые круги и правительство все меньше удовлетворяются зарубежной технологией, на которой базируются в основном сборочные производства. В свою очередь ограниченные местные возможности в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок сдерживают самостоятельный независимый рост.

Эти причины в основном и определили известные изменения в общей стратегии азиатских НИС по развитию научно-технического потенциала. Стратегия заимствования, позволяющая абсорбировать и использовать лучшие достижения в мировой науке и технике, все больше начинает сочетаться со стратегией развития собственного научно-технического потенциала, при которой практические результаты достигаются за счет концентрации ресурсов на определенных направлениях НТР. Существенный акцент делается на разработку текущих и перспективных программ НИОКР, их материальное и кадровое обеспечение, систему организации и управления научной деятельностью, ее информационное обеспечение.

И хотя расходы на НИОКР в азиатских НИС как по абсолютному размеру, так и по доле в ВВП пока значительно уступают ведущим индустриальным державам, тем не менее прослеживается тенденция к росту этих показателей. По существующим оценкам, доля ассигнований на НИОКР в Южной Корее возрастет к 1991 г. до 2,5 % от ВВП и до 5 % к 2000 г. В середине 90-х годов эти расходы в Сингапуре, Гонконге и на Тайване достигнут 2—2,5 %, в Малайзии и Таиланде — от 1 до 2 % от ВВП. (В 1988 г. доля затрат на НИОКР в Японии составляла — 2,9 %, ФРГ — 2,8, США — 2,7, Франции — 2,3 %.)

В 90-е годы планируется значительно увеличить число ученых и инженеров, занятых в научно-исследовательской сфере, сократить отставание по этому показателю от индустриально развитых государств. В середине 80-х годов число ученых и инженеров на 10 тыс. занятых в материальном производстве составляло на Тайване — 35 человек, в Южной Корее и Сингапуре — 27 человек, против 79 — в Японии, 67 — в США и 52 — в ФРГ³.

Научно-исследовательские работы в азиатских НИС носят преимущественно прикладной характер и сосредоточены в НИИ крупных компаний и научно-производственных парках. Приоритет отдается уникальным разработкам, прокладывающим путь техническим нововведениям в таких областях, как информатика, микроэлектроника, биотехнология, генная инженерия, освоение ресурсов океана, аэрокосмический комплекс. Именно на этих направлениях результаты исследований откроют, как ожидается, дорогу бурному развитию новых отраслей и производств.

В наиболее развитых НИС Азии (Южной Корее, Тайване, Сингапуре и Гонконге) осуществляются программы создания технополисов — городов передовых технологий, научных исследований и проектно-конструкторских разработок. Стратегия технополисов —

это прорыв в новые сферы деятельности на основе развития сети региональных центров высшего технологического уровня, интеллектуализация всего национального хозяйства азиатских НИС.

Наибольших успехов в разработке и создании наукоемкой экспортной продукции добилась Южная Корея. В 1988 г. в стране было произведено (млн. шт.): бытовых магнитофонов — 41, автомобильных стереомагнитофонов — 17, телевизоров (с цветным изображением) — 13, электроволновых печей — 9, видеомагнитофонов — 8, стереофонических систем — 4, персональных компьютеров — 1,5, легковых автомобилей — 0,8.

Большая часть этой продукции была реализована на внешнем рынке. Электронные и электротехнические изделия стали основной статьей экспорта Южной Кореи, обеспечивающей около 25 % всех валютных поступлений страны. В 1989 г. южнокорейские фирмы экспортировали полупроводниковых приборов на 3,8 млрд. долл., электронно-вычислительной техники — на 2,6 млрд., магнитол — на 1,6 млрд., видеомагнитофонов — на 1,4 млрд. и телевизоров с цветным изображением — на 1,4 млрд. долл.⁴

Активную роль в стимулировании научно-технического прогресса в Южной Корее играет государство. В начале 80-х годов произошло кардинальное изменение в характере государственного регулирования экономики, когда во главу угла была поставлена оптимизация хозяйственной системы, повышение ее гибкости и восприимчивости к достижениям НТР.

Государственные органы определяют основные направления структурной перестройки экономики, разрабатывают долгосрочные программы экономического развития. В частности, министерство торговли и промышленности представило пятилетний план развития наукоемких отраслей на 1990—1994 гг., основная цель которого — снижение зависимости Южной Кореи от зарубежной технологии, а также повышение конкурентоспособности ее экспортной продукции. На достижение этих целей планируется выделить 38,8 млрд. долл., из которых 16,4 млрд. ассигнуется на НИОКР для создания передовой технологии в таких областях, как микроэлектроника, мекатроника, аэрокосмическая, биотехнология, тонкая химия, лазерная техника, оптическое оборудование, разработка новых материалов⁵.

Для реализации поставленных целей правительство Южной Кореи намерено предоставить местным фирмам льготные кредиты сроком на 10 лет на общую сумму 3,7 млрд. долл. Кроме того, компании, занятые выпуском наукоемкой экспортной продукции, получают дополнительные налоговые льготы. Программу развития наукоемких отраслей предусматривается реализовывать, применяя рыночные методы регулирования, в том числе кредитные, налоговые и другие механизмы стимулирования научно-технического прогресса.

Следует подчеркнуть, что в организации научно-исследовательских разработок Южная Корея использует японский метод, для которого характерно объединение усилий государственных, академических и частных организаций, причем последние играют одну из основных ролей, особенно при внедрении полученных результатов.

Если в начале 80-х годов лишь несколько южнокорейских компаний имели свои научно-исследовательские организации, то к началу 90-х годов их число возросло до 400. За этот период расходы промышленных корпораций на НИОКР возросли в десятки раз и достигли почти 4 млрд. долл. Наибольшие ассигнования на развитие научно-технической базы характерны для южнокорейских транснациональных корпораций. В 1989 г. из общей суммы капиталовложений корпорации «Самсун» в размере 3,1 трлн. вон на НИОКР приходилось 600 млрд., для компании «Хёндэ» эти показатели составили 1,9 трлн. и 400 млрд., «Лаки голдстар» — 1,5 трлн. и 400 млрд., «Деву» — 1,3 трлн. и 200 млрд., «Санкён» — 914 млрд. и 24 млрд., «Ссангён» — 400 млрд. и 40 млрд., «Хьюсанг» — 385 млрд. и 65 млрд., «Киа» — 525 млрд. и 45 млрд.⁶.

Следует подчеркнуть, что у ведущих южнокорейских компаний по сравнению с фирмами других азиатских НИС довольно высок удельный вес расходов на НИОКР в новых валовых инвестициях, которые в 1989 г. достигли у «Лаки голдстар» — 26,7 %, «Хёндэ» — 21,1, «Самсун» — 19,4, «Деву» — 15,4 %. При этом наиболее значительные инвестиции в научно-исследовательские разработки концентрируются на создании наукоемкой продукции в таких областях, как электронная и электротехническая, автомобилестроение, нефтехимия, аэрокосмическая, робототехника, стимулирование «рискобизнеса» и др.

Ведущие корпорации создают новые исследовательские центры, совместные предприятия, открывают свои исследовательские филиалы в крупных научных центрах за рубежом. Так, концерн «Хёндэ» с целью ускорения внедрения на своих предприятиях современной технологии при производстве электронного оборудования образовал свой филиал в США. С той же целью компания «Лаки голдстар» создала в Соединенных Штатах совместное предприятие с «ИТТ» по производству электронных компонентов.

В самой Южной Корее, как и в Японии, начинают организовываться современные технополисы. Наиболее крупный городок науки — Даедук, расположенный около Тайхона в сотне миль к югу от Сеула, является южнокорейским прототипом японского технополиса в Цукубе, основные научно-исследовательские разработки которого связаны с созданием высокотехнологичных товаров, новых технологий и материалов. Здесь также занимаются и фундаментальными исследованиями.

Координация усилий частного сектора при поддержке государства приносит ощутимые результаты в создании высокотехнологичной продукции. В начале 1990 г. южнокорейская фирма «Самсун» приступила к массовому выпуску мощных интегральных схем — динамических запоминающих устройств с произвольной выборкой (ДЗУПВ) емкостью 1 Мбайт. Ежемесячный объем производства составит 1 млн шт.

Три ведущие южнокорейские ТНК — «Самсун», «Лаки голдстар» и «Хёндэ» — совместными усилиями разработали собственную технологию производства ДЗУПВ емкостью 4 Мбайт, которые в современном мире производят лишь японские фирмы «Хитати» и «Тосиба». Указанные электронные компоненты в настоящее время являются наиболее сложными в техническом исполнении из всех имеющихся на рынке. Они все шире используются в супер-ЭВМ, рабочих станциях и оборудовании связи, а в дальнейшем широкой сферой их применения может стать аппаратура для телевидения высокой четкости (ТВВЧ). На разработку этой интегральной схемы южнокорейские фирмы получили от правительства дотацию в размере 120 млн. долл. Массовый выпуск начнется в ноябре 1990 г. в объеме 100 тыс. шт. ежемесячно⁷.

Как полагают специалисты, к 1994 г. южнокорейские фирмы смогут создать электронные компоненты для компьютеров нового поколения с объемом памяти 64 Мбайт, а к концу столетия — ДЗУПВ емкостью 1 Гбайт.

Следует подчеркнуть, что ускоренный прогресс какой-либо одной отрасли почти никогда не носит изолированного характера, а влечет за собой прогресс нескольких отраслей, возникает определенная технологическая цепочка. Что касается электронизации, то здесь количество переходит в иное качество. Создав современную элементную базу электроники, южнокорейские фирмы получают реальную возможность для развития всех сфер электронной и электротехнической промышленности.

По существующим оценкам, производство электронных и электротехнических изделий увеличится в Южной Корее с 22 млрд. долл. в 1988 г. до 55 млрд. долл. к 1993 г. По этому показателю страна выйдет на третье место в мире после США и Японии⁸.

В случае успешной реализации весьма амбициозной программы развития научно-технического потенциала Южной Корея к концу столетия сможет войти в число стран, использующих наиболее современные виды промышленной технологии. Производство суперкомпьютеров, аэрокосмической техники, конструирование сложнейшего электронного оборудования, создание материалов с новыми свойствами должны стать основой экономики Южной Кореи, превратив ее в одно из наиболее развитых государств современного мира. По оценкам экономистов, доля наукоемких товаров в южнокорейском экспорте продукции обрабатывающей промышленности возрастет с 11,1 % в 1987 г. до 24,4 % в 1994 г. На мировом рынке наукоемких изделий удельный вес южнокорейских ТНК может увеличиться с 1,4 % в 1987 г. до 2,3 % в 1994 и до 3,2 % в 2000 г.

Среди азиатских НИС основным конкурентом Южной Кореи на рынке наукоемкой продукции является Тайвань. В 1988 г. тайваньскими фирмами было произведено (млн. шт.): радиоприемников — 11,9, кинокамер — 8,2, мониторов (супервизоров) — 6,3, телевизоров — 4,6, терминальных устройств — 2,7, швейных машин — 2,3, интегральных схем — 1,9, видеоманитофонов — 1,8, персональных компьютеров — 1,7, легковых автомобилей — 0,3⁹. Большая часть этой продукции экспортируется в развитые капиталистические страны.

Дальнейшее развитие наукоемких отраслей Тайваня связывает прежде всего с научно-промышленными парками (НПП). Принципы организации НПП очень схожи с описанными выше принципами создания экспортно-производственных зон. Та же

экономическая обособленность, те же финансовые и налоговые льготы, та же экспортная ориентация. Основным, но очень важным отличием является характер производства. Если в ЭПЗ создается в основном крупносерийное, трудоемкое производство, то в НПП осуществляется разработка принципиально новых технологий, материалов и товаров, осуществляется экспериментальное мелкосерийное производство. В случае удачных экспериментов организуется массовый выпуск продукции, которая, как правило, отличается высокой конкурентоспособностью и предназначается для экспорта.

Инвестируя значительные средства в организацию парков, правительство стремится поднять общий технологический уровень национальной промышленности, стимулировать массовое развитие научно-технической кооперации между местными компаниями и иностранными фирмами, провести обновление технологии по возможно более широкому фронту.

Для привлечения в зоны научно-производственных парков инвесторов в законодательном порядке введен ряд финансовых и налоговых льгот. Фирмам предоставляется возможность получить льготный кредит в размере до 50 % от планируемого объема инвестиций, использовать государственные субсидии, местную научно-исследовательскую базу и высококвалифицированный научный потенциал. Предусматривается освобождение от уплаты налогов и ренты в течение 5 лет, беспошлинный импорт машин, оборудования, полуфабрикатов и сырья, гарантируется юридическая защита торговых марок, патентов и авторских прав.

Первый научно-производственный парк был образован на Тайване в 1980 г. в местечке Синчу, в 70 км от Тайбэя. Рядом расположены два крупнейших университета. В парке базируются Научно-исследовательский институт промышленной технологии, Объединенная корпорация по разработке микроэлектроники, Тайваньская компания по производству полупроводников, Организация по исследованиям в области электроники. В 1984 г. в парке был создан центр по развитию биотехнологии с целью укрепления связей между университетской наукой и промышленными предприятиями.

Кроме того, здесь действует около 100 промышленных корпораций, больше половины которых — филиалы ведущих транснациональных корпораций западного мира, главным образом из США. Среди них наибольшими активами в зоне парка располагают «ИТТ», «Вэриан», «Приэм», «Юнайтед микроэлектроникс корп.»; о своем намерении создать предприятие в Синчу объявила одна из крупнейших американских ТНК — «Тексас инструментс»¹⁰.

Всего в Синчу насчитывается около 12 тыс. квалифицированных специалистов. Руководит деятельностью научно-производственного парка крупный ученый К. Т. Ли, ныне занимающий пост министра без портфеля. Этот ученый имеет широкую известность как в научной среде, так и в деловых кругах, которые называют его «крестным отцом» тайваньской наукоемкой промышленности. Уже более десяти лет он координирует финансовое обеспечение НИОКР, а также работу соответствующих исследовательских учреждений.

Основные научно-исследовательские разработки, ведущиеся в Синчу, связаны с развитием электронной промышленности. Примерно 30 % фирм заняты разработкой и выпуском компьютеров и периферийного оборудования, 25 — электронных компонентов, 20 % — полупроводниковых приборов, остальные — в сфере биотехнологии и тонкой химии.

Среди наиболее весомых научных успехов, достигнутых в технопарке, следует отметить создание вакцины против гепатита В. Используя генную инженерию, ученым удалось разработать такую технологию выпуска лекарства, которая требует значительно меньше финансовых и материальных затрат. Для коммерческого производства вакцины была создана компания «Лайфгард», которая поставляет продукцию как на внутренний, так и на внешний рынки.

Важным направлением деятельности технопарка является распространение научно-технической информации, полученной в результате выполнения государственных и частных заказов (следует подчеркнуть, что до половины доходов парк получает от заказов частных компаний). Это сфера деятельности рассматривается как важнейший фактор повышения технологического уровня местной промышленности, поскольку в тайваньской экономике в отличие от Южной Кореи преобладают мелкие фирмы, которые имеют меньшие возможности финансирования развития наукоемких отраслей.

В ближайшие годы правительство Тайваня планирует создать еще один научно-производственный парк, который будет специализироваться на разработке и выпуске полу-

проводниковых приборов, развитии биотехнологии.

Научно-производственные парки вносят весьма существенный вклад в развитие экономики Тайваня. В 1989 г. стоимость продукции, экспортированной из зоны парка, превысила 1 млрд. долл. что составило примерно 2 % от национального вывоза. В ближайшие годы значение технопарков в структурной перестройке значительно возрастет. К середине 90-х годов число ученых и квалифицированных специалистов может увеличиться до 70 тыс. человек. Обсуждается проект строительства синхротрона и крупного вычислительного центра, оснащенного суперкомпьютером. Объем экспорта технопарков к 1995 г. увеличится до 9 млрд. долл., а их доля в национальном вывозе возрастет до 5 %.

В Сингапуре переход к приоритетному развитию наукоемких отраслей начался в конце 70-х годов. Была поставлена задача превратить город-государство в региональный центр информационно- и наукоемких отраслей, выпускающих товары с высокой добавленной стоимостью. Особое внимание уделяется развитию биотехнологии, электроники, созданию искусственного интеллекта, лазерной технологии, робототехники, технологий в области информатики и связи.

Ассигнования на развитие научно-исследовательской базы в Сингапуре за период с 1978 по 1988 г. возросли почти в десять раз и достигли 374,7 млн. синг. долл., а удельный вес этих затрат в ВВП увеличился с 0,3 до 0,9 %. Число занятых в сфере НИОКР возросло с 1,7 тыс. до 5,9 тыс. человек¹¹.

Основная часть (свыше 60 %) всех ассигнований поступает из частных источников, остальная покрывается государственными дотациями. Среди частных компаний, кроме местных предпринимателей, отчисления на НИОКР осуществляют и иностранные фирмы. Характерной особенностью Сингапура является активное привлечение к развитию наукоемких отраслей зарубежных транснациональных корпораций. В начале 90-х годов в Сингапуре вели научно-исследовательские работы более 300 иностранных фирм, в том числе из США, ФРГ, Франции, Швеции, Канады, Норвегии и Индии. Наиболее активно в этом процессе участвуют американские ТНК.

Для более эффективного использования финансовых средств и координации усилий по выпуску наукоемкой продукции в 1981 г. в Сингапуре был создан научно-производственный парк. Территория технопарка составляет около 30 га; там расположены 5 государственных научно-исследовательских институтов, включая сингапурский университет и около 45 промышленных корпораций. Технопарк — крупнейший сингапурский центр разработок промышленных технологий и ведущий инновационный центр страны.

Парк вносит весомый вклад в реализацию национальной программы развития информационной технологии. Составными частями этой программы является компьютеризация, развитие телекоммуникационных систем, автоматизация информационного обеспечения. В настоящее время по использованию компьютеров Сингапур занимает одно из первых мест в мире. Число установленных профессиональных компьютеров на один миллион жителей увеличилось с 1200 шт. в 1985 г. до 3000 шт. в 1990. Если в середине 80-х годов среди местных компаний (с числом занятых более 20 человек) лишь 35 % использовали компьютеры, то к началу 90-х годов вычислительную технику внедрили около 70 % фирм.

В 1989 г. в Сингапуре был образован центр по координации рационального использования двух суперкомпьютеров, закупленных в США. Услугами центра будут пользоваться Государственный университет, Национальный технологический институт, метеорологические службы, Национальный компьютерный совет, а также частные фирмы и организации, занимающиеся разработкой высокотехнологичных товаров.

В Сингапуре создается общенациональная компьютерная сеть, которая свяжет правительственные и частные организации, а также и жилые дома. Завершено создание единой межведомственной компьютерной сети (МКС). Некоторые правительственные учреждения уже пользуются ее услугами. В рамках МКС создаются локальные компьютерные сети, каждая из которых обслуживает лишь одно министерство и подведомственные ему учреждения. Затем эти локальные сети будут объединены в единую систему.

Компьютеризация сферы управления позволит значительно повысить эффективность работы государственных учреждений, сократить число занятых и снизить управленческие расходы. В настоящее время экономия от внедрения средств автоматизации в 1,7 раза превысила затраты на компьютеризацию.

Помимо МКС, создается целый ряд специализированных компьютерных сетей. В част-

ности, для автоматизации управления экспортно-импортными операциями создана система «Трейднет», для обмена информацией между медицинскими учреждениями — система «Мединет».

С 1988 г. проходит апробацию система «Телевью», предназначенная как для предпринимателей, так и для широких слоев населения. Она позволит получать различную информацию на экранах телевизоров, а также посылать и получать корреспонденцию, оплачивать счета и др.

В конечном счете все эти системы будут объединены в единую общенациональную компьютерную сеть, а Сингапур станет лучшим в мире информационным и коммуникационным центром. Создание такой сети окажет большую помощь производителям наукоемкой продукции, ускорит обмен научной, технической и коммерческой информацией.

Новой и весьма своеобразной формой развития науко- и интеллектоемких отраслей в Сингапуре стало создание операционных центров. Правительство страны предлагает ведущим транснациональным корпорациям разместить здесь свои региональные штаб-квартиры для координации деятельности сети филиалов ТНК в данном регионе. Создание операционных центров предполагает, кроме открытия штаб-квартиры, создание производственной базы, отделения технического обслуживания, центра по разработке новых видов продукции, учебного центра, обменно-рыночного фонда, позволяющего заниматься сбором и обработкой информации.

Для привлечения ТНК и стимулирования организации операционных центров снижается корпоративный налог — с 33 до 10 % от прибыли, полученной непосредственно в Сингапуре, и полностью освобождаются от налогообложения доходы, полученные в других странах региона. Среди 17 зарубежных фирм, получивших право создания операционных центров в Сингапуре, американские компании «Полисар», «Фоксборо», японские — «Сони», «Фудзикара», западногерманский «Дойче банк» (последний полностью перевел в Сингапур свое азиатско-тихоокеанское отделение и учебно-подготовительный центр).

В ближайшие годы правительство Сингапура планирует расширить сеть научно-производственных парков, при этом упор предполагается сделать на создание современных технологий производства сельскохозяйственной продукции. До 1995 г. будут образованы 10 агротехнических парков, где сконцентрируются ведущие специалисты в области зоологии, микробиологии, генетики, биохимии, ветеринарии, энтомологии, биотехнологии и др. Им предстоит принять участие в разработке принципиально новых технологий выращивания овощей и фруктов, разведения рыбы и использования морепродуктов.

Под агропарки правительство отводит 1,7 тыс. га; на этой территории планируется разместить около 500 ферм различного профиля с самой современной технологией. По оценкам ученых, урожайность овощей с применением новой технологии может возрасти с 90 до 200 т с га, производство креветок — с 12 до 30—60 т с га. Как полагают, к середине 90-х годов в парках будет производиться продовольственных товаров на 650 млн. синг. долл., что обеспечит до 87 % потребностей жителей Сингапура в яйцах, до 20 % — в овощах и рыбопродуктах и до 15 % — в птице¹².

Для компаний, которые примут участие в создании агропромышленных парков, предусматривается ряд льгот, распространявшихся раньше лишь на наукоемкие и экспорториентированные отрасли. В частности, иностранные фирмы имеют право на 100 %-ный контроль; льготный период при налогообложении устанавливается для компаний, занятых в электронной промышленности; вдвое сокращается налог на расходы, связанные с научно-исследовательской деятельностью; вводится льготный налог на строительство промышленных сооружений. О своем намерении открыть научно-исследовательские отделения в агропромышленных парках Сингапура объявило около 20 ведущих в этой области ТНК, в том числе из США, Японии и стран Западной Европы¹³.

В перспективе сельскохозяйственную продукцию парков, а также разработанные новые технологии их производства планируется экспортировать в страны азиатско-тихоокеанского региона.

Стремительные темпы развития науко- и интеллектоемких отраслей в Сингапуре постепенно превращают город-государство в современный технополис, где будут сочетаться наука, технология, традиционная национальная культура и создаваться новая общность творческих и всесторонне развитых людей.

Как и прочие азиатские НИС, Гонконг стремится к перестройке экономической

структуры с целью стать одним из региональных «мозговых центров». Приоритетным направлением развития наукоемких отраслей становится электронная и электротехническая промышленность.

В Гонконге созданы два научно-производственных парка, специализирующихся на разработке новых поколений электронной техники. К этой работе будет подключен вновь созданный научно-исследовательский институт — Университет науки и технологии, который будет открыт в 1991 г., а также научно-исследовательский центр одной из крупнейших американских ТНК — «Моторола». Существуют планы организации третьего технопарка на новой территории, которую предполагается освоить путем осушения морских прибрежных районов¹⁴.

Наиболее распространенной формой создания новых высокотехнологичных товаров в Гонконге стал «рискобизнес» (венчурные компании), обеспечивающий тесное сотрудничество между исследователями, обладающими перспективными научно-техническими идеями, и потенциальными инвесторами, готовыми принять участие в финансировании практического осуществления этих целей.

Как правило, венчурные компании образуются на прорывных направлениях, связанных с реализацией новых, смелых технологических идей, удачных конструкторских разработок, при этом используются передовые методы организации и управления производством. «Рискофирмы» создаются по принципу организации совместных компаний, где партнерами выступают местные предприниматели, иностранные фирмы и международные финансовые организации. На начальном этапе образуется лишь небольшая исследовательская группа, которая делает первые шаги в подготовке к производству и сбыту новой продукции. Затем предприятие начинает свою хозяйственную деятельность и выходит на рынок. Следующий этап характеризуется активной деятельностью в области маркетинга, проникновением и закреплением на рынке сбыта. На заключительном этапе происходит фактическая трансформация венчурной компании в обыкновенную коммерческую фирму, выпускаются акции, предприятие регистрируется на фондовой бирже.

К 1990 г. в Гонконге насчитывалось около 50 венчурных компаний (примерно столько же было в США в 1970 г.) с общим объемом капиталовложений примерно 600 млн. долл. Координирует и оказывает финансовую поддержку этим фирмам Гонконгская ассоциация венчурных компаний.

Развитие наукоемких отраслей постепенно начинает оказывать влияние на структуру экспорта Гонконга. К концу 90-х годов на второе место в вывозе выходит продукция электронной и электротехнической промышленности. Значительные изменения претерпела и номенклатура экспорта. Раньше в ней преобладали лишь простейшие изделия (радиоприемники, микрокалькуляторы, магнитофоны). Теперь на мировой рынок поставляется электронно-вычислительная техника, телевизоры, видеоаппаратура, телекоммуникационное оборудование и др.¹⁵

Если Южная Корея, Тайвань и Сингапур уже достигли определенных успехов в развитии собственной наукоемкой индустрии, то Малайзия и Таиланд только приступают к созданию национальной научно-технической базы.

Ассигнования на НИОКР в Малайзии в период с 1986 по 1990 г. составили 3,98 млрд. рингг., или 0,9 % от ВВП страны. Следует отметить, что до 90 % всех расходов на эти цели покрывает государство и лишь 10 % приходится на частный сектор. В структуре расходов на научно-исследовательские работы приоритет отдается сельскому хозяйству, на которое приходится 65 % всех ассигнований, остальное получает промышленность.

Будущее развитие отраслей по выпуску наукоемкой продукции малайзийское правительство связывает прежде всего с электронной и электротехнической промышленностью, где уже достигнуты определенные успехи. В 1988 г. в Малайзии было произведено 5,5 млрд. транзисторов, 4,7 млрд. интегральных схем, 2,2 млрд. полупроводниковых приборов, 1,2 млн. телевизоров, 723 тыс. воздушных кондиционеров, 197 тыс. холодильников, 21 тыс. радиоприемников. Большая часть этой продукции предназначалась для внешнего рынка. Электронные и электротехнические изделия стали основной статьёй малайзийского экспорта, стоимость их вывоза в 1988 г. достигла 15,2 млрд. рингг., или 27,4 % национального экспорта. В номенклатуре экспорта этих изделий преобладают электронные компоненты, доля которых составляла свыше 57 %¹⁶.

В период с 1990 по 1995 г. объем частных капиталовложений в электронную и электротехническую промышленность должен составить от 1 до 2 млрд. рингт. Кроме того, американские ТНК, имеющие свои отделения в Малайзии, планируют расширить производство, инвестируя в электронную промышленность около 1,5 млрд. рингт.¹⁷

Следует подчеркнуть, что Малайзия среди азиатских НИС имеет наиболее развитую элементную базу, что позволяет предположить, что в будущем здесь будут производиться более сложные наукоемкие товары, в том числе расширится выпуск телевизоров (как с черно-белым, так и с цветным изображением), персональных компьютеров, видеомагнитофонов, видеокамер, лазерных компактдисковых проигрывателей, интегральных схем мощностью 1 Мбайт и 4 Мбайт.

Малайзия, как и другие азиатские НИС, связывает развитие наукоемких отраслей с созданием научно-производственных парков. В 1988 г. правительство ассигновало 2 млн. рингт. на создание технопарка в Тамон-Тин-Разак, общая стоимость обустройства которого оценивается в 10 млн. рингт. В технопарке будет расположен институтский корпус, инновационный центр и промышленные отделения. Основные направления исследований связаны с микроэлектроникой, резинотехнической, деревообрабатывающей промышленностью, биотехнологией.

Специальный научно-производственный центр в Малайзии был создан итальянскими фирмами, которые намерены принять участие в разработке современной технологии обработки древесины. Впоследствии планируется на базе центра создать ряд совместных предприятий по выпуску изделий из древесины, включая высокотехнологичную продукцию.

В перспективе многие экспортно-производственные зоны Малайзии могут трансформироваться в технологические парки. В частности, на Пинанге американские ТНК «Нэшнл семикондактор корп.» и «Моторолла» планируют подключить научный потенциал местного университета для проведения прикладных исследований в области развития современных технологий производства полупроводниковых приборов.

Все большее внимание правительство Малайзии уделяет развитию «рискобизнеса». Для венчурных компаний введены специальные льготы, в частности им предоставляется «пионерный статус», льготное налогообложение, оказывается финансовая поддержка и др.¹⁸ Можно предположить, что уже в ближайшие годы эта форма разработки и создания новой наукоемкой продукции получит достаточно широкое распространение в Малайзии.

В Таиланде, по сравнению с другими азиатскими НИС, наименее развита собственная база научно-исследовательских разработок. Общие расходы на НИОКР в период с 1986 по 1990 г. составили 14,1 млрд. бат, из которых почти 80 % приходится на государственные ассигнования. В Таиланде практически все виды наукоемких товаров выпускаются на базе иностранной техники с использованием западной технологии. Многие предприятия, ориентированные на выпуск высокотехнологичных товаров, сконцентрированы в промышленных зонах — специально выделенных территориях, имеющих развитую промышленную инфраструктуру (дороги, водо- и электроснабжение, средства телекоммуникаций).

Для привлечения иностранного капитала и современной технологии правительством предусмотрен ряд финансовых и налоговых льгот, в том числе разрешается полностью владеть создаваемым предприятием, беспощинный экспорт и импорт товаров, беспрепятственный перевод прибылей, льготы при взимании подоходного и корпоративного налога и др.

В настоящее время в Таиланде функционирует шесть промышленных зон, а в ближайшем будущем планируется создать еще 23 зоны по всей территории страны. Среди наукоемких товаров, выпускаемых в промышленных зонах, можно выделить электронные компоненты, бытовую электронику и химические товары.

Несмотря на явные успехи в развитии наукоемких отраслей промышленности, азиатские НИС пока сохраняют свое периферийное положение по отношению к индустриально развитым государствам, где концентрируются фундаментальные научно-исследовательские разработки, в конечном счете определяющие дальнейший прогресс человечества. Вместе с тем, по нашему мнению, не исключена возможность прорыва новых индустриальных стран Азии на отдельных направлениях на передовые рубежи мирово-

го научно-технического прогресса.

Западные специалисты довольно высоко оценивают конкурентные возможности НИС Азии на мировом рынке наукоемкой продукции. В частности, по мнению 70 % опрошенных представителей крупнейших корпораций США, к 2000 г. экспортеры высокотехнологичных товаров из азиатских НИС могут стать основными конкурентами американских производителей аналогичной продукции.

В 1989 г. японский исследовательский институт «Никкэй» провел опрос среди президентов ведущих компаний относительно перспектив хозяйственного и технологического развития НИС Азии. Большинство японских менеджеров считают, что к 2000 г. научно-технический уровень азиатских НИС значительно повысится, однако разрыв с Японией сохранится. Вместе с тем они полагают, что к концу столетия эти страны опередят Японию в некоторых, не самых приоритетных областях научно-технического прогресса.

* * *

Советский Союз имеет огромный научно-технический потенциал, широкую сеть научно-исследовательских учреждений, у нас ежегодно регистрируются десятки научных открытий и десятки тысяч изобретений. Однако существующий экономический механизм, основанный на командно-административном способе управления, не эффективен во многих отношениях, в том числе в использовании достижений НТР для ускорения социально-экономического развития.

Одно из важных преимуществ Советского Союза — богатый опыт в разработке фундаментальных научных проблем — слабо реализуется в конкретные практические результаты из-за неспособности промышленности абсорбировать достижения научно-технического прогресса. В этой связи опыт новых индустриальных стран по созданию наукоемкой продукции заслуживает определенного внимания.

Такие формы организации создания новой конкурентоспособной экспортной продукции, как научно-производственные парки и «рискобизнес», вполне могли бы быть использованы в народном хозяйстве СССР. Причем создаваемые сейчас у нас свободные экономические зоны целесообразно ориентировать на выпуск не только массовых потребительских товаров, но и на разработку и создание новых технологий, товаров и материалов. Научно-производственные парки могут быть созданы во многих районах Советского Союза, в том числе и на Дальнем Востоке.

¹ The Japan Economic Journal.— 1990.— January 6. Nomura Research Institute / Quarterly Economic Review.— 1989.— November.

² Transnational Corporation in World Development. Trends and Prospects. V. N.— N. Y., 1988.— P. 170—171.

³ Science and Technology Data Book, National Science Council.— Taiwan, 1988.

⁴ PROMT, Predicasts Overview of Market and Technology.— 1989.— Vol. 81.— № 5.— P. 8.

⁵ Сюкан дайямондо.— 1989.— 7 октября.— С. 20.

⁶ Подсчитано по: Business Korea.— 1989.— February.

⁷ Mainichi Daily News.— 1989.— November 3.

⁸ PROMT, Predicasts Overview of Market and Technology.— 1989.— Vol. 81.— № 5.— P. 8.

⁹ Essential Statistica on Taiwan Republic of China.— 1989.— April.

¹⁰ The Free China Journal.— 1989.— September 28.

¹¹ Mainichi Daily News.— 1989.— September 29.

¹² Mirror.— 1989.— March 1.— P. 3.

¹³ The Asian Wall Street Journal.— 1989.— March 29.

¹⁴ Japan Economic Journal.— 1988.— October 29.

¹⁵ The Economist Intelligence Unit, Country Profile 1988—89.— Hong Kong, Macao.— P. 17.

¹⁶ Подсчитано по: Bank Negara Malaysia, Buletin Suku Tahunan.— 1989.— September. m. 77, 90.

¹⁷ Business Times.— 1989; November 30. PROMT, Predicasts Overview of Market and Technology.— 1989.— Vol. 81.— № 7.— P. 9.

¹⁸ Business Times.— 1989.— August 8.

ЧЖАН ЧЖУНЛИ

Китай недавно отмечал 10-летие реформы хозяйственной системы. Прежде в экономической жизни страны повсеместно и на всех уровнях народного хозяйства осуществлялся принцип жесткого централизованного директивного планирования, что привело страну к застою и снижению экономической эффективности. После 1978 г. в Китае начался поворот к планово-товарной экономике. За прошедшие годы ВВП Китая в сопоставимых ценах возрос на 125 %. Среднегодовой прирост за 10 лет составил 9,6 %, что намного превышает темпы роста в большинстве стран мира. Было покончено со значительным объемом дефицита на внутреннем рынке. Произошло качественное улучшение жизни городского и сельского населения и повышение их материального уровня. Все это результат реформы хозяйственной системы Китая. Вместе с тем с конца 1984 г. в Китае возникает ряд проблем, связанных с ослаблением контроля на макроуровне, вызвавшим инфляцию и галопирование роста товарных цен. В связи с этим в конце 1988 г. принимается важное решение «Об оздоровлении экономического положения и наведении порядка в экономике».

Размышляя о путях реформы, я хотел бы выделить следующие аспекты:

1. Основные характеристики реформы хозяйственной системы Китая за 10 лет.
2. Трудности в проведении реформы хозяйственной системы.
3. Важное значение курса на «оздоровление и урегулирование» экономики.

1. Основные характеристики реформы хозяйственной системы Китая.

После 1978 г. экономические круги КНР подвергли переосмыслению социалистическую экономику страны, признав ее товарной. Это представление стало для правительства теоретической основой для проведения реформы хозяйственной системы.

На базе социалистической товарной экономики хозяйственный механизм регулирования в Китае превратился в механизм двойного регулирования — планового и рыночного. Такой механизм уже не является монопольным. Однако нельзя забывать, что взаимоотношения плана и рынка еще находятся в стадии формирования.

Определяются ли взаимоотношения планового и рыночного механизмов регулирования как отношения главного и вспомогательного — это первая крупная проблема в понимании происходящих перемен. В период 1978—1984 гг. в соответствующих документах китайского правительства постоянно выдвигалось положение, что «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное», а директивное планирование считалось главной формой регулирования экономики страны. На 3-м Пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. было принято «Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы», и впервые была документально, официально зафиксирована концепция, гласящая, что социалистическая экономика «является плановой товарной экономикой, основанной на общественной собственности». Было также четко сформулировано положение о том, что «осуществление плановой экономики не означает, что директивное планирование — главное». И директивное, и направляющее планирование являются конкретными формами плановой экономики. Формула «плановая экономика — главное» больше не выдвигалась. На XIII съезде Компартии Китая (1987) был окончательно снят вопрос о приоритетности плана или рынка.

Как сочетать плановый и рыночный механизмы — это второй круг проблем, связанных с осознанием происшедших изменений. Существует распространенная точка зрения

Чжан Чжунли — президент Шанхайской Академии общественных наук, известный экономист. Статья написана им по просьбе редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока». Предлагается читателям с некоторыми сокращениями.

о том, что плановый и рыночный механизмы представляют собой форму сочетания двух «разнородных блоков», к сфере которых относятся определенные экономические области. Имеется также ряд областей, подлежащих директивному планированию. Вторая точка зрения — «взаимопроникновение» этих блоков, когда считается, что в условиях социалистического хозяйства не может быть ни чисто планового, ни чисто рыночного регулирования. В плановом регулировании присутствуют рыночные факторы, а в рыночном регулировании — плановые. Однако их взаимопроникновение не является равноценным. Третья точка зрения — это сочетание «слоеное», когда макроэкономика относится к сфере планового регулирования, а микроэкономика — к области рыночного регулирования. Эти два слоя хозяйственной деятельности относятся к разным механизмам регулирования. Четвертая точка зрения — это сочетание «комплексное», то есть все три вышеуказанные формы сочетания сконцентрированы в одном. В зависимости от обстановки применяется та или иная форма сочетания.

Если говорится, что в теоретическом поиске регулирующего механизма существуют те или иные точки зрения, то в практике проведения реформы регулирующего механизма происходит непрерывное продвижение в расширении роли рыночного механизма.

— За 10 с лишним лет в экономической системе Китая произошел целый ряд серьезных изменений.

Во-первых, значительно сузилась сфера директивного планирования. Ранее жестко централизованное, давившее все и вся планирование уже не занимает главенствующего положения. В промышленном производстве степень директивного планирования в различных провинциях и городах различна. Она колеблется в пределах 10—30 %; в области снабжения средствами производства процент планового распределения таких основных видов сырья и топлива, как прокат, пиловочник, уголь, составляет примерно 40 %. Директивное планирование сельхозпродукции полностью отменено, его заменила контрактация.

Во-вторых, во взаимоотношениях между государством и предприятиями произошли довольно большие изменения. За 10 с лишним лет Китай для изменения зависимого положения предприятий, укрепления их жизнеспособности проделал огромную работу по расширению прав предприятий.

Одной из важнейших областей реформы хозяйственной системы являлось вовлечение огромного числа предприятий в регулируемую деятельность экономики. Известно, что в конце 1978 г. в провинции Сычуань был начат эксперимент по расширению самостоятельности предприятий. Наряду с этим вводилась система отчислений от прибыли предприятий в государственный бюджет, которая после 1983 г. была заменена системой налогообложения. Цель — сделать более жесткими финансовые отношения между предприятиями и государством, способствовать укреплению положения предприятия. После 1986 г. повсеместно стала вводиться система подрядной ответственности в хозяйственной деятельности предприятий, четко разграничивались право собственности и право хозяйствования между государством и предприятием. Кроме того, за последние годы на части предприятий был начат эксперимент по осуществлению «системы акций». Многие считают, что эта система — рациональный путь для проведения реформы на предприятиях Китая. Можно сказать, что вплоть до настоящего времени Китай еще не нашел теоретической модели перестройки общенародного предприятия. Однако ряд перестроечных мероприятий уже привел к тому, что предприятия в Китае стали фактическими участниками регулирующего механизма. Производственная и хозяйственная деятельность во многих случаях проводится и определяется предприятиями на основе информации об изменениях на рынке.

Вместе с тем подверглись урегулированию взаимоотношения центра с местными органами. Непрерывно расширяются хозяйственные права местных органов. В частности, после осуществления на местах новой финансовой политики (так называемого «большого подряда») провинции и города после внесения установленного центром определенного налога имеют право остающиеся средства полностью или частично оставлять себе. Это стимулирует производственную активность на местах. Например, те районы провинций Цзянсу и Чжэцзян, где осуществляется эта финансовая политика, за последние годы по своему экономическому росту более чем в 2 раза превысили показатели Шанхая.

XIII съезд КПК (1987) выдвинул целевую модель регулирующего механизма — «государство регулирует рынок, рынок ведет предприятия». Это означает, что в даль-

нейшем микроэкономическая деятельность предприятий будет регулироваться главным образом рынком. Функции государства по экономическому регулированию в основном будут ограничиваться влиянием на рынок с помощью экономических рычагов. Таково в общих чертах положение с реформой экономической системы Китая за 10 лет.

2. Трудности в проведении реформы хозяйственной системы

За последние годы в ходе реформы при непрерывном расширении сферы воздействия рыночного механизма была достигнута довольно значительная экономическая эффективность, выразившаяся в стремительном росте производства, позитивных изменениях в снабжении рынка, сравнительно быстром улучшении жизненного уровня населения города и деревни. Однако с конца 1984 г. стали возникать новые проблемы:

1) С каждым днем ослабевал контроль на макроуровне, причем особенностью этого процесса явились диспропорции общего характера. Одновременное разбухание фондов накопления и фондов потребления создало непосильную нагрузку на национальный доход, что привело к ускоренной эмиссии денег, к инфляции. В результате этого произошел значительный рост товарных цен. До 1987 г. рост цен на товары в Китае еще не превышал 10 %, но после февраля 1988 г. темпы роста товарных цен в Китае стали выходить за эти пределы и к III кварталу 1989 г. перешагнули за цифру 20 %. Причем в крупных городах рост цен был особенно высок. В Шанхае среднегодовой показатель роста цен за 1988 г. составил 21,3 %, а рост розничных товарных цен за первое полугодие 1988 г. достиг 25,5 %. Только благодаря проведению курса на оздоровление и урегулирование в экономике среднегодовой рост розничных цен удалось удержать на уровне 18 %. Чрезмерно высокие цены неизбежно отразились на уровне жизни значительной части населения.

2) Из-за стихийности в сферах производства и обращения сложилось довольно серьезное положение. Это проявилось в параллельном строительстве и параллельном импорте техники, в ведении производства вслепую. Повсеместно было налажено производство телевизоров, холодильников. Только линий по сборке цветных телевизоров было закуплено около 120. Это значительно превысило емкость рынка и платежеспособность в иностранной валюте. В сфере обращения погоня за сырьем повсюду вызвала повышение цен и массовую скупку товаров. Началась цепная реакция так называемых «битв» (за кроличью шерсть, за волокно рами, коконы, хлопок, табак и пр.). Это привело к перепадам в производстве хлопка и рами, серьезно повлияло на доходы крестьян и нормальное ведение промышленного производства. В экспорте это проявилось в виде занижения цен и соперничества между портовыми городами, и в итоге — соответствующие товаропроизводители внутри страны вынуждены были тратить дополнительную валюту и завозить сырье и материалы из-за границы.

Закупка на дефицитную иностранную валюту больших партий таких потребительских товаров, как легковые автомобили, сигареты, возникновение повсюду, как грибов после дождя, небольших винокуренных заводов, сигаретных фабрик очень красноречиво свидетельствуют о стихийности в экономической жизни страны.

3) Довольно серьезные явления застоя и загнивания наблюдаются в социально-экономической жизни. На рынке циркулируют всевозможные поддельные товары, запреты не достигают цели, процветает спекуляция, подкупы и взятки, недоплата налогов и уклонение от их внесения, в обращении находится много фальшивых денег и т. д., широко распространилась протекция, расцветает такое зло, как проведение роскошных банкетов. Все это становится серьезной проблемой. Ничего подобного не было со времени образования КНР.

В последние годы проблема утраты макроконтроля приобретает большие масштабы и превращается в самую острую проблему, с какой еще не сталкивалась реформа хозяйственной системы Китая.

По основным политическим установкам, касающимся макроконтроля, китайские экономисты высказали различные точки зрения.

Во-первых, это мнение о проведении в жизнь регионального финансового «большого подряда» (то есть о разделении центральных и местных доходов. — Прим. перев.). За последние годы многие считали, что курс на региональный финансовый «большой подряд» — главная причина потери экономического контроля на макроуровне.

Это мнение имеет основание. В условиях нормированного централизованного поступления средств от местных финансовых органов организации и предприятия на местах любыми средствами использовали возможность для расширения производства, чтобы

значительно увеличить свои доходы. Свидетельство тому — строительство вслепую, порожденное чрезмерными капиталовложениями, различные «битвы» за сырье, вызванные обособленностью региональных рынков. Однако следует учитывать, что в Китае с его территорией в 9600 с лишним тысяч кв. км и населением 1100 млн. человек региональная экономика является важным звеном между макроэкономикой общегосударственного характера и микроэкономикой предприятий. Практика многолетнего строительства показывает, что без относительной независимости и самостоятельности региональных слоев экономике Китая трудно развиваться на здоровой основе. Практика регионального финансового «большого подряда» за 10 лет реформы показала, что этот курс, несмотря на значительные изъяны, расширил региональные права и стимулировал активность на местах, к тому же этот курс явился важным стимулом бурного развития региональной экономики. Проведение в жизнь регионального финансового «большого подряда», по существу, должно выражаться в систематизации и разделении центральных и местных финансовых доходов, а также в неизбежном развитии нового механизма регулирования. По сравнению с прежней системой централизованных доходов и расходов типа «питания из большого котла» оно, несомненно, представляет собой великое обновление и прогресс.

Во-вторых, что касается концепции «двухколейной системы» цен, когда на один товар существует две цены — плановая и свободная, — то это мера переходного периода в ходе реформы цен. За последние годы в связи с распространением спекулятивных явлений с использованием служебного положения, с чрезмерно стремительным повышением товарных цен и т. д. стали искать причину в «двухколейной системе» цен, полагая, что именно «двухколейные» цены создали благоприятные условия для повышения цен. «Двухколейность» цен как явление действительно имеет немало изъянов, в частности при товарном дефиците, например когда существует многократная разница на стальной прокат в плановой и свободной ценах. Эта разница в ценах действительно может привлечь авантюристов-предпринимателей и породить некоторые явления разложения. Но фактически проблема заключается в том, каким должен быть механизм перестройки соотношения застойных цен и системы крайне нерациональных цен. Можно ли сделать шаг к снятию ограничений и полностью перейти на систему свободных цен? В обстановке товарного дефицита проект изменения и установления цен за один прием фактически невозможен. Но нельзя ждать и того, что совокупное общественное предложение и спрос достигнут баланса, или проводить реформу после решения проблемы дефицита. Здесь компромиссные «двухколейные» цены стали ориентиром и мерой переходного периода в реформе цен. На часть одного и того же вида товара может применяться плановая цена, чтобы гарантировать самые коренные потребности основных предприятий или населения, а на другую часть — свободная цена с учетом рынка, чтобы удовлетворить многочисленные потребности.

Следует, однако, понимать, что наличие в Китае негативных явлений, таких, как использование служебного положения в корыстных целях, взвинчивание цен и т. д., связано не только с существованием «двухколейной системы», без которой реформа экономической системы в Китае ни на шаг не продвинется вперед. Фактически цены «двухколейной системы» в Китае существовали еще в начале 60-х годов. В то время в связи с опасностями «большого скачка» и серьезными стихийными бедствиями снабжение потребительскими товарами было чрезвычайно напряженным. И тогда на часть потребительских товаров, таких, как мясопродукты, яйца, зерновые, применялись высокие цены, то есть существовало две цены на товары: на часть, распределяемую для удовлетворения основных жизненных потребностей, планировалось снабжение по обычным ценам, а на другую часть сверхнормативного снабжения устанавливались высокие цены. Или, например, до 1978 г. на часть сверхплановых товаров между регионами использовалась форма согласованного снабжения, то есть в первую очередь договаривались о соотношении цен на различные товары при взаимном обмене: 6—8 т стального проката обменивались на 1 автомашину типа «джип», 1 кубометр древесины — на 5—8 т цемента и т. п. Окончательные расчеты производились по плановой цене. Очевидно, что это цены «двухколейной системы» особого рода — здесь, помимо цены в денежном выражении, еще учитывалась цена соотношения при обмене конкретных товаров. Причем как при ценах «двухколейной системы» начала 60-х годов, так и при согласованных ценах на дефицитный сверхплановый

товар в процессе применения цен не возникало никаких негативных явлений. Причина — в необходимости ряда неотложных мер по контролю за рынком, включая согласование обменных коэффициентов, которые регулярно объявляло государственное управление по товарным ресурсам. Можно видеть, что только одновременно с осуществлением «двухколейной системы» цен можно применять комплекс контрольных мер, таких, как строгое запрещение вести торговлю правительственным организациям, воинским частям, введение строгой системы контроля за рынком и др. В этом случае количество негативных явлений, безусловно, значительно сократится.

Наконец, концепция о путях реформы механизма предприятий. За 10 лет в результате ряда перестроечных мероприятий китайские предприятия стали выходить из застойного, пассивного экономического состояния, приобрели определенную жизнеспособность. Но нынешнее положение еще не идеальное. Это четко выражается в следующих противоречивых моментах:

1. Достаточно серьезна проблема, связанная с сокращением сроков действия предприятий. Определенная часть предприятий в отношении отчисления прибыли применяет политику «всё подчистую проедать, и всё подчистую использовать», причем «директор объединяется с рабочими и служащими, чтобы обчитать государство», мало заботятся о технической реконструкции предприятия, обновлении продукции и других вопросах.

2. Усилилась уравниловка при распределении среди рабочих и служащих предприятий. Не только сокращается разница в зарплате, но и премии, и материальной поощрение, возросшие в последнее время, распределяются поровну, а при уравнилковой форме распределения, безусловно, трудно стимулировать трудовую активность людей.

3. В конкурентной борьбе на рынке, если даже общенародные предприятия обладают абсолютным преимуществом в оборудовании, технике, финансовых ресурсах и т. д., тем не менее часто оказывается, что «общенародные предприятия хуже коллективных, коллективные предприятия хуже частных». Очевидно, что это связано с тем, что реформа общенародных предприятий до настоящего времени еще не вошла в нужную колею, механизмы регулирования микроэкономики несовершенны. Как вырваться общенародным предприятиям из этой ситуации, каким образом механизм регулирования микроэкономики сделать гибким и эффективным? Это касается самых важных вопросов теории и практики социалистической экономики.

Существует точка зрения, что, для того чтобы общенародные предприятия соответствовали требованиям товарной экономики и чтобы в рыночном соревновании они обрели жизнеспособность и эффективность, есть лишь один путь — обретение власти на частное владение, то есть превращение экономики общенародной общественной собственности в экономику индивидуальной собственности, частную. Эта точка зрения — крайность. В Китае такая возможность абсолютно исключена. С теоретической точки зрения это касается цели — механизма регулирования общественной собственности. По степени приспособляемости к рынку предприятия общественной собственности никогда не смогут превзойти частные предприятия. Однако это не говорит за то, что хозяйственная эффективность предприятий общественной собственности непременно будет ниже частных. Причина в том, что предприятия общественной собственности могут получить различные привилегии и пользу от макрорегулирования, — те привилегии и пользу, которые частным предприятиям трудно получить. Конечно, предприятия общественной собственности также должны быть гибче, чтобы должным образом отвечать рыночной конъюнктуре. Это связано с проектом рациональной реформы на предприятиях. Осуществляемая в настоящее время система ответственности подрядного хозяйствования предприятий является всего лишь промежуточным звеном, направленным к этой цели. Поиски рациональной модели реформы предприятий — труднейшая проблема в реформе хозяйственной системы Китая.

3. Важное значение курса на «оздоровление и упорядочение экономики».

В конце 1988 г., столкнувшись с такими проблемами, как серьезное ослабление контроля за макроэкономикой, инфляция, рост товарных цен, а также целый ряд явлений разложения в социально-экономической жизни, китайское правительство выработало важный курс, направленный на оздоровление экономического положения и наведения порядка в экономике. Оздоровление и упорядочение неотделимы от

административных мер. Именно это вызвало сомнение у части населения: как бы такие действия не возродили старую систему, так как особенностью старой системы является административное вмешательство, административное командование. В действительности нет причин для беспокойства. В обстановке бесконтрольности капитальных вложений в строительство, нового разбухания потребительских фондов, отсутствия социального и экономического порядка без применения мощного административного вмешательства трудно в короткий срок получить результат. Это называется «одним ударом разрубить запутанный узел». Тем более что новый механизм регулирования китайской экономики отнюдь не отвергает полностью административные меры. Следует сочетать плановый и рыночный механизмы, объединять экономические и административные меры. Поэтому из-за некоторого применения мер административного вмешательства ни в коем случае нельзя просто отвергать их как «возрождение старой системы». Необходимо учитывать и то, что, усилив в настоящее время в некоторой степени административное вмешательство, в дальнейшем можно создать необходимые условия для гармонизации макроэкономической обстановки и даже для ослабления административного вмешательства.

Урегулирование означает вовсе не приостановку реформы, а пересмотр и переосмысление итогов десятилетней реформы с целью ее оздоровления.

Проблемы серьезного ослабления контроля макроэкономики Китая, инфляция и рост цен за последние годы также отразили недостаточность реформы регулирующих механизмов. Причина главным образом кроется в том, что плановый регулирующий механизм, проявившийся в этот отрезок времени, слишком сильно подвергался ограничению, а надежды на регулирующий рыночный механизм были слишком завышены.

При конструировании рациональной модели механизма регулирования экономики следует исходить из реального состояния экономики Китая. Основные особенности китайской экономики следующие:

1. Сравнительно отсталые производительные силы, межрегиональное развитие неравномерно, товарная экономика не развита, значительная часть деревень еще находится на переходном этапе от натуральной к товарной экономике, рыночная система несовершенна.

2. Общественная собственность на средства производства является стержнем экономики. До известной степени она трансформировалась уже в собственность регионов и ведомств, вследствие этого — усилившийся ведомственный монополизм. За 10 лет реформы вслед за развитием товарной экономики непрерывно расширялся рынок, но постепенно формировался и рынок техники, валютный рынок и др. Однако вызвало беспокойство размежевание рынка по районам, запрет на вывоз местного сырья, блокада товаров из других районов. Возникновение экономических монопольных организаций из ряда объединенных предприятий также в значительной степени способствовало захвату власти у прежних административно-монопольных организаций. Очевидно, что в нынешних условиях китайской экономики и рынка, как бы этого ни хотелось, чрезвычайно затруднительно полностью передать регулирование хозяйственной деятельности предприятий рынку, а также используемыми государством экономическими рычагами регулировать рыночные параметры для косвенного влияния на предприятия. Исходя из анализа фактического положения за последние годы, во многих случаях не государство регулирует деятельность предприятий через рынок, а предприятия регулируют деятельность государства посредством рынка. Так, например, обстоит дело с непрекращающимся ростом цен в эти годы. Предприятия непрерывно повышали свободные цены и наконец вынудили государство поднять плановые цены.

Таким образом возникает проблема, можно ли в условиях дальнейшего развития товарной экономики и сравнительно отлаженной рыночной системы полностью возложить надежду на регулирование хозяйственной деятельности предприятий через рынок, а государству лишь сохранить за собой право использования экономических рычагов, чтобы влиять на рыночные параметры. По-видимому, это тоже нереально. Экономические рычаги — это целостная система. В ходе их внедрения неизбежны большие затруднения, и, следовательно, полностью перестроить рыночные отношения в соответствии с требованиями макропланирования с помощью экономических рычагов будет довольно трудно. Но в рыночных взаимоотношениях предприятия не только получают регулирующие сигналы рынка, но, будучи основным костяком рынка,

они также являются важной регулирующей силой, которая оказывает влияние на рыночные взаимоотношения. Поэтому в условиях социалистической экономики для ее гармоничного развития, когда микрохозяйственная деятельность могла бы сочетаться с макропланированием, одного механизма рыночного регулирования недостаточно. Нужно еще и сочетание планового и рыночного механизмов, единство экономических и административных мер. В осуществлении указанных мер самая серьезная проблема заключается в определении степени их сочетания.

Залогом движения вперед может стать лишь соблюдение следующих принципов: во-первых, проявлять гибкость, приспосабливаясь к обстоятельствам, соблюдая дисциплину, стремиться избегать «провала» в период замены старого механизма новым. Во-вторых, неукоснительно следить за сочетанием макробаланса с микродеятельностью для достижения наибольшего благоприятствования в экономическом росте.

1990 год — это второй год из трех лет оздоровления и упорядочения. Это — ключевой год оздоровления, упорядочения и углубления реформы. В области сельского хозяйства Китай будет и дальше стремиться стабилизировать и совершенствовать систему сельских семейных коллективных подрядов, одновременно рационально развивать различные сферы хозяйствования, а также осуществлять политику «подъема сельского хозяйства с помощью науки и техники». В области промышленности Китай намеревается обеспечить соответствующий рост производства с упором на упорядочение его структуры и продукции, на повышение экономической эффективности. Будет также усиливаться плановое управление важнейшими средствами производства. Масштабы вложения капитала в основные фонды останутся по-прежнему под контролем государства. Рост инфляции спадет и станет ниже, чем в 1989 году. В целом политика КНР направлена на обеспечение последовательного, стабильного, гармоничного развития экономики. Такова главная цель экономической реформы в Китае в настоящее время.

*Перевод с китайского языка
Б. К. ЧИЖОВА*

Промышленность села в новых условиях

А. КРУГЛОВ

В последнее время внимание экономистов многих стран привлекает феномен сельской промышленности КНР. Как известно, на протяжении десятилетия после 3-го пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), положившего начало реформе, сельская промышленность представляла собой самый динамичный, быстрорастущий сектор китайской экономики со среднегодовыми темпами около 28 %. В итоге в 1988 г. на ее долю приходилось 27,6 % валовой промышленной продукции страны.

Вопрос о роли и перспективах сельской промышленности уже вышел за рамки лишь проблемы развития производительных сил. Благодаря динамизму развития она за годы реформы превратилась не только в «органическую часть экономики», но и в один из главенствующих факторов «строительства социализма с китайской спецификой».

Оценивая роль сельской промышленности, многие китайские руководители отмечали, что она уже внесла заметный вклад в разрешение острейших проблем, стоящих перед страной, открыв, в частности, возможности трудоустройства избыточной сельскохозяйственной рабочей силы и став ощутимым дополнительным источником финансовых доходов государства, в том числе и валютных. К тому же она дала мощный импульс строительству большого количества мелких городов и поселков. Подробнее это изложено в статье, опубликованной в третьем номере нашего журнала.

После развертывания со второй половины 1988 г. курса на упорядочение, оздоровление экономики и углубление реформы и связанных с этим ужесточением кредитной политики, сокращением рынка сырья, спадом рыночной активности не только в зарубежной, но и в китайской печати не было недостатка в довольно пессимистических прогнозах относительно перспектив дальнейшего развития сельской промышленности.

Большинство китайских экономистов сходились во мнении, что темпы развития сельской промышленности упадут до 15 или даже до 10 %. Иностранные исследователи предсказывали, что следствием отмеченных выше мер будет «тяжелый удар по наиболее эффективному, прибыльному, ориентированному на рынок сектору сельской промышленности, созданному и развивающемуся без центрального финансирования»¹. По их предположениям, общее количество поселково-волостных предприятий должно было сократиться на 10 %.

Итоги минувшего года и ход экономического развития в текущем подтверждают в определенной степени большинство сделанных прогнозов. Действительно, темпы роста валовой продукции поселково-волостных предприятий (достигшей на конец 1989 г. 750 млрд. юаней) понизились до 15,9 %. Количество поселково-волостных предприятий, «полностью закрытых или переориентированных», в 1989 г., как отметил министр сельского хозяйства КНР Хэ Кан на третьей сессии ВСНП седьмого созыва (март 1990 г.), составило 3 млн., то есть сократилось на 15 %.

Вместе с тем реальный ход событий в конце 1989 г. и начале 1990 г. показывает, что было бы ошибочным делать выводы о стагнации или «откате» в развитии сельской промышленности, тем более о коренных изменениях политики руководства в отношении ее роли и перспектив. Больше того, как нам представляется, можно говорить о возросшем значении этой роли, поскольку проблемы, обусловившие столь динамичное развитие сельской промышленности, не только не разрешены в итоге десятилетия реформ, но и в новых условиях в некоторой степени обострились.

Это подтверждается, прямо или косвенно, в выступлениях ряда руководящих лиц КНР; их смысл сводится к тому, что курс на оздоровление экономики и углубление реформы не преследует цели ликвидации сельской промышленности, а направлен на упорядочение ее деятельности в новых условиях.

Круглов Александр Михайлович, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук.

«Задачей стратегического значения» называл развитие сельских предприятий заместитель председателя Комитета советников ЦК КПК Бо Ибо на проходившем в январе 1990 г. совещании по работе этих предприятий. Он особо подчеркнул, что без сельских предприятий недостижимо осуществление задачи повторного удвоения валового национального производства. По мнению Бо Ибо, существует необходимость создания крестьянами, опираясь на собственные накопления, сельских предприятий, поскольку, как выяснилось, невозможно осуществить индустриализацию, лишь опираясь на промышленность в городах². Премьер Госсовета КНР Ли Пэн на третьей сессии ВСНП седьмого созыва (март 1990 г.) призвал правительства всех степеней «поддерживать и направлять поселково-волостные предприятия, у которых довольно много трудностей в настоящее время. Каждому району предстоит в зависимости от уровня развития местных производительных сил и местных условий, а также в соответствии с требованиями производственной политики государства развивать коллективные поселково-волостные предприятия»³.

Несмотря на впечатляющие успехи в индустриальном развитии, по данным на конец октября 1989 г., 66,4 % из общего числа трудящихся страны (то есть 360 млн. из 542 млн. человек) занято в сельской местности. По выражению китайских экономистов, страна еще является типичным классическим сельскохозяйственным государством.

Ежегодный естественный прирост рабочей силы в деревне составляет примерно 10 млн. человек; общая ее численность к 2000 г., по самым осторожным подсчетам, должна приблизиться к 450 млн. Количество пахотной земли на одного работающего в деревне в среднем с 9,3 му в 1952 г. сократилось до 4,5 му в 1988 г. (примерно четверть гектара), то есть более чем наполовину. В расчете же на одного жителя Китая количество пахотной земли составляет всего 32,7 % от мирового уровня. Среди факторов, ускорявших в течение ряда лет этот процесс, помимо упомянутого выше роста рабочей силы (наполовину с 1957 г.), следует отметить растущий отвод пахотной земли под строительство жилья, процесс эрозии почв (по данным китайской печати, ей подвержены 20 млн. га), другие последствия устарелой агротехники и т. п. С другой стороны, пусть и не слишком высокими темпами, но неуклонно повышается уровень механизации и использования электроэнергии в сельском хозяйстве. Все это приводит к массовому росту избыточной рабочей силы в деревне, достигшей к настоящему времени, по китайским оценкам, 230 млн. человек, что составляет 64 % от общего числа трудоспособного населения в деревне и около 43 % занятых в стране.

По данным на 1989 г., поселково-волостные предприятия уже вобрали 95,45 млн. человек избыточной рабочей силы на селе (см. табл. 1).

Таблица 1

Трудоустройство поселково-волостными предприятиями
за счет собственных накоплений избыточной рабочей силы
в сельском хозяйстве (млн. человек)

Годы	1978	1984	1988	1978—1988 (увеличение)
Общее число занятых в стране	401,52	481,97	543,34	141,82
В том числе:				
Рабочих и служащих системы общенародной собственности	74,51	86,37	99,84	25,33
Уд. вес в общем числе занятых в стране (%)	18,6	17,9	18,4	17,9
Рабочих и служащих поселково-волостных предприятий	28,26	52,08	95,45	67,19
Уд. вес в общем числе занятых в стране (%)	7,0	10,8	17,6	47,4

Итак, из увеличившегося за истекшее десятилетие общего числа трудоустроенных в стране около половины — 47,4 % — приходится на поселково-волостные предприятия. Они почти втрое опережают предприятия общенародной собственности, тогда как

в конце 1978 г. соотношение было прямо противоположным. К концу 1988 г. количество персонала на поселково-волостных предприятиях практически равнялось числу рабочих и служащих в системе общенародной собственности и составляло 26,5 % от общего числа занятых в деревне.

Как видно из данных таблицы, среднегодовые темпы вовлечения крестьян в поселково-волостную промышленность составляли 6,7 млн.

Если исходить из задачи, поставленной перед поселково-волостными предприятиями заместителем министра сельского хозяйства Чэнь Юбаном (февраль 1988 г.), к 2000 г. довести число занятых на них бывших крестьян до 200 млн., среднегодовые темпы за оставшийся период времени должны составлять примерно 10 млн. человек (с учетом того, что к февралю 1988 г. число занятых на этих предприятиях было около 90 млн. человек).

В этой связи значение поселково-волостных предприятий, на наш взгляд, объективно повышается в условиях сокращения темпов производства и высвобождения значительного числа занятых на городских предприятиях (прежде всего тех, кто в прежние годы прибыл из сельской местности) и возвращения их в деревню*. По данным китайской печати, это непосредственно коснулось примерно 10 млн. крестьян, ранее приехавших в города и устроившихся на работу. В последнее время эта социально-экономическая проблема приобрела и некоторый политический аспект. Судя по высказыванию заместителя министра труда Ли Пэйяо, опубликованному в газете «Чайна дейли», «сельским рабочим не будет позволено находиться в городах без специального разрешения».

То обстоятельство, что поселково-волостные предприятия, как правило, создаются без государственных капиталовложений, объективно способствует усилению их роли в мобилизации и концентрации средств сельского населения, особенно в условиях нарастания и обострения инфляционных процессов в стране. При этом нельзя не учитывать и возрастающего значения кредитов Сельскохозяйственного банка Китая. Однако не следует и переоценивать их роль, тем более определять ее как решающую. В 1988 г. по сравнению с предыдущим годом основные фонды поселково-волостных предприятий возросли на 49,5 млрд. юаней, кредиты же Сельхозбанка на оборудование за тот же период составили 10,89 млрд. юаней, то есть 10,4 %.

За десятилетие после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, положившего начало осуществлению реформы в сельском хозяйстве, первоначальная стоимость основных фондов поселково-волостных предприятий достигла 170 млрд. юаней, а оборотных — 100 млрд. Эти и другие факты позволяют сделать вывод, что сельская промышленность уже достигла определенной степени саморазвития, позволяющей в течение более или менее продолжительного отрезка времени поддерживать существование и при отказе в кредитовании со стороны государственной финансовой системы.

Значение поселково-волостных предприятий как серьезного источника финансовых поступлений государства (за последние десять лет они внесли в виде налогов 114,5 млрд. юаней, более половины чистого увеличения доходов государства за период 1985—1988 гг. создано сельскими предприятиями) не только не ослабло, как можно было ожидать, а напротив, возросло. В 1989 г., несмотря на отмеченное выше замедление темпов роста валовой продукции поселково-волостных предприятий, внесенная ими государству сумма налогов превысила уровень предыдущего года на 16 %, составив 36 млрд. юаней⁵. Как показала практика развития поселково-волостных предприятий, в роли источника валютных поступлений для страны они поистине явились курицей, несущей золотые яйца. Начало их внешнеэкономической деятельности относится к 1983 г., сумма валютной выручки, возрастая ежегодно на 25 %, составила в 1987 г. 5 млрд. ам. долл., в 1989 г. она достигла 10 млрд. ам. долл.

В новых условиях, когда 1990 г. стал первым годом начала периода все более возрастающих выплат по внешним (41,3 млрд. ам. долл.) и внутренним (80 млрд. юаней)⁶

* Это отчетливо проявляется на примере строительной индустрии, где число занятых возросло с 7 млн. в 1979 г. до 24 млн. в 1987 г., причем половина из них — выходцы из сельской местности. Как минимум более 4 млн. строительных рабочих окажутся «лишними» в связи с сокращением строительных объектов на 30 % в 1989 г. и еще на 40 % в 1990 г. Министр строительства Линь Ханьсюн предложил 2,1 млн. уволенных строительных рабочих вернуться к занятию сельским хозяйством и сооружению ирригационных объектов⁴.

займам, роль сельской промышленности, несомненно, возрастает.

Объем закупаемой государством экспортной продукции поселково-волостных предприятий в 1988 г. составил 26,8 млрд. юаней — 19,1 % от общей суммы, то есть почти пятую часть. По некоторым видам экспортных товаров позиции поселково-волостных предприятий еще весомее; например, ими предоставляется половина экспортируемой одежды (а с учетом выполнения заказов государства — 65 %), почти четверть продукции химической промышленности, около 40 % художественно-декоративных изделий.

Заслуживает внимания заметный удельный вес поселково-волостных предприятий во внешнеторговых поставках продукции машиностроительной, электротехнической, а также добывающих отраслей промышленности.

Таблица 2

Удельный вес товаров поселково-волостных предприятий во внешнеторговых закупках государства (1988 г.)

Наименование товара	Млрд. юаней	В % от общей суммы закупок	Наименование товара	Млрд. юаней	В % от общей суммы закупок
Одежда	3,02	49,6	Продукция животноводства	1,15	16,3
Художественно-декоративные изделия	3,79	39,04	Механические изделия	1,12	16,2
Химические товары	1,5	23,6	Продовольствие	2,71	12,9
Шелковые ткани	1,3	21,4	Продукция местного производства	0,48	3,8
Легкая промышленность	2,87	19,34	Руды и минералы	1,36	12,5
Трикотаж	4,29	16,4	Прочие	3,27	25,2

В китайской печати отмечается, что в условиях сокращения объема промышленного производства объективно возрастает роль сельской промышленности в поддержании экспортных возможностей страны. Более того, в ряде публикаций, в частности в газетах «Цзинцзи жибао» и «Нунминь жибао», высказывается пожелание «с учетом мобильности и сравнительно лучшей адаптации предприятий сельской промышленности к требованиям международного рынка считать стратегической задачей переориентацию их деятельности на экспорт и получение валюты...». В качестве первого шага в этом направлении многие предприятия сельской промышленности (например, 10 % электронных и машиностроительных) получили разрешение на самостоятельную непосредственную внешнеторговую деятельность. Другими словами, сельская промышленность уже не только играет дополняющую роль в мобилизации экспортных ресурсов, но и стала самостоятельной силой в увеличении внешнеторгового потенциала страны. Китайская печать в этой связи подчеркивает, что новая роль сельской промышленности помогает выиграть время, необходимое крупной государственной индустрии для концентрации усилий на завоевание внешних рынков.

Возрос вклад поселково-волостных предприятий в привлечение иностранного капитала в производственную сферу. Количество таких предприятий, использующих иностранный капитал или основанных на совместном капитале, по нашим подсчетам, увеличилось в 1988 г. по сравнению с предыдущим годом в 1,6 раза и превысило 5 тыс.*

* Примером может служить привлечение зарубежных валютных инвестиций для технической реконструкции 77 поселково-волостных предприятий города Сучжоу, в частности одного из них — по производству лифтов. Внося в качестве пая свое оборудование, кстати, по признанию китайской печати, технически устаревшее, это предприятие привлекло капиталовложения одной из крупнейших в мире швейцарской лифтовой компании с ограниченной ответственностью, а также гонконгской компании «Ихэю» на сумму 3,2 млн. ам. долл., что позволило полностью осуществить техническую реконструкцию, достичь мирового уровня швейцарских лифтов и довести, по данным на январь 1989 г., до 50 % объем экспорта продукции, выйдя на азиатский и европейский рынки.

Помимо источника доходов (в том числе и валютных) для государства, роль сельской промышленности состоит в том, что, будучи созданной без затрат централизованных средств, она в немалой степени содействует облегчению финансового бремени государства в области капиталовложений в сельское хозяйство. За десять последних лет вложения поселково-волостных предприятий непосредственно в сельскохозяйственное производство составили 16,3 млрд. юаней, или 35,4 % общей суммы государственных ассигнований на сельское хозяйство за указанный период; кроме того, 68,4 млрд. юаней было направлено на осуществление социально-экономического строительства в деревне.

Особенно заметна роль в экономии государственных средств поселково-волостных предприятий энергетических и добывающих отраслей, таких, например, как угольная. Из общего чистого прироста добычи угля в 1988 г. в 350 млн. т на государственные шахты пришлось 130 млн., это потребовало 40 млрд. юаней капиталовложений; поселково-волостные шахты увеличили добычу на 220 млн. т, что составило 63 % всего прироста, причем при полном отсутствии государственных капиталовложений.

Своеобразная экономия государства на капитальном строительстве в угольной промышленности только за указанный год уже составила примерно 67 млрд. юаней (исходя из расчетов китайских экономистов, что увеличение добычи на 100 млн. т требует 30 млрд. юаней). Конечно, эти расчеты носят условный, скорее теоретический характер; факты тем не менее таковы, что поселково-волостные предприятия в 1988 г., добыв 320 млн. т и потребив на собственные нужды 150 млн. т из них, дали государству 170 млн. т угля.

В новых условиях роль сельской промышленности (в данном случае шахт) будет главным образом определяться общей стратегией развития энергетических отраслей промышленности страны. Так, возобладание тенденции перехода от угля к электроэнергии в балансе энергопотребления, во-первых, уже позволило в значительной степени компенсировать дефицит электроэнергии в 50 с лишним млрд. кВт·ч, образовавшийся в 1988 г. (когда производство ее волостными и поселковыми электростанциями составляло 16 млрд. кВт·ч, а расход — предприятиями сельской промышленности — 67 млрд.); а, во-вторых, по мнению китайской печати, это может привести к изменению характера небольших государственных ТЭС и превращению их в поселково-волостные предприятия. На фоне резкого сокращения кредитования поселково-волостных предприятий решение Сельскохозяйственного банка о предоставлении им кредитов в размере 80 млн. юаней на строительство небольших теплоэлектростанций представляется в достаточной мере показательным.

На наш взгляд, это в полной мере можно отнести к строительству небольших гидроэлектростанций. На конец 1988 г. сеть подобных ГЭС покрывала потребности в электроэнергии примерно трети административных районов страны, включающих более 300 млн. человек населения и 5,6 млн. км² территории, в том числе 300 млн. му пахотных земель. Между тем, по данным на середину 1989 г., население 129 уездов совершенно не пользуется электроэнергией, особенно в отдаленных и горных районах. Министерство водного хозяйства, исходя из объявленного им отсутствия возможности удовлетворить эти нужды в ближайшие несколько лет за счет крупной энергосети, предусмотрело строительство и ввод в действие на местах небольших ГЭС с ежегодным приростом мощности генераторного оборудования 700 тыс. кВт. Централизованные капиталовложения составят лишь 30 % финансирования строительства мелких и средних ГЭС, поэтому основные расходы ложатся на местные производственно-хозяйственные структуры. Так, в Сычуани (занимающей, кстати, первое место в стране по совокупной мощности мелких ГЭС*) в мае 1989 г. принято решение, получившее в печати название «снежный ком», о направлении всех прибылей местных предприятий на строительство мелких ГЭС.

И еще одно обстоятельство, существенное, как нам кажется, для понимания перспектив, роли и места сельских предприятий в новых условиях. По подсчетам, 70 % поселково-волостных предприятий имеют собственные генераторные дизельные установки, что обеспечивает стабильную работу во время принявших хронический

---

* За счет мелких ГЭС пользуются электроэнергией все уезды провинции, 95 % волостей, 83 — деревень, 69 % сельскохозяйственных дворов.

характер перебоев в подаче электроэнергии, тогда как крупные государственные предприятия лишены такой возможности.

И здесь, видимо, уместно отметить, что сельская промышленность уже, по существу, является органичной частью, причем весьма существенной, производительных сил страны. На ее долю сейчас приходится треть добываемого в стране угля, треть производимой бумаги (машинной выработки), свыше 90 % производства кирпича, черепицы, мелких и средних сельскохозяйственных орудий, около половины одежды, а также изделий из шелка, $\frac{3}{4}$ — кожаной обуви, 40 % производства фосфорных удобрений и 0,4 % — азотных, около четверти производства цемента и даже около 4 % станков.

Но более важной является не количественная сторона. Последние годы характеризовались повышением степени интеграции сельских предприятий в общенациональном промышленном производстве, иными словами, степени вовлечения их в выполнение заказов крупной государственной промышленности на изготовление деталей, сборку узлов, комплектацию продукции и т. п. В новых условиях (то есть с развертыванием курса на упорядочение и углубление реформы), резко обостривших проблему сырья, сотрудничество с крупной государственной промышленностью, на наш взгляд, стало альтернативой их существования. В свою очередь в таком сотрудничестве заинтересованы и крупные городские предприятия, испытывающие недостаток в производственных помещениях, капиталах, персонале и т. д. Примером может служить город Тяньцзинь, где в ходе урегулирования количество поселково-волостных предприятий, связанных отношениями комплектации продукции с крупной промышленностью, не только не сократилось, но, напротив, возросло.

Увеличение социально-экономической значимости сельской промышленности нашло отражение в широком обсуждении теоретического аспекта этой проблемы на страницах китайской печати. В отличие от первой пятилетки, когда индустриализация началась с городов, появилась, как считают многие китайские экономисты, новая стратегия индустриализации страны. Еще более категоричны оценки некоторых иностранных исследователей. «Современная экономическая политика Китая, — пишут, например, Нора Стеттнер и Берт Орам, — единственная в своем роде в развивающемся мире в ее упоре на индустриализацию в деревне»⁸.

Одновременно в китайской прессе официально утверждается, что поселково-волостные предприятия постепенно стали тем конкретным путем осуществления модернизации сельского хозяйства и всей экономики деревни, который представляет собой одну из черт «специфики китайского пути», когда механизация осуществляется не «сверху», а через сельскую промышленность — «снизу».

Говоря о «специфике китайского пути в области индустриализации и модернизации сельского хозяйства», следует подчеркнуть, что существование и развитие сельской промышленности опирается на традиционное мелкое производство; крупные, особенно крупные современные предприятия представляют чрезвычайно редкое исключение. Наличие 20 млн. мелких предприятий, главным образом поселково-волостных, именно в сельской местности является спецификой Китая и отличает его от развитых капиталистических стран, где мелкие предприятия расположены в основном в городах. В городах Китая расположена лишь пятая часть общего количества поселково-волостных предприятий. Это обстоятельство, видимо, побудило некоторых китайских экономистов выдвинуть в середине 80-х годов тезис о том, что повсеместное создание поселково-волостных предприятий на начальном этапе вызывалось необходимостью, но постепенно, с развитием, превышающим разумный предел, это преимущество переросло в недостаток. Следование однобоко понимаемой концепции «добывать, производить и потреблять на месте» (или принципу «оставляя земледелие, не покидать деревни» и т. п.) чем дальше, тем больше приходило в несоответствие с требованием товарной экономики повышения уровня общественного разделения труда и специализированного сотрудничества, рационального размещения и районирования сельской промышленности. Достижение экономической эффективности они считали возможным лишь после определенного уровня концентрации. Они полагали поэтому, что широкомасштабная «индустриализация деревни» путем повсеместного создания поселково-волостных предприятий обострила проблему рационального размещения производительных сил в стране. По данным на середину 80-х годов, лишь менее одного процента от общего числа сельских предприятий приходилось на города выше уездного

подчинения и еще 12 % — на поселки и небольшие городки; $\frac{5}{6}$ было сосредоточено в деревнях. Даже в районе Шанхая, где неизбежно должно было сказываться влияние близости крупной городской индустрии, в поселках и городках было сосредоточено лишь 20 % поселково-волостных предприятий (что было, как уже отмечалось, характерно для всей страны), основная же масса была рассеяна вне административных центров сельской местности. Еще более показателен пример города Вэньчжоу, олицетворяющего наивысший в Китае уровень развития поселково-волостной промышленности, однако и здесь, несмотря на трехкратное увеличение (с 23 до 87) за период с 1983 по 1988 г., расплывенные вне поселков и городков поселково-волостные предприятия составляли более 60 %.

Однако развертывание курса на оздоровление экономики и углубление реформы (то есть возникновение новых условий) внесло существенные коррективы в оценки перспектив, роли и места сельской промышленности, в частности во взаимоотношениях с крупными государственными предприятиями. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн отмечал на Всекитайском совещании по производственной работе: «Подчеркивание роли крупных предприятий вовсе не означает, что нужно свести на нет развитие поселково-волостных предприятий... мы вовсе не отрицаем их важную роль...»⁹ Вместе с тем Ли Пэн указал на определенную противоречивость этой роли. «Мы не согласны с Чжао Цзяном, — подчеркнул Ли Пэн, — который, несоразмерно преувеличив роль поселково-волостных предприятий, переносил присущие им нездоровые факторы хозяйствования на крупные государственные предприятия...» По мнению Ли Пэна, в новых условиях основная проблема поселково-волостных предприятий — как использовать в данной сельской местности сырье и материалы. Рынком для этих предприятий в основном должна стать деревня, сельская местность, и лишь частично — город, что будет отвечать политике переноса приоритета на сельское хозяйство.

Противоречия, заложенные в самих поселково-волостных предприятиях на ранней стадии развития, — погоня за сиюминутными интересами в ущерб долгосрочным, пренебрежение к созданию собственной сельскохозяйственной сырьевой базы и т. д. — объясняют, как нам представляется, наряду с изменениями в экономической политике государства сокращение темпов развития сельской промышленности в новых условиях. «Поселково-волостные предприятия, — говорил на совещании по сельской работе в городе Шанхае в феврале 1989 г. Цзян Цзэминь, — играют заметную роль, но под влиянием «перегрева» слепо гонятся за темпами роста продукции»¹⁰. Определенную роль сыграла, по признанию китайской печати, и излишне жесткая налоговая политика государства. Иными словами, еще накануне 1989 г. многие сельские предприятия уже переживали определенные трудности в связи с падением их экономической эффективности, причем некоторые из них утратили возможности для расширенного воспроизводства. Так, по данным на август 1988 г., только в городе Чанчжоу (провинция Цзянсу) закрылось более 1 тыс. обанкротившихся поселково-волостных предприятий¹¹.

Наряду с обострившейся проблемой производственно-экономической эффективности сельских предприятий налицо и другая, не менее острая проблема все увеличивающегося отторжения из сельскохозяйственного оборота пахотных земель. По данным на 1988 г., площадь, приходящаяся на одного рабочего или служащего поселково-волостного предприятия, в три раза превосходит аналогичный показатель в городской промышленности. Как свидетельствуют факты, одновременно с привлечением в сельскую промышленность 90 млн. сельской рабочей силы (на 1988 г.) произошел процесс изъятия из сельскохозяйственного оборота примерно 100 млн. му пахотных земель. По подсчетам китайских экономистов, в настоящее время переход одной единицы избыточной рабочей силы из земледелия в сельскую промышленность «забирает» с собой более 1 му пахотной земли.

Анализируя проблемы индустриализации в Китае в последние годы и ее влияние на размещение производительных сил, некоторые западные исследователи пришли к выводу о том, что «бум в развитии поселково-волостной промышленности изменил облик китайской экономики, сдвинув упор с традиционно лидирующей тяжелой промышленности на северо-востоке страны и в крупных городах на восточные и южные прибрежные города с легкой промышленностью». Этот вывод, на наш взгляд, нуждается в определенной корректировке.

Практика создания сельских предприятий в восточных и южных приморских

провинциях породила две модели, обусловленные конкретными условиями. «Модель Южного Цзянсу» характерна именно созданием сельских предприятий, поскольку этот район обладает необходимыми условиями: наличием у коллективов достаточно весомых накоплений и близостью центров крупной промышленности, способных оказать поддержку заказами, технологией, сырьем и т. д.

Район города Вэньчжоу не располагает подобными условиями*, поэтому «модель Вэньчжоу» характеризуется мелкой семейной промышленностью на базе традиционных кустарных промыслов, семейных крестьянских хозяйств**, то есть низкой степенью концентрации и производственного кооперирования. В этот процесс вовлечены 18,8 % от общего числа семейных крестьянских хозяйств и 13,8 % от общего количества рабочей силы на селе.

Из вышензложенного следует, что в новых условиях курс в отношении сельской промышленности отражает объективно существовавшую в определенной степени двойственность роли и места в современной экономической ситуации. С одной стороны, вплоть до 1989 г. поселково-волостные предприятия представляли собой сектор экономики, в наименьшей степени охватывавшийся государственным планированием и централизованным регулированием. Вместе с тем в новых условиях провозглашение в промышленности приоритетности базовых отраслей — добывающей, энергетической и др. — как раз отвечает высокому удельному весу сельских предприятий в указанной сфере, особенно в угледобывающей промышленности. Наряду с осуществлением мер по существенному свертыванию капитального строительства принимаются шаги «в интересах экономической эффективности» по завершению и вводу в эксплуатацию ряда небольших объектов. Одновременно с резким сокращением кредитования «и других перестроечных мер» подчеркивается необходимость «использовать в новых условиях опыт реформ за последние десять лет, в ходе которых экономика Китая получила невиданное ускорение». В упоминавшемся выступлении на Всекитайском совещании (1989) Ли Пэн потребовал «взять под контроль сверхвысокие производственные темпы поселково-волостных предприятий», однако тут же предупредил, что «это отнюдь не означает обязательного ограничения их развития». Больше того, Ли Пэн призвал «укреплять поселково-волостные предприятия». Но, как следует из его выступления, это не означает поощрения их развития на прежних принципах; оно должно полностью соответствовать новым условиям.

В развернутом и систематизированном виде курс в отношении сельской промышленности нашел отражение в проекте решения ЦК КПК по оздоровлению экономики и углублению реформы и в постановлении 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва, опубликованном в начале этого года. Оба этих документа предусматривают для поселково-волостных предприятий в качестве основных задач, во-первых, переработку сельскохозяйственных продуктов, прежде всего продовольственных (одновременно полностью воспрещается их конкуренция с крупными государственными предприятиями из-за сырья, материалов, энергии и рынков сбыта); во-вторых, акцентированное развитие экспортных производств с использованием своих преимуществ в изготовлении трудоемкой продукции и в наличии традиционных ремесленных навыков; в-третьих, выпуск комплектующей и вспомогательной продукции для крупной государственной промышленности. Следует подчеркнуть, что, по существу, основным условием здорового развития поселково-волостных предприятий предусматривается теснейшее сотрудничество и производственно-хозяйственная кооперация с крупной государственной промышленностью. В обоих документах содержится в сжатом виде политическая установка местным властям поощрять развитие экономически эффективных поселково-волостных предприятий и, напротив, закрывать, переориентировать или присоединять предприятия, выпускающие продукцию низкого качества, а также соперничающие

* Основные фонды предприятий общественной собственности в районе Вэньчжоу оцениваются в 650 млн. юаней (по данным на 1988 г.), что в пересчете на душу населения едва достигает четверти среднeprovincialного уровня по стране.

** Подробно см.: Путешествие в вэньчжоуское «королевство пуговиц» // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 3.

с крупной государственной промышленностью. К этой же категории отнесены и загрязняющие окружающую среду сельские предприятия. По данным на 1989 г., примерно 40 % поселково-волостных предприятий признаны источниками такого загрязнения, причем 10 % из них, как отмечено, «создают серьезную угрозу экологии»¹².

В целом вышезложенное позволяет судить о том, что сельская промышленность в новых условиях прошла через серьезные испытания. Итоги этого процесса дают основания смотреть на перспективы ее развития с достаточным оптимизмом.

¹ Far Eastern Economic Review.— 1989.— № 9.— P. 43.

² См.: Жэньминь жибао.— 1990.— 21 января.

³ Жэньминь жибао.— 1990.— 23 марта.

⁴ In.: China Daily.— 1990.— 14 February.

⁵ См.: Цзинцзи жибао.— 1990.— 6 января.

⁶ См.: Жэньминь жибао.— 1990.— 5 мая.

⁷ Цзинцзи жибао.— 1987.— 15 декабря.

⁸ Nora Stettner, Bert Oram. Changes in China: The role of co-operatives in the new socialism.— Manchester, 1987.— P. 37.

⁹ Цзинцзи жибао.— 1989.— 27 октября.

¹⁰ Информационный бюллетень агентства Синьхуа.— 1989.— 17 февраля.

¹¹ См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 25 сентября.

¹² Ляован.— 1989.— № 43.

Информация

5-го июля 1990 г. в Москве в рамках Всесоюзной ассоциации востоковедов создано Общество советских корееведов (Учредитель — Институт востоковедения АН СССР).

На учредительной конференции, делегаты которой представляли корееведов из Москвы, Ленинграда, других городов и регионов СССР, а также практических работников, осуществляющих политические, экономические и культурные связи СССР с Кореей и пропаганду знаний об этой стране, были приняты Устав, программа деятельности Общества, избрано его правление. Председателем общества стал главный научный сотрудник ИВ АН СССР, доктор филологических наук, профессор Никольский В. Б.

Необходимость создания Общества обусловлена прежде всего возрастанием значимости корейской проблемы в связи с наметившимися тенденциями к ослаблению международной напряженности на Дальнем Востоке, с установлением и поддержанием деловых контактов между Севером и Югом Кореи по вопросам мирного объединения страны на демократических основах, со стремлением советских корееведов, учитывая все более значительный похитительский интерес советских людей к Корее и ее народу, внести более весомый вклад в научную разработку проблем Кореи, способствовать объективному осознанию истории, экономического и политического развития КНДР и Южной Кореи.

Целями Общества являются: содействие в осуществлении исследований историко-политики, экономики Кореи, культуры и языка корейского народа, координация этих исследований, привлечение к научной и пропагандистской деятельности более широкого круга специалистов-корееведов, особенно молодых, информирования советской и зарубежной научной общественности о корееведческих исследованиях, осуществляемых в СССР и других странах, установление и развитие сотрудничества с научными организациями КНДР и Южной Кореи и международными ассоциациями, связанными с изучением Кореи, стимулирование обмена специализированными и книгообмена между советскими и зарубежными университетскими центрами, содействие в подготовке и публикации тематических сборников и информационных бюллетеней по корееведению.

Общество находится в Институте востоковедения АН СССР по адресу: 103777, Москва, 4-31, Рождественские, 12.

Налоги и прибыль предприятий

В. ДАНИЛОВ

В процессе разработки Верховным Советом СССР «Закона СССР о едином налогообложении» в условиях перехода к регулируемой рыночной экономике при всей новизне подобного подхода немаловажное значение имеет учет опыта других стран в этой области. С этой точки зрения наиболее интересным представляется опыт КНР, где законодательному оформлению идеи регулируемой рыночной экономики в «Закоме КНР о промышленном предприятии общенародной собственности» (апрель 1988 г.) в виде формулы «государство регулирует рынок, рынок направляет предприятия» (статья № 56)¹ предшествовала с 1983—1984 гг. определенная подготовительная работа по формированию единой системы налогообложения прибыли или дохода предприятий. Некоторая схожесть подходов к решению через налогообложение в первую очередь проблемы реализации права хозяйственной самостоятельности предприятий как в СССР, так и в КНР позволяет рассмотреть некоторые проблемы, возникающие в условиях, когда единая система налогообложения накладывается на реальную ситуацию в экономике.

Большое значение в Китае при регулировании рыночных отношений уделяется совершенствованию управления промышленными предприятиями КНР. Применительно к государственным предприятиям имеется в виду предоставление им широких прав в самостоятельном распоряжении оставляемой прибылью, самостоятельном планировании производства и сбыте готовой продукции.

Переход к новому механизму хозяйствования был осуществлен в процессе замены прежней системы отчислений прибыли предприятий в государственный бюджет системой налогообложения прибыли. Замена производилась в два этапа (с июня 1983 г. и с октября 1984 г.). Подобная мера в определенной степени ориентировалась и на преодоление неравенства в распределении доходов предприятий, и на создание условий для долговременного воздействия на предприятия через преимущественно экономические рычаги. Цель — создать максимальную заинтересованность предприятий в улучшении показателей эффективности, снижении себестоимости производства и выявлении резервов.

Согласно временному положению о предприятиях, принятому в 1983 г., в распоряжении предприятия до 1985 г. должно было оставаться 70 % фонда амортизационных отчислений (30 % амортизационных средств должно отчисляться в фонды министерств, провинций и административных районов), а уже с 1985 г. вся величина амортизации остается в их распоряжении. Другим источником собственных ресурсов должна стать часть прибыли или дохода, остающаяся после расчета с центральным и местным бюджетами. За счет этих средств на предприятиях предполагалось формировать следующие основные фонды: развития производства, производства новой продукции, резервный, благосостояния рабочих и служащих, премиальный. Следует отметить, что первые три вместе с фондами капитального ремонта и амортизационных отчислений, объединяясь в единый фонд развития производства, и являются объектами планового контроля со стороны государства.

Первичные условия реализации финансовой самостоятельности предприятий должны были видоизменить формы распределения чистого дохода предприятий в бюджет. Эту проблему предстояло разрешить поэтапной заменой отчисления прибыли предприятий системой налогов по стабильным, законодательно установленным нормативам длительного действия.

Новая система изъятия прибыли имела многоцелевое назначение: во-первых, обеспечить стабильный рост доходов государства для реализации общенациональных

¹ Данилов Владимир Евстафьевич, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР.

интересов и укрепления в целом всей финансовой системы; во-вторых, повысить заинтересованность коллективов предприятий в развитии производства, его модернизации и повышении эффективности; в-третьих, усилить производственную активность рабочих и служащих; в-четвертых, в какой-то степени сгладить противоречия и недостатки действующей системы ценообразования, финансов, нормирования и т. д.

В чем основное отличие системы «отчислений от прибыли» от системы налогообложения прибыли?

В китайской экономической литературе в связи с этим подчеркивается, что использование налогообложения прибыли предполагает предоставление предприятиям права распоряжаться частью фактической прибыли, полученной после выплат фиксирующих платежей по заранее определенным нормативам, которые имеют форму налога и устанавливаются на относительно длительный отрезок времени — не менее 3—5 лет. Подобный подход исходит из общего понимания места и значения предприятий как образований, имеющих индивидуальный доход (который в условиях социализма выступает в качестве хозяйственного дохода) и выступающих в качестве юридического лица, ведущего хозяйственную деятельность от собственного имени, а не через посредничество какого-то другого органа, определяющего условия его хозяйствования. То есть первый момент, который отмечается как преимущество системы налогообложения прибыли, заключается в «уменьшении степени вмешательства административных органов всех уровней в повседневную производственно-хозяйственную деятельность предприятия»². Это свидетельствует о том, что переход к налогообложению прибыли был обусловлен прежде всего недостатками прежней системы функционирования финансовых взаимоотношений предприятий с государственным бюджетом, когда налицо была практика постоянного административного вмешательства вышестоящих органов в лице отраслевых министерств и органов управления на провинциальном и городском уровнях в повседневную хозяйственную деятельность предприятий.

Величина прибыли предприятий рассчитывалась и определялась вышестоящими органами, вследствие чего интерес предприятий в улучшении своей финансовой деятельности был невелик. В этих условиях если даже и ставился вопрос об увеличении доли прибыли, оставляемой предприятию, то он решался в каждом конкретном случае в виде отдельной договоренности и определения этой величины, как правило, в пределах одного года. Но в этом случае предприятия имели возможность оспаривать величину оставляемой прибыли, что в практической работе вело к «постоянным спорам с вышестоящими органами и не позволяло перейти к стабильным формам финансовых взаимоотношений»³, вело к усилению административного воздействия на предприятие.

Для определения преимуществ перехода к налогообложению рассмотрим сложившиеся к 1983 г. формы распределения прибыли, получившие применение при отходе от прежней практики фактически безвозмездного изъятия прибыли у предприятий в ходе экспериментов с 1978 г. Были выделены три основные формы распределения прибыли: 1) отчисления от всей фактически полученной прибыли или от ее природной части к предыдущему году в виде установления преимущественной пропорции в пользу государства либо предприятия; 2) установление ответственности предприятий за обеспечение в текущем году определенной фиксированной величины либо величины предполагаемого ежегодного прироста прибыли, где за базу берется усредненная сумма за ряд предшествующих лет (как правило, за 3 года). После отчисления этой фиксированной величины государству остаток самостоятельно используется предприятием; 3) отчисления прибыли в виде налоговых платежей. Преимущество последнего метода видится в «отчислении прибыли по стабильным, законодательно установленным нормативам длительного действия»⁴.

В качестве недостатков первого метода отмечается, что «при определении пропорций отчислений между государством и предприятиями основные усилия тратятся на согласование пропорций, на что уходит много времени, а в конечном счете не удается добиться рациональной пропорции»⁵. И даже после установления пропорций на практике проявляются недостатки следующего порядка: «Для большинства предприятий, как правило, фиксируется сравнительно низкая доля оставляемой прибыли, что никак не заинтересовывает их в максимальном изыскании резервов роста. Стимулирование их активности за счет получения большей величины прибыли от природной части также нестабильно, так как прирост этой части происходит только в

начальный период применения этого метода — впоследствии же, по мере исчерпания резервов, скрытых при определении пропорций в предплановом периоде, происходит спад»⁶.

Метод ответственности предприятий за обеспечение в течение года определенной фиксированной величины либо величины предполагаемого ежегодного прироста прибыли в основных чертах повторяет предыдущий метод. Преимуществом его является большая обоснованность фиксируемой величины, устанавливаемой на уровне усредненной величины за ряд предшествующих лет. С точки зрения предприятия, распределение прибыли по этому методу стимулирует их на изыскание резервов производства и экономного использования ресурсов для увеличения части прибыли, остающейся в собственном распоряжении. Но недостатком опять-таки выступает поиск и привязка к определенной «точке» при формировании пропорции. Обычно преобладает тенденция к занижению этой «точки»⁷ (определения предела), то есть фактически уменьшаются государственные поступления. В использовании этого метода заинтересованы предприятия, у которых объективно имеются большие недоиспользованные резервы. Это, как правило, крупные предприятия, которым вследствие масштабы производства есть что скрывать. Повсеместное применение этого метода по стране чревато уменьшением доходной части государственного бюджета. Так, при распределении прибыли в соответствии с этим методом в 1983 г. 85,5 % нового прироста прибыли досталось предприятиям и только 14,5 % — государству⁸.

В отличие от вышеизложенных двух методов поиска оптимальных пропорций распределения прибыли применение налогообложения имеет относительно долговременный характер, ставит распределительные отношения между предприятиями и государством на законодательную основу. Здесь объектом обложения выступает не только прибыль, полученная предприятиями при реализации ими продукции по оптовым ценам, а весь доход, полученный ими в результате хозяйственной деятельности с выходом в сферу обращения. И если на первом этапе перехода к налогообложению еще сохранялась плата за пользование основными производственными фондами (так как на этом этапе еще сохранялось значение устанавливаемых в централизованном порядке оптовых цен при реализации продукции предприятиями), то с переходом ко второму этапу, когда объектом налогообложения выступает вся величина полученного предприятиями дохода, необходимость в установлении платы за основные производственные фонды отпала. Они были переведены на кредитование⁹.

С переходом ко второму этапу налогообложения прибыли принципы применения торгово-промышленного налога были распространены не только на промежуток между оптовыми и розничными ценами, но и на уровень между себестоимостью производства продукции для предприятий и оптовыми ценами на нее. При этом сам торгово-промышленный налог был разделен на налог с оборота в сфере торговли, а в сфере промышленности — на налог с продукции и налог на добавленную стоимость. Подоходный налог со всей величины дохода, ранее взимаемый с предприятий коллективной собственности, стал также применяться к государственным предприятиям малых размеров по принципу сложной прогрессии в виде 7-ступенчатого прогрессивного налога со ставками в промежутке от 10 до 55 %. С крупных и средних предприятий государственной собственности этот налог стал взиматься по принципу единого линейного налога с наивысшей пропорциональной ставкой в 55 %. Тем самым этот налог заменил и вобрал в себя прежние методы ответственности предприятий за обеспечение в текущем году определенной фиксированной величины или величины предполагаемого ежегодного прироста прибыли. Дополнительно был введен регулирующий налог на различия в доходах предприятий, появляющихся при реализации продукции. Базой расчета этого налога является разница между оптовой и розничной ценами — и его применение позволяет регулировать величину прибыли у крупных и средних государственных промышленных предприятий, имеющих ее сверх среднего уровня рентабельности по промышленности после выплат налогов или сверх величины прибыли, оставшейся предприятиям в базовом периоде¹⁰. При этом стимулирующая роль применения этого налога состояла в том, что в части прибыли, полученной сверх установленного уровня за счет улучшения хозяйственной деятельности предприятия и снижения доли материальных затрат в себестоимости, у них оставалось 30 % — и эта пропорция не менялась в течение 7 лет¹¹. Величина денежных средств, оставшаяся после выплат налогов, распределялась ими самостоятельно по фондам

предприятия с учетом задач ведения либо простого, либо расширенного воспроизводства.

После перехода в октябре 1984 г. ко второму этапу формирования системы налогообложения прибыли государственных предприятий в промышленности КНР стала создаваться целостная система налогов, которая до сих пор продолжает совершенствоваться. В ее разработке учитывается как собственный опыт, так и опыт социалистических и капиталистических стран. В настоящее время в КНР введено 26 видов налогов, в том числе в отношении государственных промышленных предприятий применяются 13. Каждый из налогов несет свою экономическую функцию. Так, налог на продукцию взимается со всех видов товаров дифференцированно с учетом величины нормы прибыли, получаемой от их реализации, и имеет тем самым характер акциза. Основная цель его применения, помимо рационализации уровня прибыли, получаемой предприятиями, состоит в стимулировании обновления ассортимента выпускаемой ими продукции. Для этого устанавливаются льготные ставки этого налога на новые виды продукции. Налог на добавленную стоимость имеет также льготный характер и побуждает различные предприятия к кооперации производственной деятельности на основе специализации. Налог с оборота направлен на ускорение оборота товаров и сокращение излишних звеньев в обороте, что способствует развитию прямых связей с торговой сетью. Налог на ресурсы берется с предприятий в зависимости от степени обеспечения их топливом, энергией, сырьем и стимулирует их эффективное использование. Установлены налоги на строительство, эксплуатацию зданий, использование земли. В 1985 г. в связи с быстрым ростом фондов заработной платы и премирования введены налоги на их рост.

Структура платежей предприятий с переходом ко второму этапу налогообложения прибыли и с введением других видов налогов приобрела следующий вид. Исходным показателем оценки деятельности предприятий является фактический доход от реализации, из которого осуществляются:

1) Платежи за потребленные материальные ресурсы: за первичное сырье, вспомогательное сырье, топливо, электроэнергию, величина амортизационных отчислений от стоимости основных производственных фондов, накопления в фонд капитального ремонта, отчисления другим предприятиям при производстве продукции по кооперации, другие расходы по использованию материальных ресурсов.

2) Платежи из расчетной прибыли, которые подразделяются на две части: а) фиксированные платежи; б) номинальный доход предприятия. Фиксированные платежи включают следующие восемь позиций: торгово-промышленный налог, налог на добавленную стоимость, налог на продукцию; управленческие расходы, платежи за услуги — в размере 1 % дохода от реализации; централизуемый фонд материального поощрения рабочих и служащих — в размере 11 % фонда заработной платы по предприятию; централизуемые средства для расходов по обучению и повышению уровня квалификации рабочих и служащих — в размере 1,5 % фонда заработной платы рабочих и служащих по предприятию; централизуемый профсоюзный фонд — в размере 2 % фонда заработной платы по предприятию; отчисления в централизуемые фонды государственного социального страхования — в размере 1,36 % расчетной прибыли предприятия; централизуемый дотационный фонд — в размере 5,6 % расчетной прибыли предприятия; фонд поддержки убыточных предприятий — в размере 0,5 % расчетной прибыли предприятия.

Номинальный доход предприятия формируют две обобщенные позиции: средства, оставленные предприятию для распределения по фонду заработной платы; средства, распределяемые между государственным бюджетом и предприятием в рамках налогообложения прибыли.

Средства, оставляемые предприятию для распределения по фонду заработной платы, подразделяются на три части: 1) базовая величина заработной платы (основная заработная плата) — как правило, в размере 50—70 % величины первоначальной заработной платы, выплачивавшейся до перехода к налогообложению прибыли; 2) различные доплаты: за занимаемую руководящую должность, за уровень квалификации, за сложность выполнения работы, за выслугу лет — выплачиваются из фонда материального поощрения предприятия; 3) поощрительные надбавки за количество и качество работы (в виде премии) — где применяются следующие надбавки: за выполненный объем работ до 10 % основной заработной платы; за достижение показателей качества — до 30 % основной заработной платы; за вы-

полнение показателя по росту производительности труда — до 10 % основной заработной платы.

Средства, распределяемые между государственным бюджетом и предприятием по целевым фондам, формируются следующими статьями: 1) подоходный налог, образующийся по принципу сложной прогрессии с повышенной ставкой в 55 %; 2) регулирующий налог, выплачиваемый предприятиями, если уровень рентабельности у них превышает уровень межотраслевой рентабельности по промышленности; 3) платежи в целевые фонды развития транспорта и энергетики в размере 15 % номинального дохода предприятия; 4) налог на строительство в административных границах города — в размере 5 % номинального дохода предприятия; 5) фонд обновления продукции — в размере 3 % номинального дохода.

Далее идет чистый доход предприятия, который подразделяется на две крупные части: 1) фонд, формируемый предприятием для использования в случае развития кооперационных связей с другими предприятиями (на условиях паевого или акционерного участия) при налаживании выпуска новых видов продукции; 2) величина чистого дохода, фактически остающаяся предприятию, — из нее формируются три фонда: фонд развития производства; фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; фонд материального поощрения¹².

Преимущество изложенной схемы распределения величины чистого дохода предприятий состоит в ее направленности на улучшение результатов хозяйственной деятельности предприятий. Особенно отчетливо это просматривается через структуру фонда оплаты, где гарантируемая заработная плата, в виде основной, составляет почти 50 % всех средств, которые может получить работник. Остальной доход зависит от качества работы (до 30 %), от выполнения производственных заданий (до 10 %) и собственно от повышения производительности труда (до 10 %).

Из перечисленного реестра налогов и видов платежей видно, что, хотя в ноябрьском Постановлении 1984 г. говорится о расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, обеспечении прав и интересов, их хозяйственная деятельность подлежит многостороннему контролю и регулированию со стороны государства и различных административных органов, где взимание некоторых налогов (в частности «регулирующего налога») явно носит характер неэкономического изъятия части избыточного дохода предприятий, хотя в некоторых случаях и рассматривается как налог на сверхприбыль. Тем самым густая сетка налогов существенно сдерживает достижение цели «максимального повышения жизнедеятельности предприятий».

Как же реализовывались основные принципы реформы по предоставлению предприятиям самостоятельности после октября 1984 г.?

Реформа значительно стимулировала их производственную активность. Среднестатистические показатели дают вполне благоприятную картину. Поднялись темпы экономического роста, значительно увеличился фонд заработной платы, возросли темпы капитального строительства и т. д. Более того, официальная статистика свидетельствует о том, что в Китае был сделан крупный шаг вперед в решении такой архисложной задачи, как рациональное распределение прибыли между государством и предприятиями. Согласно официальным данным, в 1987 г. предприятиям было оставлено для формирования фондов 45 % прибыли против 3,7 % в 1978 г.¹³

Однако на практике все обстоит сложнее. Значительное увеличение доли прибыли, оставляемой предприятиям, означает соответствующее сокращение поступления доходов в госбюджет, что ставит финансы КНР в весьма трудное положение. Поэтому для решения крупных народнохозяйственных программ, а также дополнительного изъятия собственных средств предприятий, как уже отмечалось в приведенной структуре платежей, были введены целевые отчисления в централизованные фонды развития энергетики, транспорта, научных исследований, обучения кадров и др. Кроме того, предприятия были поставлены перед необходимостью приобретать в банке ценные бумаги. Часть прибыли под различными предлогами изымалась в местные бюджеты. В результате у промышленных предприятий оставалось в 1985 г. 14 % их чистого дохода¹⁴, в 1986 и 1987 гг. соответственно 10,5 % и 8,1 %¹⁵.

При этом наибольшее изъятие прибыли происходило в промышленных отраслях, имеющих уровень рентабельности, намного превышающий уровень рентабельности в среднем по промышленности. Так, в отраслях, занятых нефтедобычей и ее переработкой падение доли оставляемой прибыли составило 44 % — в результате, если в

1986 г. уровень рентабельности предприятий, занятых нефтепереработкой, составлял 100 % при среднем уровне по промышленности в 10,6 %, то применение «регулирующего налога» сказалось на уменьшении этого уровня до 86,94 %¹⁶. Изменение доли прибыли, оставляемой промышленным предприятиям в величине чистого дохода с разбивкой по отраслям, приведено в таблице 1:

Таблица 1
Изменение доли прибыли, оставляемой предприятиям,
в величине чистого продукта в течение 1986—1987 гг. (в %)

Отрасли промышленности	1986	1987	Прирост — падение
1) Угольная	1,3	1,1	—15,4
2) Нефтедобыча и нефтепереработка	2,5	1,4	—44
3) Добыча руд черных металлов	1,8	1,4	—22,3
4) Стройматериалы и разработка неметаллических руд	8,8	9,0	12,5
5) Лесоразработки	8,0	14,0	75
6) Пищевая и табачная промышленность	7,0	6,9	—1,5
7) Текстильная	9,0	11,0	22,2
8) Писчебумажная	8,8	11,0	25,0
9) Энергетическая (включая выработку пара и тепла)	7,9	8,3	5
10) Химическая	9,9	10,9	10,1
11) Фармацевтическая	1,4	16,7	19,3
12) Химволокно	8,6	8,7	1,2
13) Резинотехническая	6,9	5,9	—13,8
14) Выработка пластических масс	6,8	7,8	14,7
15) Черная металлургия	18,7	17,6	—5,9
16) Металлообработка	10,0	9,6	—4,0
17) Машиностроение, электроника, энергетическое оборудование	12,2	11,9	—2,5
В среднем по промышленности	10,5	8,1	—22,9

Составлено по: Чжунго гунъе цзинцзи тунцзи няньцзянь — 1988. — Пекин. — 1989. — С. 89, 94—130.

Сокращение реально оставляемой предприятиям прибыли, в свою очередь, оказало резко негативное воздействие на ее распределение в фонды развития предприятия из величины фактически остающегося чистого дохода. Так, первоначально предполагалось распределение прибыли в пропорции 5:3:2 (соответственно в фонд развития производства, социально-культурных мероприятий и материального поощрения). Однако коллективы предприятий за счет фонда развития производства стали в первую очередь увеличивать два других фонда, и фактически прибыль делилась в пропорции 2:4:4. Следствием этого явилось торможение процесса технической реконструкции, в результате чего происходил износ основных фондов, поскольку при таких пропорциях распределения оставляемой прибыли на предприятиях в фонд развития производства в лучшем случае могло идти только 3 % величины их расчетной прибыли, а на мероприятия по обновлению продукции не более 1 %.

Преимущественное расходование предприятиями оставляемых им средств по заработной плате привело, во-первых, к росту доли заработной платы в величине чистого продукта, созданной в промышленности, с 18,0 % в 1978 г. до 20,9 % в 1986 г. при некотором снижении этой доли (до 20,2 %) в 1987 г.¹⁷ Само по себе это явление с точки зрения повышения заинтересованности работника в результатах своего труда прогрессивное. Однако это не привело к большому повышению производительности труда — так, производительность труда за период с 1978 по 1987 г. повысилась на 165,1 %, а заработная плата — на 319,8 %¹⁸. То есть налицо выдача на руки

незаработанных денег. Во-вторых, изменение доли заработной платы в величине чистого продукта по отраслям промышленности за 1986—1987 гг. наводит на вывод о совершенно нерегулируемом росте выплат по заработной плате — так, при незначительном росте доли оставляемой прибыли в величине чистого продукта по предприятиям, выпускающим пластическую массу, на 14,7 % выплаты по заработной плате возросли на 218 %, по предприятиям, занятым металлообработкой, соответственно при уменьшении доли оставляемой прибыли на 4,0 % рост выплат по заработной плате составил 147,5 %. Аналогичная ситуация по предприятиям в угольной, текстильной промышленности, промышленности стройматериалов, резинотехнической, пищевой и табачной промышленности. То есть эти предприятия выплачивали зарплату своим работникам за счет доходов других отраслей, направляя получаемые кредиты в основном в фонд зарплаты¹⁹.

Процесс расширения самостоятельности предприятий в области распоряжения оставляемой им прибыли идет довольно сложно, а в некоторых случаях нерегулируемо, особенно в части расходования средств по фонду заработной платы.

Итогом нерегулируемости этого процесса явилось падение темпов прироста реального фонда заработной платы и показателя реального дохода в среднем на человека (см. таблицу 2).

Таблица 2

Темпы прироста фонда заработной платы и средней заработной платы по промышленности за 1978—1988 гг.

Годы	Фонд номинальной заработной платы, %	Фонд реальной заработной платы, %	Рост номинальной средней заработной платы, %	Рост реальной усредненной заработной платы, %
1978	13,49	9,72	6,77	6,03
1979	13,68	10,56	8,62	6,59
1980	19,47	11,14	14,07	6,11
1981	6,15	3,56	1,31	-1,16
1982	7,57	5,46	2,20	1,34
1983	5,95	3,87	4,69	1,48
1984	21,27	18,08	17,92	14,82
1985	22,02	9,05	17,86	5,33
1986	20,00	12,16	15,77	8,19
1987	13,34	4,17	9,78	0,90
1988	23,13	2,01	19,74	-0,80

Составлено по: Цзинци кэсюэ.— 1989. № 5.— С. 22. Чжунго гуньэ цзинци тунци цзыляо — 1949 — 1984.— Пекин.— 1985. — С. 121.

Это связано с тем, что существующий в настоящее время порядок распределения прибыли довольно существенно ограничивает финансовую самостоятельность предприятий, затрудняет реализацию принципа самофинансирования и, по сути дела, сдерживает переход к преимущественно экономическим методам управления.

Однако в этом процессе все же следует отметить изменение акцентов, показывающее, что в настоящий период ограничивает финансовую самостоятельность предприятий. С переходом к налогообложению довольно существенно уменьшилась доля денежных средств, регулируемых через государственный бюджет, — так, если в 1978 г. через госбюджет перераспределялось 76,4 % всей величины денежных средств в обращении, то в 1987 г. только 52,7 %, а доля внебюджетных средств возросла до 47,3 %²⁰. То есть ограничивающее влияние государственного бюджета уменьшилось, и даже уменьшилась доля внебюджетных средств, находящихся в распоряжении местных органов власти, с 2,1 % до 1 %. При этом доля денежных средств, остающихся в распоряжении предприятий, возросла с 17,2 % в 1978 г. до 37,9 % в 1987 г. всей величины внебюджетных средств. Можно сделать вывод о резком росте финансовой самостоятельности предприятий. В принципе это номинальное увеличение, так как довольно быстро растет доля внебюджетных средств, контролируе-

мых различными административными органами — министерствами, ведомствами, посредническими организациями, не занятыми напрямую в производстве, но выполняющими в последние годы довольно большой объем работ по обеспечению внешних условий деятельности предприятий. Об усилении воздействия этих органов на процесс распределения денежных ресурсов можно судить по данным таблицы 3:

Таблица 3

**Изменение доли денежных средств, регулируемых через
государственный бюджет и вне его, в период
с 1978 по 1987 гг. (в %)**

Годы	Величина денежных средств в обращении	Бюджетные средства	Внебюджетные средства			
			в целом	доля мест	доля промышленных предприятий	доля, приходящаяся на министерства, ведомства и другие административные органы
1978	100	76,4	23,6	2,1	17,2	4,3
1979	100	70,2	29,8	2,6	22,6	4,5
1980	100	65,2	34,8	2,6	27,6	4,6
1981	100	62,8	37,2	2,6	29,4	5,2
1982	100	57,5	42,5	2,4	34,8	5,4
1983	100	55,6	44,4	2,3	36,9	5,2
1984	100	55,2	44,8	2,1	37,3	5,4
1985	100	54,6	45,4	1,3	37,2	6,9
1986	100	55,7	44,3	1,1	35,7	7,5
1987	100	52,7	47,3	1,0	37,9	8,3

Составлено по: «Чжунго тунцзи». 1989. — № 7. — С. 47.

Обращает на себя внимание то, что с переходом в 1983—1984 гг. к налогообложению прибыли довольно быстро и стабильно росла доля денежных средств, находящихся в распоряжении министерств, ведомств и других административных органов, не занятых в производстве. В принципе усиление этой тенденции может не рассматриваться как негативное явление, однако при сопоставлении этой доли в 1987 г. с показателями в 50-е, 60-е, 70-е годы нельзя не заметить, что она соответственно не превышала уровня в 1,3, потом 3,0 и 4,0 % в течение всего десятилетия. Теперь за 2—3 года эта доля возросла практически в 2 раза и, видимо, еще не достигла своего потолка. Увеличение доли административных органов в распоряжении денежными средствами можно объяснить трудностями, проявившимися в процессе реализации мероприятий по предоставлению предприятиям права самостоятельного использования оставляемой прибыли. Главным недостатком предоставления предприятиям подобного права стало усиление резкой дифференциации предприятий по величине оставляемой массы прибыли в расчете на одного занятого. И если в период с 1981 по 1984 г. удавалось обеспечить рост величины оставляемой массы прибыли в расчете на одного занятого в среднем в год по промышленности на 29,4 %, то в период с 1984 по 1987 г. при резком замедлении среднегодового прироста величины оставляемой прибыли до 1,9 % усилилась тенденция резкой дифференциации отраслей по темпам прироста оставляемой им массы прибыли — см. таблицу 4.

Наметилась тенденция поляризации предприятий на **рентабельные, сверхрентабельные и убыточные**: к рентабельным относятся предприятия энергетической, металлургической, нефтеперерабатывающей, химической, пищевой и текстильной промышленности; в сферу убыточных «скатываются» предприятия машиностроения, строительных материалов, нефте- и газодобычи и особенно предприятия угольной промышленности.

Трудности, возникшие в ходе проведения реформы в 1984—1987 гг. (обострение диспропорций между спросом и предложением, между отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности, рост цен и т. д.), вынудили правительство КНР

Таблица 4

Сопоставление среднегодовых темпов прироста массы прибыли, оставляемой государственным промышленным предприятиям, с разбивкой по отраслям (из расчета одного занятого)

Отрасли	Среднегодовые темпы прироста (падения) по периодам (в % %)				
	за 1981—1984 гг.	за 1984—1986 гг.	за 1986—1987 гг.	за 1984—1987 гг.	за 1981—1987 гг.
В среднем по промышленности	29,4	—0,75	7,3	1,9	14,8
в том числе:					
— энергетическая	48,1	9,5	11,3	7,4	26,1
— машиностроение	47,6	—1,9	10,9	2,2	22,8
— металлургическая	37,5	21,9	8,1	17,1	26,9
— строительных материалов	33,9	—10,2	0,4	—6,8	11,8
— нефте- и газодобывающая			—21,3		
— нефтеперерабатывающая	31,4	32,8	—8,4	17,3	24,2
— химическая	21,2	—0,3	31,8	9,5	15,2
— пищевая	14,9	11,7	15,1	12,8	13,9
— писчебумажная			23,8		
— текстильная	—6,5	13,9	27,2	18,2	3,9
— угольная	21,3	—199	—8,3	—14,3	—15,5

Р а с с ч и т а н о п о: Гунье цзинци гуаньли цункань. — 1986. — № 4. — С. 71; Чжунго гунье цзинци няньцзянь. — 1989. — Пекин. — 1989. — С. 9, 91, 94, 95, 98, 102, 105, 109, 111, 121, 123, 129.

вновь (в третий раз после 1978 г.) вернуться к методам усиления административного регулирования процесса реформ. 1988—1990 гг. были объявлены годами приведения экономики в порядок. Снова остро встал вопрос о выборе ключевого звена дальнейшего развития реформы. В теоретических и политических дискуссиях столкнулись две точки зрения. Сторонники первой настаивали на постепенном проведении реформы с учетом сложившейся ситуации. Их оппоненты, напротив, требовали: не останавливаясь, еще быстрее идти по пути реформ, всемерно используя акционерные формы реализации отношений собственности, товарно-денежные отношения, при существенном ограничении сферы директивного планирования. На XIII съезде КПК сделана попытка примирить разные точки зрения.

На новом повороте реформы на первый план выдвигается задача внедрения во все несельскохозяйственные сферы экономики подрядной формы организации производства. На различные виды подряда переводятся промышленные предприятия, ведомства, научные учреждения и т. д. Несмотря на многообразие видов подряда (их насчитывается до 16 видов), их объединяют такие общие черты, как обязательство по отчислению прибыли в государственный бюджет, а также зависимость формирования фонда заработной платы от увеличения этих отчислений. Практика применения системы подрядной ответственности с 1987 г. показала, что данная система, опирающаяся в первую очередь на нормативное регулирование меры производства и меры потребления, создала благоприятные возможности совершенствования хозяйственного механизма на принципах планомерности²¹.

К главным причинам очередного поворота в ходе реформы на государственных предприятиях следует отнести несколько обстоятельств, в том числе: во-первых, недооценка глубины социально-экономических проблем, низкого уровня развития производительных сил при разработке важнейших постановлений, призванных оздоровить народное хозяйство; во-вторых, недостаточная развитость финансово-кредитной систе-

мы, совершенствование которой происходит в условиях сохраняющегося бюджетного дефицита; в-третьих, слабое использование нормативных методов в управлении, которые более 20 лет в КНР отвергались; в-четвертых, несовершенство правового обеспечения мероприятий в области экономических преобразований.

Таким образом, в ходе реформ пока остается нерешенной исходная задача — обеспечение условий реализации права хозяйственной самостоятельности предприятий: фактически их финансовая самостоятельность сдерживается нерешенностью вопроса нахождения форм реализации отношений собственности на уровне основного звена производства.

-
- ¹ Цзинцзи жибао.— 1988.— 16 апреля.
² Гонг цзе лигайшуй.— Пекин, 1986.— С. 85.
³ Жэньминь жибао.— 1984.— 2 июня.
⁴ Там же.
⁵ Лигайшуй диэрбу шиши чжуньцзе цзи цзисуань фанфа=Практические акценты и методы расчета при переходе ко второму этапу налогообложения прибыли.— Пекин, 1985.— С. 20.
⁶ Там же.— С. 21.
⁷ См. там же.— С. 22.
⁸ См.: Жэньминь жибао.— 1984.— 2 июня.
⁹ См.: Чанъюн шуйлюй, лилюй, фэйлюй шоуцэ.— Гуйчжоу, 1985.— С. 254.
¹⁰ См.: Лигайшуй диэрбу шиши чжуньцзе цзи цзисуань фанфа.— Пекин, 1985.— С. 59.
¹¹ См. там же.— С. 67.
¹² Составлено по: Цзинчаньчжи фэньчэн чэнбао цзэжэньчжи=Система подрядной ответственности за величину чистого продукта.— Нанкин, 1985.— С. 3—29, 251.
¹³ Цзинцзи яньцзю.— 1989.— № 9.— С. 7.
¹⁴ См.: Цзинцзи жибао.— 1987.— 6 июня.
¹⁵ См.: Чжунго гунье цзинцзи тунцзи цыляо.— 1987.— Пекин, 1987.— С. 141; Чжунго гунье цзинцзи тунцзи няньцзянь.— 1988.— Пекин, 1989.— С. 8—9.
¹⁶ См.: Чжунго гунье цзинцзи тунцзи няньцзянь.— 1988.— Пекин, 1989.— С. 49, 109.
¹⁷ Рассчитано по: Чжунго гунье цзинцзи тунцзи няньцзянь.— 1988.— Пекин, 1989.— С. 27, 46.
¹⁸ Рассчитано по тому же источнику.— С. 27, 50.
¹⁹ См.: Чжунго гунье цзинцзи тунцзи няньцзянь.— 1988.— Пекин, 1989.— С. 27, 46, 94—130.
²⁰ Чжунго тунцзи.— 1989.— № 3.— С. 47.
²¹ Цзинцзисюэ дунтай.— 1988.— № 3.— С. 33.

И. НАУМОВ

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД В КИТАЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

За радикальным подъемом сельского хозяйства в Китае на базе семейного подряда в первой половине 80-х годов последовал явный спад в этой области. Каковы причины такого рода волнообразности в развитии сельскохозяйственного производства? Каковы роль, место и судьба семейного подряда? Какие пути углубления реформы видят в Китае? С этими вопросами редакция журнала обратилась к ведущим научным сотрудникам Института Дальнего Востока АН СССР, докторам экономических наук И. Н. Наумову и А. С. Мугрузину.

Сейчас, когда наша экономика входит в полосу радикальных преобразований, мы особенно внимательно всматриваемся в опыт реформ в других странах, чтобы избежать крупных ошибок, которые могут повлечь тяжелые материальные и моральные последствия. В этом отношении полезно знакомство, можно сказать, с драматическим опытом аграрных преобразований в Китае, о котором советские люди знают пока понаслышке.

Сразу оговорюсь, что, несмотря на схожесть многих проблем в сельском хозяйстве и судьб крестьянства, социально-экономические, исторические, демографические, природно-географические условия в наших двух странах отличаются коренным образом. Испокон веков китайская деревня страдала от малоземелья и колоссальной перенаселенности. И такое положение в ней все более усугубляется вследствие огромного роста населения и прогрессирующего сокращения пахотного фонда. Если в 1952 г. на 1 га пашни приходилось 5,5 человек, то сейчас — больше 11. Малоземелье придавало особо жесткий характер борьбе крестьян за землю, которая велась ими всю историю Китая и привела наконец к победе революции в 1949 г.

Последняя реформа, проведенная в начале 80-х годов, была четвертым крупным преобразованием в китайской деревне после победы революции. Если первая (1949-1952) была направлена на расчистку от феодализма места для обобществления, вторая (1955-1956) — на объединение крестьянства в кооперативы, третья (осень 1958 г.) — на всеобщую коммунизацию деревни, то последняя (1981-1982) нацеливалась на полную ликвидацию обобществленного ранее производства. Идей-фикс реформы было вернуть крестьянину землю, а земле — хозяина, работающего на свободный рынок. Поражают стремительность и решительность, с которыми проводились крупнейшие преобразования. Потребовалось всего 5-6 месяцев, чтобы 5,7 млн. малых бригад были преобразованы в 180 млн. крестьянских единоличных хозяйств. За эти месяцы были разделены между крестьянами земля, скот, сельскохозяйственный инвентарь, производственные помещения и другое общественное имущество.

Особенно тщательно делилась земля. Сначала она оценивалась по плодородию, расположению, рельефу, способу орошения и т. п. Таких разных участков в каждой бригаде набиралось от 3 до 11. Затем каждый участок делился между дворами по числу едоков. Поэтому в настоящее время на крестьянский двор приходится от 3 до 11 клочков, а в среднем по стране — 8-9, разбросанных в разных сторонах от деревни. В итоге реформы весь земельный фонд (около 100 млн. га на 180 млн. дворов) оказался разорванным на 1500 млн. клочков, площадь каждого из которых равняется в среднем по стране 1 му (0,067 га).

Наумов Иван Николаевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР.

Первые результаты, полученные в ходе роспуска бригад и формирования системы единоличного хозяйствования, казалось, превосходили все оптимистические ожидания. Однако несмотря на значительный рост продовольственных и других сельскохозяйственных ресурсов, это не означало решения продовольственной проблемы.

Самое непредвиденное в сельскохозяйственном производстве началось как раз в то время, когда многие в Китае прочно уверовали, что деревня уже миновала трудности перестроечного периода и новая система должна была заработать на полные обороты. В 1985 г. произошло резкое снижение сбора зерновых (на 28 млн. т., или 9 %) и хлопка (на 2,1 млн. т., или 34 %). Сначала в КНР пытались отнестись этот спад на счет стихийных бедствий. В 1986-1987 гг. сбор зерновых и других культур постепенно увеличивался, однако, не достигнув высшего уровня в 1988 г., снова упал на 10 млн. т. Снизилась урожайность хлопка, маслосемян. На продовольственных рынках разразилась паника, бешено заголопировали цены. Правительство вынуждено было ужесточить монополию на закупки и распределение риса и всех других сельскохозяйственных культур, а также продукцию животноводства. На некоторые из них в городах еще с 1987 г. снова было введено карточное распределение. Все это, естественно, вело к ограничению рыночной торговли.

Итоги 1989 г. в сельском хозяйстве КНР неоднозначны. Валовой сбор зерновых достиг 407,5 млн. т., чуть превысив уровень 1984 г. Но за эти 5 лет население Китая увеличилось на 73 млн. человек и душевое производство чистого зерна с 330 кг сократилось до 308 кг. В 1989 г. хлопка было собрано на 8,7 % меньше, чем в предшествующем году (сейчас его сбор составляет 60,5 % к сбору 1984 г.), маслосемян — на 2,2 %, сахарного тростника — на 1 %, сахарной свеклы — на 27 %. Замедлились темпы прироста продукции животноводства. В настоящее время в КНР не скрывается, что ведущая отрасль сельского хозяйства — растениеводство находится в застойном состоянии. Многие специалисты определяют это состояние как кризисное.

Что же произошло? Где дала трещину, казалось бы, столь логически выверенная, соответствующая «здоровому смыслу» система крестьянин — земля — хозяин? Причин возникшей новой ситуации в китайской деревне много. Первая из них заключается в невероятном распылении обрабатываемого земельного фонда. В ослеплении осуществлением идеи крестьянин — земля — хозяин растерзанию подверглись обширные долины, залитые поля с отлаженной современной системой орошения и обводнения, созданные трудом многих поколений крестьян до и после революции. «Раскрепощение» человеческого фактора и активизация хозяйственной деятельности в деревне шли рука об руку с разрушением материальных производительных сил. В ходе реформы исчезли старые крупные коллективные хозяйства, новые же не появились или их возникло очень мало. По данным выборочного обследования, на севере КНР лишь 1,5 % дворов обрабатывают более 100 му (6,7 га). Можно уверенно утверждать, что в настоящее время сельское хозяйство в Китае является самым распыленным в мире. Причем дробление земли, хозяйств продолжается. Если в 1981 г., то есть в начале реформы, насчитывалось 180 млн. дворов, то в 1988 г. их стало уже 208 млн., то есть на 28 млн. больше. Раздел крупных коллективных полей на крошечные клочки повлек за собой ликвидацию коллективного хозяйствования и управления, распыление трудовых, материальных и финансовых ресурсов, что породило множество трудностей, создало большие препятствия в развитии сельского хозяйства, привело к утрате тех положительных сторон, которые были приобретены в прежние времена. Так, из-за маломощности дворов и мизерности пахотных участков на них не может пробиться даже имеющаяся малогабаритная техника.

Не лучшим образом реформа повлияла на состояние и развитие ирригационных систем, которые в Китае исстари защищают население, жилища, поля от губительных наводнений, служат резервуарами водных ресурсов для орошения, разведения рыбы, выполняют роль транспортных артерий. Так, в настоящее время из более чем 82 тыс. крупных, средних и мелких водохранилищ от 40 до 70 % «опасно больны», 50 % систем на полях много лет не ремонтируются, неисправны и не могут эффективно функционировать. Под воздействием стихийных сил природы серьезным разрушениям подверглись 177 тыс. км дамб, плотин, устарело и требует замены 25 % механического ирригационного оборудования. Из 2800 тыс. ирригационных колодцев более половины исчерпали ресурсы воды и высохли. Площади орошения за годы реформ сократилась почти на 1 млн. га.

Помехой в ведении крестьянских хозяйств стало неудовлетворительное снабжение удобрениями, гербицидами, сельскохозяйственными орудиями. Многое из того, что нужно в крестьянском хозяйстве производится мало или не производится совсем. В 1989 г.

обеспеченность крестьян удобрениями составила 83 %, ядохимикатами — 78,4 %, пленкой — 30 %. Дефицит горючего составил 34,9 %. В хозяйствах, как правило, отсутствуют комплекты простейшего сельскохозяйственного инвентаря. Качество орудий труда низкое.

Внутренним двигателем всей этой громадной ячеистой системы должен был стать конкурентный рынок с присущими ему законами стоимости, спроса и предложения, которые должны были перемолоть этот безбрежный океан мельчайших хозяйств в современную фермерскую систему с глубокой специализацией и кооперацией.

Объективно крестьяне были кровно заинтересованы в широком развитии рыночных отношений. Однако возможности производства товарной продукции в микроскопических хозяйствах оказались крайне незначительными. По стране в целом 56 % зерна использовалось внутри крестьянских хозяйств (семена, питание, фураж), 34 % по разным каналам забиралось в государственные фонды и лишь 10 % урожая могли идти в продажу на свободных рынках. В хлопководстве централизованно закупалось 92 % сбора. Больше свободы в реализации продукции получили производители овощей, фруктов, продуктов животноводства. Но и здесь в силу маломощности и малого производства, отсутствия транспортных средств большинству крестьян было не под силу самим выходить на рынок. Этим воспользовались перекупщики, маклеры, быстро монополизировавшие сельскохозяйственные рынки. Однако наряду с несомненным оживлением хозяйственной жизни действие рыночных отношений в сложившихся условиях снова стало еще больше накрывать китайскую экономику в сторону преимущественного развития промышленности в ущерб сельскому хозяйству. Небезынтересен сам механизм переливания средств из сельского хозяйства в другие отрасли экономики.

Главным двигателем рыночной экономики служит прибыль. В Китае сельское хозяйство, особенно его ведущая отрасль — растениеводство, в силу многих объективных и субъективных причин оказалось наименее прибыльным. Поэтому типичной для всей социально-экономической структуры КНР является превышение в 2,5–4 раза доходов работников несельскохозяйственных отраслей над доходами крестьян, живущих за счет земледельческого труда. Низкая доходность сельского хозяйства явилась одной из главных причин углубления негативных изменений в структуре народного хозяйства КНР после 1984 г. Рыночный механизм подобно насосу стал перекачивать из сельского хозяйства материальные ценности, трудовые и финансовые ресурсы в соответствии с принципом наибольшей выгоды в другие отрасли народного хозяйства. Причем этот механизм заработал на всех уровнях китайской экономики — общегосударственном, местном и внутри крестьянского двора. Так, в шестую пятилетку (1981–1985) государственные вложения в основные фонды составили более 533 млрд. юаней, что было на 67,3 % больше чем в предшествующую пятилетку (1976–1980). А государственные вложения в сельское хозяйство в шестую пятилетку, напротив, по сравнению с пятой сократились с 24,61 млрд. юаней до 17,28 млрд., то есть на 27,8 %. Их доля в капиталовложениях соответственно снизилась с 10,5 % до 5,1 %. В седьмую пятилетку эта тенденция продолжала углубляться. В 1986 и 1987 гг. она равнялась уже 3,1 %, а в 1988 г. даже 2,9 %. Сокращение государственных вложений в сельское хозяйство осуществлялось также по линии резкого снижения вложений в сельскохозяйственное машиностроение, промышленность химических удобрений и средств защиты растений.

Одновременно усиливалось выколачивание средств из сельского хозяйства в государственный бюджет и промышленность. Политика и методы в этом деле были наработаны в предшествующие десятилетия. Традиционно использовались ножницы цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, которые после некоторого сужения с середины 80-х годов вновь стали увеличиваться.

В самой деревне ситуация стала развиваться также не в том направлении, как мыслилось до преобразований. Денежная горячка принесла изменения в структуру коллективных капитальных вложений, формируемых из прибыли сельских предприятий и обязательных взносов крестьян. С 1984 по 1987 г. их объем возрос с 17,48 млрд. юаней до 36,57 млрд., то есть в 2,1 раза. Эта, если судить по количеству крестьянских хозяйств, сумма невелика. Но даже из этих средств непосредственно в сельское хозяйство попало всего 4,25 млрд. юаней, то есть 11,6 %. Остальные пошли на развитие сельской промышленности, транспорта и на другие цели.

Дальше. С углублением рыночных отношений проблема выгоды остро встала и перед самим земледельцем. В крестьянском хозяйстве она стала реализовываться также в трансформированном виде. После перехода на семейное хозяйствование потребность крестьян

в деньгах неимоверно выросла: деньги нужны на покупку семян, удобрений, сельскохозяйственного инвентаря, уплату налогов, поборов и т. д. Однако, так как земледелие и особенно зернопроизводство наименее выгодно, то в эту отрасль они, естественно, стали меньше вкладывать средств, отдавая предпочтение развитию подсобных промыслов, торговле, деревенской промышленности. По оценкам китайских экономистов, с 1981 по 1987 г. накопления в крестьянских хозяйствах увеличились почти в 4,2 раза (с 16,64 млрд. юаней до 69,44 млрд.), из которых 70 % было израсходовано на строительство жилья, 18 % — на подъем подсобных промыслов и всего 12,2 % — непосредственно на нужды сельского хозяйства.

Одновременно с оттоком средств из сельского хозяйства происходит и отток наиболее деятельной и работоспособной части сельского населения, переход ее в более выгодные сферы деятельности. Всего в 80-е годы полностью или частично порвали с сельским хозяйством около 100 млн. человек.

Приведенные примеры свидетельствуют, сколь труден и тернист в Китае путь к формированию рыночных отношений. Без них, как показал 20-летний опыт «большого скачка» и «культурной революции», китайское общество опутывается плотной паутиной карточек и талонов, экономика омертвляется. Словом, возврат к бестоварному производству в КНР невозможен. Но и стихийное развитие рыночных отношений, в том виде, как это было в 1984-1988 гг., также ведет к развалу экономики и чрезвычайно опасному углублению продовольственного кризиса.

Одним из важных стимулов, обусловивших довольно легкий переход крестьянства к единоличной системе, было их стремление освободиться от множества поборов, налогов, безнадежной задолженности. Однако жизнь распорядилась совсем по-иному. С роспуском народных коммун и бригад вся масса налогов и поборов обрушилась на плечи крестьян. Число различных платежей крестьян, по данным китайской печати, колеблется от 30 до 45. По существу, крестьяне оказались опутанными налогами, поборами, податями через которые у них изымается до 20 % чистого дохода вместо 5 %, разрешаемых и подтверждаемых многочисленными распоряжениями правительства.

Не сработал еще один важнейший фактор, на который делалась ставка в подъеме сельскохозяйственного производства при переходе на единоличное хозяйствование, — самое широкое использование новейших достижений науки. С внедрением системы индивидуальных хозяйств наука не только не хлынула на крошечные крестьянские поля, напротив, по утверждению китайских ученых, произошел «разрыв» науки с производством на самой передовой линии.

Индивидуальное хозяйствование не поставило преграду расхищению обрабатываемого земельного фонда: в 1985 г. он сократился на 1330 тыс. га, в 1986 г. — 1067 тыс., в 1987 г. — на 800 тыс. га. Вследствие неквалифицированного использования химических удобрений, ядохимикатов, ирригации расширяются площади заражения и вторичного засоления. Крохотные хозяйства бессильны в борьбе против эрозии, площадь которой охватывает 1500 км² и с которой в реки и моря уносится ежегодно 5 млрд. т почвы.

В очередной раз в Китае сложившаяся обстановка безжалостно перечеркнула многообещающие программы вывода этой отрасли из кризиса, вскрыв тем самым их умозрительность и несоответствие современным потребностям развития.

Как оценивается сложившаяся в аграрном секторе ситуация в самом Китае? Ненормальность обстановки в деревне в настоящее время понимают если не все, то очень и очень многие в правительственных и научных кругах. Остро чувствуют это и крестьяне. Однако, поскольку каждая группа населения исходит из своих интересов, то и оценки ситуации и выход из кризиса им видятся на разных путях.

Если взять официальные выступления руководителей КПК, некоторых обществоведов, то в них до сих пор проводится мысль, что семейный подряд отвечает уровню развития производительных сил в большинстве районов Китая и, по-прежнему, не утратил своей жизнеспособности.

Выражая мнение части руководящих работников и крестьян, в феврале 1988 г. журнал «Экономика китайской деревни» писал об обострении противоречия между модернизацией сельского хозяйства и узкими рамками распыленного производства. «Люди, — продолжал автор статьи, — понимают, что так долго дела идти не могут».

Но как выйти на прямой путь модернизации сельского хозяйства в сложившейся обстановке? Чтобы создать условия для более или менее рационального и эффективного производства, по разным оценкам китайских экономистов, хозяйства необходимо укруп-

нить по крайней мере в 3-10 раз. Но как это сделать, если невозможно вследствие межхозяйственных отношений собрать в один клин 7-9 клочков даже одного двора! Два-три года назад в печати весьма активно доказывалась идея о необходимости передачи земли в частную собственность крестьян и создания рынка земли. Власти не пошли на этот шаг, резонно опасаясь за судьбы земельного фонда вообще, будущее сельского хозяйства, продовольственное обеспечение быстро увеличивающегося населения. Эта акция привела бы к невиданной по масштабам спекуляции землей, к массовому сгону с нее крестьян и едва ли была бы эффективной в укреплении хозяйств при столь неимоверной распыленности.

В обществоведческих и руководящих кругах то и дело поднимается вопрос о тех или иных формах реколлеktivизации. В отдельных местах даже предпринимаются попытки в этом направлении. Однако решающее слово, как и куда идти дальше, принадлежит крестьянской массе, которая сейчас уже не та послушная и верящая на слово златоустам, какой она была 40 или 30 лет назад.

Но определяющее значение для будущих реформ в китайской деревне имеют не названные проблемы, а то, что устраивает крестьян в этой системе и от чего они не желают отказываться. Узловой пункт здесь — это отношение к системе семейного хозяйствования. Согласно тем же обследованиям, от 90 до 95 % крестьянских дворов одобряют проводимую сейчас политику семейной ответственности и 80 % не хотят, чтобы она менялась. Крестьянам нравится относительная раскрепощенность в ведении хозяйства и развитие рыночных отношений, повышение цен на животноводческие продукты и овощи, возможность улучшения материального положения. Пережив множество экспериментов за всю историю КНР, крестьяне всеми доступными средствами будут сопротивляться каким-либо формам реколлеktivизации.

В очень сложной ситуации оказалось правительство КНР. С одной стороны, быстро увеличивающееся население требует все больше и больше жизненных средств, с другой, оно вынуждено считаться с интересами крестьян и не может провести те или иные радикальные меры по изменению обстановки. В этих условиях последние год-полтора в официальных кругах обосновывается весьма неопределенная идея комплексного развития сельского хозяйства, которое подразумевает совершенствование подрядной системы на основе семейных хозяйств, увеличение капиталовложений в аграрный сектор, развитие сферы обслуживания крестьянских дворов и др. Чего-либо абсолютно нового в выдвинутой концепции в общем-то нет.

Сложившуюся к настоящему времени в китайской деревне обстановку я бы охарактеризовал как патовую в нескольких отношениях. В социально-экономическом плане существующая система не может двинуться быстрыми шагами вперед в направлении создания рынка земли и формирования фермерской системы, ни возвратиться вспять к коллективизации в крупных масштабах. В плане производства сельскохозяйственной продукции она не может набрать быстрых темпов, хотя потенциальные ресурсы роста производства не исчерпаны, но она в состоянии не допустить крупного спада (если не случится чрезвычайных стихийных бедствий). При всех недостатках мелкое хозяйство в Китае отличается устойчивостью, которая поддерживается инстинктом самосохранения. При всем желании в китайской деревне не может произойти стремительная техническая революция: маломощные микрофонды с избытком трудовых ресурсов чрезвычайно слабы и избирательны к восприятию новшеств. Десятки и десятки миллионов крестьянских дворов вообще нерентабельны и существуют за счет пота и крови крестьян, обеспечивая скудное пропитание. Государству даже при скоплении средств очень трудно или почти невозможно оказать им действительную помощь.

* * *

Находясь в состоянии мучительных поисков наиболее эффективных форм и систем хозяйствования, мы внимательно пытаемся всмотреться в реформы других стран, в том числе и в реформы в Китае. Но, повторюсь, социально-экономическая, демографическая, научно-техническая обстановка в КНР и СССР отличаются коренным образом. Иные и климатические условия. И механическое перенесение китайского опыта, даже положительного, чревато глубокими потрясениями. Но все же внимательное усвоение драматического опыта последней аграрной реформы в КНР может кое-чему научить и предостеречь от весьма опасных шагов в осуществлении различного рода реорганизаций у нас дома, в том числе и в аграрном секторе.

Первое. Волевым ликвидация коллективных хозяйств, раздел земли и имущества между крестьянами не создает еще системы современных фермерских хозяйств, а отбрасывает сельское хозяйство к новому виду полунатуральщины и натуральщины. Утратив некоторые положительные элементы прошлой организации производства, система единоличных мелких крестьян не приобретает черт современного сельского хозяйства, присущих системам развитых капиталистических стран, которые основаны на совокупности индивидуальной инициативы, глубокой специализации, кооперации и новейшей технологии. Ложными оказались упрощенные рассуждения о том, что наделение крестьянина землей само по себе превратит его в хозяина, только и пекущегося о ее плодородии и подъеме производства. Без коренного преобразования всей экономической среды, технического базиса производства, условий труда даже у китайского крестьянина быстро перегорел производственный запал и верх одержала рутинная.

Второе. Китайский опыт учит также тому, что при подготовке и проведении реформы необходимо исходить не из абстрактного, придуманного крестьянина, а из конкретного сегодняшнего нашего селянина с комплексом развитых потребностей в современных условиях труда и его оплаты, быта, социальной и духовной жизни. Исключительно важно учитывать неблагоприятную демографическую ситуацию в деревне, которая в отличие от Китая уже 60 лет является отрицательной (в КНР за 40 лет сельское население увеличилось на 320 млн. человек). Превращение китайского крестьянина в единоличника не только не привело к повышению престижности земледельческого труда, напротив, послужило причиной массового оттока наиболее деятельного и квалифицированного населения из этой сферы. Для советского общества такой поворот событий был бы углублением кризиса с чрезвычайно опасными последствиями.

Третье. Не только опыт Китая, но прежде всего неудачи многочисленных попыток в СССР изменить ситуацию на селе, кажется, должны были бы научить, что аграрные проблемы нельзя решать без коренной реформы всей экономической системы, включая коренной пересмотр стратегических приоритетов в инвестиционной, ценовой, налоговой политике, где должны быть в полную меру учтены интересы села. Одна из главных причин прогрессирующего кризиса советской экономики заключена в иррациональной структуре экономики, в монопольном засилье тяжелой промышленности, в отрыве ее от сельского хозяйства и других отраслей, обеспечивающих непосредственные нужды людей. Именно какая-то фатальная приверженность такой политике привела к глубочайшему кризису социализма в мире. Советский Союз, Китай и некоторые страны Восточной Европы увязли в этой иррациональной структуре. У их правительств не достало сил переломить негативные тенденции. И СССР, и Китаю, и другим социалистическим странам не выйти из кризиса до тех пор, пока не будет проведена такого рода перестройка, пока сельское хозяйство не будет поставлено в нормальные экономические и социальные условия, пока деревня не будет получать в достатке на заработанные деньги добротную технику, стройматериалы, энергию, топливо, потребительские товары и т. п. В существующей экономической среде и в СССР, и в КНР не могут нормально развиваться и процветать ни коллективные, ни фермерские хозяйства.

Четвертое. Изучая опыт Китая, необходимо учесть двойственное воздействие на аграрный сектор развития рыночных отношений. С одной стороны, они значительно активизируют экономическую жизнь, но, с другой, если пущены на самотек и не регулируются, они могут еще больше разбалансировать и подорвать экономику и особенно пагубно отразиться на сельской экономике. Западные страны и Япония подняли сельское хозяйство не только используя закон стоимости, но и с помощью большого вложения капиталов в эту отрасль.

И последнее. История замысла последней аграрной реформы в Китае и его реализация типичны не только для КПК и ее руководства. Те же черты присущи многим реформам и в СССР. В основе этих замыслов лежат зачастую наитие, «здравый смысл». Они не опираются на всесторонние исследования и анализ экономической ситуации, не просчитываются и их последствия. Логичны и результаты. Вот уже года два как в специальной китайской литературе раздаются критические голоса, обвиняющие инициаторов реформы за ее неподготовленность, непродуманность и методы проведения, неведение последствий, преувеличение успехов и упоение ими. Реформы затрагивают кровные интересы десятков миллионов людей. Обратные ходы в этом сложном деле не берутся, а исправление зигзагов оборачивается для общества огромными материальными и моральными потерями.

Важна не только экономика, но и политика

А. МУГРУЗИН

С о многими конкретными выводами И. Н. Наумова, видимо, можно согласиться, однако вряд ли можно согласиться с тем, будто реформа оказалась неподготовленной и вызвала большие потери для общества. Суть его выступления в целом сводится к тому, что подворный подряд был волевым мероприятием, которое привело к распылению землепользования, сокращению механической вспашки, ухудшению состояния ирригационных сооружений и т. д. Все это он записывает в пассив системы подряда. Оказывается, подряд виноват и в том, что крестьяне могут продавать на рынке лишь около 10 % своей продукции и что большие средства выкачиваются в город. Виноваты крестьяне, по логике И. Н. Наумова, и в высоких налогах и поборах, расхищении пахотных земель. Скорее все-таки крестьяне были поставлены в такие условия.

Этот главный тезис автора вызывает возражение. В основе выступления лежит все-таки противопоставление крупных коллективных хозяйств, которые существовали до семейного подряда мелким и мельчайшим, которые существуют сейчас. У последних он находит много недостатков, которые и обуславливают современное неудовлетворительное состояние сельского хозяйства.

Можно напомнить, что в старом Китае существовала система мелких крестьянских хозяйств, которая с трудом могла прокормить в два раза меньшее население страны. Причины плохой жизни крестьян и затрудненного состояния сельского хозяйства тех времен известны: это тяжелая эксплуатация крестьянства со стороны государства (налоги и борборы чиновников) и землевладельцев-помещиков.

История КНР после коллективизации 1955-1956 гг. показывает, что эта крупная форма производства вызывала недовольство крестьян и в конце концов была реформирована. Причины неудовлетворительного состояния крупных хозяйств тоже достаточно известны: в интересах индустриализации, укрепления обороны и пр. из сельского хозяйства вычерпывалось столько средств, сколько возможно, и сельское хозяйство перманентно находилось в неудовлетворительном состоянии, а крестьяне жили плохо. Это и было причиной фиаско крупного «коллективного» хозяйства.

В основе проблемы, думается, не вопрос о масштабах хозяйств, а иные причины, прежде всего социальные, связанные с положением работника в аграрном секторе. Будет ли в стране изобилие, каковы будут размеры хозяйств в конечном итоге зависит от того, какое место будет занимать работник — государственного крепостного или свободного человека. Благоприятное изменение положения работника было причиной всплеска сельскохозяйственного производства после введения системы подряда. Одним словом, события последних лет в китайской деревне допускают иную трактовку, чем предложил И. Н. Наумов.

В 1984 г. урожай зерна составил свыше 400 млн. т. Это не был «случайный» высокий урожай, так как данные за ряд лет показывают наращивание производственного потенциала в сельском хозяйстве, который не мог быть задействован по социальным причинам. Данные за последующие (после 1984 г.) годы позволяют сделать вывод, что, несмотря на некоторый откат назад, удалось закрепить достигнутый успех.

К сожалению, первоначальная оценка урожая как «отрыв» от традиционного уровня оказалась слишком поспешной. Тем не менее впервые в истории Китая ощущено превышен традиционный «нормальный» уровень производства продовольствия, который можно определить (учитывая 1 млрд населения) примерно в 320-350 млн. т. Этот уровень позволяет пока насытить все население Китая, отказавшись от импорта продовольствия. Появляется некоторый излишек продовольствия, который можно употребить для того, чтобы часть

Мугрузин Анатолий Сергеевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР.

сельского населения переключить на промышленные занятия, где их труд будет значительно продуктивнее. Отрыв от земли новых групп сельских тружеников будет способствовать рассасыванию аграрного перенаселения, которое остается еще огромным, и улучшению условий использования рабочей силы в сельском хозяйстве; последнее должно способствовать повышению производительности труда. В общем, это позволяет постепенно «разматывать» всю цепь: производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве — накопления — повышение жизненного уровня населения и пр. Иными словами, сдвиг сельскохозяйственного производства с традиционного уровня производства продовольствия, если он будет закреплён и расширен, позволяет надеяться, что он открывает дорогу к периоду экстенсивного развития, который может быть длительным и характеризоваться высокими темпами. В этом смысле обстановка в Китае, как казалось, может измениться принципиально: успешное развитие сельского хозяйства позволит полнее использовать людские ресурсы Китая.

На пути к реализации этих возможностей имеется немало препятствий. Именно экстенсивный путь развития экономики (посредством использования все новых порций людских, природных и капитальных ресурсов) наиболее «дешев» и сулит наивысшие темпы. Но какова будет нагрузка на экологическую обстановку? Осложнения могут затруднить темпы или же изменить тип (форму) развития.

Действительно, достигнутый успех со всех точек зрения пока не представляет собой «окончательного решения» продовольственной проблемы. Его нужно еще закрепить и развить.

Кроме того, еще один парадокс — удовлетворение потребностей сельского населения в питании недостаточно, оно чревато опасностью падения у части крестьянства стимула к дальнейшему расширению производства. Историческое изучение состояния китайского крестьянства заставляет предполагать, что подобные настроения могут захватить значительную часть крестьянства. Крестьяне должны иметь возможность нормального обмена своей продукции на промышленные товары и средства производства. Опасность падения темпов и даже стагнации на уровне простого «насыщения» крестьянства продуктами питания заставляет изыскивать новые стимулы к расширению сельскохозяйственного производства, удовлетворять и расширять потребности крестьянства.

Экономическая реформа началась с того, что государство (и стоящая за ним КПК) отказалось, хотя бы частично, от своей практически полной экономической монополии и ее основы — от абсолютного господства госсобственности. Прежде всего и с видимым эффектом это сказалось на сельском хозяйстве. Но, с другой стороны, улучшение положения в сельском хозяйстве как бы само собой повлекло такие последствия, которые в существующей системе управления отрицательно сказались на положении крестьян. В чем это проявилось?

С 1985 г. сельскохозяйственное производство практически не росло, стали накапливаться острые проблемы. В 1984 г. на рынок поступило необычно много продукции, цены на зерно упали, были фактически снижены цены на закупаемую государством сверхплановую продукцию. Крестьяне стали свертывать производство зерна, переориентируясь на выгодные занятия.

В 1985 г. и в последующие годы возрастали «ножницы цен», особенно на нужные крестьянам средства производства, что вело к повышению себестоимости и падению доходов крестьян. Появился перекокс цен на отдельные виды сельскохозяйственной продукции. Причина этого явления — монопольно низкая закупочная цена на зерно (контроль над ценами на «второстепенную продукцию» в это время был снят).

Произошел отрицательный сдвиг в государственной политике капитальных вложений в сельское хозяйство. И в то же время вес вложений в промышленность возрастал, темпы ее развития по сравнению с сельским хозяйством вышли далеко за рамки нормальной пропорции 2:1. То же самое произошло на местном уровне, поскольку в местной сельской промышленности прибыль была значительно выше, чем в собственно сельском хозяйстве.

Факты, подтверждающие изложенное выше, в изобилии приводит в своем выступлении И. Н. Наумов, по-своему их интерпретируя.

В ходе реформы стали накапливаться ресурсы продовольствия, рабочей силы, сырья и пр., создалась обстановка, которая всегда в КНР использовалась для очередного «скачка». На этот раз не было обстановки идеологического давления на трудящихся, не было ажиотажа, призывов потрудиться «ради десяти тысяч лет счастья». Экономика как будто сама

вошла в режим «скачка». Однако есть признаки того, что имели место и волюнтаризм руководства, и спонтанное вползание экономики в режим «скачка». В Китае это объясняют тем, что ряд руководящих работников придерживались взглядов, рассчитанных на легкий и быстрый успех, что среди теоретиков в области экономики проявилась незначительная часть людей, поддерживающих идею о «безвредности дефицита финансов» и «полезности инфляции». Эвфемизмы «безвредность дефицита финансов», «полезность инфляции» примерно значат следующее: в 1985 г. и позднее люди, которые тогда имели власть, стали фактически проводить политику «скачка», используя «новые» методы — поощряя инфляцию. Эта политика получила поддержку части экономистов.

Как всегда при «скачке», средства из сельского хозяйства стали перекачиваться в город (в промышленность). Разразившаяся инфляция тяжело ударила по деревне, где основная продукция сельского хозяйства изымалась у крестьян по твердым ценам. Подобное перекачивание средств из сельского хозяйства в город — по сути лишь реализация неравноправного положения крестьянства перед городом, перед правительством, властями.

Обычное в ходе «скачка» истощение ресурсов на этот раз приняло инфляционную форму, поскольку существующий ранее тотальный контроль над ценами был утрачен, а «рыночное регулирование» не срабатывало. Истощение ресурсов, провал этого «скачка» в китайской лексике сейчас фигурирует под эвфемизмом «перегрева экономики». Объявленное в сентябре 1988 г. «упорядочение» фактически означает признание провала «скачка» и начало неизбежного после провала «урегулирования».

Трудности на пути развития сельского хозяйства сейчас активно обсуждаются в китайской печати. Ссылаясь на решения 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.) указываются следующие общие проблемы народного хозяйства: инфляция, превышение спроса над предложением, нерациональная структура народного хозяйства и экономический хаос. На исправление экономической ситуации и «углубление реформы» 5-й пленум ЦК КПК (ноябрь 1989 г.) ответил три года.

Ставится задача как будто в чисто экономическом плане — создать в течение трех лет макроэкономическую контрольную систему, которая соответствовала бы принципам плановой экономики с рыночным регулированием. Вместе с тем китайское руководство сейчас всячески подчеркивает неизбежность своей политики по отношению к семейному подряду: оно говорит о позволении одним достигать процветания раньше других, убеждает крестьян, что будет поощряться производство зерна и хлопка, многоотраслевое хозяйство и пр. Но все это — при обязательном условии, что стержнем будет оставаться общественная собственность, а в торговле и закупках на селе основной продукции и собственных промыслов будет сохраняться сочетание плановой экономики с рыночным регулированием.

Китайское руководство склонно сводить суть всех проблем аграрного сектора к чисто экономическим, производственным проблемам. Так, среди важнейших проблем указывается на большие колебания уровня сельскохозяйственного производства, ухудшение условий хозяйствования. Ежегодно теряется 200-300 тыс. га пахотной земли, что к тому же сопровождается сокращением орошаемых площадей, ухудшением состояния ирригационных и дренажных систем и сооружений. В результате происходят большие потери земли от эрозии, сокращаются площади под зелеными удобрениями, неправильно применяются химические удобрения и все это приводит к падению плодородия почв. И. Н. Наумов приводит значительно большие цифры потери земли. По условиям китайского земледелия (имеется в виду прежде всего практика террасирования холмов и низкогорий) ежегодно теряется значительное количество пахотной земли. В то же время трудом крестьян ежегодно осваиваются новые площади. К естественным потерям прибавились площади, изымаемые для строительства. Обычно приводятся итоговые цифры потерь пахотных земель — разность между потерей и вновь освоенными площадями. В последние годы она составляет порядка 200-300 тыс. га.

Сейчас, по мнению китайского руководства, возможности производства находятся на уровне примерно 400 млн. т. зерна; при благоприятных погодных условиях урожай может быть больше на 10 млн. т., при неблагоприятной погоде — сбор будет меньше на такое же количество. Считается, например, что сейчас отсутствуют сколько-нибудь значительные резервы для подъема сельскохозяйственного производства. Чтобы поднять уровень производства, нельзя отделаться полумерами, а необходимо взяться за подготовку инфраструктуры, чтобы в корне изменить нынешние производственные условия. Отмеча-

ются и серьезные макроэкономические проблемы как, например, разбалансированность соотношения между промышленностью и сельским хозяйством и т. д.

Во многом китайское руководство право, указывая на значение чисто экономических и производственных факторов в том, что рост сельского хозяйства в течение последних нескольких лет застыл. И тем не менее мы рискуем утверждать, что наряду с чисто экономическими проблемами, важнейшее значение имеют и социальные, политические проблемы.

В прессе замалчивается (или, скорее, затушевывается) значение событий мая-июня 1989 г., когда китайское руководство не уступило требованиям общественности о проведении политических реформ. Экономическая реформа застыла (или замедлилась) раньше. Но эти события оказали глубокое воздействие на всю социальную и экономическую обстановку в стране. Они показали, что руководство намерено сохранить в своих руках все рычаги политической власти, а следовательно, и все рычаги управления экономикой.

Вмешательство государства в сельскую сферу в виде увеличения государственных кредитов и регулирования в последнее время значительно усилилось. В последних заявлениях правительства важнейшей задачей по-прежнему называется «концентрация сил на развитии сельского хозяйства». В связи с этим намечается увеличение вложений центрального правительства в сельское хозяйство на 30 % по сравнению с прошлым годом. Большие надежды связываются с созданием «обширных зон развития сельского хозяйства» в 19 районах страны. Местные власти обязываются организовывать коллективные предприятия в сельской местности, поощрять крестьян, вкладывающих больше средств в производство, увеличивающих вложения труда. Чтобы сократить выпадение пахотных площадей «местные правительства должны строго выполнять государственный план использования земли под строительство и думать дважды, прежде чем дать разрешение» и т. п.

В Китае уже реально существует многоукладная экономика, сосуществуют наряду с государственной иные формы собственности. Связанные с ними социальные слои нуждаются в правовых гарантиях, они требуют возможности легально выражать и защищать свои интересы. Неуступчивая позиция властей лишает представителей этих иных, негосударственных, форм собственности необходимых политических гарантий. Между тем за ними стоят многочисленные слои населения: это крестьяне на семейном подрае, мелкие предприниматели в городе и деревне, не говоря уж о буржуазных слоях и зарубежных коммерсантах. Беспокойство этих слоев привносит сильный элемент неопределенности и неустойчивости в социальную обстановку. Беспокойство вполне оправдано, так как на страницах китайских газет вновь появились лозунги «борьбы с буржуазным поветрием» и «буржуазной либерализацией», вновь возвеличивается образ Лэй Фэна — «винтика» общественного механизма, и т. п. Все это противоречит заявлениям о намерении продолжать и даже углублять проведение реформ.

Как было сказано выше, в КНР сильны позиции слоев, настроенных против кардинальных реформ, особенно против ослабления власти партии и государственного аппарата. Для подавления инфляции и экономического хаоса руководство объявило о намерении создать всеобъемлющую макроэкономическую контрольную систему. Это усиливает роль и политические позиции партийной и государственной бюрократии. И хотя проводимая в Китае широкая кампания борьбы с коррупцией ставит какие-то препятствия для всевластия бюрократии над широкими массами трудящихся, тем не менее это — всего лишь мера ограничения «беспредела» их всевластия. Подчеркивание главенства общественной (государственной) собственности, планового начала (роли государственных органов управления), руководящей роли КПК (отказ поделиться с другими даже частью своей власти) — все это свидетельствует о непоколебимом намерении сохранить монополию на власть.

Позиция сельских кадровых работников — наиболее влиятельного социального слоя в деревне — определяется тем, что реформа сильно ударила по их политическому положению в обществе и экономическим интересам: она затронула основу их власти над крестьянством; часть их стала вообще ненужной. Их недовольство изменением своего положения можно понять; все они едва ли когда-либо согласятся с курсом на кардинальные реформы, они неспособны «поступить» принципами социализма, как они их понимают, и с радостью приветствовали бы свертывание реформ, укрепление государственного начала и власти партии.

В деревне (и не только в деревне) имеются многочисленные слои населения, которые

мало что выиграли от реформы. Это прежде всего сельские бедняки, которых насчитывается несколько десятков миллионов человек. И бедняки, и кадровые работники поддерживают курс на ограничение активности относительно зажиточного слоя крестьянства, то есть наиболее динамичного и сильного в производственном плане в деревне. Усиление роли государственной системы (и, соответственно, стоящей за ней госпартбюрократии) представляет явную угрозу и системе семейного подряда, и существованию мелкопредпринимательского сектора хозяйств.

Меры по усилению контрольных и регулирующих функций местных властей укрепляют власть кадровых работников над крестьянами и одновременно повышают недоверие их к политике КПК. А в результате страдает производство. Недоверие к власти со стороны крестьян находит проявление в небрежении к ирригационным сооружениям, в элементах хищнического (нехозяйского) отношения к земле, в низких вложениях капитала (своих средств) в производство, в низких капитальных вложениях труда. Крестьяне нерационально много тратят на личное потребление, на строительство личных домов и пр. С другой стороны, наблюдаются признаки уже, казалось бы, канувшего в вечность их неравноправного положения перед кадровыми работниками. Крестьяне до сих пор страдают от произвольно накладываемых на них взносов и от обязательных общественных работ.

Крестьяне не заинтересованы в дальнейшем подъеме производства (застыв, видимо, на границе физического насыщения), так как, во-первых, не получают «справедливой цены» и «справедливой доли» при обмене своей продукции на изделия промышленности, а во-вторых, что, может быть, еще важнее, не уверены в прочности системы семейного подряда, в твердости курса центральной власти. Крестьяне не властны в определении курсов, их мнение может приниматься властями во внимание, а может и нет.

Среди аграрников-марксистов и историков распространено мнение, что люди на Востоке «привыкли к рабству», что эта привычка составляет существенную характерную черту социальной жизни на Востоке, ее прочную многовековую традицию. Нам кажется, что этот взгляд представляет собой добросовестное заблуждение. Опыт Китая показывает, что развитие товарного хозяйства даже в таких скромных масштабах, как на сельских рынках Китая, ставит политические вопросы. Новые (для Китая) формы хозяйства нуждаются в соответствующих гарантиях своей деятельности. Такими гарантиями не могут быть заверения правительства, а требуется реальное участие в государственном управлении соответствующих политических сил. Другое дело, что новые формы хозяйств и экономически, и политически еще слабы. Тоталитарная политическая и экономическая система еще довлеет и способна сравнительно легко подавлять политическую активность слоев, бросающих ей вызов.

Как видим, логика реформы, которая после экономических мероприятий поставила на повестку дня реформу политической системы, и логика командно-бюрократической системы, основанной на государственной собственности и абсолютной власти государственно-партийной бюрократии, действуют в противоположных направлениях, нагнетая внутреннюю напряженность и нестабильность. Как и когда будет разрешено это противоречие — покажет будущее.

Экономические трудности весьма велики, тем не менее они вполне преодолимы. Уже достигнутый успех в сельском хозяйстве открывает некоторые возможности. Китай до сих пор стоит на перепутье. Если эти возможности будут полностью использованы, то перспективы развития экономики внушают оптимизм.

За спором о преимуществах крупного хозяйства стоят социальные интересы определенных групп населения, семейный подряд — крупная уступка крестьянству, важное его завоевание, которое оно так просто не уступит. Судьба системы подряда сейчас — объект борьбы: одни хотят ее ограничить государственным регулированием, другие связывают с ней возможность демократического (рыночного) развития с последующим повторным кооперированием на основе взаимной выгоды и полной добровольности.

(из истории ранних
советско-китайских отношений)   Б. ГУРЕВИЧ

Великий Октябрь положил начало новому этапу в истории взаимоотношений народов России и Китая. Тема эта уже получила достаточно широкое освещение. Однако в ранних советско-китайских отношениях есть еще недостаточно изученные вопросы, одним из которых является, например, история добрососедских связей между нашими двумя странами на рубежах Казахстана и Средней Азии, с одной стороны, и нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР — с другой. Эти связи наиболее ярко проявились в боевых действиях частей Красной Армии совместно с китайскими войсками против белогвардейских банд на территории Синьцзяна в 1921 г.

* * *

В начале 1920 г., после разгрома на Восточном фронте Красной Армией, белогвардейские части атамана Дутова стали отступать в степи Казахстана. Остатки еще не так давно 150-тысячной Оренбургской армии и входившая в ее состав отдельная Семиреченская армия во главе с одним из самых свирепых белогвардейских атаманов Анненковым и его подручными генералами Бакичем, Щербаковым и другими под натиском частей Туркестанского фронта все дальше откатывались на юг. Они бежали через степные просторы и горы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан) к границам Китая, за которыми лежала мало известная им провинция Синьцзян.

Еще в январе началась операция Красной Армии по очистке от белогвардейцев пограничного Джаркентско-Пржевальского района Семиречья. 27 марта на другом участке советско-китайской границы, в предгорьях Тарбагатая, было освобождено селение и пост Бахты. Деморализованные остатки Семиреченской армии, огрызаясь несчастными пулеметными очередями от наседавших передовых частей Красной Армии, устремились через перевал Хабар-Асу. Здесь они были остановлены китайскими войсками и частично разоружены. Общее число солдат и офицеров, а также обманутых белогвардейской пропагандой беженцев, которые в панике перешли границу, составило более 25 тыс. человек¹.

Самым крупным из анненковских подразделений, двинувшихся через перевалы в ближайший приграничный китайский город Чугучак — центр Тарбагатайского округа, был отряд генерала Бакича. Он обосновался лагерем на берегах реки Эмиль, в селении Дурбульдзин. Управления и тыловые службы отряда прибыли сюда в полном составе, сохранив организацию и штаты.

Тогда же ударные отряды Анненкова — «черные гусары» — начали отход из Семиречья в Китай по берегам озера Алаколь, к горному проходу на другом участке советско-китайской границы — Джунгарским воротам. У самого рубежа «брат-атаман» расстрелял из пулеметов более тысячи своих же разоруженных солдат, которые изъявили желание вернуться обратно домой, в Советскую Россию. Сам Анненков с 9-тысячным отрядом прорвался в пределы Илийского округа Синьцзяна, где обосновался в окружном центре Кульдже и в долине реки Боратал.

Остатки воинства атамана Дутова расквартировались в селении Мазар близ границы, а штаб разместился в старой китайской крепости Суйдун. На первых порах Дутов, естественно, пользовался наибольшим влиянием в кругах белой эмиграции в Синьцзяне и у местной китайской администрации, но со временем центральной фигурой здесь стал генерал Бакич, под контролем которого оказались не только относительно крупные военные силы, но и материальные средства. Вскоре он даже про-

¹ Гуревич Борис Павлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

возгласил себя «представителем верховной власти России», а к тому времени на территории Синьцзяна уже находилось около 50 тыс. русских солдат, офицеров и беженцев².

Белогвардейские главарь рассчитывали превратить Синьцзян в свой плацдарм, собрав силы, чтобы снова с оружием в руках выступить против Советской России. Отряды белых сразу стали совершать набеги на населенные пункты Казахстана и Киргизии. Это облегчалось большой протяженностью границы, охрану которой несли немногочисленные пехотные и кавалерийские части Красной Армии. Значительную материальную помощь белогвардейцы получали от бывших российских дипломатов в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре. Наконец, все они связывали свои планы с Англией и другими империалистическими державами, которые также ставили своей задачей не допустить нормализации советско-китайских отношений. Особенно активную деятельность в этом плане развивал тогда британский консул в Кашгаре, кадровый офицер разведки П. Т. Эссертон³.

Дальнейший ход событий по ту сторону советско-китайской границы определялся все же не столько антисоветской возней белогвардейских главарей и стоящих за их спиной империалистических кругов, сколько новыми добрососедскими связями, которые начали складываться между властями Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики РСФСР (куда входила тогда Семиреченская область) и администрацией Синьцзяна как провинции Китая.

После победы советской власти в Семиречье в марте-апреле 1918 г. молодая Советская республика и Китай стали здесь впервые лицом к лицу. Октябрьская социалистическая революция освободила Синьцзян, как и весь Китай, от кабальных договоров и соглашений, которые в свое время были навязаны китайскому народу царским правительством. Появились условия для создания нового типа отношений между двумя сопредельными государствами. Особенности положения Синьцзяна, у которого издавна существовали тесные хозяйственные и другие связи с Казахстаном и Средней Азией, этническая и культурная близость народов, населяющих эти три региона, — все это способствовало становлению отношений советско-китайского добрососедства.

Семиречье, разоренное гражданской войной и какое-то время отрезанное от центральных областей России, остро нуждалось в товарах и продовольствии, в то время как Синьцзяну, географически отдаленному и экономически изолированному от внутреннего Китая, в свою очередь нужны были рынки для сбыта сельскохозяйственного сырья и изделий местной промышленности. Отсюда возникла обоюдная заинтересованность сторон в восстановлении традиционных хозяйственно-экономических связей. Налаживанию таких связей способствовало своеобразное положение Синьцзяна в административно-политической системе тогдашнего Китая.

Синьцзянские власти — и это было характерно для раздираемого милитаристскими войнами Китая — обладали известной самостоятельностью в решении и внутренних, и некоторых внешнеполитических вопросов. Формально они имели постоянный контакт с центральным правительством в Пекине, которое не признавало тогда РСФСР. Для обстановки в Синьцзяне имело значение и то, что влияние империалистических держав, прежде всего Англии, здесь сказывалось все же слабее, чем в других районах Китая. Реальная власть находилась в руках бывшего маньчжурского сановника Ян Цзэнсиня, ставшего после Синьхайской революции 1911 г. генерал-губернатором (дуэцзюнем) с резиденцией в Урумчи. Несмотря на реакционный характер его правления и стремление всячески уберечь Синьцзян от революционных идей, что отмечали некоторые наблюдатели⁴, Ян Цзэнсинь вынужден был считаться с тем, что в интересах местного купечества, да и всего населения провинции было необходимо как можно скорее вступить в контакт с властями Советского Туркестана.

Сразу после революционного переворота в Семиречье местные органы советской власти приняли меры к тому, чтобы информировать администрацию Синьцзяна, и прежде всего начальника соседнего Илийского округа даоня Сяй Гочжэня, о сущности произошедших событий и разъяснить ему основы внешней политики новой России. 10 апреля 1918 г. Семиреченский областной Совет народных комиссаров с ведома Туркестанского краевого Совнаркома и Народного комиссара по иностранным делам РСФСР поручил властям Джаркентского уезда пригласить «представителей

дружественной нам соседней державы» прибыть в Джаркент (ныне город Панфилов) для «взаимного обсуждения вопросов об урегулировании русско-китайских отношений». При этом подчеркивалось, что Семиреченский совет признавал весьма желательным, чтобы джаркентские власти в обращении к представителям китайских властей «засвидетельствовали бы искреннее стремление наше к поддержанию добрососедских отношений»⁵.

Хотя в архивах отсутствуют сведения о том, состоялась ли такая встреча в Джаркенте, известно, что в том же апреле 1918 г. советско-китайские переговоры велись в Кульдже. На повестке дня стоял ряд вопросов, прежде всего о восстановлении и развитии торгово-экономических связей, о возвращении из Синьцзяна казахов и киргизов — участников антицаристского восстания 1916 г., и др.⁶ Переговоры эти не завершились из-за начавшегося мятежа белоказаков в городе Верном (ныне Алма-Ата).

29 июня 1918 г. в городе Курэ (Синьцзян) состоялась встреча советских представителей с даоинем Сюй Гоцзэнем, в ходе которой он заявил о своем желании установить дружественные отношения с новыми властями России и развивать советско-китайскую торговлю. При этом даоинь добавил, что взаимоотношения между соседними странами должны быть «лучше, чем это было с царским правительством, которое обижало наш край [Синьцзян.— Б. Г.]». Завершились переговоры сделкой с китайскими купцами о поставке в Семиречье мануфактуры, кожи и медикаментов на сумму в 3 млн. руб.⁷

Следует подчеркнуть, что, хотя власти Синьцзяна заявляли о невозможности без разрешения Пекина вступать в официальный контакт с представителями РСФСР, они не препятствовали деятельности первых советских уполномоченных в Кульдже и Кашгаре, которые выступали уже фактически в роли консульских работников, коммерческих агентов и т. п. Разгоревшаяся к осени 1918 г. гражданская война в Средней Азии и Казахстане помешала намечавшемуся развитию советско-китайских отношений на границе этих регионов с Синьцзяном. Несколько месяцев 1918-го и весь 1919 г. значительная часть Семиречья была под контролем белых, пограничные с Китаем районы Казахстана и Киргизии переходили из рук в руки. Однако это не помешало прибытию 17 июля 1919 г. в Джаркент из Кульджи официальных китайских представителей для переговоров по поводу распространявшихся бывшим российским консулом Люба провокационных слухов о том, что якобы «советские войска предполагают вступить в Китай»⁸.

Заинтересованность Синьцзяна в восстановлении торгово-экономических связей с Семиречьем все более возрастала по мере нараставших к началу 1920 г. побед Красной Армии на фронтах гражданской войны, а также ширящейся в Китае общенациональной кампании за признание РСФСР пекинским правительством. Ярким примером реализации этой кампании явилось заключение 27 мая 1920 г. в Кульдже так называемого Илийского протокола, подписанного уполномоченными РСФСР и представителями китайской администрации Синьцзяна.

Состоящий из десяти статей Илийский протокол основывался на принципах равноправия и взаимной выгоды. Он предусматривал учреждение советского агентства в Кульдже и китайского в Верном, подтверждал таможенную автономию Синьцзяна и отказ советского правительства от права экстерриториальности для граждан РСФСР на территории Илийского округа, предусматривал, что китайские власти примут все меры к репатриации казахов и киргизских беженцев в Россию, а советские — к их приему. После окончания этих переговоров, о которых Ян Цзэнсинь информировал Пекин, синьцзянская администрация опубликовала специальное заявление об установлении добрососедских отношений с РСФСР. Импералистические державы потребовали аннулирования Илийского протокола, что, однако, успеха не имело.

Таким образом, Илийский протокол 1920 г., несмотря на давление держав на центральное правительство Китая в Пекине с целью помешать признанию им РСФСР, был заключен на четыре года раньше подписания Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г. Сам по себе этот факт свидетельствует об особенностях взаимоотношений двух государств на границах Советского Туркестана с провинцией Синьцзян.

Весной 1921 г., несмотря на победу советской власти в Казахстане и Средней Азии, обстановка на советско-китайской границе снова обострилась. Окопавшиеся

на территории Синьцзяна белые банды не прекращали набегов на населенные пункты Семиречья, что, естественно, вызывало протесты советских властей в адрес китайской пограничной администрации. Положение еще более осложнялось тем, что оставшиеся на территории Семиречья и Западной Сибири белогвардейские отряды старались прорваться через границу на соединение с Дутовым и Бакичем. В белогвардейских кругах Синьцзяна начали разрабатываться планы широкого вооруженного вторжения на советскую территорию, распространялись листовки с призывом к подходу на Советскую Россию⁹. Учитывая создавшееся положение, советские власти Семиречья решили прежде всего устранить атамана Дутова. Он был в начале февраля 1921 г. застрелен в своем штабе в Суйдуне. Анненков после ряда столкновений с администрацией Синьцзяна в марте того же года был выслан в пределы внутреннего Китая, где угодил в тюрьму. Белогвардейские главарь продолжали распространять всевозможные провокационные слухи, стремясь обострить советско-китайские отношения¹⁰. Одним из таких пущенных ими слухов были фантастические утверждения о якобы готовившейся Советским государством войне против Китая. Этому вопросу даже был посвящен обмен письмами между властями Советского Семиречья и администрацией Синьцзяна¹¹.

Участились бесчинства белогвардейцев на территории самого Китая, и даже были с их стороны попытки вмешательства в его внутренние дела. Население Синьцзяна и местные власти испытывали растущую тревогу из-за пребывания интернированных. В конце концов власти Урумчи обратились за помощью к правительству РСФСР. Прибывший в середине апреля 1921 г. в Бахты представитель синьцзянской администрации начал переговоры о передаче властям РСФСР части белогвардейцев и гражданских беженцев. Переговоры эти, как отмечалось в одном из документов Революционного военного совета Туркестанского фронта Красной Армии, были начаты. «учитывая желание китайцев избавиться от лишних ртов» и ввиду беспоконья, «которое белые причиняют, поскольку в районах их сосредоточения гарнизон китайских солдат не представляет из себя боевой силы»¹². В приграничных с РСФСР районах Синьцзяна формально насчитывалось всего 17 тыс. войск, но фактически, как свидетельствовали некоторые наблюдатели, их было вдвое меньше¹³. В начале мая того же года действовавшие в Восточном Казахстане и Западной Сибири белые банды Токарева и Гноева под натиском сибирских частей Красной Армии начали отход к границам Китая, к перевалу Хабар-Асу. Первым перешел границу отряд под командованием Новикова, преемника Гноева. Отказавшись сдать китайским властям оружие, пользуясь численным превосходством над местными пограничными частями, новиковцы двинулись к лагерю генерала Бакича и соединились с его отрядом. Это создало новую, еще более сложную обстановку в Тарбагатайском округе, что побудило советскую и китайскую стороны ускорить принятие соответствующих мер.

16 мая 1921 г. в Бахтах представители властей Синьцзяна и уполномоченный РСФСР Раздобреев подписали соглашение о помощи Красной Армии китайским войскам в борьбе с отрядами Бакича и Новикова. Одна из его статей гласила, что «китайское правительство, стоящее до сих пор на твердых позициях сохранения нейтралитета», вынуждено в силу нарушения отрядами Бакича и Новикова «международных правил», объявить о начале военных действий. «Не имея достаточного количества войск в Тарбагатайском округе для ликвидации указанных банд,— говорилось в другой статье соглашения,— китайское правительство согласно на ввод советской Красной Армии на китайскую территорию для совместных военных действий против вооруженных белых отрядов Бакича и Новикова». Предусматривалось, что такие «действия начнутся буквально на следующий день, то есть 17 мая, и что после их окончания части Красной Армии «немедленно отводятся на территорию Советской России»¹⁴. Со своей стороны китайские власти должны были спешно провести мобилизацию всего мужского населения Тарбагатайского округа, способного носить оружие, передать частям Красной Армии 28 пулеметов и 2 орудия, ранее взятых у интернированных белогвардейцев, по ходу военных действий снабжать красноармейцев продовольствием и предоставить им средства передвижения¹⁵.

17 мая 1921 г. части Красной Армии под руководством члена Реввоенсовета Туркестанского фронта и командующего Семиреченскими войсками Клементьева перешли советско-китайскую границу в двух направлениях и двинулись на Чугучак для разгрома Бакича и Новикова. Подойдя к городу, красноармейцы окружили его и вступи-

ли в бой с разрозненными группировками белых. Затем части Красной Армии направились к Дурбульдзину, где сосредоточились основные силы Бакича. На подступах к этому пункту завязались ожесточенные бои. Китайские войска под командованием полковника Ван Чжунлу получили приказ выступить к озеру Телли-Нор, чтобы преградить противнику путь на Урумчи. Потерев в поражении у Дурбульдзина, бросив в лагере больных, стариков и женщин, белогвардейцы бежали дальше на восток, на территорию Шарасумэского (ныне Алтайского) округа Синьцзяна, туда же сумел уйти и сам генерал Бакич.

С завершением военных операций в Тарбагатайском округе советская и китайская стороны связывали дальнейшее развитие добрососедских отношений. Посетившему 5 июня Чугучак члену Реввоенсовета Туркестанского фронта Воронину тарбагатайский губернатор Цзин Сян заявил, что «правительство Великой Китайской Республики радо видеть представителя Великой Советской республики на территории Китая», и заверил его в том, что «после ликвидации Бакича границы Тарбагатайского округа будут открыты для торговли с Советской Россией»¹⁶.

17 июня 1921 г. была полностью закончена операция в районе Чугучака. Красная Армия взяла в плен 1200 белогвардейцев, большое количество вооружения и другие трофеи. Советские части были выведены через Бахты в Казахстан. Однако генерал Бакич с остатками своих сил ушел от погони и закрепился в окружном центре Шарасумэ, где летом того же года разыгрался самое драматическое для местных китайских властей событие. Продолжая бесчинствовать и терроризировать население города и его окрестностей, белогвардейские банды захватили местный арсенал. Губернатор Шарасумэ, страшась кары со стороны Пекина, покончил с собой. Власть китайской администрации фактически распалась, предатели ее запросили у советских пограничников разрешения выехать через территорию Казахстана в Чугучак. И такое разрешение было немедленно дано. Бакич объявил себя «правителем Шарасумэского округа».

Глава синьцзянской администрации Ян Цзэнсинь с вedom Пекина через находившегося в Чугучаке Воронина снова обратился к правительству РСФСР за поддержкой, чтобы совместно с частями Красной Армии окончательно ликвидировать белые банды на территории Синьцзяна, поскольку «у китайского правительства нет уверенности в своих частях без помощи Красной Армии». 21 июня Воронин направил в Москву на имя В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, а также в НКВД РСФСР две телеграммы Ян Цзэнсиня, в первой из которых он выражал свою благодарность командованию Красной Армии за помощь в разгроме белых под Чугучаком и безупречное поведение красноармейцев на территории Синьцзяна, а во второй вновь сообщал о бедственном положении китайской администрации в связи с захватом генералом Бакичем Шарасумэ. По словам Воронина, дубань «убедительно просит нас в целях сохранения добрососедских отношений и установления в дальнейшем более тесного союза не бросать Синьцзянскую провинцию на произвол судьбы и не дать разграбить ее разным бандитам, которые с каждым днем начинают действовать решительнее... Положение для здешних китайских властей,— писал в заключение Воронин,— создается весьма критическое».

Спустя неделю в новой телеграмме Воронина в Москву речь уже шла о немедленном заключении нового советско-китайского соглашения о вводе в Синьцзян на этот раз не только туркестанских частей Красной Армии, но и войск из Сибири, поскольку город Шарасумэ значительно удален от Туркестана. Предусматривалось, что по просьбе Ян Цзэнсиня общее руководство военными операциями против Бакича должно быть возложено на командиров Красной Армии, которым, по словам Воронина, пекинское правительство «всецело доверяет».

Тем временем обстановка в Шарасумэском округе еще более осложнилась: помимо самого Шарасумэ, отряд Бакича сумел овладеть Бурчумом. По словам Воронина, находившегося все еще в Чугучаке, это известие посеяло прямо-таки «паническое настроение среди китайских властей». Он сообщал: «На нас уже смотрят как на обманщиков, если мы не выступим». Поэтому уже в июле-августе 1921 г. в Урумчи состоялся советско-китайские переговоры, которые начал Воронин, а затем в Чугучаке продолжил уполномоченный Реввоенсовета войск Сибири Погодин. С самого начала переговоров китайская сторона предложила следующие пункты будущего соглашения: «1) Крас [ные] войска имеют право наступать и вести операции против белых банд, но ввиду ненадеж-

ного состава кит [айских] войск таковые участвовать в наступлении не могут, а будут лишь защищать тыл провинции, не пуская банды в глубь Китая. 2) Ввиду ограниченных запасов снарядов и патронов [ов] кит [айские] войска просят о снабжении таковыми, но после ликвидации [банды Бакича.— Б. Г.] отпущенные снаряды и патроны будут возвращены или, в случае невозможности, будут оплачены по стоимости. 3) Взаимное представительство при том и другом штабе, то есть наш представитель будет при штабе кит [айских] войск, а представитель кит [айских] войск будет при полевом штабе. 4) Если кр [асными] войсками будут взяты [в] Китае трофеи оружия, забранного Бакичем [в] Шарасумэ, то [они] подлежат возвращению кит [айскому] командованию» и т. д.¹⁶

12 сентября 1921 г. в Чугучаке было подписано советско-китайское соглашение о втором вводе частей Красной Армии в Китай для окончательной ликвидации белогвардейского отряда генерала Бакича и других белых главарей в Шарасумэском округе. Его подписали представитель Реввоенсовета войск Сибири РСФСР Погодин и уполномоченные дуцзюня Синьцзяна Лю Сицзинь и Бао Эньюй. Эта акция по вводу войск, как отмечалось в тексте соглашения, предпринималась ввиду того, что присутствие белых формирований являлось «опасным для спокойствия двух соседних дружественных республик». Общий план операции предусматривал, что части Красной Армии должны были выступить из района города Зайсана (РСФСР), чтобы ударить противника в лоб, а китайские войска принимали на себя задачу охраны тыла в районе Булун-Тохой и на востоке по реке Урунгу, не допуская отступления белогвардейцев в глубь провинции, то есть в район Урумчи. Китайские власти Синьцзяна вновь взяли на себя заботу о снабжении действующих частей Красной Армии продовольствием, а советское командование в случае необходимости обязывалось безвозмездно снабжать китайские войска боеприпасами. Одна из статей соглашения содержала в себе обязательство командования Красной Армии в ходе боевых операций бережно относиться как к имуществу китайских провинциальных властей, так и отдельных граждан, «отнюдь не считая его военной добычей». По очищении от белых банд того или другого района он должен был передаваться под контроль властей Синьцзяна. С окончанием всех операций части Красной Армии обязались незамедлительно покинуть пределы Китая.

Уже в конце сентября 1921 г. город Шарасумэ и другие районы округа были полностью очищены от белогвардейских банд. Остатки отряда генерала Бакича, насчитывавшего в начале второй операции Красной Армии в Синьцзяне до 8 тыс. человек, после нее (в количестве 5 тыс.) поспешно отступили в глубь Монголии. 29 сентября того же года Погодин от имени Реввоенсовета Сибири поздравил китайские власти Синьцзяна с разгромом Бакича и выразил им благодарность за помощь и содействие в этой операции. Он заверил в дружеских чувствах Советской республики к Китаю. Погодин писал, что «интересы, как военные, так и экономические, обеих дружественных стран тождественны». Эти же мысли содержались в ответном послании уполномоченного Ян Цзэсиня — Лю Сицзиня. Он со своей стороны поздравил Красную Армию с победой и высказал уверенность в том, что отныне «две соседние республики в тесных дружественных отношениях, рука об руку быстро пойдут к экономическому процветанию». Позже и сам дуцзюнь Ян Цзэсиня в поздравительной телеграмме на имя Погодина выразил сожаление в том, что «помощь в деле ликвидации [Бакича.— Б. Г.] со стороны Китая была невелика», но вместе с тем он подчеркнул значимость того, что произошло, для дальнейшего укрепления дружественных отношений и процветания обоих государств — Китая и Советской республики¹⁷.

Судьба белогвардейских главарей Анненкова, Бакича и некоторых других, потерпевших полное крушение в своих антисоветских планах, сложилась по-разному, хотя в конце концов поставила их перед судом советского народа. Парадоксально, но факт, что атаман Анненков — внук декабриста И. В. Анненкова — был ярким монархистом и бесчеловечным садистом. После довольно скандальных приключений в Синьцзяне и пребывания в здешней тюрьме он в 1925 г. появился во внутреннем Китае, где к тому времени уже шла гражданская война. Так как враждующие между собой группировки милитаристов нуждались в наемниках и охотно принимали к себе на службу белогвардейцев, Анненков стал выбирать, к какой из таких группировок стоило бы ему примкнуть, претендуя в то же время на руководство всеми белогвардейскими силами, оказавшимися в Китае. Стремясь использовать противоречия между маршалами Чжан Цзолинем и Фын Юйсяном, при котором тогда в Северном Китае находилась группа советских со-

ветников во главе с В. М. Примаковым, Анненков в то же время не оставлял собственных претенциозных планов вернуться «на белом коне» в Россию. Пребывая на территории контролируемой Фын Юйсяном, в Северном Китае, он в то же время тайно переместился на сторону Чжан Цзолиня, за что был выдан советским властям и в 1927 г. судим в Семипалатинске за свои преступления и расстрелян.

Такая же судьба постигла генерала Бакича, который, бежав в Монголию, вместе с оперировавшими там бандами Китайгородова и Казанцева вступил в борьбу с революционными силами монгольского народа. Позже он предпринял наступление на Туву и Горный Алтай, однако потерпел поражение и снова откатился назад, в Монголию, где был вынужден сдаться отряду Монгольской народно-революционной армии. Затем, вместе с полковником Токаревым, Бакич был передан советским властям и расстрелян в начале 1922 г.

В ходе бурных событий, развернувшихся летом и осенью 1921 г. за перевалами Тарбагатай, когда части Красной Армии совместно с китайскими войсками добивали остатки белогвардейских банд на территории Китая, росли симпатии многонационального населения Синьцзяна к Советской России. Знаменательно, что когда до этой китайской провинции дошли вести о нормализации взаимоотношений между СССР и Китаем в мае 1924 г., то, по свидетельству тогдашнего представителя МИД СССР в Кульдже Печатникова, «радости купцов и вообще широких слоев населения не было предела. Непрерывно являлись представители населения во вверенное мне представительство, чтобы выразить свое удовлетворение по поводу состоявшегося решения в Пекине»¹⁸. Эта договоренность действительно имела историческое значение для политических, экономических и других связей между СССР и Китаем на всем протяжении их границы от Дальнего Востока до западных пределов Синьцзяна.

¹ Камский. Белые в Китае // Сибирские огни.— 1923.— Кн. I-II.— С. 81.

² АВП СССР.— Ф. 100в.— 1919—1923.— Оп. 4.— Д. 2.— Л. 7.

³ См.: ЦГАСА.— Ф. 110.— Оп. 2.— Д. 94.— Л. 471. Ставшие ныне известными документы из Национального архива Индии в Дели дают, наконец, возможность «из первых рук» ознакомиться с этой стороной работы британских спецслужб в Синьцзяне.

⁴ См.: АВП СССР.— Ф. 318.— Оп. 3.— Д. 5.— Папка 3.— Л. 6.

⁵ Алма-Атинский областной государственный архив.— Ф. 4.— Д. 15.— Л. 218-219.

⁶ Заря свободы (Верный).— 1918.— 8 июня.

⁷ Из воспоминаний Ф. А. Мельникова, хранящихся в архиве Института истории партии при ЦК КП Казахстана.

⁸ ЦГАСА.— Ф. 25859.— Оп. 1.— Д. 11.— Л. 117.

⁹ М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958.— С. 43; С. Н. Покровский. Победа советской власти в Семиречье.— Алма-Ата, 1961.— С. 336.

¹⁰ О. Огарев. Агония белых в Синьцзянской провинции // Военная мысль.— 1921.— Кн. 2.— май—июнь.— С. 327, 329.

¹¹ См. ЦГАСА.— Ф. 110.— Оп. 1.— Д. 25.— Л. 220-221 об.

¹² ЦГАСА.— Ф. 110.— Оп. 1.— Д. 137.— Л. 57.

¹³ АВП СССР.— Ф. 100в.— 1919—1923.— Оп. 4.— Д. 2.— Л. 7.

¹⁴ Там же.— Оп. 41а.— Д. 1.— С. 27-29.

¹⁵ Н. Лямин. Гражданская война в России в 1918-20 гг. // Военная мысль.— 1921.— Кн. 3.— С. 93.

¹⁶ ЦГАСА.— Ф. 110.— Оп. 1.— Д. 137 (1).— Л. 95, 150; Д. 197 (1).— Л. 95-98, 114-117, 120.

¹⁷ Документы внешней политики СССР.— М., 1960.— Т. IV.— С. 320-322, 382, 383, 790.

¹⁸ АВП СССР.— Ф. 318.— Оп. 3.— Д. 5.— Папка 3.— Л. 36.

Что это было?

[к событиям в Синьцзяне
в 1933-34 гг.]*

Я. ГРИЦЕНКО

Как непосредственный участник событий 1933-1934 гг. в провинции Синьцзян Китая могу сообщить следующее.

С 1932 по 1934 г. я проходил срочную воинскую службу в 13-м Алма-Атинском полку ВВ НКВД во взводе одногодичников. Призывался военкоматом города Кропоткин Краснодарского края. Прослужив год, в ноябре 1933 г. должен был сдавать экзамен на командира взвода и уйти в запас. Но в одну из ноябрьских ночей 1933 г. нас подняли по тревоге. Поскольку я был командиром отделения, то, как и другие младшие командиры, получил на отделение необходимое боевое оружие и боеприпасы. Днем наш полк погрузился в вагоны и был отправлен на восток к одной из железнодорожных станций Турксиба, которая находилась вблизи погранзаставы Бахты на советско-китайской границе, где мы выгрузились и собрались на погранзаставе. Там в течение дня нас переодели в гражданскую одежду. Личные документы мы сдали в штаб полка. В штабе нам сказали, что наше подразделение будет называться Особая часть Алтайской добровольческой армии. Оно имеет задачей перейти границу провинции Синьцзян и на ее территории разгромить мятежные войска генерала Ма Чжунина. Эта операция секретная и проводится по просьбе китайского правительства. Вместе с нами будут воевать бывшие белогвардейцы и уральские казаки, осевшие в Синьцзяне после гражданской войны в России, которым якобы было обещано право вернуться на родину, если они будут активно участвовать в подавлении мятежа. Наш взвод одногодичников был расформирован и направлен в разные подразделения. Мне вменили расчет станкового пулемета «максим», состоявший из пяти человек. Нашим подразделением командовал начальник штаба 13-го полка Глатоленко, а где находился сам командир полка товарищ Константинов, я не знал.

Ночью мы перешли границу и вскоре подошли к небольшому населенному пункту, где в небольшой крепости размещался гарнизон восставших. От внезапности часовые крепостных ворот были обезоружены без шума, а спящего командира гарнизона застали врасплох, и он был вынужден тут же подписать акт о сдаче крепости. Операция прошла успешно, без сопротивления.

Дальнейший путь нашей части проходил по заснеженным полям и горным перевалам

* Редакция продолжает публикацию материалов, относящихся к так называемым «белым пятнам» нашей истории. Мы надеемся, что научная общественность поможет окончательно разобраться в этом забытом «эпизоде» и уточнит роль тогдашнего руководства и Коминтерна в этих «загадочных» событиях. Тем более, что на Западе они описаны и оценены достаточно подробно и не составляют тайны. Несомненно одно: территориальная целостность Китая нарушена не была. Сложнее картина судеб уйгурского освободительного движения.

лам в направлении главного города провинции Синьцзян Урумчи. Двигаясь по тракту, мы часто сбивались с пути в ночное время и вынуждены были на остаток ночи зарываться в сугробы, а на рассвете снова двигаться. Некоторые бойцы отмораживали ноги или руки, потому что приходилось ночевать и на горных ледниковых перевалах. Двигались быстро, так как мятежники в небольших населенных пунктах не оказывали серьезного сопротивления. Мы спешили на помощь защитникам города Урумчи, который штурмовали крупные силы восставших. У города Кульджа с большой крепости нас встретили сильным оружейным огнем. Уличные бои длились почти целый день. Мы теряли товарищей, но двигались вперед к крепости. К вечеру сопротивление противника ослабло, и он, оставив крепость, занял оборону на противоположной стороне глубокого русла высохшей реки с крутыми и обрывистыми берегами, изрытыми промоинами и оврагами. Через несколько дней, после пополнения личного состава и боеприпасов, наше подразделение заняло позиции на краю схода. Я с расчетом должен был обеспечить защиту левого фланга нашей части от возможного удара противника.

Бой велся как-то не активно. Шла дуэль артиллеристов и работа станковых и ручных пулеметов, а также гранатометов. С наступлением сумерек стрельба усилилась, стала почему-то беспорядочной, раздались непонятные крики и возгласы. Мы же своими пулеметами принялись отбивать атаки конницы с фланга, после шквального огня она рассеялась по лесу. Так было три раза. Нам пришлось попятиться назад, поскольку конница каждый раз заходила нам в тыл. Патроны были на исходе. И вдруг (уже стемнело) услышали крик нашего бойца, который бежал к нам сзади, со стороны крепости и кричал, чтобы мы тащили пулемет в крепость по приказу Глатоленко. Выяснилось, что противник зашел с правого фланга, где была китайская часть, приданная нашей, и то ли китайцы не выдержали натиска противника, то ли произошла измена, но конница противника прорвалась в наш тыл, перебила всех артиллеристов, они были в черных полушубках и видны на снегу, как черные вороны. Вот почему справа от нас слышались беспорядочная стрельба и крики. Наши потерпели поражение.

Когда стали разворачивать пулемет, а он у нас был на лыжах, одна лыжа сломалась и пришлось тащить пулемет на колесах. В крепости нас встретил Глатоленко, который кричал охрипшим голосом: «Быстрее ставьте пулемет на стену крепости и — огонь в сторону поселка!» Там еще шел бой. Потом команда: «Давайте несколько очередей и перетаскивайте пулемет на другой угол крепости!» И так мы все время таскали пулемет и стреляли до тех пор, пока не кончились патроны. К этому моменту и в поселке, и в лесу стрельба стихла, а у нашего «максима» вся вода в кожухе выпела.

До поздней ночи у крепостных стен раздавались голоса наших товарищей. Их поднимали на веревках. На моих глазах был такой случай. На стену подняли очередного солдата, а это был китаец. Рядом стоявший китайский переводчик вырвал из рук бойца винтовку, закричал: «Это повстанец!» — штыком пронзил ему грудь и сбросил со стены. Утром, когда была дана команда построиться и посчитать, сколько нас осталось, прозвучал выстрел, и один боец, стоящий в строю, упал. Кто-то стрелял с чердака здания. Соседнему отделению приказали обследовать чердак дома. Спустя несколько минут мы услышали выстрелы и узнали, что лазутчика застрелили.

К середине дня разведка доложила, что противник отошел на исходные позиции. Потери у нас были немалые, и о каком-то наступлении и речи не могло быть. Разведчики рассказали о страшных вешах, которые творили мятежники с нашими бойцами и командирами, взятыми в плен или ранеными. В крепость стали приходить бойцы, которые сумели спрятаться в хижинах поселка, и тоже рассказывали жуткие вещи. А когда мы оставшимися силами стали прочесывать поселок и лес там, где вчера располагались наши, то увидели следующую картину. Орудия батарей были целы и стояли на своих позициях, но почему-то без замков. Позже выяснилось, что батарейцы, погибая, извлекали замки из орудий и забрасывали их в сугробы. Мы их все отыскали, и орудия снова были готовы к бою. Самое страшное, что предстало перед нашими глазами, — наши товарищи, которые были так зверски изуродованы, что некоторых трудно было узнать. Противник снял с них одежду, выколол глаза, отрезал носы, языки, уши, половые органы и всперол животы, а потом приставил к стволам

деревьев, и они, окопанные на морозе, стояли, как мумии. После такой картины мы дали себе клятву живыми не сдаваться, а при себе иметь резервную гранату, чтобы в случае безвыходного положения взорваться вместе с экзекуторами.

Спустя некоторое время к нам пришло пополнение, главным образом кавалеристы, поскольку требовалось изменить тактику и получить лучшую маневренность. В своем «максиме» мы заменили ствол и запасились большим количеством лент с патронами и другими боеприпасами. После реформирования подразделений был приказ непременно овладеть поселком на противоположной стороне суходола. С раннего утра шла артподготовка по переднему краю окопавшегося противника, а потом пошла в наступление пехота, поддерживаемая пулеметами и гранатометами, а чуть позже двинулись по флангам конные отряды, взяв поселок в «клещи». Шел бой. В некоторых местах завязывались рукопашные схватки. Убитых и раненых санитары на санях отвозили в крепость. К концу дня противник был выбит из поселка. Его конные отряды, оставив пехоту, умчались по направлению к Урумчи. Нами были взяты в плен бо-лее сотни солдат и офицеров и соответствующие трофеи.

В одном из поселков был сделан привал. Но для нашего взвода привал был сорван. Приказано было немедленно форсированным маршем добраться до поселка в стороне от тракта. Оттуда поступило сообщение, что в поселке мародерствует вооруженная группа бандитов в количестве более 20 человек. Взвод с примкнутыми штыками двинулся в путь, зная только направление кратчайшим путем по заснеженному болоту, по буграм и кочкам, поросшим бурьяном и мелким кустарником. Вначале шли строем, спотыкались и падали. При падении один боец штыком ранил идущего впереди. После второго такого случая была дана команда: «Штыки отомкнуть», «идти вольным шагом», не соблюдая строй. Спустя часа полтора нам преградила путь небольшая речушка, по льду которой шумела вода, слоем 20—25 см. Как быть? Все были обуты в валенки, чесанки. Сани были загружены боеприпасами и продуктами. Одному бойцу высокого роста приказали перебраться на противоположный берег речушки с веревкой, привязанной к саням, и оттуда перетащить сани с двумя бойцами, чтобы потом втроем тащить сани уже с 5—6 бойцами. Таким способом мы преодолели эту водную преграду.

К утру, выбившись из сил, голодные, усталые, мы добрались до поселка, где застали бандитов врасплох. Задержись мы на 10—20 минут, они успели бы увезти награбленное. Взяв поселок в «клещи», завязали бой. В результате шесть бандитов были убиты, остальные разбежались по лесу. У нас было двое ранены. Жители поселка со слезами благодарили нас за спасение от грабежа. Отдохнув часа три, мы возвратились уже знакомой дорогой в свою часть.

Спустя сутки мы двинулись на Урумчи, не встречая сопротивления противника. Прибыв в Урумчи, мы увидели ужасную картину. На подступах и у стен города валялись трупы в разных позах. Нам говорили, что здесь противник потерял убитыми более 2 000 человек. Трупы свозили в штабеля и сжигали. Зловоние было невыносимое. Мы попросили командиров увести нас.

За время нахождения в районе Урумчи от нашего подразделения несколько раз посылали в разведку к перевалу на конях. Лошади находились на голодном пайке. Ни сена, ни овса не хватало, и поэтому они худели у нас на глазах. Вспоминается такой эпизод. Десять человек разъезда пошли в разведку. Один боец не вернулся. Фамилия того бойца была, кажется, Корчак или Собчак, точно не помню. Спустя сутки этот Корчак вернулся раненый. Оказывается, в разведке его лошадь отказалась идти, а группу стала окружать большая группа повстанцев. Девять разведчиков ускакали, а Корчак не мог, и его окружили. Он помнил нашу клятву живыми не сдаваться, взорваться запасной гранатой. Но гранаты у него не было, он решил застрелиться. Нажать спусковой крючок винтовки рукой ему не удалось. Тогда он решил сбросить валенок и нажать крючок большим пальцем ноги, подставив лоб к дулу винтовки. Прозвучал выстрел, оглушенный и опаленный огнем, окровавленный, он упал к ногам повстанцев. Те увидели, что Корчак прострелил себе голову, уехали, взяв его винтовку. Спустя несколько часов Корчак очнулся и стал соображать, где он и что с ним, почему он истекает кровью. Вспомнил, как он был окружен врагами и выстрелил в себя. Пуля разорвала кожу лба, а пламя опалило веки и брови, не повредив глаза, он их закрыл в момент выстрела. Кость лба не была повреждена.

Собрав силы, он одел валенок и сделал себе перевязку. Вспомнил, куда ускакали свои ребята, взял лошадь под уздцы и пошел в том направлении, ковыляя по заснеженной дороге. От слабости часто падал, подымался и снова шел и снова падал. Вдруг увидел группу всадников и хотел снова застрелиться, но винтовки уже не было. Это были наши бойцы, они закричали, Корчак услышал их и потерял сознание. Разведчики перевязали его, посадили на лошадь к одному из бойцов, который доставил его в санчасть. Вот такие были у нас ребята.

Около месяца шло укомплектование подразделений и подготовка к предстоящему сражению на одном из горных перевалов Тянь-Шаня, где, по данным разведки, вся холмистая местность перед ним была подготовлена к обороне, фортификационные сооружения оборудованы по последнему слову военной науки. Здесь и окопы в полный профиль, и ячейки для пулеметов с круговым обстрелом, ходы сообщения и блиндажи. Это был крепкий орешек, подготовленный для нас, постарался японский генерал. К нашему великому счастью, противник почему-то не использовал этот укрепрайон, а ушел на перевал, где все же дал нам последний серьезный бой.

Наши танкетки подавили узлы сопротивления противника, и мы штурмом взяли перевал. Как нам говорили, боеспособность мятежников резко упала после тяжелых потерь в сражениях за город Урумчи, среди оставших царили разброд и уныние.

Дальше наш путь лежал на города Турфан и Аксу. В Урумчи нам дали автомашины ГАЗ, в кузовах которых мы поставили кухонные столы, а на них разместили свои «максимы» и стреляли вверх кабины шофера, выбивая противника из мелких населенных пунктов. Ма Чжунин поспешно отступал на Кашгар. Я со своим «максимом» был в авангарде подразделения, а когда встречали сопротивление, обеспечивали пулеметным огнем подход основных частей. А наши конные отряды брали поселок или высоту в «клещи» и подавляли сопротивление, забирая в плен тех, кто бросал оружие и шел к нам навстречу с поднятыми руками.

Так мы постепенно, день за днем, занимали Турфан, Аксу и другие населенные пункты и дошли до города Кашгара, где был дан последний бой на реке, разделяющей город. Наша конница переправилась через реку и пошла в атаку. Противник целыми подразделениями сдавался в плен. Говорили, что Ма Чжунин с небольшим отрядом удрал, а позже при переходе нашей границы был интернирован. Это было в конце апреля 1934 г. Нам объявили, что мы успешно выполнили свою задачу, мятеж генерала Ма Чжунина подавлен, нам объявлена благодарность, и мы можем с чистой совестью возвращаться домой, только никому не рассказывать о секретной операции.

Позже я узнал, что из числа наших одногодичников погиб Иван Каперсак и ранен Савченко, Штеренштейн награжден орденом Красной Звезды. По возвращении в Алма-Ату нас экзаменовали на командиров взводов и уволили в запас в июле 1934 г. В военном билете была сделана следующая запись: «1) Прибыл II-1932, в 1934 г. курсант, ком. отделения 13-го полка НКВД г. Алма-Ата; 2) VI-1934 г. уволен в запас». Вот вся запись в военном билете.

По прибытии в Москву я получил паспорт и встал на военный учет в ОДОН (Отдельная дивизия Особого назначения) НКГБ. 17 сентября 1939 г. участвовал в освобождении народов Западной Белоруссии. После выхода на границу с Пруссией меня направили в Ломженский погранотряд № 87 на должность помощника начальника заставы. А поскольку начальник заставы заболел, то мне пришлось организовать заставу в имении сбежавшего польского помещика.

Работа протекала в напряженной обстановке. На границе много было нарушителей, которых задерживали и направляли в отряд для выяснения. Большинство задержанных были местными жителями, ходившими через границу за спичками и керосином, а также солдаты польской армии. Были и лазутчики.

Поскольку я учился на II курсе Железнодорожной академии, меня в декабре уволили в запас. Работал в Управлении дорог Дальнего Востока НКПС, а после реорганизации НКПС меня направили в ГУВВР (Главное управление военно-восстановительных работ). После окончания войны я перешел работать начальником поезда Московской железной дороги, потом мастером цеха, инженером по охране труда и технике безопасности, а перед пенсией два года работал начальником отдела ЦУМех (Центральное управление механизации) Минтрансстрой.

С сентября 1974 г. я добиваюсь от архивных органов и МВД подтверждения того, что 13-й Алма-Атинский полк ВВ НКВД участвовал в боевой операции по ликви-

дации мятежа в провинции Синьцзян в период 1933-1934 гг. Но везде и всюду получал сообщения об отсутствии документов или о том, что названная часть в боевых действиях по защите СССР не участвовала.

Я вспомнил, что нам говорили на заставе Бахты: «В Синьцзяне генерал Ма Чжунин поднял мятеж дунган против провинциального правительства с целью создать в Синьцзяне плацдарм для японского милитаризма, который планирует напасть на СССР, захватить Сибирь и Урал. Наша задача — в кратчайший срок ликвидировать мятеж Ма Чжунина с его 13-тысячной армией, где начальником штаба работает японский генерал, окончивший Берлинскую военную академию». С этим мы и перешли границу Синьцзяна и воевали всю зиму — с ноября 1933 по апрель 1934 г. Мы знали, что японский генерал был, как я уже упоминал, в войсках Ма Чжунина, что не вызывало сомнения после того, как мы осмотрели укрепленный район перед перевалом. Поэтому я решил добиваться, чтобы синьцзянская операция нашла свое отражение в истории.

15 мая 1988 г. я и С. П. Бурькин написали в адрес XIX Партоконференции. 4 июля 1988 г. Политическое управление внутренних войск МВД за № 8/9-колл-2377 сообщило, что наше письмо, адресованное XIX Всесоюзной партийной конференции, поручено рассмотреть Политуправлению ВВ МВД, а из-за того, что документальные материалы об упомянутой операции отсутствуют, этот вопрос изучается совместно с Институтом военной истории МО СССР. О результатах будет сообщено дополнительно. 29 августа 1988 г. (за № 8/А/Г-1425) член Военного совета — начальник Политуправления ВВ МВД СССР А. И. Гриенко сообщил, что «оснований включить 13-й полк войск ОГПУ в перечень частей, принимавших участие в боевых операциях по защите СССР и входящих в действующую армию, к сожалению, не имеется».

Мы с С. П. Бурькиным обратились в МИД СССР и в Посольство КНР в Москве и в Управление внешних сношений Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в городе Урумчи. И вот 21 июня 1989 г. был получен следующий ответ из посольства: «В период 1933-1934 гг. в Синьцзяне действительно имела место война между губернатором Шэн Шицаем и хуйэским генералом Ма Чжунином. Тогда за военной помощью обращалось к Советскому правительству не центральное правительство Китая, а Синьцзянское провинциальное правительство, которым правил Шэн Шицай. По его секретной просьбе с декабря 1933 по июль 1934 г. Советское правительство направило в Синьцзян свои войска, переодетые в военную форму провинциальных войск Синьцзяна, и советские военные самолеты, замаскированные знаком «флага Гоминьдана», которые помогали Шэн Шицаю ликвидировать войска Ма Чжунина. По окончании войны советские войска возвратились на Родину».

1. АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Гриценко Яков Иванович, родился 7.XI.1910 г. в городе Мелитополе УССР в семье паровозного машиниста. В семье было шесть сыновей, я — средний. В 1929 г. окончил 7 классов, в 1930 г. — Симферопольскую профтехшколу. Работал на станции Кавказская (город Кропоткин) Северо-Кавказской железной дороги.

В 1932 г. был призван в ряды Красной Армии в 13-й Алма-Атинский полк ВВ НКВД, где проходил срочную службу во взводе одногодичников и исполнял обязанности командира отделения.

По возвращении из армии устроился в Москве на работу. Учился в Железнодорожной академии 2,5 года. В сентябре 1939 г. участвовал в освобождении народов Западной Белоруссии, где до декабря исполнял обязанности начальника погранзаставы. Был демобилизован. Работал в НКПС, ГУВВР. После окончания Великой Отечественной войны работал на Московско—Курской железной дороге. Перед уходом на пенсию в 1970 г. работал начальником отдела ЦУМех Минтрансстроя. Будучи на пенсии, продолжал работать в течение 13 лет на вагон-лаборатории. С 1984 г. нахожусь на заслуженном отдыхе.

2. Сообщения советских газет

Правда. — 1934. — 22 июня. — Разоружение войск Ма Чжунина. Шанхай 18 июня (ТАСС). Газета «Чайна Таймс» сообщает, что войска Шэн Шицай заняли город Аксу — столицу «независимого» правительства в Южном Синьцзяне. Ма Чжунин, как сообщает газета, исчез, его войска разоружены

и реорганизованы провинциальным правительством. Шэн Шицай назначил Ли Юна командующим гарнизоном города Хами, прежде являвшегося базой войск Ма Чжунина. Сейчас, пишет газета, после падения «независимого» правительства, Синьцзян объединен под управлением правительства Урумчи.

Казахстанская правда. 1934. — 21 июня. — СООБЩЕНИЕ ТАСС. Провинциальное правительство Синьцзяна обратилось 15 июля 1934 г. к Советскому правительству через генерального консула СССР в г. Урумчи тов. Андреева с просьбой о выдаче дунганского генерала Ма Чжунина для предания его народному суду за преступления, совершенные им за время гражданской войны в Синьцзяне. Советское правительство, считаясь с духом Конституции СССР, не сочло возможным удовлетворить просьбу Синьцзянского правительства.

3. Письмо из Историко-дипломатического управления МИД СССР

27 января 1989 г.

Уважаемый Яков Иванович и Сергей Павлович!

Благодарим за постановку нового, интересного для нас вопроса. В связи с Вашим письмом сотрудниками Архива внешней политики СССР была проведена большая работа по поиску документов о возможном участии советских воинских подразделений в боевых действиях в китайской провинции Синьцзян в 1933—1934 гг. К сожалению, таких материалов в АВП СССР не обнаружено. Возможно, какие-либо материалы по данному вопросу имеются в Центральном государственном архиве Советской Армии. Со своей стороны мы будем интересоваться у советских ученых, что они знают по данному вопросу. Если мы узнаем что-либо новое, то непременно сообщим.

Что было — то было

**[О воспоминаниях ветерана
Советской Армии Я. И. Гриценко]**

Б. ГУРЕВИЧ

Все, о чем повествует Я. И. Гриценко, читатель не найдет ни в одной из наших книг, журнальных или даже газетных статей. Здесь, безусловно, налицо еще одно из «белых пятен» непростой истории советско-китайских отношений 30-х годов. Этот пробел затрудняет возможность разобраться в бурных событиях, происходивших в отдаленной провинции Китая — Синьцзяне (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) в начале 30-х годов, когда в эти события оказался вовлеченным Советский Союз. По-видимому, именно в силу этой причины ни один из наших архивов не смог документально подтвердить автору воспоминаний то, что было...

События, свидетелем и непосредственным участником которых явился Я. И. Гриценко, разворачивались в предгрозовой обстановке кануна второй мировой войны. На Западе, в Европе, и на Дальнем Востоке ее очаги разгорались все более зловещим пламенем. Затянувшийся экономический кризис 1929—1933 гг. в западных странах способствовал укреплению позиций японской военщины, которая выступала за решительный поворот во внешней политике страны. Правящие круги Японии, как и некоторых других империалистических государств, которые опасались перерастания экономического кризиса в социальные конфликты, искали выхода на путях внешних авантур. Одной из таких наиболее крупных авантур явилось поощряемое международной реакцией вторжение японских войск в Маньчжурию в начале 1931 г.

Раздувая пожар войны на Дальнем Востоке, японские агрессоры рассчитывали не только овладеть богатейшими природными и людскими ресурсами Китая, но и превратить его в плацдарм для нападения на Советский Союз. При этом они надеялись, что правительство Чан Кайши не сможет дать действенный отпор агрессору.

Упоенная успехами в Маньчжурии японская военщина начала проявлять заинтересованное внимание к другим районам Китая, особенно к тем, которые граничили

с Советским Союзом, в том числе к Синьцзяну. Подавляющее большинство населения этой провинции составляли уйгуры, дунгане, казахи и представители других некайтайских народностей. Реальная власть находилась здесь в руках наместника Гоминьдановского правительства — дубаня Цзинь Шужэна с резиденцией в городе Урумчи. Он проводил довольно жесткую национальную политику, что в сочетании с общей экономической и культурной отсталостью Синьцзяна усугубляло и без того тяжелое положение широких народных масс, угнетенных к тому же и своими собственными светскими и духовными феодалами и ростовщиками. Это привело к восстанию уйгуров и дунган в апреле 1931 г., которое, однако, по своим целям и методам носило весьма противоречивый характер. Позже к дунганским и уйгурским повстанцам присоединились также казахи и монголы, проживавшие в Синьцзяне.

Тогда во главе повстанцев, овладевших городами Хами, Баркулем и Турфаном, в большинстве случаев оказались представители мусульманской феодальной верхушки и купечества. Они выступили под исламским лозунгом борьбы за освобождение Синьцзяна от «неверных китайцев» и создание «самостоятельного государства» Восточный Туркестан, или Уйгуристан, которое должно было включить в себя всю Центральную Азию. Подавляющая часть повстанцев в силу своей политической отсталости пошла под этими лозунгами, не имевшими ничего общего с нарастающим освободительным и демократическим движением во всем Китае.

Стремясь ускорить, как им казалось, час своей победы, уйгурские лидеры летом того же 1931 г. решили призвать на помощь войска ганьсуйского милитариста, дунганского генерала Ма Чжунина, который, по некоторым сведениям, какое-то время был связан с японцами и тоже (с их подачи) выступал за провозглашение «независимого Синьцзяна». Не случайно вскоре в рядах повстанцев появились прежде японские, а затем английские и турецкие военные советники. Это на первых порах изменило ход событий в пользу Ма Чжунина, который вскоре овладел большей частью провинции, взяв города Карашар, Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан и др., и создал непосредственную угрозу Урумчи. Осенью 1933 г. его войска начали наступление в районах Алтая на Чугучак с целью выхода на Кульджу.

Руководитель дунганских повстанцев, молодой, но уже опытный генерал Ма Чжунин, представлял собой довольно сложную и подчас противоречивую по своим политическим симпатиям фигуру. Начав в свое время с предводителя крестьянского восстания в провинции Ганьсу и став затем одним из местных милитаристов, он, как отмечалось выше, активно включился в события, развернувшиеся в начале 30-х годов в соседнем Синьцзяне.

Хотя Ма Чжунин не раз заявлял о своих «прогрессивных» убеждениях и высказывался «за дружбу с Советским Союзом» (младший брат генерала Ма Чжунина был даже членом КПК), но в своей деятельности был не слишком шепетильным в выборе средств для достижения власти. Это, видимо, толкнуло его к обращению за помощью к японской военщине. Однако после разгрома сил Ма Чжунина в Южном Синьцзяне летом 1934 г. он, не желая оказаться в руках китайских властей, попросил политического убежища в СССР, где и был интернирован. Почему он не был выдан китайским властям — хотя они требовали этого — неизвестно.

12 ноября 1933 г. в Кашгаре была провозглашена «Восточно-Туркестанская исламская республика», правительство которой, по свидетельству советской и иностранной печати того времени, было связано с английскими империалистическими кругами. Повстанцы и дальше одерживали над местными китайскими войсками одну победу за другой, что привело к падению режима Цзинь Шужэна. Однако спустя некоторое время во главе администрации Синьцзяна стал другой гоминьдановский генерал — Шэн Шичай, который стал ловко сочетать военные методы с политическим лавированием, но стабилизировать обстановку в провинции своими силами так и не смог. Это побудило его негласно обратиться за военной помощью к Советскому правительству.

Советский Союз не мог оставаться безучастным. Даже британская «Ньюс кроникл» признавала, что синьцзянские события были не в интересах СССР. В ответ на просьбу Шэн Шичая из Советского Союза в конце 1933 г. была направлена группа советников, а когда положение усложнилось, в Синьцзян были посланы советские войска, так называемый Алтайский отряд, одним из бойцов которого был автор публикуемых ныне воспоминаний.

В. ВОРОНЦОВ

Сегодня мы знакомим читателя с материалом о соратнике В. И. Ленина, о советнике видного деятеля китайской революции Сунь Ятсена — Михаиле Марковиче Бородине. Читатель может спросить: «Зачем сегодня, когда дело В. Ленина становится объектом критики с разных сторон, ПДВ обращается вдруг к имени одного из его единомышленников, влиятельных деятелей в Коминтерне?» Поэтому и обращаемся, что хотим подчеркнуть объективное, а не навязанное кем-то развитие революционных событий как в России, так и в Китае. Те одержимые, вовлеченные в эти события по зову собственного сердца, либо будучи очарованными высокими идеалами или под давлением невыносимой безысходности, а то и просто движимые страстью самоутверждения в условиях торжества бескультурия, невежества, оставили нам неповторимое наследие. Сунь Ятсен назвал М. Бородина советским Лафайетом, чем отметил общечеловеческое величие французской, американской революций, ту эстафету солидарности борцов за справедливость, которую восприняли носители революционных идей в России и в Китае от своих предшественников в иных странах.

В условиях сталинской диктатуры имя М. Бородина как «врага народа» было предано анафеме. О нем остались воспоминания — они, действительно, самые благородные стороны души нашей — очевидцев, сохранивших, несмотря на усилия душителей, незабываемый, яркий для них образ.

В предлагаемой Вам, уважаемый читатель, работе автор, размышляя о неповторимой судьбе соратника Ленина и Сунь Ятсена, стремится поделиться своим видением этой фигуры, своими оценками его деятельности, взглядов, особенностей поведения, наконец, личной драмы как части трагедии всего нашего общества.

Мы выражаем глубокую признательность соавторам московских архивов, благодаря которым удалось, хотя и не в той мере, как хотелось, познакомиться с некоторыми неизвестными страницами биографии удивительного человека, каким был М. Бородин. Мы высоко ценим душевный отклик внучки М. Бородина — Оксаны Нормановны Бородиной на нашу просьбу, ее воспоминания о судьбе деда, которые и поныне хранятся в этой семье, предоставленную журналу возможность использовать фотографии из семейного архива.

Наш долг велик перед теми, кто шел своим путем, кто был злостно оклеветан, ошельмован в сталинские времена. И Вы, дорогие читатели, если располагаете материалами о М. Бородине, о других видных политических деятелях, ученых, чья жизнь оказалась в центре наших взаимоотношений с народами Дальнего Востока и оборвалась в годы сталинских репрессий, можете внести свой посильный вклад в благородное дело, оказав содействие нам в восстановлении исторической правды.

Размышляя о демократии

Шел 1929 год. Быстро летит время. Два года, как Михаил Бородин вернулся из Китая, где по заданию ЦК ВКП(б) и по линии Коминтерна он возглавил деятельность группы советников при Гоминьдане. Работа в РСДРП привела М. Бородина

в ряды профессиональных революционеров — задания В. Ленина, конспирация, скитания в Англии, США, тяжкие лишения... И вот сегодня, 13 марта 1929 г. (вот уж несчастливое число), ему, теперь одному из ответственных работников телеграфного агентства ТАСС, сотрудники особого отдела выдали три листа анкеты, на многочисленные вопросы которой предстояло ответить. Его, бывшего подпольщика, революционера, прошедшего огонь и воду революционной борьбы, на первой странице анкеты сурово предупреждали: «Перед заполнением прочесть всю анкету целиком. Ответы писать ясно, точно и кратко. Лица, дающие о себе неверные сведения, подлежат уголовной ответственности». Невольно приковывала внимание последняя фраза. Да, в поставленных вопросах уже чувствовалась цепкая рука зарождающегося сталинского молоха. Когда это началось?

Всего лишь два года с небольшим после переворота Чан Кайши участник Октября Вассо Ломинадзе сменил Михаила Бородин в качестве представителя Коминтерна в Китае. И сегодня, вчитываясь в текст с грозным предупреждением об «уголовной ответственности» за «неверные сведения», Михаил Маркович не мог не вспомнить Вассо. Ломинадзе отстаивал интересы Сталина в противостоянии Бухарину. Но теперь! Казалось, совсем недавно, на XV конференции ВКП(б) в 1926 г., он бил в набат, предупреждая о надвигающейся угрозе, — набиравшая обороты бюрократическая машина уже постепенно втягивала в свои жернова невинные жертвы. Ломинадзе с присущим ему темпераментом обращался к делегатам конференции: «...Если контроль пролетарской диктатуры превращается в контроль бюрократических органов, а это иллюстрируется всеми данными, которые мы имеем, то достаточен, правилен такой контроль или нет? Нужно или не нужно выдвинуть новую форму контроля, которая лучше всего обеспечивала бы от бюрократизма? Разве пролетарской диктатуре противоречит участие широких рабочих низов в этом контроле. Ни в коем случае...»¹ Под прикрытием лозунга пролетарской диктатуры, несмотря на благие пожелания Ломинадзе, сооружается здание сталинского всевластия, опорой которому стал самовоспроизводящий себя аппарат. Несчастный Вассо. Мог ли Бородин предположить, что пройдет всего каких-то шесть лет, и Вассо вступит в спор со Сталиным и сделает свой выбор, предпочтя самоубийство гибели в неизвестности среди миллионов жертв ГУЛАГа.

Невольно возникал вопрос: а совместима ли мысль о пролетарской диктатуре с идеями демократии? Социализм, согласно В. Ленину, невозможен без демократии. Это М. Бородин не скрывал в своих беседах в окружении Сунь Ятсена и вслух размышлял о демократии, когда в кругу чопорных представителей гоминьдановской элиты заходил разговор о будущем России и Китая. Как определить демократию? О чем говорит в этом смысле исторический опыт? Одни усматривают в демократии только анархию, когда ни один элемент не преобладает в управлении государством. Другие — в полиархии, когда множество элементов соперничают в борьбе за преобладание в этом управлении. И то, и другое, некогда осмысленное еще Платоном, М. Бородин отвергал. Многообразие и обилие борющихся за лидерство элементов, по его мнению, приводило лишь к иной форме анархии. Идеи демократии, очерченные Платоном, казались украшениями на замысловатом вышитом халате, запечатлявшими различные характеры, типы, «многообразие конституционных установок». Нужно ли оспаривать позицию историков, которые объясняли возможность появления достаточно устойчивых для «своего времени» форм демократии в греческих городах-государствах тем, что эти города имели относительно небольшие размеры, отличались однородностью и достаточно простым стилем жизни, где активно действовал общий интерес и где горожане обсуждали свои проблемы на площади или на каком-либо специально созданном форуме. Нет, эту позицию Бородин не отрицал. Но такого рода традиции, по его мнению, не имели места в государствах больших масштабов. Он останавливал внимание собеседников на опыте римской республики времен Цезаря, когда подачки и почести получали только те, кто голосовал так, как этого хотели лидеры, когда в высших эшелонах власти торжествовали лезть, угодность, когда насилие над личностью становилось нормой общественной жизни. Будто этот опыт не пережил тысячелетия! И конечно же, хорошее знание истории США позволяло М. Бородину критически оценивать историю американской республики. Один из биографов М. Бородина вспоминал: «Хотите ли вы, — спросил однажды Михаил Маркович русского политэмигранта, — чтобы в России после революции появилась бы такая же демократия, как в США?» И когда сразу же получил отрицательный ответ, засмеялся, пожав руку собеседнику².

О США как о витрине демократии говорили и в те далекие времена, но искренность отцов-основателей давно уже была поставлена под сомнение. Последние, провозглашая в качестве главного элемента концепции демократии равенство всех людей, сами нередко выступали в роли крупнейших собственников, заинтересованных в эксплуатации чужого труда, и прежде всего негритянского. Нет, они не усматривали противоречий между своими словами и делами, не испытывали угрызений совести. Пенсильванская резолюция 1778 г. отождествляла права собственности (включавшей и чужую жизнь) с правами человека.

Были ли соратники М. Бородина правы в своем максимализме в отношении к иным партиям и течениям в годы революции и в послеоктябрьский период? Немало представителей общественной мысли России, преодолевших нравственный и временной барьер от Сталина до Брежнева, позволял себе бросить критический взгляд на прошлую деятельность большевиков, особенно когда будут рассуждать о неприятии ими инакомыслия, что, видимо, сделать гораздо легче, нежели объяснить эту деятельность, даже располагая неизвестным на данный момент историческим материалом. Призывы к пролетарской диктатуре легли на благодатную почву — Россия, созревшая для революции, но не для демократии, оставалась верной стойким традициям централизованной власти, которые веками цементировались во внешнем и внутреннем противоборстве. И в этом противоборстве, когда насилие верхов вызывало адекватную реакцию низов, а внешние угрозы приобретали все большее значение, неизбежно претворялись в практике максималистские идеи, взятые на службу представителями новых общественных сил, вознесенных к власти революционной бурей.

Большевики чутко реагировали на события в Европе. В европейских революционных событиях они увидели знамение нового времени, кризис идеалов западной демократии, маскирующей массовую коррупцию верхов, казнокрадство, мародерство на всех ступенях пирамиды власти. И все это происходило на фоне резкого ухудшения положения трудящихся, при отсутствии у правящих кругов европейских держав способности искусно владеть таким незаменимым в будущем стабилизирующим оружием, как социальная политика. Социально-экономический кризис в Европе способствовал радикализации общественно-политической мысли, укреплял веру максималистов в практическое осуществление социалистической идеи. «Капиталистическая система,— аргументировал свою позицию Бородин,— разлагает людей, и коммунисты способны дать “слабительное лекарство” этой системе, чтобы “очистить ее тело от внутренней гнилости”».

Уже на первом банкете у Сунь Ятсена от М. Бородина слушатели ожидали откровений. Он высказался по поводу демократии и, как следовало профессиональному дипломату, сразу же решил найти общий знаменатель в отношении понимания демократии у себя в стране и «трех народных принципов» Сунь Ятсена. «После победы революции в Советской России,— говорил он.— мы осуществили советский демократизм, демократизм миллионов рабочих и крестьян. Мы считаем Советы самой демократической формой государства». Оратор, скорее всего, был искренен в своих оценках демократии у себя в стране, где в политических бурях рушились прежние основы власти и возникали новые, еще не изведенные формы правления обществом. Тогда еще трудно было найти ответ на вопрос, как проявят себя эти новые формы. Но мечта о свободе и демократии — извечный двигатель революционной деятельности.

«Естественно, что слово «демократия»,— обращался Бородин к сторонникам Сунь Ятсена,— вы понимаете исходя из условий китайской действительности. Так или иначе мы уже провели в жизнь два из трех ваших принципов, а именно национализм и демократизм. Мы в Советской России создали государство свободных национальностей и самый демократический строй. Что же касается третьего принципа — социализма (так иногда трактовался сторонниками Сунь Ятсена третий принцип — народное благоденствие.— В. В.), то мы создали политические и экономические условия, дающие возможность его осуществления»³. Картины торжества социалистической демократии, которые рисовал Михаил Маркович, конечно, окрашивались преимущественно розовой краской.

Публичные рассуждения о демократии могли скорее отражать желаемое, но не действительное. Россия, как и Китай, находилась слишком далеко от демократии. В одном из писем своему соратнику по Коминтерну Г. Войтинскому М. Бородин поведает о нежелании навязывать китайцам свое толкование демократии. Да к тому же размышления китайских авторов о возможностях демократического развития общества и пределах

претворения на практике демократических идей давно уже привлекали внимание передовых представителей общественно-политической мысли. Европейский опыт не помешал М. Бородину проникнуться в глубину мудрости поистине трактата о демократии, который содержался в Манифесте инициаторов создания Социалистической партии Китая от 15 июня 1924 г. «Демократия является одной из движущих сил в современном развитии цивилизации и человечества,— отмечалось там.— И реформы, и революционное движение всякой нации основаны на этой самой идее. К сожалению, дух ее хорош, но система иногда вредна, теория ее великолепна, но на практике она не всегда удачна. Консерваторы с самого начала и до конца были против нее, даже коммунисты, несмотря на свой радикализм, проповедают диктатуру пролетариата и смеются над демократией как над отвратительной несостоятельностью». На чем основывалась критика демократии, которая, как было слишком мягко отмечено, «не всегда удачна»? Логика сочинителей манифеста отвергала справедливость правления большинства («Всегда и везде невежественные и неопытные составляют большинство»), что означало — подчеркивалось — «правление глупости». Фактическое правление — всегда за меньшинством. Вывод основывался на многовековой китайской действительности: тиран может заглушить общественное мнение, сильный — обработать, а богатый — подкупить его. «Это может быть названо правлением черни, правлением при помощи интриг и богатства». Михаил Бородин, несомненно, видел глубокое противоречие между высокими демократическими принципами и суровой действительностью, где дудзины без каких-либо ограничений властвовали в провинциях, где жизнь человека становилась одним из обычных предметов купли-продажи. М. Бородин, хорошо знакомый с уровнем политической культуры в России и в Китае, составил свое представление о термине «демократия», назвав его как-то сгоряча «дурацким». Этот термин имел скорее пропагандистское, нежели реальное значение.

Перемены в классовой сущности общества, за что ратовали соратники Бородина, должны были сопровождаться — выражалась уверенность — в устранении человеческих слабостей. Человек социалистического общества, рассуждал Бородин, не должен быть слишком доверчив, не поддаваться эмоциям в трудные времена и перед лицом тяжелых проблем, впадать в апатию, показывать примеры моральной и психологической трусости, он должен подавлять в себе чувства жадности к развлечению, неудовлетворенности, ревности, неуверенности и беспокойства, потребность любыми путями добиться признания каждого успеха, отбросить колебания, отказаться от привычки следовать старому образу жизни¹.

Политический советник Сунь Ятсена в беседах с гоминьдановскими лидерами рисовал идеал человека социалистического общества. Казалось, что древняя идея усовершенствования человеческой души, утвердившаяся на века в христианской религии, конфуцианской этике, в иных верованиях, стала лейтмотивом в рассуждениях Михаила Бородина. Но он был практик, считал себя дисциплинированным солдатом партии и, будучи таким, не мог довольствоваться чистой абстракцией, связанной с идеалистическим восприятием человеческих отношений. Не ждать, когда солнечное тепло согреет почву для революционных преобразований, когда будут созданы благоприятные социально-экономические условия для расцвета духовной жизни человека в соответствии с социалистическими идеалами, а упорно созидать, стремиться создавать необходимые для этого предпосылки, хотя и пытаться при этом избежать успешных решений.

В конце 1923 г., когда Бородин держал путь в Китай к месту своего очередного назначения, в Москве вспыхнул один из самых острых раундов внутривнутрипартийной борьбы. Сталин, с которым ему, Бородину, довелось встречаться еще в 1905 г., на конференции РСДРП в Таммерфорсе, демонстрировал образцы аппаратной интриги, то выступая в роли центриста — прием не новый для политических лидеров, — то обрушиваясь на оппозиционеров. Ему противостоял Троцкий. Перед отъездом из Москвы Михаил Маркович, заглянув на страницы «Правды», наткнулся на утверждения одного из партийных теоретиков: «Свобода критики никогда не являлась большевистским лозунгом. Большевики всегда понимали, что в единой боевой партии критика неизбежно должна носить ограниченный, практически-деловой, но ни в коем случае не принципиальный характер». Руководители партии откровенничали от демократических принципов, их представления о диктатуре пролетариата указывали на убежденность лидеров партии в недееспособности демократии, в отсутствии возможности преобразовать общество де-

мократическим путем. Нередко Михаил Маркович, уже будучи в Гуанчжоу, наблюдал с веранды дома, как вершилось правосудие в гоминьдановском Китае. Приговоренный стоял на коленях, руки были связаны за спиной. Все его провинности, начертанные на полосе ткани, подняты на древке над головой обреченного. В соответствии со сценарием, он опускал голову, солдат направлял маузер в затылок, раздавался хлопок⁵. Добро ли, зло ли, возможно, что-либо иное торжествовало. Все происходило на обширном плацу, доступном широкому обозрению. При виде подобного зрелища невольно приходилось задумываться над тем, как далек Китай от того, что могло бы называться правовым обществом. М. Бородин прибыл в Китай, как и многие его коллеги, не думая о каких-то материальных выгодах. Более того, он готов был к любым превратностям судьбы. Все могло случиться: либо шальная пуля в затылок, либо нож наемного убийцы, либо смертельные объятия сыпняка, брюшного тифа, дизентерии, холеры — что отличало известные своими антисанитарными условиями китайские города Юга. Жертвенность — высокое предназначение революционера. Увлеченный социальными идеями, он ощущает потребность в практической деятельности, которой стоит посвятить жизнь и даже, если понадобится, пожертвовать ею. В этом смысле история Михаила Бородина не была каким-то невероятным исключением, во всех революционных движениях появлялись яркие личности, следовавшие твердым убеждениям. Большинство соратников Бородина разделяло его веру в способность революционной организации изменить человеческую природу, побороть алчность, эгоизм, конечно же, изменить в человеке то, что он впитывал веками, хотя они и осознавали огромную тяжесть груза, возложенного им на плечи. Но Рим, напоминал М. Бородин, не был построен в один день. Сохранялись надежды на храбрость и терпение.

Политический советник Сунь Ятсена болел душой за порученное ему дело. Беззаветную преданность идее можно было сравнить с глубокой верой тех христианских миссионеров, которые бескорыстно, с сознанием высокого предназначения своей миссии неизведанными путями прибывали в Китай. Конфуцианская культура, преломляясь в мышлении задавленного нуждой китайского труженника, не раз отвергала проповедников в образе «белого дьявола». И Михаил Бородин, исповедовавший новое революционное мировоззрение, не мог не ощущать себя в роли духовного наставника униженных и оскорбленных, обладающего уникальной способностью мобилизации людской воли в единый революционный порыв.

И сейчас, вернувшись из Китая, сам, что называется, на собственной шкуре ощутив давление диктатуры, взявшей на вооружение концепцию классовых борьбы, он не мог не вспомнить свои прежние размышления о взаимоотношениях большевиков с христианским мировоззрением. Разве не довелось ему быть в Китае представителем новой «религии»? Метко подметил Ф. Энгельс: христианство и социализм зародились как движения угнетенных. «И христианство, и рабочий социализм проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты: христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества. И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы... И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им и христианство, и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь»⁶. М. Бородин, как и его многие соратники, горел желанием приблизить день избавления от рабства и нищеты в этой, а не в потусторонней жизни. Отсюда воинственность, жесткая нетерпимость ко всему, что могло подорвать веру «пролетария» самому решать свою судьбу, толкнуть трудовой люд на путь поиска вселенской общественной гармонии. И здесь пролегал главный водораздел. М. Бородин стоял на другом от христианского мировоззрения полюсе, хотя сама революционная практика, временные успехи в революционном движении также сеяли среди трудового люда немало неоправданных иллюзий относительно повсеместного торжества в обозримом будущем идей добра и справедливости.

Христианские миссионеры пришли в Китай задолго до появления там советских советников; они звали паству к всепрощению, любви, справедливости, кротости, равенству и т. д. Но все эти призывы нередко превращались, по словам Марка Твена, в обертку, в товар, предназначенный исключительно для экспорта. Представители либеральной английской интеллигенции стремились воздать духовным наставникам по справедливости. «Марк Твен никогда не позволил бы себе, — отмечалось в лондонском журнале «Ревью оф ревьюз», — непочтительно отозваться о настоящих, беззаветно предан-

ных своему делу миссионерах, самоотверженное служение которых принесло миру много добра»⁷. Одни разбойничали от имени западных держав, другие несли добро. Михаил Бородин сумел благодаря своей деятельности в Китае приподнять пелену иллюзорности планов утверждения демократического общества при отсутствии соответствующих социально-экономических предпосылок: он заплатил самую высокую цену — жизнь, — чтобы до конца познать это и в России.

Ниспровергатели связывали все зло с теми, кто в облике капиталиста — хуже, империалиста, — помещика и тесными узами связанного с ним бюрократа процветал за счет чужого труда. Они утверждали, что вместе с ними исчезнет — пусть не в одночасье — все это зло и, конечно, резко изменится психология человека, неминуемо уйдет в прошлое индивидуальный и групповой эгоизм в обществе. Казалось, что секрет радикальных социально-экономических изменений — в замене частной собственности на общественную. Михаил Маркович, не ставя под сомнение справедливость деяний большевиков, подсознательно испытывал недоверие к идее относительно скорого вступления в социалистический рай. Не останется ли и при общественной собственности на средства производства возможность эксплуатации одного члена общества другим? Не расцветет ли, как и в Китае, на почве революции махровым цветом бонапартизм, не утвердятся ли тоталитарные формы правления? Ведь те, кто действовал в окружении В. Ленина, в том числе и мечтавшие о вселенской утопии — царстве добра и справедливости, почувствовали уже в 20-х годах повседневное, прямое и косвенное давление диктатуры.

Может, действительно, существуют различные типы социализма: рабовладельческий, феодальный, национал-фашистский, тоталитарный? Несуразица! Не за этим трудовой люд пошел вслед за энтузиастами, которые верили в практическое олицетворение высокой идеи в обществе, где не будет эксплуатации одних другими, где восторжествует демократия. Как можно оценить степень нравственного надлома, душевного смятения, когда рушатся идеалы. Чан Кайши, провозгласивший себя наследником Сунь Ятсена, заигрывая с Коминтерном, вещал о победе мировой революции, и, когда ради утверждения своей диктатуры ему понадобилось вешать и расстреливать тех, кто считал себя либо кого считали коммунистами, он не сомневался в принятых решениях. А разве не социально-экономическая отсталость страны предопределила неудачу эпохального по своему замыслу и духовному настрою эксперимента? А традиции? В политической культуре чрезвычайная слабость элементов демократии, невероятная живучесть харизмы («Богом да царем Россия сильна», «Без царя — народ сирота») в значительной мере предопределили и роль Сталина. Тогда, во время первой встречи со Сталиным в Таммерфорсе, М. Бородину и в голову не могло прийти, что тот когда-нибудь будет претендовать на положение наследника В. Ленина. Теперь же сталинский стиль становился все более очевидным: использование лозунгов классовой борьбы, «диктатуры пролетариата» в качестве важнейших символов тоталитарной власти. Михаил Маркович ощутил себя крошечным винтиком в гигантской машине.

Его университеты

Фамилия, возраст (год рождения). М. Бородин взял карандаш и размашистым почерком написал в этой графе: Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович. Да, за ним закрепился псевдоним Бородин. В. Ленин до 1921 г. называл его Грузенбергом. Но сколько пришлось сменить имен — такова уж участь ниспровергателя обреченного режима, неизбежная маскировка профессионального революционера — за многие годы нелегальной деятельности! Под кличкой Кирилл ему довелось встретить политические события 1905 г.; под фамилией Ванюшин принять участие в работе Таммерфорсской конференции 12—17 декабря 1905 г., Стокгольмского объединительного съезда РСДРП (апрель — май 1906 г.).

Фамилия Бородин закрепилась за Михаилом Марковичем тогда, когда он, подав идею В. Ленину написать письмо американским рабочим, сам приобщился к непосредственному осуществлению этой идеи. Письмо В. Ленина, повествующее об Октябре, содержало поучительный вывод: «революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению». Опубликованное 22 августа 1918 г. в «Правде» ленинское письмо было решено доставить в США. Заместитель Наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина Лев Михайлович Карахан (Караханян), принявший живое участие в осуществлении идеи,

посоветовал Грузенбергу взять фамилию Бородин. Письмо через Скандинавию в США переправлял далее не М. Бородин, а Петр Иванович Травин. Михаилу Марковичу не удалось с советским паспортом выехать из Дании в США, и миссию с письмом Ленина завершил П. Травин. «Мне нравится имя,— написал Бородин Льву Карахану,— которым Вы меня наделили». Среди советских советников у Сунь Ятсена в 20-е годы наибольшей популярностью пользовался Бао Лотин.

Казалось бы, сама атмосфера в общем-то внешне размеренной жизни в местечке Яновичи, что под Витебском, где 9 июля 1884 г. родился Михаил Бородин, должна была сказаться на формировании мировоззрения будущего революционера. Здесь царизм провел черту оседлости, определяющую, по существу, положение лиц еврейской национальности как изгоев в Российской империи. Вот и графа «национальность». В огромной анкете она идет по 18-му пункту. Пройдут годы, и в условиях «интернационализма» по-брежневски эта графа в анкете займет пятое место. А как заполнить ее в марте 1929 г.? Отец Марк Грузенберг — еврейского происхождения, мать — армянского, оставили для него сплав родной крови, который успешно состоялся на почве многонациональной Российской империи. Среди друзей семьи — русские, украинцы, белорусы, латыши... Окружение раннего детства, эмиграция, длительное общение с представителями различных народов сформировали в его лице одного из таких большевиков, которые по опыту работы и мировоззрению были интернационалистами. Графа «национальность» в анкете осталась незаполненной.

Мать нередко сетовала на страдания своих соотечественников-армян. Невозможно было, казалось, забыть вечера, когда собирались в доме друзья отца. Маленький Миша с жадностью вслушивался в разговоры. «Мы всегда отличались особым терпением,— рассуждает утомленный жизнью гость.— Но где взять силы, ведь есть и предел любому терпению? Наступит ли когда-либо конец политики ограничений на землепользование, снимут ли непосильный груз особого налогообложения?» Вопросы не находили ответов, они подавляли, порождали унижающее чувство неполноценности и глубочайшей безысходности. Может быть, тогда и содрогнулась душа юного Михаила Грузенберга, когда он столкнулся с самыми темными сторонами действительности самодержавной России. Его самого, его близких непосредственно коснулась лавина черносотенного движения, ставшего детищем министра внутренних дел России В. К. Плеве. Черносотенные союзы, усердно вербовавшие членов из различных слоев общества, начертали на своих знаменах шовинистические призывы, восславив неограниченное самодержавие, с ненавистью обрушившись на любые проявления демократизма. Многие сверстники М. Грузенберга, оказавшиеся за чертой оседлости, неизбежно становились объектом издевательств, а то и просто избиений. Их оптимизм нередко поддерживался ростом демократических настроений в среде просвещенной России, осудившей черносотенцев, если прибегнуть к словам графа С. Ю. Витте, как подонков общества.

После убийства в 1881 г. Александра II на головы несчастных обрушилась волна погромов, наиболее жестокий — кишиневский 1903 г.; сотни тысяч пребывавших в смятении еврейских семей покидали империю с явной надеждой найти спасение да и убежище вдали за пределами России. Те, кто избежал участи жертв погромов и не бросился с толпой эмигрантов на поиск счастья в обетованных краях, вступали на путь поиска социальной справедливости в стране, где их предки нашли однажды, казалось, надежную обитель.

Разве можно было забыть те трагические времена молодости, когда события русско-японской войны, кровь несчастных, расстрелянных на площади у Зимнего дворца, всколыхнули Россию, ее окраины, крестьяне поднимались против помещиков, немущие вовлекались в волну забастовок, мыслящие силы российской интеллигенции оспаривали законность феодальных порядков. В политической атмосфере росло революционное напряжение. Созревали причины революции, которая, по выражению президента США Вильсона, становилась результатом систематического лишения большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди.

Образование, основная профессия и специальность. Могла ли быть у профессионального революционера возможность получить законченное образование? М. Бородин написал «юридическое». Русская школа в Латвии, куда привезли его в трехлетнем возрасте родители, оказалась для него первым храмом просвещения. Университеты готовила сама жизнь. В 1906 г. в английской прессе появляется объявление

ние: желающие изучить русский в обмен на навыки в английском могут обращаться к... Объявления поместил Михаил Бородин. Он учился всю жизнь. Вскоре — Вальпорайский университет (Индиана), или «Маленький Гарвард», как именовалось это учебное заведение в США. Здесь Бородин овладел английской стенографией, изучал обществоведение. 12 недель учебы стоили 30 долларов. Деньги по тем временам немалые, но в университете получали возможность учиться молодые люди из семей с низким уровнем дохода. Учеба оказалась не по карману скитальцу из России, — необходимо было самому зарабатывать на жизнь. В 1909 г. в Чикаго создается Прогрессивная подготовительная школа Берга, предназначенная для обучения английскому языку эмигрантов⁹. Молодой Бородин накапливал багаж педагога, воспитателя.

В ответе на вопрос о профессии и специальности одно: партработа. Ранняя политическая зрелость толкала к партийной деятельности. В начале века его увлекают лозунги Бунда — созданной в Вильне в 1897 г. организации рабочих еврейской национальности, решивших объединить усилия в борьбе за свои права. Члены Бунда, озлобленные давлением царизма, все же поняли, что успех их борьбы зависит от интернационального единства, сотрудничества с трудящимися иных национальностей. Девятнадцатилетним юношей Михаил Грузенберг начинает приобщаться к марксистской идеологии и, наконец, в 1903 г. покидает Бунд, чтобы пополнить ряды большевиков, возглавляемых В. Лениным. Он хорошо знал, несмотря на юный возраст, Прибалтику, где у РСДРП были не столь прочные позиции. Юный лидер рижских социал-демократов умело подходил к представителям различных социальных и национальных слоев населения: находил общий язык с русскими рабочими, чувствовавшими себя в изоляции среди латышей, подкупал латышей их родным языком. С той поры начались суровые будни подпольщика — явки, вымышленные имена, слежка тайной полиции, эмиграция... 1904 год — Швейцария, где находилась значительная часть эмиграции большевиков и где, по воспоминаниям его супруги, был и Ленин.

Отгремевшая война Японии с Россией (1904—1905) с болью отозвалась в среде широких кругов мыслящей российской интеллигенции, ощутившей в себе силы для борьбы с ненавистными феодальными порядками. Михаил Грузенберг, как и многие его сверстники, стал свидетелем охватившего страну забастовочного движения. А события января 1905 г., когда пролилась кровь несчастных, шедших на поклон царю, стимулировали общественно-политическое движение, показатели на шкале политического термометра достигали, казалось, самой наивысшей отметки. Солдатский сапог нанес удар по тончайшим хрустальным сосудам духовной жизни, физические страдания, голос жертв войны слились с нравственным кризисом общества. Именно в ту пору молодые люди впитывали в себя, словно губка влагу, радикальные и анархистские идеи. Нередко их души переполнялись жаждой мести: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». В условиях возросшей ненависти прибалтийской молодежи к окружающей социальной среде, повышения уровня политической активности М. Грузенберг получает блистательную возможность испытать свои организационные способности. Вскоре после Кровавого воскресенья Бородин возвращается в Россию, он выполнил поручение В. Ленина о доставке в Россию специальных директив и получает напутствие для работы в Риге, где прокатилась волна забастовок и демонстраций. Ожесточенный трудовой люд поднимает лозунги: «Долой царистскую плутократию!», «Да здравствует революция!». Были жертвы, тюрьмы, ужесточились преследования... В. Ленин располагал ценной информацией о положении в Риге, надежды на Бородина оправдались. Не так легко было превратить рижскую большевистскую организацию в одно из ведущих социал-демократических объединений. Но это был один из результатов деятельности Кирилла, он — один из лидеров Рижского комитета РСДРП. Большевики — соратники Ленина выступили против создания партий на основе национализма, но вынуждены были признать, что национализм благодаря насилию упоенных великодержавными амбициями верных царских слуг становился важным стимулом участия в революционном движении униженных и оскорбленных. Михаил Грузенберг, как и его соратники-большевики, принимал идею создания марксистской партии не на национальной, а на территориальной основе. Он воодушевленно, устремляясь мыслями в будущее, оспаривал название Социал-демократическая партия Латышского Края (СДЛК). Его как интернационалиста мучила мысль о том, что в рамках латышской культуры обосновались иноязычные группы населения — русские, литовцы, евреи, эстонцы, немцы, — чьи интересы должны быть представлены не в национальных, где они могли значительно ущемляться, а в автономных

партиях. Предложение М. Бородина — назвать партию не СДЛК, а Социал-демократической партией Балтийского Края¹⁰. И он, проявивший себя отличным организатором, приобретает среди рабочих известность уважаемого пропагандиста.

Таммерфорсская объединительная конференция РСДРП (Финляндия) подводила как бы итоги бурного революционного брожения прошедшего года, предприняла, хотя и неудачную для того времени, попытку объединения усилий большевиков и меньшевиков. Председатель — В. И. Ленин. Ванюшин, находясь среди трех членов президиума конференции, оказался вновь в гуще событий. Присутствующие внимательно следили за происходящим. Вот здесь и проявил себя талант Ленина. Его речь по аграрной проблеме захватила многих, и среди них, конечно, был молодой Бородин. Ванюшин стремился выникнуть в ленинскую программу национализации земли, которую следовало, как отмечалось, начинать с конфискации огромных земельных владений, раздела земли, создания крестьянских комитетов по контролю над землепользованием. Но энтузиазм, с каким Ванюшин встретил ленинскую программу, не помешал ему высказать свою, отличную от мнения председателя точку зрения. Он скорее был готов согласиться с меньшевиком Струмилиным, отвергавшим предложенную аграрную программу, нежели игнорировать специфические, свойственные хорошо знакомой ему Прибалтике особенности аграрной проблемы. Ванюшин противопоставлял капиталистические формы ведения сельскохозяйственного производства в Прибалтике (фермеры европейского типа) отсталым формам землепользования в России, где раздел земли, возможно, и принес бы пользу, поскольку должен был способствовать устранению остатков крепостничества, развитию капитализма — более высокой стадии развития человеческого общества. Ванюшин по многим вопросам, в том числе и по аграрному, голосовал вместе со Сталиным. Полицейский террор 1905—1906 гг. непосредственно коснулся Ванюшина. Ищейки наступали буквально на пятки: он — из Риги в Питер, они — вслед. Аресту Михаил Бородин должен был предпочесть эмиграцию.

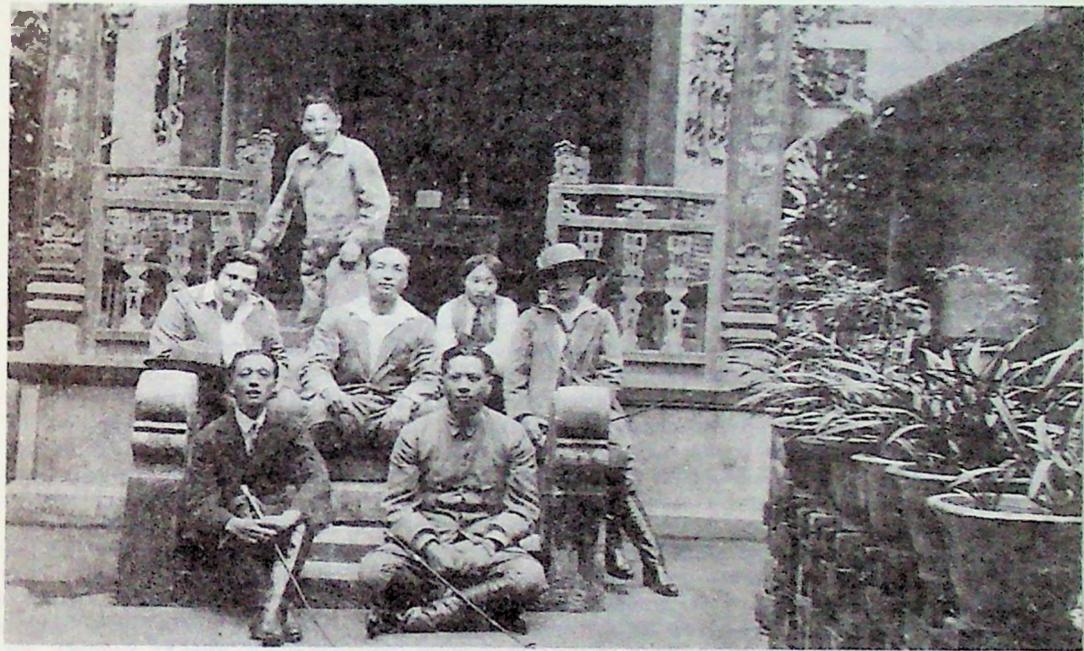
С 1906 г. — жизнь в эмиграции, сначала Лондон, а с 1907 г. — США. В Чикаго, на собраниях американской общественности в поддержку революционного движения в России часто можно было встретить молодого, довольно высокого роста, широкоплечего, с большим лбом человека с пышной копной черных волос. Он, обладая прекрасным низким голосом, сумел завораживать слушателей, смело и не по возрасту здраво размышлял о положении в Российской империи, в русской социал-демократии. Полный жизненной энергии Михаил Бородин оказался вовлеченным в наполненную политическими страстями атмосферу рабочей Америки. Он, близко соприкоснувшись с простыми американцами — работа на фабрике и ферме, матросом на Миссисипи, — не мог не проникнуться чувством сострадания к униженным и обездоленным, желанием направить их под знамена социалистической партии. Михаил Бородин становится членом русской секции американской социалистической партии. Социализм в США того времени нередко ассоциировался с практикой сектантских коммун, с опытами социалистического утописта Р. Оуэна, с популистским движением — массовыми выступлениями мелких фермеров против крупного капитала. М. Бородин выступал и слушал ораторов в «Союзах друзей русской свободы». Он воспринимал порой серьезно размышления американского либерала, леворадикального особенно, который, обращаясь к мировоззрению популистов, рисовал картину идеального общества — бесконфликтного, основанного лишь на принципах справедливости и благородства. Носителем добродетели является простой народ, а сама добродетель воплощается в сложившиеся традиции — так говорили об основном принципе популизма поклонники социалистических теорий. Популистская партия в США закончила свое существование на рубеже XX в. Но представления об обществе гуманном, справедливом, с разумным распределением благ, моральным усовершенствованием личности не могли оставить воображение человека. От поколения к поколению передавались они, наполняя смыслом жизнь трудящегося, нашли они свое отражение и в мировоззрении Социалистической партии США, к которой, хотя и номинально, примкнул молодой Бородин, оставив свое сердце с русской революцией и посвятив свою деятельность противоборству царскому режиму. Политические узники царизма нуждались в моральной и материальной международной поддержке, и Бородин, выполняя обязанности казначея общества «Помощь русским политическим заключенным», со всей душой отдавался этому святому для него делу.

Он — в гуще событий. Рабочая Америка восставала за свои права: росло забастовочное движение, проходили шумные демонстрации против тяжелых, порой невыноси-

мых условий труда. Социалисты торжествовали свою, хотя и скромную, победу: к 1912 г. их представители заняли до 1 тыс. официальных постов, среди них 56 стали мэрами. Казалось, именно здесь подтверждались идеи всемирного братства труда, взывающего к мировой революции. Здесь приобретались навыки публицистической деятельности.

Когда он задумался над графой анкеты «*Стаж журналистской деятельности, где и в каких органах печати работал...*», ответ пришел не сразу. Возможно, этот стаж начался в подпольных типографиях России, но скорее там, в США, где довелось приобщиться к деятельности журнала «Рабочий», призванного защищать интересы американских трудящихся русского происхождения и ставшего, по существу, органом союза американских организаций русских социал-демократов. М. Бородин стремился создать такую обстановку в среде эмигрантов, чтобы соотечественников не подавляла ностальгия, чтобы они ощущали непосредственную связь с родиной. Здесь, в США, М. Бородин заметил Н. Бухарина, встречал моряков с восставшего крейсера «Потемкин», чудом уцелевших и пополнивших ряды русской эмиграции.

Один из дней своего пребывания в США Михаил Маркович запомнил на всю жизнь. С этим днем связан крутой поворот в его биографии. На собрании, где собрались эмигранты из России, он встретил привлекательную девушку. Разговорились. Новая знакомая — Фани Орлик — оказалась почти землячкой — из Вильно. Они поженились, родились дети: в 1910-м — старший — Фред и пять лет спустя младший — Норман.

Супруга М. Бородина — Фани и сын Норман (Китай 1924 г.).

Вести о февральской революции 1917 г., которые, конечно со значительным запозданием, достигли американских берегов, взбудоражили колонию русских эмигрантов в США. И в Чикаго Бородин оказался в центре внимания своих соотечественников; он возглавил деятельность чикагского комитета за возвращение политических эмигрантов из бывшей царской империи. И когда черносотенцы позднее обрушились, как они говорили, на «пройдоху» Бородина за его ведущее участие во встрече в США представителей Временного правительства Керенского, они умышленно забыли главное. А главное состояло в том, что это правительство приняло решение покрыть все расходы по возвращению политических эмигрантов в Россию. Бородин действовал как представитель не Временного правительства, а революционной российской партии, озабоченной судьбой политической эмиграции.

Человек Ленина

Когда М. Бородин летом 1918 г. появился в голодной Москве, о нем к тому времени знали здесь уже многие, неумолимо рос его авторитет. Нередко за спиной приходилось слышать шопот: «Вот он, неуловимый Кирилл!» Для него пройти через межгосударственные кордоны — пустяк; перед ним пасуют пограничная охрана, полиция, наиболее изощренные тайные службы. Его имя приобретало популярность, становилось своеобразным паролем для тех, прежде всего, конечно, иностранных гостей Москвы, кто хотел бы вступить в контакт с представителями высшего эшелона новой власти в России. Он стал другом и советчиком Карахана, выполнявшего роль связующего звена между Наркоминделом и Коминтерном.

В. Ленин не терял из поля зрения М. Бородина. В. Ленин своему письму к американским рабочим предпослал следующие слова: «Товарищи! Один русский большевик, участвующий в революции 1905 г., и затем много лет проживший в вашей стране, предложил взять на себя доставку моего письма к вам»¹¹. Этим русским большевиком стал Михаил Маркович. Он не афишировал свои встречи с В. Лениным, но иногда, проникаясь доверием к своим коллегам, вспоминал об этом. Поделится сокровенным он с Верой Владимировной Вишняковой-Акимовой: «Когда я приступил к переводу ленинской брошюры (речь идет, видимо, о «Детской болезни «левизны» в коммунизме»), — вспоминал М. Бородин, — мне очень хотелось перевести ленинский текст слово в слово, и, конечно, при грубом дословном переводе у меня ничего не получалось. По-английски это звучало тяжело и даже малопонятно. Я мучился, старался, и все без толку. Ленин несколько раз спрашивал, как идет моя работа, и наконец удивился: «В чем же дело, товарищ Кирилл, ведь английский язык вы знаете, почему же такая задержка?» Я объяснил Ленину свои затруднения. Ленин засмеялся: «Это совсем не нужно, — сказал он. — Вы напрасно стараетесь. Переводите какими хотите словами, только бы подлинный смысл был ясен и понятен всем»¹².

Участие в I-м конгрессе Коминтерна в марте 1919 г. — он вошел в группу РКП(б) во главе с Г. Зиновьевым по работе в «штабе мировой революции» — определило дальнейшую судьбу М. Бородина как одного из активных функционеров этой международной организации. Умами большевиков, вдохновленных победой русской революции, завладела идея революции во всемирном масштабе. На 3-м конгрессе Коминтерна В. Ленин вспомнил: «Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна»¹³. М. Бородин стал одним из ведущих представителей профессиональных революционеров, кого призвали на службу максималистским идеям мировой революции.

Карахан избрал Бородина для миссии в Мексику в качестве одного из первых советских дипломатов, а Ангелика Балабанова — секретарь Коминтерна — предусмотрительно подготовила его на роль представителя «штаба мировой революции». Тайные службы США были подняты на ноги, когда стало известно, что Михаил Грузенберг с дипломатическим паспортом должен прибыть в Нью-Йорк на океанском лайнере 25 сентября. Авторы документов подготовили для иммиграционных служб тщательные рекомендации по поводу того, как следует встретить непрошеного гостя. Агенты американской военной разведки готовились установить над ним наблюдение.

Кирилл преодолел расставленные на его пути ловушки. Президент Мексики В. Каррансо, его окружение немало подивились, когда перед ними появился большевик, поразивший высоким уровнем культуры, широко осведомленный в международных делах. Миссия в Мексику стала первым реальным шагом на пути установления нормальных дипломатических отношений между послеоктябрьской Россией и Мексикой. Попутно решались дела коминтерновские.

Рядом был М. Н. Рой — один из деятелей Коминтерна, обладавший средствами и необходимыми связями, чему, в частности, помогла его женитьба на американке. По приезду в Москву весной 1920 г. состоялась, согласно воспоминаниям современников, встреча М. Бородина с В. Лениным. Хозяин проявил живой интерес ко всему, что увидел, и сумел по-своему оценить гостя во время своего путешествия в различные страны, включая США и Германию. Вот уж, безусловно, заметная фигура в Коминтерне,

он с готовностью соглашается редактировать англоязычное издание журнала «Коммунистический интернационал», журнал «Красные международные профсоюзы» — орган Профинтерна. После завершения отчета о миссии в Новый Свет М. Бородин с головой уходит в подготовку 2-го конгресса Коминтерна, намеченного на 19 июля 1920 г.

Многие усматривали секрет популярности М. Бородина в его прямых связях с В. Лениным. Лидер ВКП(б), по существу, возложил на Бородина функции контроля над переводом документации на английский язык. Работал он в то время отчаянно. Английский скульптор, родственница У. Черчилля Клара Шеридан, посетившая Москву в сентябре — ноябре 1920 г., оставила теплые воспоминания о Михаиле Марковиче. «Михаил Маркович... жил в нашем доме... — писала она. — Мы не слишком часто виделись с ним, поскольку он работал половину дня и всю ночь, как и другие сотрудники наркомата иностранных дел, обычно он опаздывал к приему пищи, ел быстро и уходил, не закончив трапезу». Михаил Маркович любил встречи с представителями зарубежной интеллигенции. «Я, лично, — говорил он, — нахожу либералов привлекательными, с их гамлетовской утонченностью и провокационной интеллектуальной гимнастикой». Он не смотрел на мыслящих в либеральном духе собеседников с присущим некоторым функционерам сарказмом, а старался понять их, как и тогда, когда состоялась беседа между ним и К. Шеридан. Скульптор вспоминала о необыкновенной силе психологического воздействия коминтерновского функционера на окружающих. Я, отвечая на вопросы, ощутила, будто вся моя жизнь зависела от ответов! М. Бородин заорожил собеседницу, которая так и не смогла, по ее же словам, понять все идеи даже после того, как все вопросы оказались исчерпанными. После этого они не раз встречались. Большой театр. Опера «Князь Игорь», балет «Садко»... Ну и, конечно же, беседы. Он просил собеседницу увековечить социалистическую идею в своем творчестве рассказывал о планах международного интернационала, представляющего «всемирное братство рабочих», если рабочие объединятся, то они обеспечат мир на земле на все времена. Наконец, апогеем стала встреча гостьи с В. Лениным 7 октября. М. Бородин провел ее беспрепятственно на эту встречу через все посты, по всем запутанным лабиринтам Кремля. По дороге он бросил: «Только помните, что сегодня вы собираетесь совершить лучшее, чем когда-либо совершенное вами ранее дело». Этой скупой фразой он выразил свое отношение к своему лидеру. В. Ленин тепло принял гостью, спросив прежде всего, были ли проблемы при поиске его кабинета. Шеридан отметила, что с ней был М. Бородин. Для Владимира Ильича этого ответа было достаточно. Шеридан отметила интеллигентность М. Бородина, хорошее знание им английского. Эти данные, по ее мнению, помогли бы Михаилу Марковичу выполнить роль посла РСФСР в Англии. Хозяин бросил на гостью саркастический взгляд: «Это доставит удовольствие Черчиллю, не так ли?» Назначение М. Бородина в Англию, где он был уже хорошо известен местным тайным службам как большевик и агитатор, действительно вряд ли могло доставить тогда удовольствие английским лидерам.

И опять бесконечные скитания: Испания, США, Англия... В. Ленин просит дать информацию о трехстороннем альянсе рабоче-крестьянской, трудовой, фермерской и независимой партий, деятельности этого альянса в Северной Дакоте. М. Бородин незамедлительно в течение пяти дней составляет детальный доклад, основанный на хорошем знании политической жизни США. Доклад вызывает интерес. В. Ленин доволен, советует автору незамедлительно выступить по этой теме либо со статьей, либо с брошюрой. Вряд ли можно было называть М. Бородина «человеком Сталина», как это делают иные авторы. Если и можно упомянуть его деятельность в свете личных связей, то он был «человеком Ленина». Ему слишком редко доводилось встречать Сталина после Таммерфорса.

В марте 1923 г. Михаилу Марковичу Бородину чудом удается избавиться от «преlestей» английских тюрем. Вердикт английских властей от 20 февраля гласил: депортировать сеявшего смуту М. Бородина из страны. Привилегированные слои общества, терявшие самообладание перед устрашающим, бродившим по Европе «призраком коммунизма», не могли позволить агенту Коминтерна — а Бородина так квалифицировала лондонская охранка — действовать в среде английских рабочих.

Воздух свободы радовал. Везение? Возможно, но отнюдь не случайно — в Англии усиливались демократические тенденции, отражавшие реакцию общества на политический кризис времен первой мировой войны, недовольство старыми политическими партиями. Через несколько лет в стране, известной как бастион парламентской демократии, бу-

дут приняты новые законы (один из них — акт о подстрекательстве к мятежу), нацеленные на ограничение свобод, и посланнику Коминтерна была бы уготовлена — удержишься он в Англии на несколько лет — более тяжкая участь. А сейчас Бородин, размышляя о предстоящих встречах со своими коллегами в Москве, плыл в Питер.

Продолжение следует

¹ Конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 октября — 3 ноября 1926 г. / Стенографический отчет. — М. — Л., 1926. — С. 396.

² Lydia Holubnychy. Michael Borodin and the chinese revolution, 1923—1925.— Columbia University 1979.— P. 27.

³ А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае.— М., 1964.

⁴ Madam Chiang Kaishek. Conversation with Mikhail Borodin. / Free China weckey supplement.— October 31.— 1976.— P. 1—3; November 7, 1976.— P. A—D.

⁵ В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925—1927.— М., 1980.— С. 179.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф.— Т. 22.— С. 467.

⁷ В. Б. Воронцов. Миссионеры и их наследники.— М., 1986.— С. 15.

⁸ В. В. Соколов. На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л. М. Карахана.— М., 1983.— С. 78.

⁹ Dan N. Jacobs, Borodin. Stalin's man in China.— Cambridge., 1981.— P. 37.

¹⁰ Ibid.— P. 18.

¹¹ В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 48.

¹² В. В. Вишнякова-Акимова.— Указ. соч.— С. 128.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 36.

С. ТИХВИНСКИЙ

В конце 1965 г. в МИД СССР было создано Управление по планированию внешне-политических мероприятий (УПВМ), для работы в котором были приглашены ряд ученых-международников, в том числе и я, возглавив в УПВМ отдел Азии. На 10-летний период моей работы в УПВМ пришлось самые трудные годы в истории советско-китайских отношений, связанные с событиями «культурной революции» в КНР. В 1969 г. отношения между обеими странами достигли крайнего напряжения вплоть до вооруженных столкновений на границе — в Казахстане и на Уссури. Встреча Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем на Пекинском аэродроме 11 сентября 1969 г. привела к известному ослаблению напряженности — была, в частности, достигнута договоренность о прибытии в Пекин советской правительственной делегации для переговоров по нормализации обстановки на границе. 19 октября 1969 г. делегация, возглавлявшаяся первым заместителем министра иностранных дел В. В. Кузнецовым, прибыла в Пекин и на следующий же день приступила к переговорам с делегацией правительства КНР, возглавлявшейся заместителем министра иностранных дел КНР Цяо Гуанхуа.

Переговоры о пограничном урегулировании продвигались крайне медленно. Все советские инициативы, направленные на то, чтобы как можно скорее приступить к главному вопросу пограничного урегулирования — уточнению линии прохождения советско-китайской границы на отдельных ее участках, имея в виду последующую ее демаркацию и заключение соответствующего договора, — с ходу, без какой-либо мотивировки отклонялись китайской делегацией. Делегация КНР настаивала на первоочередном признании Советским Союзом односторонне провозглашенных китайской стороной «спорных участков» на границе, отводе с этих участков советских вооруженных сил, включая пограничные войска, и разрешении там китайскому населению вести хозяйственную деятельность.

Посещение Пекина после 9-летнего перерыва оставило тягостное впечатление. Продолжалась «культурная революция», хотя ее наиболее драматический период, сопровождавшийся повсеместными погромами партийных комитетов, массовыми арестами и столкновениями враждующих отрядов хунвэйбинов, был уже позади. Тем не менее напряженность сохранялась: вузы и школы были еще закрыты, в столичных учреждениях продолжались массовые «проработки» инакомыслящих, повсюду были развешаны «дацзыбао», клеймившие врагов «культурной революции», призывавшие к борьбе с «черными бандитами», разного рода «нечистью».

В декабре 1969 г. в Пекине стояла хмурая холодная ветреная погода, и на обширную территорию нашего посольства часто залетали сорванные порывами ветра обрывки различных «дацзыбао», написанных на разноцветной тонкой бумаге. Из этих обрывков можно было без особого труда составить впечатление о продолжавшейся борьбе внутри различных группировок в китайском руководстве. Не умолкали и громкоговорители на соседних с посольством улицах, транслировавшие непрерывные угрозы в адрес врагов «культурной революции» с разного рода митингов и собраний. В пекинских кинотеатрах шли хроникальные фильмы антисоветской направленности — «Долой новых царей», «Отпор на Чжэньбаодао», «О взрыве китайской атомной бомбы» и др. Во время показа этих фильмов присутствовавшие в залах вожаки хунвэйбинов выкрикивали антисоветские лозунги, которые затем скандировали встававшие со своих мест зрители. Тягостное впечатление произвела попытка посещения

музея Лу Синя: старый привратник, узнав, что мы советские люди, крепко выругавшись в адрес хунвэйбинов, сказал, что музей закрыт, так как «все экспонаты разворовали эти молодчики». Оскверненной оказалась и могила прославленного народного художника Ци Байши, на поваленных наземь каменных могильных столбах выделялись надписи, сделанные черной краской: «Уничтожим дьявольское наваждение», «Истребим черное поветрие». На стенах домов можно было прочесть надписи, критиковавшие тех или иных государственных и партийных деятелей, призывавшие «размозжить» их «собачьи головы» и т. д.

В городе повсеместно велось строительство подземных туннелей и бомбоубежищ. Заканчивался снос в этих целях городских стен. Нередко на улицах города можно было видеть детей школьного возраста, волочивших на постромках соломенные плетенки, на каждой из которых лежало по огромному серому кирпичу с места разборки стены. В магазинах практически отсутствовали товары ширпотреба, действовала строгая карточная система на продукты питания, частная торговля была запрещена.

Советско-китайские переговоры в Пекине длились до весны 1970 г., а затем были приостановлены на длительный срок по инициативе китайской стороны, деятельно занятой в те годы урегулированием отношений с США. Но по-прежнему продолжалась ожесточенная полемика, сыпались взаимные упреки «в отходе от марксизма», китайская сторона обвиняла советское руководство в «оппортунизме», «ревизионизме», «сговоре с империализмом» и т. д., а мы в свою очередь китайцев — в «левацком догматизме», «казарменном коммунизме», «провоцировании третьей мировой войны» и т. п. Однако в Советском Союзе даже в десятилетие «культурной революции» (1966—1976) продолжали выходить переводы произведений китайских поэтов и писателей, книги советских ученых о китайской литературе, искусстве, истории, проникнутые чувством глубокого уважения к многовековой культуре нашего соседа, показывавшие глубокие корни гуманистических традиций китайской культуры, защищавшие китайскую культуру и китайскую интеллигенцию от нападок и бесчинств хунвэйбинов и руководителей «культурной революции», опровергавшие домыслы о якобы исконной агрессивности России в отношении Китая. (В 1974 г. вышла в свет «История Китая с древнейших времен до наших дней», в которой главы по новой истории были написаны мной.)

В ноябре 1966 г. в разгар «культурной революции» в КНР, в Советском Союзе было широко отмечено 100-летие со дня рождения выдающегося китайского революционера-демократа, большого друга Советского Союза доктора Сунь Ятсена. Этой дате было посвящено торжественное заседание Общества советско-китайской дружбы в Москве. Коллектив китаеведов Института народов Азии АН СССР выпустил специальный сборник статей, материалов и воспоминаний о Сунь Ятсене. Еще за два года до юбилея издательство «Наука» выпустило однотомник «Избранных произведений Сунь Ятсена» на русском языке, подготовленный группой советских китаеведов (второе, дополненное издание «Избранных произведений Сунь Ятсена» было издано в Москве в 1985 г.).

В 1975 г. я был назначен начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР и в этом качестве стал уделять большое внимание публикации архивных внешнеполитических документов. С 1978 г. стали выходить тома «Материалов и документов о русско-китайских отношениях», подготовленные историками-китаеводами совместно с архивистами. До этого на основе архивных документов творческими коллективами советских востоковедов (с моим участием и под моей редакцией) были выпущены сборники статей «Китай и соседи в древности и средневековье», «Татаро-монголы в Азии и Европе», полемизировавшие с рядом работ китайских авторов, защищавших экспансионистскую политику китайских императоров в отношении соседних стран и народов. Советско-китайские разногласия тех лет нашли свое отражение и в сборнике моих статей «История Китая и современность», вышедшем в 1976 г., а также в сборниках «Китай в новое и новейшее время», «Китай и соседи в новое и новейшее время», «Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений» и др.

25 сентября 1979 г. в Москве возобновились советско-китайские переговоры на правительственном уровне. Делегацию Советского Союза возглавлял заместитель министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичев, китайскую правительственную делегацию — заместитель министра иностранных дел Ван Юпин, бывший до этого послом

КНР в Москве. Я был одним из пяти членов советской делегации. Советская сторона предложила на этих переговорах выработать принципы или нормы взаимоотношений между обеими странами (поскольку КНР отказалась от продления Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, заключенного 14 февраля 1950 г. сроком на 30 лет), а затем рассмотреть в духе равенства и взаимной выгоды вопросы о развитии торговли, экономических и культурных связей. Китайская сторона настаивала на первоочередном устранении Советским Союзом целого ряда «претензий» и «угроз», без чего, по ее мнению, невозможно было подвести какую-либо международно-правовую базу под взаимоотношения между обеими странами. Эти «препятствия» и «угрозы», по мнению китайской стороны, могли быть устранены Советским Союзом путем сокращения численности советских вооруженных сил на границе с КНР, вывода советских войск из Монгольской Народной Республики, прекращения советской помощи Социалистической Республике Вьетнам и оказания на нее давления с целью вывода вьетнамских вооруженных сил с территории Кампучии.

Длившийся два месяца московский раунд переговоров, в ходе которого делегации имели шесть предварительных и шесть официальных пленарных заседаний, не вышел за рамки изложения сторонами своих позиций и не привел к каким-либо согласованным решениям, за исключением договоренности о продолжении переговоров поочередно — в Пекине и в Москве. В дальнейшем мне более не довелось принимать в них участия.

* * *

На состоявшемся осенью 1980 г. в Бухаресте XV конгрессе Международного комитета исторических наук впервые за всю его историю приняла участие делегация в составе 14 китайских ученых, возглавлявшаяся известным археологом и специалистом по древней истории Китая профессором Ся Наем. Хотя отношения между нашими двумя странами еще были далеки от полной нормализации, у меня, как главы делегации советских ученых, с самого начала работы конгресса установились дружественные отношения с Ся Наем и другими членами китайской делегации, представившими целый ряд интересных докладов по тематике конгресса.

В октябре 1981 г. в Токио состоялся международный симпозиум по истории Синьхайской революции, приуроченный к 70-летию этого события. Организатором симпозиума выступил почетный профессор Токийского университета Арисава Хироми. Кроме представительной группы известных японских Китаеведов, в работе симпозиума приняли участие ученые из США, Франции, СССР, КНР и Сингапура. Делегацию китайских историков возглавлял профессор Ху Шэн — известный специалист по новой и новейшей истории Китая, в ее состав входили также профессора Чжан Кайюань из Хуадунского университета в Ухани, Чэнь Сици из Университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу, доцент Ли Цзинъи из Института новой истории Академии общественных наук и главный редактор журнала «Вэньу» профессор Цзинь Чжунци — ученые, широко известные в Китае и за его пределами своими работами по истории Китая XIX—XX вв.

На этом симпозиуме впервые после прекращения научных связей между советскими и китайскими историками в начале 60-х годов мне довелось вновь в непринужденной творческой обстановке встретиться со своими китайскими коллегами-историками (доклады участников симпозиума были изданы Токийским университетом в 1984 г. под редакцией Это Синкичи и Гарольда Шифрина). В беседах один на один китайские историки выражали сожаление по поводу того, что на состоявшуюся в этом же году в КНР крупную международную научную конференцию, посвященную 70-летию Синьхайской революции, не были (видимо, по политическим соображениям) приглашены советские ученые.

В январе 1982 г. я вновь посетил Пекин, на этот раз как гость нашего посла в КНР И. С. Щербакова. Город заметно изменился за время, прошедшее с начала 1970 г., быстро приходил в себя после десятилетнего хаоса «культурной революции». Начали благоприятно сказываться на обстановке в стране решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, осудившие многие ошибки прежнего руководства.

Китайский Новый год, Праздник весны, самый популярный праздник в Китае, приходился в том году на 25 января и справлялся в Пекине с традиционной канонадой

хлопушек, ракет и шутих; в столичных магазинах накануне праздника появились продукты и товары ширпотреба, снабжение города продовольствием благодаря разрешению частной торговли заметно улучшилось, крестьяне из окрестных деревень беспрепятственно торговали овощами, яблоками, грушами, хурмой, птицей, рыбой. Возобновились регулярное движение метро, ранее использовавшегося в качестве бомбоубежища. Антисоветские надписи и призывы периода «культурной революции» исчезли с домов и заборов; улице, ведущей к советскому посольству, в годы «культурной революции» переименованной в «улицу борьбы с ревизионизмом», вернули ее прежнее наименование.

Несмотря на начало новогодних отпусков, мне удалось встретиться со знакомым мне еще по Чунцину середины 40-х годов председателем Китайского народного общества связи с заграницей (КНОДЗ), бывшим заместителем министра иностранных дел КНР Ван Биннанем — одним из ближайших долгое время помощников Чжоу Эньлая. При встрече я информировал Ван Биннаня о непрерывавшейся за последние 15 лет деятельности Общества советско-китайской дружбы по ознакомлению советской общественности с культурой и историей Китая, предложил восстановить двусторонние связи между ССОД и КНОДЗ, а также ОСКД и ОКСД. Ван Биннань весьма положительно отнесся к этим предложениям и поручил аппарату КНОДЗ оказать мне необходимое содействие во время моего пребывания в Пекине.

Я был принят также заведующим отделом СССР и стран Восточной Европы МИД КНР Юй Хунляном (в настоящее время — Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Москве). Поскольку в 1980 г. я стал ректором Дипломатической академии МИД СССР, нанес визит в Институт международных отношений при МИД КНР, ректор которого Ли Яньцун и заведующий учебной частью Дэн Пин рассказали о возобновившейся недавно работе института и тепло вспоминали советских преподавателей и слушателей этого института 50-х годов. На приеме, устроенном КНОДЗ по случаю моего приезда, а также на приеме в посольстве встречался с известным литературоведом и переводчиком русской и советской литературы Гэ Баоцюанем, в 1949 г. бывшим поверенным в делах Посольства КНР в Москве. В годы «культурной революции» лишенный возможности заниматься любимым делом, Гэ Баоцюань теперь наверстывал упущенное и был занят переводом на китайский язык произведений Пушкина.

Интересной оказалась встреча с вице-президентом Академии общественных наук КНР Хуань Сяном, знакомым мне по Лондону, где он возглавлял дипломатическое представительство КНР в середине 50-х годов. В 1978 г. институты гуманитарного профиля были выделены из состава Академии наук КНР и образовали самостоятельную Академию общественных наук КНР. Хуань Сян, как специалист в области международных экономических отношений, был назначен вице-президентом АОН КНР. В беседе со мной Хуань Сян поддержал мысль об установлении контактов общественников Академии наук СССР с учеными АОН КНР, подчеркнув, что для Китая в настоящее время главной задачей в области общественных наук является изучение экономических проблем, что делает полезным взаимный обмен опытом китайских и советских экономистов.

Музей Лу Синя, сильно пострадавший в годы «культурной революции», был теперь полностью восстановлен и открыт для посетителей. Было приятной неожиданностью увидеть в музее большую фотографию профессора Б. А. Васильева, у которого я учился в Ленинградском университете, и подлинник его письма выдающемуся китайскому писателю-демократу Лу Синю от 4 июля 1925 г., в котором Б. А. Васильев писал: «Цао Цзиньхуа передал мне Ваше предисловие и фотографию, и я от всей души благодарю Вас. Биография и предисловие уже переведены и вместе с фотографией будут включены в текст перевода «А-кью чжэн чжуань» и отправлены в Москву для печати. Как только книга будет издана, я тут же пришлю Вам ее перевод.

Когда у меня будет случай побывать в Пекине, я обязательно лично нанесу Вам визит. Сейчас посылаю на память свою фотографию. О другом поговорим потом. Желаю Вам благополучия.

Ван Сили».

* * *

В 1983 г. возобновился обмен делегациями по линии обществ дружбы обеих стран. В октябре этого года во главе группы активистов Общества советско-

китайской дружбы мне довелось посетить Пекин, Гуйлинь, Гуанчжоу, Шанхай и Сиань, познакомиться с успехами народного Китая в области экономики, культуры, встречаться с многочисленными друзьями нашей страны, видеть, как быстро залечивались раны, нанесенные стране десятилетием «культурной революции», и как идет осуществление программы «четыре модернизации». Одним из самых ярких впечатлений от этой поездки было посещение в Сиани завода высоковольтных электроизоляторов, построенного в 50-е годы при участии Советского Союза. Несмотря на долгие годы искусственно раздувавшейся в КНР неприязни к нашей стране, рабочие и инженерно-технический персонал завода горячо встретили членов нашей группы, с большой теплотой вспоминали совместную работу с советскими людьми и высказывались за возобновление экономических и научно-технических связей между нашими странами. В Гуанчжоу и Гуйлине мы увидели, как бережно сохраняется там память о советских людях, отдавших жизнь за счастье китайского народа в 1927 и 1938 гг.

В Пекине я навестил профессора Пекинского университета, известного переводчика русской и советской литературы Цао Цзиньхуа, одного из ближайших соратников Лу Синя (о котором упоминал Б. А. Васильев в цитированном выше письме Лу Синю). В годы антияпонской войны Цао Цзиньхуа был одним из исполнительных секретарей Общества китайско-советских культурных связей в Чунцине и одновременно преподавал в школе китайского языка, организованной при нашем посольстве для молодых советских дипломатов. Мы вспоминали с Цао Цзиньхуа общих знакомых, обменивались новостями культурной жизни обеих стран. Цао Цзиньхуа познакомил со своей дочерью и помощницей Цао Сулин, литературоведом, много делавшей для распространения в Китае сведений о советской литературе и издания трудов своего отца.

Всем членам делегации Общества советско-китайской дружбы КНОДЗ была предоставлена возможность провести за время пребывания в КНР ряд встреч по профессиям, в рамках которых у меня состоялась обстоятельная беседа с профессором Лю Данянем, возглавлявшим Национальный комитет историков КНР, о перспективах научного обмена между учеными наших стран. Член делегации Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии инженер-мостостроитель К. С. Силин был специальным самолетом доставлен в город Ухань, лежавший далеко в стороне от маршрута делегации, где его тепло приветствовали местные власти и коллеги-мостостроители, с которыми он построил первый за всю историю Китая мост через полноводную Янцзы, связавший город Учан с городами Ханькоу и Ханьяном.

Через год, в октябре 1984 г., мне снова представилась возможность побывать в Китае для ведения переговоров о развитии сотрудничества между обществами дружбы совместно с членом Центрального правления ОСКД, политическим обозревателем «Правды» В. С. Овчинниковым. Кроме Пекина, мы посетили родину выдающегося философа Древнего Китая Конфуция в уезде Цюфу провинции Шаньдун, поднялись на расположенную неподалеку одну из пяти наиболее знаменитых китайских гор — Тайшань.

Посещение Цюфу оставило неизгладимое впечатление: заросшее вековыми деревьями кладбище, где двадцать пять веков тому назад был похоронен Конфуций, а затем его ближайшие ученики и потомки, замечательные сохранившиеся храмовые постройки и огромный масштаб реставрационных работ, произведенных за последние годы с целью восстановления урона, нанесенного мемориалу Конфуция хунвэйбинами в годы «культурной революции». — все это наглядно свидетельствовало о древности и богатстве китайской культуры. Навсегда остаются в памяти замечательные пейзажи, открывающиеся для взора с украшенных причудливыми беседками и павильонами площадок величественной каменной лестницы, которая, огибая гору Тайшань, ведет к ее вершине, нескончаемые вереницы экскурсантов со всего Китая и из-за границы, посещающие это достопримечательное в истории Китая место, увековеченное в стихах и прозе, в картинах и скульптурах, в высеченных на скалах аллегорических надписях, оставленных знаменитыми посетителями Тайшаня на протяжении многих веков.

1985 г. был годом налаживания дальнейших творческих контактов с китайскими учеными. В мае в Токио состоялась конференция «В поисках политического урегулирования в Азии», организованная редакцией популярной японской газеты «Номинри» и американским Университетом им. Дж. Вашингтона. В работе конференции

приняли участие видные ученые из США, Японии, КНР и Южной Кореи. Из-за болезни некоторых ранее приглашенных советских участников конференции представлять советскую точку зрения на процесс обеспечения безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе пришлось мне одному. Несмотря на стремление ряда американских и японских участников конференции драматизировать советско-китайские разногласия, глава делегации КНР директор Института Советского Союза и стран Восточной Европы АОН КНР профессор Сюй Куй в своих выступлениях на конференции сделал акцент на том общем, что объединяет КНР и СССР, — строительстве социалистического общества, хотя и перечислил известные «препятствия» на путях полной нормализации отношений между странами в духе официальной позиции МИД КНР.

В 1986 г. мне впервые довелось участвовать в работе двух крупных международных научных форумов, проходивших в КНР: конференции по культуре Китая, организованной в январе Фуданьским университетом в Шанхае, и конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена в Гуанчжоу и на родине Сунь Ятсена деревне Цуйхэнцунь. На конференции, посвященной проблемам культуры Китая, обсуждались две основные темы: «Переоценка китайской традиционной культуры» и «Взаимоотношения между китайской и мировой культурой». Кроме 80 с лишним китайских общественников, возглавлявшихся известным специалистом по истории культуры Китая профессором Чжоу Гучэном — крупным государственным деятелем КНР, заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, — в работе конференции приняли участие ученые из США, Японии, ФРГ, Канады и Советского Союза. Перед началом конференции я познакомился с мэром Шанхая Цзян Цзэминем, приветствовавшим участников конференции от имени городских властей (ныне Цзян Цзэминь — Генеральный секретарь ЦК КПК). На конференции состоялся оживленный обмен мнениями по вопросам, связанным с политикой «четырёх модернизаций», осуществляемой в КНР под руководством КПК, а также о соотношении между традиционной культурой Китая и культурой иностранных государств, оказавшей воздействие на Китай в различные периоды его истории.

Участники конференции имели возможность ознакомиться с учебным процессом в Фуданьском университете и с достопримечательностями города Сучжоу, где в последний период тайпинского восстания середины XIX в. находилась ставка Ли Сюэна.

Конференция, посвященная 120-летию со дня рождения китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, свидетельствовала о немеркнущем интересе китайской и мировой исторической науки к жизни и деятельности этого выдающегося сына китайского народа. Конференцию открыл в актовом зале Университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу профессор Лю Данянь. С докладом о «Социалистических воззрениях Сунь Ятсена» выступил президент Академии общественных наук КНР профессор Ху Шэн. На секционных заседаниях конференции, проходивших в современном обширном мемориальном комплексе, построенном в Цуйхэнцуне — родной деревне Сунь Ятсена, состоялась оживленная дискуссия по вопросу о соотношении выдвинутого Сунь Ятсеном принципа «народного благосостояния» и научного социализма. Там же состоялись доклады и выступления остальных участников конференции; я сделал доклад «Сунь Ятсен и Советская Россия».

Участники конференции посетили памятные места, связанные с деятельностью Сунь Ятсена, новую «открытую экономическую зону» Чжухай и совершили паромную морскую прогулку вокруг полуострова Аомынь (Макао). Неузнаваемо изменился пейзаж дельты реки Чжуцзян, по протокам которой я долго добирался до Цуйхэнцуня в январе 1950 г. Если раньше из Гуанчжоу в Цуйхэнцунь можно было попасть только водным путем, то теперь между Гуанчжоу и «экономической зоной» Чжухай, прилегающей к Аомыню, пролегла современная шоссевая дорога, проходящая через Цуйхэнцунь и пересекающая на своем пути многочисленные рукава Чжунцзяна, через которые перекинуты железобетонные мосты. Везде по пути попадались современные, двух-трехэтажные каменные дома сельских жителей; каждый клочок земли был занят под посевы риса, овощей, питомники плодовых деревьев и цветов, а в придорожных водоемах паслись бесчисленные стада гусей и уток или разводились косяки рыб.

Лежавшие на нашем пути уездные города поражали промышленными новостройками, многоэтажными жилыми кварталами, зонами отдыха, красочно оформленными аттракционами. На пространстве, отведенном под «экономическую зону» Чжухай,

десятью возводились заводские и фабричные корпуса, административные и жилые постройки.

В Пекине иностранные участники конференции были приглашены на торжественное заседание по случаю 120-летия Сунь Ятсена, состоявшееся в зале ВСНП, и до начала заседания были приняты китайскими руководителями, среди которых были Ху Яобан, Пэн Чжэнь и Дэн Инчао.

Участие в обеих международных конференциях способствовало расширению научных контактов с китайскими учеными и зарубежными китаеводами (подробнее см. в книге: Китай и всемирная история.— М., 1988).

Набирающая силы перестройка в Советском Союзе положительно сказывалась на постепенном улучшении советско-китайских отношений: росла двусторонняя торговля, восстанавливались научные и культурные связи, научно-техническое сотрудничество, активно развивалась приграничная торговля.

В мае 1987 г. по приглашению Академии общественных наук КНР в Китае побывала делегация советских обществоведов, возглавлявшаяся вице-президентом АН СССР академиком П. Н. Федосеевым. Советские ученые имели встречи с руководством АОН Китая и ведущих институтов, Госкомитета по преобразованию системы хозяйственного управления при Госсовете КНР, Института современных международных проблем при Госсовете КНР, городскими властями Шанхая, руководителями ряда промышленных и сельскохозяйственных предприятий, посетили специальную экономическую зону Шэньчжэнь, ряд музеев и памятных мест.

В состав делегации советских обществоведов входили известные экономисты академики Л. И. Абалкин и И. И. Лукинов, член-корреспондент АН СССР В. П. Чичканов, социолог Ж. Т. Тошенко, внимательно изучавшие опыт экономических реформ, осуществляемых в КНР, делившиеся с китайскими коллегами опытом советской перестройки.

21 мая 1987 г. в Пекине состоялось подписание плана научных связей между Академией наук СССР и Академией общественных наук КНР на 1987—1989 гг., предусматривавшего взаимное командирование сотрудников с ознакомительными визитами, для чтения лекций, обмена опытом, участия в научных конференциях. Встреча советских и китайских обществоведов была весьма плодотворной — она выявила схожесть ряда решаемых в Советском Союзе и Китае проблем социального строительства, обоюдный интерес к обмену опытом в этой сфере. В то же время в ходе пребывания советской делегации в КНР китайская сторона неоднократно давала понять: на развитие научных связей с советскими обществоведами решающее влияние будет оказывать состояние китайско-советских межгосударственных и межпартийных отношений между КПК и КПСС. Этим обстоятельством можно объяснить ограничение количества обменов между советскими и китайскими обществоведами, установленное китайской стороной, пределом в 40 человеко-недель на протяжении двухлетнего периода.

Обмены по линии ССОД — КНОДЗ, ОСКД — ОКСД также были строго дозированы китайской стороной, ссылавшейся на недостаток финансовых средств. В мае 1988 г. я вновь посетил КНР во главе небольшой группы членов Центрального правления ОСКД для подписания двухлетнего плана сотрудничества между этими общественными организациями. Мы были тепло приняты в Китайском народном обществе дружбы с заграницией и в отделениях Общества китайско-советской дружбы в Шанхае, Сиани и Ухани. Члены группы имели возможность встретиться со своими китайскими коллегами по профессии. У меня в Пекине была встреча с редактором журнала «Иностранная литература», многолетним активистом Общества китайско-советской дружбы, писателем, художником и переводчиком русской и советской литературы Гао Маном, с рядом китайских историков.

В Ханькоу мы возложили венки на место захоронения праха советских летчиков-интернационалистов, погибших в годы войны с Японией, защищая китайскую землю. Эти заботливо ухоженные могилы в годовщину Октября и в день Советской Армии посещаются местными жителями, возлагающими цветы в знак признательности советским воинам.

В Шанхае наша делегация посетила Дом-музей Сунь Ятсена и возложила цветы на могилу его вдовы Сун Цинлин — видной общественной и государственной деятельницы Китая. Посетили также восстановленный после «культурной революции» памят-

ник А. С. Пушкину и возложили к нему цветы.

В октябре того же года сопровождал посетившую КНР по приглашению Китайского народного общества дружбы с заграницей председателя Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами В. В. Терешкову, В. В. Терешкову и сопровождавших ее лиц в Пекине принимали заместитель председателя КНР Ван Чжэнь, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, председатель Всекитайской федерации женщин Чэнь Мухуа, председатель Народного правительства города Пекина, мэр города Чэнь Ситун, а также председатель КНОДЗ Чжан Вэньцзи и председатель Общества китайско-советской дружбы У Сюцюань.

В. В. Терешкова в ходе бесед с руководством КНОДЗ и ОКСД высказала ряд конкретных предложений по расширению сотрудничества обществ дружбы двух стран; с китайской стороны было отмечено, что все предложения будут обдуманы, изучены и затем мнение китайской стороны будет доведено до советской стороны. КНОДЗ организовал посещение В. В. Терешковой и членами ее делегации Китайской Академии космической технологии в Пекине, шанхайского завода «Новый Китай», изготовляющего ракеты-носители «Великий поход-3», ряда достопримечательностей Пекина, Сиани и Шанхая. Председатель Китайской академии космической технологии профессор Мин Гуйжун, заместитель министра авиакосмической промышленности КНР профессор Сунь Цзядун, сотрудники академии, директор и персонал шанхайского завода «Новый Китай» тепло приветствовали первую в мире женщину-космонавта, рассказывали о деятельности академии и работе завода, ознакомили с рядом экспонатов музеев при академии и при заводе.

После отъезда делегации В. В. Терешковой я остался в Китае для участия в работе международной научной конференции, организованной Нанькайским университетом в Тяньцзине, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося китайского революционера, полководца, дипломата и государственного деятеля Чжоу Эньлая, в молодости учившегося в Нанькайском университете.

В работе конференции участвовало около 100 ученых, в том числе историки и политологи из Великобритании, КНДР, СССР, США, Франции, Швейцарии и Японии. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано свыше 70 докладов и сообщений, авторы которых высоко оценивали вклад Чжоу Эньлая в революционную и национально-освободительную борьбу китайского народа, в строительство нового Китая. В то же время некоторые китайские участники конференции, преимущественно молодые ученые, критически оценивали отдельные стороны деятельности Чжоу Эньлая, в частности его позицию в годы «культурной революции». Ряд китайских ученых в своих выступлениях противопоставляли Чжоу Эньлая Мао Цзэду в стремлении лишить последнего традиционно приписывавшегося ему авторства ряда теоретических положений и политических установок, в действительности разработанных Чжоу Эньлаем (таких, как стратегия и тактика единого национального фронта, партизанской войны в японском тылу, так называемой линии масс, а также внешнеполитической стратегии и тактики КНР).

Работа над задуманной мною политической биографией Чжоу Эньлая на фоне событий XX в. в Китае убедила меня в необходимости посещения ряда мест, связанных с его жизнью и деятельностью, для сбора материалов и встреч с людьми, знавшими бывшего премьера. В январе 1989 г. в рамках соглашения между АН СССР и АОН КНР я вновь побывал в Китае.

Весьма полезной оказалась поездка в Чунцин, где удалось посетить превращенную в музей дом-канцелярию представительства КПК при гоминьдановском правительстве, возглавлявшуюся в годы антияпонской войны Чжоу Эньлаем; здание, где в сентябре — октябре 1945 г. велись переговоры между КПК и Гоминьданом с участием Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая; пригородную деревню Хунъянь, где жили сотрудники представительства КПК и 18-й армейской группы — основного воинского подразделения КПК, участвовавшего в антияпонской войне в рамках единого фронта с ГМД.

Посещение Чунцина, бывшего в последние годы антияпонской войны временной столицей сражавшегося Китая, состоялось через 44 года после того, как 10 сентября 1945 г. я покинул город на самолете сына Чан Кайши Цзян Цзинго, спешившего в Бэйпин, чтобы принять капитуляцию японских и марионеточных войск.

Современный Чунцин ничем не напоминал старый, ютившийся на узком скалистом

мысе, зажатом между полноводными реками Янцзыцзян и Цзялинцзян. Город теперь разросся и был связан четырьмя изящными современными мостами с новыми жилыми и промышленными кварталами, выросшими на противоположных берегах этих рек. Чунцин превратился в мощный индустриальный, научный и культурный центр страны с населением свыше 11 млн. человек, соединенный железнодорожным, воздушным и водным путями сообщения с остальным Китаем.

Кроме мест, связанных с деятельностью Чжоу Эньлая, посетил мемориал памяти китайских революционеров в районе Гэлаошань, где в годы гоминьдановской реакции в специальной тюрьме, законспирированной под вывеской «Китайско-американский кооператив», содержались и были замучены многие китайские коммунисты и беспартийные патриоты.

В Нанкине, в доме № 30 по улице Мэйюаньсиныцунь, с 1946 по 1947 г. помещалось представительство КПК, возглавлявшееся Чжоу Эньлаем. Здесь, как и в Чунцине, ныне действует музей, экспонаты которого повествуют о жизни и деятельности Чжоу Эньлая, Дун Биу, Дэн Инчао и других китайских коммунистов. Из Нанкина на автомобиле выехал на родину Чжоу Эньлая — город Хуайань, расположенный в ста с лишним километрах севернее Нанкина, на берегу Великого императорского канала, величественного гидротехнического сооружения, прорытого еще в средние века для транспортировки грузов между бассейном Янцзыцзяна и Пекином. В доме, где родился и провел детские годы Чжоу Эньлай, размещился мемориальный музей.

Из Нанкина поездом проследовал в главный город провинции Чжэцзян Ханчжоу, а уже оттуда на автомашине выехал в Шаосин, где осмотрел другой мемориал, связанный с детством Чжоу Эньлая и с историей его родственников по отцовской линии. В Шаосине познакомился также с замечательным музеем писателя Лу Синя — уроженца Шаосина.

Эта поездка по местам, связанным с жизнью и деятельностью Чжоу Эньлая, безусловно четко организованная Академией общественных наук КНР и академиями общественных наук провинций Сычуань, Цзянсу и Чжэцзян, позволила мне собрать много ценных материалов, необходимых для дальнейшей работы над темой.

Моя последняя командировка в Китай состоялась в год 40-летия КНР в связи с проходившим с 5 по 9 мая 1989 г. международным научным симпозиумом в Пекине, посвященным 70-летию «движения 4 мая», потрясшим страну в 1919 г. Этот научный форум собрал свыше 130 ученых, представлявших научно-исследовательские и университетские центры Китая, Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Японии и Швеции (а также Гонконга и Тайваня). Вступительный доклад на открытии симпозиума на тему «4 мая и борьба против феодализма» сделал президент АОН КНР профессор Ху Шэн, рассматривавший «движение 4 мая» в качестве одного из важных этапов антифеодальной борьбы в Китае, начатой движением за реформы 1898 г. и Синьхайской революцией, — борьбы, которая с 1921 г. осуществлялась под руководством Коммунистической партии Китая и привела в 1949 г. к окончательной победе над феодальным строем. Докладчик в то же время признал наличие в Китае, несмотря на 40 лет существования Народной республики, феодальных пережитков. Окончательно покончить с остатками феодализма, по мнению докладчика, позволит развитие социалистической товарной экономики, повышение уровня общественного производства, становление социалистической демократии и социалистического правопорядка, развитие образования и науки, народной культуры. Видную роль в осуществлении этой задачи, в проведении в жизнь политики «четырёх модернизаций», намеченном 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., докладчик отводил китайской интеллигенции — продолжателю демократических традиций «движения 4 мая».

На пленарных и секционных заседаниях симпозиума проходило обсуждение вопросов о влиянии «движения 4 мая» на литературу, философию, образование и культуру Китая последующих лет, о влиянии на это движение и его руководителей как традиционной культуры Китая, так и западных общественно-политических идей, о связи этого движения с распространением в Китае марксизма, патриотических и антиимпериалистических идей.

Мой доклад на пленарном заседании симпозиума касался некоторых аспектов политического и культурного влияния России на китайское общество накануне «движения 4 мая». Симпозиум проходил в дни массовых студенческих демонстраций на центральной площади столицы Тяньаньмэнь, приуроченных к 70-летию первого массового

выступления учащейся молодежи Китая против унижительного для Китая решения Версальской мирной конференции о передаче Японии бывших германских колоний в Китае и против антинародной капитулянтской политики пекинских милитаристов.

Демонстрации на площади Тяньаньмэнь наложили отпечаток на выступления многих китайских участников симпозиума, которые отмечали, что, хотя требования демократии, борьбы с коррупцией, развития науки и просвещения в 1919 и 1989 гг. по форме и идентичны, по содержанию они отличаются коренным образом. В 1919 г. они были направлены против правительства бэйяньских милитаристов и империалистических держав, сегодня же требования студентов полностью совпадают с политикой КПК и правительства, разделяются ими. Отдельные участники симпозиума призывали к быстрейшему проведению политических реформ, созданию правового государства, улучшению правового и материального положения интеллигенции. Большинство китайских ученых, выступавших на симпозиуме, призывало к стабильности, спокойствию, единству народа и руководства, прекращению студенческих демонстраций. С единодушным одобрением участниками симпозиума было встречено выступление 86-летнего беспартийного профессора Пекинского университета Чжун Цзиньвэня, участника движения 1919 г., призывавшего к скорейшему мирному урегулированию вызванной студенческими демонстрациями напряженности и выразившего уверенность в том, что под руководством КПК будет успешно завершена борьба с коррупцией и злоупотреблениями.

Симпозиум в Пекине, равно как и предыдущие международные научные встречи в КНР, на которых мне довелось участвовать в Фуданьском, Гуанчжоуском и Нанькайском университетах, свидетельствовал о больших успехах китайского обществоведения, плюрализме мнений и школ, атмосфере подлинно творческих дискуссий, широком диапазоне международных связей китайских ученых.

* * *

Каждое новое посещение Китая — будь то научная командировка или поездка по линии Общества советско-китайской дружбы — обогащает знание о нашем ближайшем соседе, его богатой истории и культуре, позволяет зримо видеть происходящие в стране положительные изменения, успехи в деле осуществления политики социалистической модернизации, встречаться со старыми друзьями и приобретать новых. Обогащает духовный мир общение с китайскими учеными, общественными деятелями, писателями и артистами, посещающими Советский Союз. Визиты в нашу страну за последние годы руководителей КНОДЗ Ван Биннаня и Чжан Вэньцзина, их заместителей, председателя ОКСД У Сюцюаня и его ближайших сотрудников, китайских историков Ху Шэна, Лю Даняня, Ли Каня, Дай И, литературоведов Гэ Баоцюаня, Е. Шуйфу, Гао Мана, Цао Ина, переводчиков Ма Ле, Ли Юэжэня, членов делегаций китайских медиков и активистов ОКСД, участников китайских художественных коллективов — все это способствует добрососедству и взаимному обогащению культур обеих стран.

Е. ХИЯМА

На какой же орган императорской армии было возложено проведение допросов и всего дознания, связанного с Люшковым? Когда задаешься этим вопросом, прежде всего на ум приходит мысль о пятом отделе второго управления японского генерального штаба, занимавшемся сбором разведывательных данных о Советском Союзе. На 20 ноября 1938 г. согласно справочнику «Офицерский состав и высшие гражданские чиновники центрального аппарата и других управлений императорской армии» в составе пятого отдела числились следующие лица:

— начальник отдела полковник Кавамата Хидэто; два штаб-офицера—полковники Уно Итиро и Кинами Юкио, прикомандированные офицеры — майоры Акигуса Сигэру, Ямамото Наодзи, Фудзии Масаёси, Хамано Сюсаку и капитаны Окамото Сигэхиса, Морита Мицунэру, Коидзуми Коситиро, Хацуми Сигэру, Уно Масао, Окамура Ситиро.

Судя по «Справочнику выпускников офицерских училищ императорской армии», изданному в 1973 г., к этому времени из всех перечисленных выше лиц осталось в живых всего четыре человека.

В результате моих розысков по указанным в справочнике адресам выяснилось, что двое из них к настоящему времени уже умерли, а из оставшихся двоих откликнулся на мою просьбу и согласился поделиться со мной некоторыми сведениями лишь господин Коидзуми Коитиро, прослуживший в армии 36 лет.

10. Беседа с Коидзуми Коитиро, в то время офицером пятого отдела генерального штаба

«...Кинами Юкио, бывший в то время в чине майора, доставил Люшкова на самолете в Токио. Затем Люшков для установления личности был направлен в специальный отдел обеспечения безопасности министерства внутренних дел, где он подвергся допросу со стороны помощника полицейского инспектора, которого звали, насколько я помню, Сакадзаки.

Я припоминаю, что на следующий день у нас в пятом отделе появился майор Кинами, представивший свои соображения по этому делу начальнику пятого отдела Кавамата Хидэто и беседовавший с начальником управления Хомма Масахару.

Говорили, что вскоре в связи с этим делом к нам прибыл офицер германской тайной полиции (гестапо). Но эти сведения неточны. На самом деле тогдашний германский военный атташе в Токио Шерр обратился к нашему командованию с просьбой ознакомить его с протоколами допросов Люшкова, однако, поскольку, в то время еще не был заключен договор с Германией о военно-оборонительном союзе, наш генштаб вежливо отклонил эту просьбу*.

Я слышал, что допросы Люшкова проводились в уединенном особняке, расположенном в Токийском районе Кудан. Майор Кинами создал особую группу под своим

Журнальный вариант. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока». — 1990. — № 3—4.

* Однако часть показаний Люшкова касалась отношений Советского Союза с Германией. Арестованный тайной полицией в октябре 1941 г. советский разведчик Рихард Зорге на допросе, проведенном 7 марта 1942 года прокурором Есикава Котэцу, показал следующее:

«...Японские генералы, получив от Люшкова различную информацию, познакомили с ней германского военного атташе в Токио Шерра. Тот в свою очередь сообщил ее содержание мне, так что я три или четыре раза смог передать донесения в Москву, в центр» (Протокол 39-го допроса Рихарда Зорге в прокуратуре).

Выполняя полученное указание секретного отдела ЦК КПСС, Рихард Зорге предпринял шаги, чтобы получить сведения о содержании показаний Люшкова, доставленного в Токио.

руководством, в которую были включены специалисты по Советскому Союзу из генерального штаба и иностранного отдела министерства внутренних дел. Так возникла «контора Кудан». Это название было присвоено группе для сохранения секретности.

Протоколы допросов Люшкова должны были храниться в подземном архиве генштаба и в конце войны уничтожены. Таким образом, в настоящее время они вряд ли сохранились. Однако во время событий (у реки Халхин-Гол) они были еще в целости и сохранности, и с частью из них я был ознакомлен.

Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными. В наши руки попала информация о Вооруженных Силах Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях и укреплениях. В полученной от Люшкова информации нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, то есть на конец июня 1938 г., наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий. В тыловом резерве у нас находилось 2 дивизии, и 23 дивизии вели боевые действия против Китая.

Мы убедились в абсолютной необходимости иметь на советском направлении по крайней мере 19 дивизий, так как имевшихся в наличии 9 дивизий для обороны в случае нападения Советского Союза было совершенно недостаточно.

Опираясь на полученные от Люшкова данные, пятый отдел генштаба пришел к выводу о том, что Советский Союз может использовать против Японии в нормальных условиях до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости сосредоточить от 31 до 58 дивизий. К этому еще следовало добавить примерно 10 кавалерийских дивизий армии Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики.— Прим. пер.), а также ее внутренние войска, которые, по оценке Люшкова, насчитывали около 50 тыс. солдат.

Тревожным выглядело и соотношение в танках и самолетах. Против 2 000 советских самолетов Япония могла выставить лишь 340 и против 1 900 советских танков — только 170.

До этого мы полагали, что советские и японские вооруженные силы на Дальнем Востоке соотносились между собой как три к одному. Однако фактическое соотношение оказалось равным примерно пяти или даже более к одному. Это делало фактически невозможным осуществление ранее составленного плана военных операций против СССР.

Обычно генеральный штаб императорской армии составлял к началу сентября каждого года планы боевых операций на следующий год. Однако ввиду развертывания военных действий в Китае такой план на 1938 г. своевременно составлен не был. Временный вариант плана боевых операций против СССР на 1938 г. был подготовлен лишь в марте этого года. По этому плану представлялось вероятным, что Советский Союз может вмешаться в японо-китайский вооруженный конфликт. Но теперь, в свете полученной информации, стало очевидно, что, если такое вмешательство произойдет, то сдержать Советский Союз будет фактически нечем. Таким образом, расширение японо-китайского вооруженного конфликта требовало внесения кардинальных изменений во все наши стратегические планы, чтобы парировать советскую угрозу.

Пораженный полученной от Люшкова информацией генеральный штаб был вынужден срочно переработать план боевых операций на 1938 год; этот план был утвержден только 5 сентября 1938 г., то есть с большим опозданием. Одновременно был принят план укрепления обороны против Советского Союза, рассчитанный на пятилетний срок, так называемый «План боевых операций № 8». Однако как план на 1938 год, так и пятилетний план (№ 8) остались лишь на бумаге из-за невозможности их реализации ввиду нехватки государственных ресурсов.

Зачем я все это Вам рассказываю? Только затем, чтобы показать, как боялся в тот момент — в конце июня 1938 г. наш генеральный штаб вмешательства Советского Союза в ход военных действий в Китае, вполне справедливо полагая, что в этом случае поражение нашей армии было бы неотвратимым.

Сбежавший из Советского Союза Люшков подтвердил, что СССР намерен дожидаться момента, когда Япония истощит свои силы в борьбе с Китаем, а затем осуществить нападение на нее. Ознакомившись с его показаниями, мы стали еще больше опасаться возможности вмешательства Советского Союза в войну между Японией и Китаем. Однако теперь, когда я вспоминаю то время, я считаю, что наши тогдашние опасения были в какой-то мере раздуты показаниями Люшкова.

Тем не менее в тот момент головы всех служивших и в военном министерстве, и в генеральном штабе были заняты лишь одной мыслью, сумеем ли мы в случае необходимости вывести свои войска из Китая и как парализовать замыслы Советского Союза вмешаться в ход военных действий в Китае. Короче, мы вовсе не думали о том, чтобы очертя голову и дальше погружаться в вооруженный конфликт с Китаем.

Вернемся к рассказу о Люшкове, который вскоре после своего бегства был доставлен в Японию, тайно помещен в так называемую «контору Кудан», где систематически допрашивался. Спустя какое-то время после этого инцидента военное министерство дало сообщение в печать о бегстве Люшкова из Советского Союза через аккредитованных при нем корреспондентов. Действительно, такое сообщение было сделано лишь 1 июля, то есть спустя примерно полмесяца после самого события.

В связи с этим рассказывали интересный эпизод. Вскоре после того, как Люшков был переброшен в Токио, начальник восьмого отдела Кояма Ясуо решил использовать этот случай для активизации антисоветской пропаганды. В ноябре 1937 г. было утверждено «распределение обязанностей между управлениями центрального аппарата императорской армии в военное время». В соответствии с этим распределением «ведение пропаганды, организация подрывных действий и контрразведка возлагаются в основном на начальника второго отдела с привлечением в необходимых случаях к выполнению этих функций начальника восьмого отдела, начальника управления информации и других работников». Таким образом, ведение пропаганды возлагалось на Кояма.

Восьмой отдел составил проект пропагандистских мероприятий, а организация их проведения была возложена на управление информации военного министерства. В этом управлении имелся отдел планирования, который также составлял различные планы пропагандистских мероприятий. Однако в случае с Люшковым эти планы были разработаны восьмым отделом, а выполнялись они управлением информации, поскольку Кояма рассчитывал использовать бегство Люшкова в целях развертывания антисоветской пропаганды в международном масштабе.

Отдел планирования управления информации принял предложения Кояма и приступил к их реализации. 1 июля японским корреспондентам, аккредитованным в пресс-клубе военного министерства, была передана информация о бегстве Люшкова. Одновременно эта информация была распространена иностранными телеграфными агентствами Ассошиэйтед пресс, Юнайтед пресс, агентством Байас, ДНБ, а также опубликована в выходящей в Японии на английском языке газете «Джапан адвертайзер». Сообщения вызвали громадный отклик. Задачей этой пропагандистской акции было показать тоталитарный характер сталинского режима, убедить всех в опасности коммунизма. Цель была достигнута. В американских и немецких газетах также появились статьи, осуждающие сталинский режим произвола и насилия.

Недавно, как Вы знаете, имел место еще один случай бегства из Советского Союза — на самолете перелетел в Японию лейтенант Беленко. Читая об этом, я сразу же вспомнил случай с Люшковым. Инцидент с Беленко также получил широкое освещение в средствах массовой информации. В результате этой кампании общественное мнение Японии склонилось в пользу укрепления ПВО страны, поскольку в печати особо отмечалось несовершенство существующей сети радарных станций наблюдения за северным направлением, что и не позволило предупредить вторжение в воздушное пространство Японии и приземление на ее территории советского истребителя, пилотируемого Беленко. Похоже, в Управлении национальной обороны есть светлые головы, которые сразу сообразили, как можно использовать инцидент с Беленко для того, чтобы склонить общественность страны в пользу дальнейшего укрепления системы ПВО. Точно так же и бегство Люшкова было использовано для того, чтобы еще более подогреть в народе недоверие и враждебность к Советскому Союзу, усилить изоляцию последнего на международной арене. Однако самого Люшкова в момент передачи о нем информации корреспондентам пресс-клуба при военном министерстве в Японии уже не было. Он был спешно переправлен в Маньчжоу-го для использования штабом Квантунской армии. Не зная этого, корреспонденты газет буквально сбились с ног, разыскивая его, но все их старания оказались тщетными.

— Что было с Люшковым потом?

— С самого начала отношение к нему со стороны офицеров генерального штаба было довольно сложным. С одной стороны, они одобряли его бегство из СССР, а с другой — не могли не презирать его как предателя Родины. После того как они получили от Люшкова всю возможную информацию и использовали его в целях антисоветской пропаганды, они

потеряли к нему всякий интерес. По всей вероятности, его ждала самая жалкая участь. Ведь человек, уже предавший один раз, может изменить и во второй, он не может внушать к себе никакого доверия.

Я не знаю, с какой целью Люшков был переправлен в Маньчжоу-го и что он там делал, но мне думается, что ничего хорошего его там не ждало. Вскоре начались события у высоты Тёсико* и все мое внимание переключилось туда, и я окончательно утратил какой бы то ни было интерес к Люшкову. Потом я уже ничего не слышал о нем, и только сейчас, почти 40 лет спустя, я вновь услышал об этой истории от Вас... Мне кажется, что после долгих скитаний по Маньчжурии он в конце концов в один из зимних холодных ночей мог замерзнуть во сне в какой-нибудь заброшенной деревушке или умереть в безвестности после жалкой кочевой жизни. В страхе перед платными агентами Сталина он заживо похоронил себя, меняя одно имя за другим. Так я представляю себе дальнейшую судьбу Люшкова, ведь именно такой образ жизни более всего подходил для беглого эмигранта. Разве Вы не согласны с этим?

Если же Вы хотите поточнее разузнать, что случилось с Люшковым дальше, то Вам, видимо, следовало бы встретиться прежде всего с теми людьми, которые работали в «конторе Кудан». Работники этой «конторы» вели допросы генерала Люшкова, а затем отвечали за его безопасную доставку в Маньчжурию. «Контора Кудан» являлась специальным подразделением пятого отдела, но вскоре была переведена в подчинение восьмого отдела и, наконец, начала работать как самостоятельная единица под непосредственным контролем начальника второго управления. Тогда она и стала именоваться «18-м подразделением генерального штаба».

II. Беседа с господином Ивано Сумао, служившим в то время в восьмом отделе второго управления генерального штаба.

18-е подразделение генерального штаба было самым законспирированным органом среди всех служб бывшей императорской армии, и даже сейчас, спустя более 30 лет после окончания войны, об этом органе так и не обнародовано каких-либо сведений. Судя по справочнику «Офицерский состав и высшие гражданские чиновники центрального аппарата и других управлений императорской армии», выпущенному 10 марта 1939 г., начальником восьмого подразделения был генерал-майор Ямагути Кисабуро. Под его командой находилось 16 офицеров, имена и фамилии которых фигурировали в данном списке. Среди них была и фамилия Ивано Сумао, который тогда был в чине капитана. Я сопоставил имена этих 16 человек со списками Общества ушедших в отставку деятелей, Союза друзей отечества, а также со списками пенсионеров, получающих пенсию от военного ведомства, и установил, кто из них дожил до настоящего времени и их теперешнее местожительство. В результате длительных розысков я обнаружил трех человек, которые могли меня интересовать. Из них лишь Ивано Сумао согласился встретиться и побеседовать со мной, да и то при условии, что в беседе мы не будем касаться различных деталей деятельности 18-го подразделения. Ниже следует запись нашей беседы.

Ивано: Я был переведен из восьмого отдела генерального штаба на работу в 18-е подразделение в марте 1939 г., то есть как только оно было сформировано.

— До сего времени мне даже не приходилось слышать о существовании такого органа генштаба. Чем он занимался?

Ивано: Если говорить коротко — разведывательной деятельностью на научной основе.

— Из Ваших слов все же не совсем ясно, о чем идет речь.

Ивано: До этого времени сбор разведывательных данных осуществлялся исключительно путем использования агентуры, можно сказать, физическими усилиями. Например, разведчик изменял свою внешность, проникал на вражескую территорию и добывал там всеми правдами и неправдами секретную информацию. Однако, как говорил наш майор Кинами, это все дедовские способы. Нужно в сборе информации переходить к более эффективным, научным методам работы.

— Эти новые подходы выдвигались майором Кинами?

Ивано: Майор Кинами погиб в авткатастрофе во время военных действий у реки Халхин-Гол. Его считали специалистом номер один по сбору информации и разведанных, касающихся Советского Союза. Он был исключительно трудо-

---

* Высота Заозерная у озера Хасан.

способным работником. Настоящим знатоком и исследователем тайных операций.

— Не можете ли Вы чуть поподробней рассказать об обстоятельствах создания 18-го подразделения?

Ивано: Оно было создано как раз в связи с бегством из СССР генерала Люшкова, судьбу которого Вы пытаетесь установить. В то время по приказанию начальника второго управления Хомми майор Кинами стал вести допросы генерала Люшкова. Поскольку последний занимал такой высокий пост начальника управления НКВД по Дальнему Востоку, получаемая от него информация как по своему характеру, так и по объему коренным образом отличалась от обычных разведданных. Для того чтобы использовать эту информацию в будущем с максимальным эффектом, было необходимо, во-первых, вытянуть из него абсолютно все, что ему было известно, а во-вторых, все это рационально, на научной основе проанализировать. Поставив такую цель, майор Кинами собрал вместе всех разведчиков — специалистов по Советскому Союзу и создал из них особую группу.

— Этой группой и стала «контора Кудан»?

Ивано: В это время в Токийском районе Кудан Минами освободилось помещение одной конторы. Это помещение было снято для размещения канцелярии группы. Так возникла «контора Кудан».

— При создании этой группы кто в нее входил?

Ивано: В то время я еще работал в восьмом отделе и поэтому не знаком со всеми деталями. Но в организации этой группы участвовал помощник полицейского инспектора Сакадзакки из особого отдела, занимавшийся вопросами безопасности. Это был тот самый чиновник, который вел дело Р. Зорге. Кроме него, в состав группы вошел майор Такэнака из восьмого отдела. Правда, вскоре он получил назначение на работу в Германию, но до этого, похоже, занимался организацией работы «конторы Кудан». К ее работе было привлечено также несколько гражданских лиц.

— А когда Вы, господин Ивано, были переведены на работу в 18-е подразделение, там уже не оставалось никого из первоначального состава сотрудников «конторы Кудан»?

Ивано: Дело обстояло так. Эта особая группа была создана с конкретной целью получения информации от генерала Люшкова, и по выполнении этой задачи она должна была прекратить свое существование. Члены этой специальной группы имели и другие обязанности и постоянно были заняты на своей основной работе. Однако, когда генерал Люшков в конце июня или начале июля 1938 г. был тайно переправлен в Маньчжурию и настало время расформировать «контору Кудан», майор Кинами выступил решительно против такого решения. В ходе допросов генерала Люшкова майор Кинами детально ознакомился с методами сбора информации, применявшимися советским ГПУ, и осознал, насколько отстали мы в Японии в этом отношении. Это, похоже, произвело шоковое впечатление на майора Кинами. Он сумел убедить начальника второго управления Ямагути в целесообразности сохранить «контору Кудан» и преобразовать ее в специальный разведывательный орган, который строил бы свою работу на научной основе. В ходе реализации этой идеи возникали различные варианты и осложнения, но в конце концов в марте 1939 г. было официально создано 18-е подразделение второго управления генерального штаба. Разместили это подразделение уже не в районе Кудан, а в районе Митакадзака недалеко от генерального штаба. Претерпел значительные изменения и личный состав этой группы. Всего в 18-е подразделение было зачислено 120—130 человек.

— Вы упомянули о различных вариантах и осложнениях в ходе формирования этого органа, что имелось в виду?

Ивано: Сперва в начале августа 1938 г. стараниями майора Кинами был подготовлен проект преобразования «конторы Кудан» в 11-е подразделение. Этот проект был доведен до стадии организационного оформления. Однако как раз в это время начался вооруженный конфликт у высоты Заозерной, и этот план был отложен до более подходящего времени. Затем против этого плана стал возражать пятый отдел генштаба, и рассмотрение проекта вновь было отложено.

- А почему пятый отдел выступил против этого предложения?
- Ивано: Майор Кинами считал, что создаваемый новый орган должен специализироваться главным образом на сборе информации о Советском Союзе, чем ранее занимался пятый отдел. Поэтому его работников возмутило возможное вторжение в сферу их полномочий.
- Вы не можете более подробно изложить задачи 18-го подразделения генштаба?
- Ивано: Они были весьма многообразны. Одна из них заключалась в сборе информации о Советском Союзе с помощью научно-технических средств. Например, с помощью подслушивающей аппаратуры, скрытых фотокамер, изготовления подложных документов. Вы знаете доктора Синода Року?
- Нет, кто это такой?
- Ивано: В то время в Коямагахара размещался научно-исследовательский институт императорской армии. В его структуре имелся одиннадцатый отдел, который возглавлял доктор Синода. Он занялся созданием специальных средств ведения разведки научными методами, и впоследствии этот отдел был преобразован в одиннадцатый научно-технический институт, которому было дано задание оказывать необходимое техническое содействие 18-му подразделению генштаба. В апреле 1939 года одиннадцатый научно-технический институт был перебазирован в Бото, и он стал именоваться институтом Бото. Доктор Синода получил назначение в качестве офицера сразу восьмого отдела и 18-го подразделения и стал разрабатывать необходимую для их работы научную аппаратуру. Надо сказать, это был исключительно талантливый человек, его всегда переполняли оригинальные идеи.
- Какие задачи еще выполняло 18-е подразделение?
- Ивано: Оно занималось перехватом радиосообщений. В то время стал подниматься вопрос о борьбе с разведывательной деятельностью в воздушном пространстве, и это направление также входило в круг задач 18-го подразделения, то есть перехват радиосообщений, посылавшихся иностранными агентами. Кроме того, оно занималось подготовкой кадров разведчиков в школе Накано. Официально эта школа числилась интернатом для подготовки персонала тыловых служб. Школа размещалась в районе Кудан Усигахара. Когда было сформировано 18-е подразделение, школа была переведена в здание, в котором сейчас находится муниципалитет Токийского района Накано. 18-е подразделение занималось также изучением научных методов организации и ведения разведывательной деятельности, включая и обучение кадров разведчиков в разведшколах. Поэтому именно после создания 18-го подразделения генштаба весной 1939 г. был осуществлен поворот к модернизации всей системы информационно-разведывательной работы императорской армии. Заслуги майора Кинами в этом деле неоспоримы. Можно также сказать, что все это явилось как бы побочным результатом бегства генерала Люшкова из Советского Союза.
- Благодаря Вашим пояснениям я получил достаточно полное представление, что из себя представляло 18-е подразделение генштаба. Теперь же мне хотелось бы спросить Вас о Люшкове. Когда он был переправлен в Токио, его сразу же спрятали в «конторе Кудан»?
- Ивано: Мы испытывали серьезные опасения за его жизнь, ведь он мог быть устранен советскими платными агентами. Поэтому со всеми возможными предосторожностями он был укрыт в «конторе Кудан».
- В ходе допросов он сотрудничал с вами?
- Ивано: Да, сотрудничал. Поскольку он уже отказался от Родины, он был заинтересован извлечь как можно больше из сотрудничества с нами.
- Разве он не хотел поскорее получить свободу и воссоединиться со своей семьей? Судя по тогдашним сообщениям прессы, его жена должна была выехать из Хабаровска в Москву, а затем покинуть СССР, перейдя советскую границу.
- Ивано: Да, я слышал, что сперва он часто справлялся о жене и ребенке. Поэтому майор Такэнака, похоже сочувствуя Люшкову, отдал распоряжение редакциям японских газет и телеграфным агентствам, как только в их руки попадет какая-либо информация о семье Люшкова, сразу же передавать ее ему. Однако прошла неделя после бегства Люшкова, но никаких сведений о судьбе его семьи получить не удалось. Стало ясно, что планы бегства за границу близким Люшкова осуществ-

вить не удалось.

— Следовательно, скорее всего, они были арестованы?

Ивано: Да, похоже так. Возможно, они были даже уничтожены. Я слышал, что генерал Люшков потерял всякую надежду вновь увидеться с семьей, он впал в отчаяние, потеряв самообладание.

— Однако в Маньчжурию Люшков отправился охотно?

Ивано: Я слышал, что генерала Люшкова послали в Маньчжурию по настоянию департамента внутренней службы военного министерства. Переведенный с поста начальника штаба Квантунской армии на должность заместителя военного министра Тодзио Хидзэки предложил тогдашнему начальнику департамента внутренней службы Кин Имамура использовать генерала Люшкова для того, чтобы полностью ликвидировать советскую агентурную сеть в Маньчжоу-го. В департаменте внутренней службы имелся отдел контрразведки, отвечающий за борьбу со шпионажем. В отделении этого департамента было оборудовано специальное помещение, в котором осуществлялось подслушивание телефонных разговоров иностранных миссий и посольств в Токио, а также контроль за их корреспонденцией. Отдел контрразведки департамента внутренней службы и направил Люшкова в Маньчжоу-го с тем, чтобы с его помощью ликвидировать тамошнюю агентурную сеть из проживавших здесь русских, завербованных Советами. Одновременно восьмой отдел генштаба, также занимавшийся контрразведкой, связался с департаментом внутренней службы и со своей стороны высказался за то, чтобы направить Люшкова в Маньчжурию с той же задачей.

— Люшков был направлен в Наньчунь в штаб Квантунской армии?

Ивано: Да, господин Утагава Тацуя из второго отдела штаба Квантунской армии и господин Миэда Масаюки, руководивший маньчжурским отделением отдела контрразведки департамента внутренней службы, — вот эти два человека, опираясь на добровольные показания Люшкова, одним ударом обезвредили советскую агентурную сеть в Маньчжурии.

— Имя Утагава я уже слышал от Онуки, а вот о господине Миэда слышу впервые, что это за человек?

Ивано: Во время корейской войны упоминалась «служба Миэда». Такие молодые люди как Вы, наверное, не в курсе, но господин Миэда служил еще в американском Управлении стратегических служб — предшественнике ЦРУ, и следил тогда главным образом за деятельностью проживающих в Японии корейцев. В то время он служил в качестве руководителя маньчжурского отделения отдела контрразведки департамента внутренней службы, ведал вопросами борьбы со шпионажем и занимал одно из помещений в штабе Квантунской армии в Наньчуне.

— Живы ли сейчас и где находятся эти два человека?

Ивано: Господин Утагава в конце войны был взят в плен советскими войсками, затем он находился в лагере японских военнопленных в районе Читы, и дальнейшая судьба его неизвестна, скорее всего, он давно умер.

— А какова судьба господина Миэда?

Ивано: О господине Миэда я также давно уже ничего не слышал. После окончания войны в Корею он, кажется, какое-то время сотрудничал с американским ЦРУ.

— Попробую все это выяснить. Господин Миэда окончил офицерское училище императорской армии?

Ивано: Конечно. У меня здесь справочник всех выпускников училища. Посмотрим, в каком году он его закончил... Так, он окончил училище в составе 33-го выпуска. Его нынешний адрес: Токио... Однако этот справочник выпущен еще в 1973 г. Возможно, Миэда за это время сменил местожительство, а может быть, уже и отошел в мир иной...

— Указано ли в справочнике занятие господина Миэда?

Ивано: Здесь сказано, что он служащий.

— Если мне удастся разыскать Миэда и побеседовать с ним, думаю, я бы узнал о судьбе генерала Люшкова. Вы, господин Ивано, может быть, не в курсе этого дела, но Люшков помог разоблачить всю советскую агентурную сеть в Маньчжурии. Эта сеть была создана двумя советскими резидентами, проходившими под кличками «Лео» и «Као». Если Люшков помог их арестовать, то господин Ми-

- Ивано: эда, будь он жив, мог бы рассказать об этом весьма интересную историю. Конечно, я не знаком с деталями, но точно знаю, что отдел контрразведки департамента внутренней службы, восьмой отдел второго управления генерального штаба отметили тогда активизацию борьбы со шпионажем в Маньчжурии.
- В конце мая 1938 г. в нашем генеральном штабе было принято решение о проведении боевой операции в районе Ханькоу в Китае, помнится, 15 июня был издан высочайший приказ Его Величества о проведении этой операции. К проведению операции была привлечена и часть наших сил, дислоцированных в Маньчжурии. Возникло опасение, что обстановка здесь с точки зрения обеспечения безопасности может осложниться. Высказывалось мнение о необходимости до проведения операции в районе Ханькоу осуществить ряд мероприятий по укреплению безопасности в Маньчжурии, игравшей роль тыловой базы указанной операции. Для этого было очень важно получить соответствующую информацию от Люшкова?
- Ивано: Да, именно так. Ведь Люшков возглавлял управление НКВД по Дальнему Востоку, а именно это управление осуществляло агентурную разведку и подрывную деятельность в Маньчжурии.
- Какую помощь оказал Люшков?
- Ивано: На этот вопрос Вам лучше всего ответил бы Мизда, если он еще жив...
- Кто сопровождал и охранял Люшкова во время его поездки в Маньчжоу-го?
- Ивано: Этого я не знаю. Если прикинуть, то, скорее всего, кто-нибудь из сотрудников «конторы Кудан». Ведь именно на этот орган была возложена ответственность за охрану Люшкова.
- После этого до Вас доходили какие-нибудь сведения о Люшкове?
- Ивано: Нет. Вскоре произошли события у высоты Заозерной, и генерал Люшков, как и многие иные дела, сразу выскочили у меня из головы. До тех пор пока я не услышал это имя от Вас, мне оно и в голову не могло прийти.
- Значит, и у майора Кинами больше никаких контактов с Люшковым не было?
- Ивано: Подождите-ка... Был случай, когда господин Кинами упомянул имя Люшкова. По-моему, это было как раз накануне событий у реки Халхин-Гол.
- События на Халхин-Голе начались 11 мая 1939 г., значит случай, о котором Вы упомянули, произошел до этого?
- Ивано: Да, да... Это было вечером 2 мая. По случаю празднования 1 Мая в Советском Союзе выступал Сталин. Мы в 18-м подразделении слушали это выступление по московскому радио и записывали его на магнитофонную пленку. Эта работа не входила в круг обязанностей господина Кинами, но он почему-то остался в нашем рабочем помещении и слушал радиопередачу из Москвы, закрыв глаза. В конце передачи он вдруг как бы про себя произнес: «Значит, Люшкова постигла неудача?», после чего сразу вышел из комнаты. Помнится, это было столь неожиданно, что я ужасно удивился.
- Он сказал: «Значит, Люшкова постигла неудача?» — а что это могло означать?
- Ивано: Я не знаю.

Шпионская сеть в Маньчжурии

12. Беседа с Мизда Масаюки, занимавшим в то время пост начальника маньчжурского отделения отдела контрразведки департамента внутренней службы военного министерства

Мизда Масаюки, выпускник офицерского училища, окончил затем военный институт и с марта 1938 г. по октябрь 1940 г. возглавлял маньчжурское отделение отдела контрразведки департамента внутренней службы военного министерства. После этого он был назначен начальником отдела контрразведки указанного департамента, являясь одновременно заместителем начальника спецшколы Накано. К моменту окончания войны Мизда был уже в чине полковника. Некоторые утверждали, что после войны он сотрудничал с американским Управлением стратегических служб, а затем и с ЦРУ и привлекался американцами к слежке за идеологической деятельностью корейцев, постоянно проживающих в Японии.

В июле 1970 г. Миэда перебрался в Токио из родных мест, в город Кавасаки префектуры Сайтама.

Прежде чем посетить Миэда в его доме, я навел справки о том, чем он занимался после войны. С этой целью я стал расспрашивать некоторых выпускников бывшей спецшколы Накано. Однако они оказались совсем не словоохотливыми и не были расположены распространяться о Миэда. Лишь четвертый из них, и то при условии, что его имя не будет упомянуто, наконец, кое-что рассказал мне. Оказалось, Миэда примерно до 1970 г. руководил работой «Информационной компании по проблемам Дальнего Востока». Эта компания непосредственно подчинялась штабу ЦРУ, размещавшемуся под крышей Посольства США в Токио, она являлась одним из информационных органов ЦРУ в Японии и занималась слежкой за деятельностью Всеяпонской организации корейцев, постоянно проживающих в этой стране.

Видимо, «Информационная компания по проблемам Дальнего Востока» работала в условиях полной секретности. Эта компания не фигурировала ни в справочнике гражданских и общественных организаций, выпущенном в 1969 г. научно-исследовательским советом при Управлении муниципальных органов Японии, ни в телефонном справочнике, изданном в том же году Токийским муниципалитетом. По мнению господина Нагасаки Такэо, автора книги «Японское ЦРУ», выпущенной в 1975 г., «Информационная компания по проблемам Дальнего Востока» в 1972 г. сменила вывеску и стала называться Научно-исследовательским институтом по политическим и экономическим проблемам Восточной Азии. Она также рассталась с американским ЦРУ и превратилась в одну из «внешних» (внештатных) организаций, работающих на Управление исследований и анализа кабинета министров Японии. Поговаривают, что НИИ по политическим и экономическим проблемам Восточной Азии занимается сбором информации политического и экономического характера о положении в Южной Корее и в Северной Корее. В настоящее время господин Миэда Масаюки свою работу в этом НИИ уже оставил.

Я дважды наносил визиты господину Миэда, и дважды он отказывался принять меня для беседы. И только когда я посетил его дом в третий раз, он наконец согласился побеседовать со мной, но при одном условии — не касаться его деятельности в послевоенное время.

Миэда: Люшков был доставлен из Токио в Чаньчунь в конце июня 1938 г.

— Он прибыл, чтобы оказать содействие в разоблачении подпольной советской шпионской сети, существовавшей на территории Маньчжоу-го?

Миэда: Да, именно поэтому он был направлен в мое распоряжение.

— Кому первому пришла в голову мысль использовать Люшкова в этих целях?

Миэда: Это был сотрудник штаба Квантунской армии Утагава Тацудэ. В то время он находился в чине подполковника. После того как Люшков сбежал из Советского Союза, он был доставлен в штаб Корейской армии, находившийся в Сеуле. Тогда господин Утагава был командирован в Сеул, где был ознакомлен с содержанием показаний Люшкова. По возвращении в Чаньчунь он явился ко мне и, сообщив о полученной от Люшкова информации, высказал идею использовать помощь последнего для того, чтобы одним ударом покончить с советской шпионской сетью в Маньчжоу-го. Я был переведен сюда совсем недавно, только в марте 1938 г., но уже имел большой опыт в борьбе с советскими разведчиками. Поэтому я сразу решил, опираясь на информацию, полученную от Люшкова, попробовать ликвидировать советскую агентурную сеть в Маньчжоу-го. Я доложил о своем плане отделу контрразведки военного министерства, там одобрили мои соображения, после чего Люшков был переправлен в Чаньчунь.

— Что представляла собой советская агентурная сеть в Маньчжоу-го?

Миэда: Советская информационная служба опиралась на три кита — три опоры. Это были, во-первых, Управление военной разведки, непосредственно входившее в штаб Красной Армии, расположенный в Хабаровске. Во-вторых, Управление иностранной информации, входящее в возглавлявшееся Люшковым Управление НКВД по Дальнему Востоку. Наконец, в-третьих, существовало Информационное управление Исполкома Коминтерна в Москве. Люшков передал нам сведения о существующей сети агентов своего дальневосточного управления НКВД. Эта сеть состояла из двух организаций. Одна, работавшая под руководством резидента, носившего условную кличку «Лео», специализировалась на сборе разведывательной информации. Другой группой руководил резидент, носивший кличку

«Као», она специализировалась на осуществлении подрывных акций. Люшков выдал все имена агентов, которые он знал. Однако, поскольку резиденты «Лео» и «Као» были посланы в Маньчжурию задолго до назначения Люшкова в Хабаровск на пост начальника Управления НКВД, их действительных имен Люшков не знал. До 1932 г. в Харбине руководил советской разведывательной сетью в Маньчжурии резидент, имевший условную кличку «Тэо». Мы знали, что под этой кличкой скрывался советский генерал-майор. Как только Маньчжоу-го была провозглашена самостоятельным государством, советский резидент «Тэо» покинул Харбин и, по всей видимости, на смену ему прибыл резидент по кличке «Лео».

- Как была построена система японской контрразведки в Маньчжоу-го?
- Мизда: Задача по разоблачению шпионской сети здесь была возложена на специальный отдел (Токко) жандармерии (Кэмпэйтай). В рамках самого военного министерства органа с такими функциями не существовало. Лишь весной 1937 г. взяло верх соображение, что и армия должна располагать научной контрразведывательной организацией, и, наконец, в рамках управления внутренней службы военного министерства был создан отдел контрразведки. В генеральном штабе также весной 1938 г. его четвертое подразделение было преобразовано в восьмой отдел, на который была возложена задача борьбы со шпионажем.
- Какова была структура органов контрразведки в Маньчжурии?
- Мизда: Борьбу со шпионажем вели здесь полицейское управление Квантунской администрации и отделение полиции отдела безопасности Маньчжоу-го. В Квантунской армии этим вопросом занималось подразделение господина Утагава Тацую из второго отдела штаба армии и моя служба. Мы работали в тесном контакте, однако полностью ликвидировать сеть советских шпионов в Маньчжурии никак не удавалось.
- Однако в порядке подготовки и обеспечения военной операции в районе Ханьчжоу были приняты меры по укреплению безопасности и в Маньчжурии. Разве тогда не удалось ликвидировать там советскую разведывательную и подрывную сеть?
- Мизда: За два года до этих событий произошел инцидент в небольшом городке, связанный с подготовкой вооруженного восстания. В этом городке на территории Маньчжоу-го проживало до 8 тыс. русских белогвардейцев. Среди них была создана тайная военная организация, находившаяся под советским руководством, которая разрабатывала планы вооруженного выступления, приуроченного к вторжению на территорию Маньчжоу-го Советской Армии и направленного против этого государства и его союзника Японии. Наши органы своевременно раскрыли эти замыслы, и в городе были произведены массовые аресты. Поскольку ранее мы уже сталкивались с такой опасной ситуацией, наши нервы были достаточно напряжены.
- Исходя из этого, Люшков и был направлен к Вам в помощь?
- Мизда: Да, потому что Люшков знал состав разведывательной сети, развернутой в Маньчжурии Наркоматом внутренних дел СССР.
- Он был переправлен из Токио в Маньчжурию в конце июня, его сопровождал в этой поездке майор Кинами Юкио?
- Мизда: Нет. У меня уже выветрились из памяти их имена, но его сопровождали три человека из жандармерии.
- Это были люди из «конторы Кудан»?
- Мизда: Вы, оказывается, осведомлены о «конторе Кудан»?!
- Да. Я получил такую информацию от одного человека, в то время работавшего в восьмом отделе генерального штаба.
- Мизда: Но это была организация, которая официально не существовала...
- Как выглядел Люшков, когда он был доставлен к Вам?
- Мизда: Конечно, у него был совсем другой вид по сравнению с тем временем, когда он спасался бегством из Советского Союза. На голове у него была панاما, одет в пиджак кремового цвета. После того как Люшков потерял семью, его покинула бодрость. Из Токио он был доставлен на транспортном самолете в Сеул, а оттуда переброшен рейсовым самолетом маньчжурской авиакомпании в Чаньчунь. По прибытии в этот город он сразу же был помещен в гостиницу «Ямато»

- на Северной площади. Здесь вскоре мы с ним встретились, и начались наши беседы.
- Не выставлял ли Люшков со своей стороны каких-либо условий в обмен на свое сотрудничество с Вами?
- Мизда: Вы думаете, что он, может быть, требовал взамен деньги или что-либо подобное? Нет, ничего он не требовал. Напротив, он сказал, что пойдет на любое сотрудничество с нами, лишь бы свалить Сталина.
- Какое впечатление произвел на Вас Люшков как человек?
- Мизда: Как Вам сказать... Это был человек острого ума, сразу схватывающий все нюансы. У меня тогда возникла такая мысль: не хотелось бы иметь такого человека своим врагом — это было бы слишком опасно. Так, когда арестованный агент не хотел давать добровольные показания, Люшков предлагал поручить ему провести допрос этого шпиона. Его методы допросов оказались исключительно эффективными. Он показал себя совершенно безжалостным, бессердечным человеком.
- Что Вы имеете в виду?
- Мизда: Когда допрашиваемый им человек медлил с ответом на заданный вопрос, Люшков сразу тыкал ему в лицо нож, который держал в руках. Если даже раненный в лицо русский агент продолжал молчать, Люшков плескал на него керосин, а затем чиркал спичку и говорил допрашиваемому, что, если тот не заговорит, пока спичка догорит у него в пальцах, то он бросит эту горящую спичку ему на голову. Было достаточно одного взгляда в этот момент на лицо Люшкова, чтобы понять, что он просто жаждет крови этого человека. А ведь среди этих людей были его подчиненные, которых он знал лично. Наверное, его страшно боялись в России. Он был из тех людей, которые не болтают зря и не повторяют дважды один и тот же вопрос. Он ни разу не закричал и не улыбнулся, казалось, он вообще не способен на какие-либо чувства.
- Значит, он был очень жестоким человеком?
- Мизда: Возможно, он стал таким, потеряв жену и ребенка. Он производил впечатление бессердечного, бесчувственного человека. Кроме тех случаев, когда мы с ним договаривались о выходе из гостиницы, он никогда не покидал своего номера. Неизвестно, о чем он думал в своем добровольном заточении.
- Как была ликвидирована советская шпионская сеть в Маньчжурии?
- Мизда: В своем номере в гостинице Ямато Люшков назвал нам около 20 имен своих агентов. Мы передали их полицейскому управлению Квантунской администрации и политическому отделу Маньчжоу-го с тем, чтобы те произвели соответствующие аресты. Им удалось арестовать 13 человек. На основании их показаний были арестованы в свою очередь один за другим всего до 50 человек. Арестованные агенты входили в состав двух групп, которыми руководили «Лео» и «Као». Однако общие результаты операции оказались менее значительными, чем мы ожидали.
- То есть?
- Мизда: Судя по показаниям Люшкова, в Маньчжурии действовало от 150 до 200 агентов — разведчиков и диверсантов, связанных с НКВД. Однако сразу же после бегства Люшкова соответствующие советские власти, предвидя возможные последствия этого для своей агентуры в Маньчжурии, приняли срочные меры по перестройке своей тамошней сети. Поэтому мы не смогли достичь тех результатов, на которые рассчитывали. Кроме того, в конце июля того года начались вооруженные столкновения у высоты Заозерной, и операция по ликвидации шпионов постепенно была свернута. В результате мы упустили резидентов «Лео» и «Као», руководителей советской агентуры.
- Хотя удалось схватить их подчиненных, на них самих выйти так и не удалось?
- Мизда: К сожалению, нет. Их никто не видел в лицо, они использовали весьма изощренные способы организации и связи.
- В связи с началом событий у Заозерной операция по выявлению советских шпионов оказалась прерванной и Люшков получил на время свободу?
- Мизда: Как известно, в конце июля в районе высоты Заозерной начались вооруженные столкновения, и работа по ликвидации советской «пятой колонны» в Маньчжурии утратила срочность. Второй отдел штаба Квантунской армии сосредоточил все

свои силы на получении разведанных о Советской Армии. Поэтому к нам поступил приказ передать Люшкова в распоряжение второго отдела. Насколько я помню, 20 июля он был передан работникам этого отдела.

- Советские пограничные части стали углубляться на территорию Маньчжоу-го в районе высоты Заозерная и спешно создавать здесь свои укрепления 9 июля. Затем, 29 июля, советские пограничники предприняли те же действия в районе высоты Безымянной. В ночь на 30 июля части 19-й пехотной дивизии по приказу штаба Корейской армии атаковали советских солдат и выбросили их с высот Заозерная и Безымянная. Однако 6 августа Советская Армия ответила масштабным контрнаступлением, и в этом районе, по сути, развернулась война локального характера.

Мизда: Первоначально и генштаб и штаб Корейской армии выступали против использования вооруженной силы и считали желательным прибегнуть к дипломатическим переговорам для разрешения конфликта. Однако советская сторона наотрез отвергла путь переговоров. Поэтому в середине июля в генштабе был выработан курс на решение вопроса военным путем. Высочайший приказ на проведение этой боевой операции был принят вечером 20 июля. Поэтому и штаб Квантунской армии также осуществил подготовительные меры для того, чтобы в случае необходимости задействовать и свои войска.

- Именно в этот момент Люшков и был передан в ведение второго отдела штаба Квантунской армии, не так ли?

Мизда: Да, именно так.

- В то время во втором отделе штаба Люшковым занимался господин Утагава Тацуя.

Мизда: Да.

- 10 августа в Москве между японским послом Сигэмицу и министром (тогда наркомом) иностранных дел СССР Литвиновым было достигнуто соглашение о прекращении военных действий в районе высоты Тёсико (Заозерная). Это перемирие, как мне кажется, во многом обесценило полезность Люшкова для штаба Квантунской армии. Что случилось с ним затем?

Мизда: Вы думаете, не получил ли он свободу?

- Был ли он освобожден?

Мизда: Слово «освобожден» будет не совсем подходящим в данном случае. Ведь Люшков сотрудничал с армией по своей доброй воле.

- Но, вероятно, он сотрудничал, чтобы получить свободу, таково было его условие?

Мизда: Вы ошибаетесь. Возможность сотрудничать с нами, похоже, приносила Люшкову радость. Он хотел отомстить своей стране, которая довела его до бегства.

- Но разве подполковник Утагава не уладил все дела Люшкова?

Мизда: Похоже, нет. Я не работал в штабе Квантунской армии и поэтому не в курсе всех дальнейших обстоятельств, связанных с Люшковым.

- Но, наверное Вы, господин Мизда, и после часто встречались с господином Утагава. Разве Вам и после ни разу не приходилось слышать от него чего-нибудь еще о Люшкове?

Мизда: Да, кое-что приходилось. Например, я слышал, что Люшков поселился в Дайрене.

- А не доводилось ли Вам слышать что-нибудь о дальнейшей судьбе Люшкова?

Мизда: Доводилось.

- И что же Вы слышали?

Мизда: Вроде он погиб от руки «Лео»...

- Что? Погиб от руки «Лео»?!

Мизда: Я слышал такие разговоры, забыл уже от кого.

- Когда это было?

Мизда: Кажется, в 1939 г., но совсем забыл от кого. Если это правда, то Люшков умер уже много-много лет назад.

- Имели ли какое-нибудь основание слухи о том, что Люшков погиб от руки «Лео»?

Мизда: Этого я не знаю. Но такие слухи до меня доходили... Однако сейчас, во всяком случае, его уже явно нет в живых. Ведь сегодня ему должно было бы стукнуть уже 76 лет...

- А Вы ничего не слышали от самого господина Утагава, что они с Люшковым делали после событий у высоты Тёсико.

Миэда: Я много раз встречался с господином Утагава после этих событий. Последний раз я виделся с ним в начале августа 1945 г. Но я совершенно не помню, чтобы он говорил что-нибудь о Люшкове. Однако если кто-нибудь и знал что-то о Люшкове, то, наверное, это был именно господин Утагава. Однако, как Вы слышали, после войны он бесследно исчез.

— Как исчез? Что это значит?

Миэда: После окончания войны господин Утагава попал в советский лагерь военнопленных в районе Читы. Однако в какой-то день он был изъят оттуда сотрудником ГПУ и в лагерь уже больше не вернулся. Ходили слухи, что в годы войны в Корее он сотрудничал с Советской Армией. Однако, зная этого человека, думаю, что этого просто не могло быть, потому что господин Утагава ненавидел коммунизм. Я думаю, что он был репрессирован советскими властями. Известно, что японские офицеры, которые имели отношение к разведке и попали в плен к русским, были в Советском Союзе, как правило, преданы суду и погибли.

— Поскольку подполковника Утагава уже нет в живых, то и разузнать что-либо еще о дальнейшей судьбе Люшкова, видимо, трудно.

Миэда: Пожалуй, так, ведь с тех пор прошло уже 40 лет.

13. Письмо-сообщение маньчжурского отделения отдела контрразведки управления внутренней службы военного министерства № 143

3 июля 1938 г. Миэда, бывший тогда в чине майора, направил приглашение полицейскому управлению Квантунской администрации и полицейскому отделению отдела безопасности Маньчжоу-го принять участие в совещании по разработке совместной операции против советских резидентов «Лео» и «Као». Этот документ был зафиксирован в канцелярии как «Письмо-сообщение № 143». Благодаря любезности господина Миэда, мне удалось ознакомиться с этим документом. Он приводится ниже.

«Совершенно секретно, № 143. Сообщение о совещании по вопросам контрразведки. От Миэда Масаюки, начальника маньчжурского отделения отдела контрразведки управления внутренней службы военного министерства. Господину Янагивара Такэдзо, начальнику полицейского управления Квантунской администрации.

Господину Танабэ Рэйкити, начальнику отделения полиции отдела безопасности Маньчжоу-го.

По заслуживающим доверия сведениям, на территории Маньчжоу-го и в пределах, находящихся под юрисдикцией Квантунской администрации, действуют главари советской разведывательной агентуры, скрывающиеся под условными кличками «Лео» и «Као». На основании направляемого дополнительно плана основных практических мероприятий, намечаемых в этой связи, Вы любезно приглашаетесь принять участие в работе совещания по вопросам контрразведки, которое состоится 5 июля в 10 часов утра в помещении собраний штаба Квантунской армии.

Примечание: Материал о «Лео» и «Као» направляется дополнительно».

Э. КУЛЬПИН

В своих научных исследованиях Макс Вебер утверждал: «История хозяйства образует почву, без познания которой немислимо плодотворное исследование ни в одной из великих областей культуры»¹. В истории хозяйства Китая первостепенное значение имели (и имеют до сих пор) природная база общества, техника производства и инфраструктура. М. Вебер не уделил внимания ни географической основе, ни технике производства Китая, о неразвитой инфраструктуре упомянул лишь вскользь, хотя именно от него можно было ожидать иного, более глубокого подхода.

В «Истории хозяйства» М. Вебер прежде всего обратился к природной основе западноевропейской крестьянской общины, где у каждого крестьянина, радиально удаляясь от центра, располагались дом, двор, пашня, пастбище и лес. Ученый доказал, что именно пастбище сыграло ключевую роль в становлении феодальных отношений в Европе. Он произвел анализ орудий труда земледельца, соотношения численности населения и величины крестьянских наделов².

В книге «Аграрная история древнего мира» Вебер вывел характер хозяйствования непосредственно из социальных отношений, косвенно из техники и технологии земледелия. Не обошел он вниманием и роли климата. При описании доисторического Рима в основу анализа положил исследование численности населения, уровня потребления продуктов питания, урожайность основных культур и размеры пашни³.

При выявлении базиса рабства в США выделил роль резерва пашни: «Необходимой предпосылкой для... применения (труда рабов.— Э.К.) была низкая цена на землю и возможность постоянно захватывать в работу новые земли, ибо, если рабочая сила дорога, земля должна быть дешева; кроме того, хозяйство с эксплуатацией негров было хищническим... Рабство доходно только тогда, когда оно поддерживается строжайшей дисциплиной и связано с безоглядной эксплуатацией. Дальнейшими предпосылками его существования являются возможность дешевого добывания рабов и экстенсивная хищническая культура, которая в свою очередь предполагает неограниченный запас земли»⁴.

Исследуя Китай, он писал: «Главная противоположность между развитием аграрного хозяйства в Европе и некоторых азиатских областях заключается в том, что первоначально ни китайское, ни яванское население не знают молочного животноводства»⁵. Можно было бы предположить, что положение о роли молочного животноводства, которому он придал столь фундаментальное значение в «Истории хозяйства», «пропало» в «Религии Китая» якобы из-за ограниченности знаний об этом регионе в тот период, если бы не полное, почти нарочитое игнорирование в «Религии Китая» всего того, что он сам называл почвой, без которой немислимо плодотворное исследование великих областей культуры. Подобное игнорирование позволяет утверждать, что Китаю в творчестве М. Вебера не повезло по сравнению с другими объектами исследования. Приведем одну логическую цепочку, использованную им при анализе Европы.

В Китае не было пастбищ. Вот (по логике Вебера) важная, если не основная, причина отсутствия базиса для формирования феодализма. Не было условий и для политико-военной автономии городов и последующего развития капитализма в стране. С другой стороны, отсутствие пастбищ — свидетельство использования под пашню

Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», № 3, 1990.

почти всех возможных резервов земли, доступных освоению на определенном уровне развития производительных сил. Отсюда же необходимость рациональной эксплуатации культивируемых земель, что (наилучшим образом) возможно при централизованном государстве, как это и было во всех древних цивилизациях. Можно предположить, что если бы М. Вебер пошел по этому пути, то была бы иная логика доказательств, иные аргументы и не исключены (если не в целом, то в существенных частностях) иные выводы. В науке главное — правильно поставленный вопрос. Тогда вместо поиска ответа, почему не состоялся капитализм в традиционном Китае, мог бы возникнуть вопрос: а были ли попытки перехода на иной, более динамичный путь развития?

М. Вебер выделил отличительные черты европейской цивилизации — обращенность вперед, императив личного и общественного совершенствования, развития всех сфер жизни, «работа» на будущее, которое, благодаря усилиям ряда сменяемых поколений, должно стать лучше настоящего. И наоборот, в Китае — обращенность назад к якобы идеальным отношениям и неизменным социальным порядкам древности, основанным на социальном мире, традициях и выполнении ритуала (в традиционном Китае вместо личной ответственности, свободы, равенства, братства существует патернализм — беспрекословное выполнение младшим воли старшего), вместо отношений на договорных началах, законах — отношения на основе морально-этических императивов. Но Вебер упустил одну важную деталь: циклическое развитие в Китае вместо линейного в Европе.

Империи Китая проходили этапы становления, расцвета и гибели, но при этом их объединяла неизменность конфуцианских идеалов, схожесть структур государственного аппарата, характер его формирования, служилого слоя — *шэньши*, занимавшего в Китае то же место, какое в других обществах занимали дворянство и духовенство, вместе взятые⁶; стремление восстановить разрушенное здание империи по одному и тому же «проекту». При своеобразии каждой исторической эпохи от Ханей до Минов все последующие после Ханей циклы имели ряд сходных черт с ханьской эпохой. Прежде всего, каждый цикл состоял из трех периодов — роста, стагнации и упадка, в рамках которых происходили идентичные технико-экономические, социально-экономические и социально-политические процессы.

На начальном этапе каждого цикла из-за резкого падения численности населения в районах с исторически сложившейся высокой плотностью населения и благоприятными почвенно-климатическими условиями имелись значительные пространства свободных земель, пригодных к обработке. Главным богатством являлась не земля, а рабочая сила; в ее росте и приложении к земле были заинтересованы государство и все слои общества, которые стремились к осуществлению расширенного хозяйственного и демографического воспроизводства. Практиковались рекультивация заброшенных и освоение новых земель, приведение в порядок, реконструкция и расширение старых, строительство новых ирригационных систем, улучшение и расширение инфраструктуры, в том числе каналов и дорог, совершенствование техники и технологии земледельческого процесса, рост численности тягловых животных, орудий труда и пр.

В области социально-экономических отношений на таком этапе шли два основных процесса: наделение безземельного населения пашней из фонда государственных земель и разорение крестьян, превращение их в арендаторов, ремесленников, деклассированные слои общества. Политика государства была двойственной. С одной стороны, оно активно способствовало как экстенсивному, так и интенсивному росту производства, руководило всем комплексом технико-экономических процессов или способствовало их развитию и тем самым создавало условия для интенсификации живого труда, роста производительности и повышения жизненного уровня всех слоев общества, а с другой — предоставляло богатым возможность скупать землю.

Интенсификация живого труда имеет свои пределы. Рост производительности ограничивался дороговизной, медленным совершенствованием и недостаточным количеством производимых орудий труда. Торгово-промышленный капитал, бывший всегда объектом высокого налогообложения и нередко экспроприации государством, не мог удовлетворить потребности крестьян в передовых орудиях труда, даже когда действовал свободно. Государство, устанавливая монополию на железные орудия труда, стремилось получить монопольную прибыль и поэтому экономически не было заинтересовано в количественном их росте, качественном улучшении и снижении цен. Иными словами,

государство не создавало реальных условий для расширенного воспроизводства мелких крестьянских хозяйств на базе непрерывного роста производительности труда и не препятствовало концентрации земли.

В период стагнации менялась ориентация технико-экономических процессов: во всех сферах хозяйственной деятельности расширенное производство постепенно заменялось простым. После вовлечения в хозяйственный оборот всех доступных ресурсов и резервов фонд пахотных земель стабилизировался. Создание новых ирригационных систем, развитие инфраструктуры, совершенствование техники и технологии сельского хозяйства замедлялись, и где-то в середине периода эти процессы прекращались. Государство усиливало налоговый гнет на торгово-промышленные слои. Особенно росли повинности крестьянства. Его экономическое положение ухудшалось.

В период упадка происходило общее сокращение площади пашни и численности населения. Государство утрачивало способность регулировать хозяйственную систему и социально-экономические процессы. В руках крупных землевладельцев сосредоточивались все земли, на которых можно было получить прибавочный продукт. С усилением налогового гнета разорялись крестьяне, и арендаторы пополняли слой деклассированных элементов общества. Сельские местности безлюдели, города переполнялись людьми без определенных занятий. Часть населения уходила в горы, где жили впроголодь, на грани вымирания. Вспыхивали бунты и восстания крестьян, в ходе которых гибла их значительная часть, исчезали орудия труда, тягловый скот, приходили в негодность ирригационные системы, поля зарастали сорняками и кустарниками. В этот период необходимость воссоздания государства, способного установить социальный мир и гарантировать основной производственный процесс, была объективной.

Вопрос, существовала ли в традиционном Китае альтернатива цикличности, стабильности или обращенности в прошлое, относится к числу нерешенных. По логике вещей исторические шансы такой альтернативы могли возникнуть на стадии стагнации, когда возможности экстенсивного роста земледелия исчерпывались и только экспроприация земледельцев могла задержать социально-экономический кризис. В первом династийном цикле Хань (206 г. до н. э.— 8 г. н. э.) на стадии стагнации возникла острая кризисная ситуация. Она была спровоцирована не только процессами внутреннего циклического развития, но и тяжелой полувековой войной с кочевыми соседями ханьцев — гуннами (*сюнну*). Хотя *сюнну* было в 30—40 раз меньше, чем китайцев, развитие этноса *сюнну* находилось в стадии подъема. Относительное единство и однородность их социального состава, хозяйственного уклада, языка, культуры, самосознания и целевой установки делало 300-тысячное войско *сюнну* грозной военной силой. Специфика отгонного животноводства, где основной труд ложился на плечи женщин, способствовала тому, что главной профессией любого мужчины становилось ратное дело, к которому он готовился с шести лет. В китайском же обществе границы защищала армия, народ был разоружен и в целом весьма плохо подготовлен в военном отношении. В конечном счете *сюнну* потерпели поражение. Но для Китая это была пиррова победа: «Многие семьи лишились кормильцев, сироты попростайничали на дорогах, старые матери и вдовы плакали»⁷.

Для разрешения кризисной ситуации в 81 г. до н. э. в стране состоялась общегосударственная дискуссия «о соли и железе» (*Яньтелунь*), которая затронула, помимо экономических, политические, морально-этические и другие проблемы общества. Острые дискуссии было направлено на отмену государственных монополий на производство орудий труда, соли и спирта. О путях развития — экстенсивном или интенсивном — прямой речи не было. Ханьский историк Бань Гу так суммировал суть выступлений оппозиции — конфуцианцев против чиновников: «Все [знатоки писаний и достойные и хорошие люди] отвечали, что хотят, чтобы [государь] упразднил казенные учреждения, [ведающие] солью и железом, монополией на [приготовление и продажу] опьяняющих напитков и уравниванием перевозок [поступлений от подушных податей]; чтобы он не соревновался с [народом] Поднебесной из-за выгоды, явил ему бережливость и умеренность,— лишь тогда можно будет осуществить наставление и духовное преобразование [народа]»⁸.

Практически все исследователи Древнего Китая высоко оценивают роль этой дискуссии в формировании традиционной государственной политики китайских империй, однако практически в этой полемике все видят новый этап развития старых идей

и концепций. В частности, Ю. Л. Кроль полагает, что в рассуждениях «о соли и железе» отражен традиционный спор между конфуцианцами — сторонниками управления на основе морально-этических норм и легистами — апологетами законов и жесткой государственной власти. С таким мнением нельзя не согласиться. Но в старом споре, ведущемся в форме традиционных понятий, категорий, может быть и принципиально новое содержание. Оно не всегда бывает понято до конца самими спорящими. Из того, что проблема (в данном случае перехода с циклического на линейное развитие) стала объективной, еще не следует, что она осознана, но в то же время не найти своего отражения в обществе она уже не может, она имеет свои признаки и проявления.

В соответствии со сложившейся в обществе традицией ответы на вопросы, поставленные жизнью, древние китайцы искали прежде всего в трудах признанных классиков. В первой главе *Яньгелунь* говорится: «...Известны слова Гуань-цзы: «Страна может обладать изобилием плодородной земли, и все же народу может не хватать пропитания — причина лежит в том, что нет достаточного снабжения инструментами и орудиями»⁹. В дискуссии с одной стороны выступали государственные чиновники, а с другой — «ученые мужи» (как бы их называли сегодня — внеправительственная интеллектуальная оппозиция). Предметом спора было: государство или частные лица должны производить орудия труда и как последние должны поступать в обращение — путем свободной продажи или целенаправленным распределением? В ходе полемики поднимался вопрос о целесообразности широкого вмешательства государства в жизнь общества.

Сторонники монополии государства исходили из традиционных постулатов абсолютизма. В 73-й главе *«Гуань-цзы»* говорится: «Если весь [народный] доход проходит через один канал, то такое государство непобедимо... если же он проходит через четыре канала, то такое государство неизбежно погибнет. Древние цари хорошо сознавали это. Поэтому они ограничивали пропитание народа, стесняли для него пути получения частной прибыли. В результате выходило так: захочет государь — даст, захочет — отнимет... Народ считал, что государь над ним подобен солнцу или луне, и любил государя, как любят отца или мать... Если народ богат, то невозможно заставить его служить за жалованье, а если он беден, ему не внушить страха наказаниями»¹⁰.

С точки зрения этактистов, никакого основания для развязывания дискуссии не было. Государство приняло все необходимые меры, чтобы население не испытывало трудностей. «...Покойный император, — говорится в *Яньгелунь*, — учредил должности чиновников по контролю над железом, чтобы обеспечить нужды земледельцев, и создал «рыночное выравнивание», чтобы сделать достаточным народное богатство... В столице было организовано «Бюро накопления», чтобы монополизировать все блага и покупать их, когда цены низки, и продавать, когда цены высоки, таким образом, чтобы правительству не пришлось нести никакого ущерба, а купцы не могли бы реализовать прибыли. Эту систему так и называли «стабилизацией»... Железные орудия и оружие солдат являются весьма важными предметами потребления в нашей стране. Их нельзя делать прибыльным занятием каждого человека»¹¹.

Возражения оппозиции были аргументированными, резонными, решительными и эмоционально-саркастическими. «Ученые мужи» говорили: «Нам до сих пор не приходилось видеть, чтобы Ваши рыночные операции были «выравнивающими»... чиновники кишмя кишат, чтобы замкнуть наглухо двери, приобрести контроль над рынком и взять в свои руки все блага... А при росте цен купцы нечестно наживают прибыли за счет спекуляции. А раз нечестные прибыли и спекуляция, это значит, что относятся снисходительно к нечестным богатеям, а купцы собирают блага, копят ценности, ожидая наступления времени нужды. При низких ценах недобросовестные чиновники покупают дешево, чтобы потом получить высокую цену»¹².

Иными словами, «ученые мужи» показывают, что и ограничение рынка, и управление рыночными отношениями на практике не облегчают жизнь народа, не ущемляют торгово-посреднические предприятия и спекулянтов, наживающихся на дефиците, а, напротив, создают благоприятные условия для государственных чиновников в использовании служебного положения для обогащения за счет народа. Оппозиция видела выход не в регулировании продажи дефицитных товаров, а в расширении производства с целью ликвидации дефицита. Они требовали, по существу, простора для раз-

вития производительных сил, экстенсивного пути развития земледелия, широкого, определяемого рынком производства совершенных и разнообразных орудий труда.

«Ученые мужи» говорили: «...горы и моря являются драгоценным фондом для потребления богатства. Жизнь и смерть для крестьянина зависят от железных орудий. Когда то, от чего зависит жизнь и смерть, доступно для потребления, тогда вражда должна исчезнуть. Если исчезнет вражда, пустующие земли поступят в обработку. Когда пустующие земли поступят в обработку, будут поспевать зерновые хлеба и откроется путь к благоденствию». В противном случае, а именно: «...Если власти устанавливают монополию и стандартизируют их, железные орудия теряют свою приспособляемость (к местным условиям.— Э. К.), а сельскохозяйственное население теряет удобства при [их] использовании». И все это ведет к бедствиям народа¹³.

Из аргументов «ученых мужей» видно, что оппозиция требовала условий для роста производительности труда в сельском хозяйстве, технического прогресса в промышленности, а в целом — создания условий для поступательного общественного развития. Анализируя учение физиократов, Маркс писал: «Все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности сельскохозяйственного труда...» превышающей «индивидуальную потребность работника, составляет базис всякого общества...»¹⁴. Иными словами, если бы предложения «ученых мужей» были приняты, китайское общество получило бы исторический шанс иного пути развития. Общество, его ценностные ориентации, проблемы и методы их решения стали бы иными. Во-первых, ценностная ориентация на стабильность заменялась бы ориентацией на рост. Требования широких народных масс — уравнивательность и гармония — уступили бы место требованию экономического неравенства по результатам труда, а не по занимаемой должности. Во-вторых, изменились бы отношения между государством и обществом. Государство перестало бы быть ведущей силой, а общество — ведомой. Они могли бы стать равноправными партнерами или поменяться ролями. В-третьих, возник бы ускоренный процесс социального развития, социальной дифференциации. В-четвертых, по крайней мере вначале произошла бы демократизация общества.

Был ли путь, который открывался в соответствии с требованиями «ученых мужей», подобен развитию Европы и, в частности, капитализма? На такой вопрос нельзя дать определенный ответ. И вот почему. В Европе роль государства вплоть до нашего века была иной. Концентрация власти в руках государства в Китае диктовалась экономической и политической необходимостью. При этом главные интересы общества и государства не просто совпадали: общество, исходя из своих потребностей, создало государство именно такого типа: стоящее над обществом. Однако дальнейшее развитие показало (и это зафиксировала дискуссия *Яньтелунь*), что интересы государства и общества перестали совпадать.

В Древнем Китае концентрация власти в руках государства способствовала достижению довольно высокого уровня производительности труда путем ограничения свободы деятельности рядовых производителей. С ростом производительности труда, выразившимся в способности отдельной крестьянской семьи самостоятельно обеспечивать расширенное воспроизводство, потребность во внеэкономическом принуждении по отношению к каждому отдельному производителю отпадает. Появляется возможность перевести на экономические рельсы даже трудовые повинности крестьян по поддержанию в работоспособном состоянии, скажем, ирригационной системы. Для этого — брать плату с крестьян за воду и на эти деньги содержать аппарат, обслуживающий оросительную систему; самому же крестьянину создать лучшие условия хозяйствования, отдав изготовление орудий частному производителю, заинтересованному удовлетворить все потребности крестьян в орудиях труда, дав тем самым мощный импульс для роста крестьянских хозяйств.

Если бы при этом государство сосредоточило свои силы на разработке новых, более эффективных орудий труда, не претендуя на монополию их производства, оно и непосредственные производители выступали бы как партнеры. Если бы государство не стало заниматься исследовательской деятельностью, оно уступило бы роль ведущей силы обществу. В последнем случае, поскольку «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹⁵, развитие китайского общества походило бы на развитие европейского.

Как долго развитие могло бы оставаться стихийным, зависело от способности общества поддерживать равновесие с природной базой и внешним окружением. При нарушении равновесия вмешательство и ведущая роль государства неизбежны. Так или иначе, дискуссия *Яньтелунь* показала, что в I в. до н.э. у китайского общества имелась возможность перехода на иной путь развития. Почему же она не была реализована?

Переход на новый путь развития, связанный с формированием новых ценностей и социально-экономических отношений — процесс революционный. Решаться в рамках дискуссии интеллектуалов он может только в одном случае: готовности правящих классов или кругов к революции «сверху». А последняя, как показывает исторический опыт не только Китая, возможна только под давлением извне. Подобного давления на Китай в указанный период быть не могло. В то время в представлении жителей Средней империи она охватывала весь цивилизованный мир. О существовании цивилизаций Индии, Ирана и Средиземноморья древние китайцы не догадывались, а если бы и были осведомлены, вряд ли это изменило ситуацию: Поднебесная в то время опередила в развитии всех своих цивилизованных современников.

Было ли готово древнекитайское общество к революционным преобразованиям в I в. до н.э.? Видимо, нет. Однако дискуссия *Яньтелунь* зафиксировала противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Каков же был характер этого противоречия?

Из истории Европы мы знаем, что новые производительные силы постепенно развиваются в условиях старых производственных отношений. Главная производительная сила — люди. Когда большинство членов общества становится частью новых производительных сил, осознавая несоответствие между производительными силами и производственными отношениями, это несоответствие ликвидируется политическим путем — революцией. Следовательно, важнейшими условиями политического решения являются вовлечение большинства людей в новые условия производства, а затем и осознание необходимости коренных перемен.

Этот эволюционный процесс (постепенное вызревание в недрах старого общественного строя элементов нового) завершается обычно революцией. В Китае в I в. до н.э. элементы нового строя только зарождались. «Ученые мужи», начав принимать новое, хотели ускорить этот процесс, увидев в государстве, каким оно было в то время, оковы дальнейшего развития производительных сил.

Требовать же коренных изменений в государственном устройстве тогда они не могли по вполне объяснимым причинам.

Вот, например, как понимал изменения Вернер Гейзенберг: «В науке хорошую и плодотворную революцию можно совершить только тогда, когда мы пытаемся внести как можно меньше изменений, когда ограничиваемся прежде всего разрешением узкой, четко очерченной проблемы. Попытка отказаться от всех прежних вещей или изменить их по своему произволу ведет к чистой бессмыслице... Я, конечно, не знаю, можно ли сравнивать научные революции с революциями в общественной жизни людей. Но я склонен думать — пусть это только мечта, — что и в истории человечества самые успешные революции те, в которых люди пытаются разрешать лишь ясно определенные проблемы и изменять как можно меньше. Вспомните о той великой, революции две тысячи лет назад, инициатор которой Христос сказал: «Я пришел не отменить закон, а исполнить его». Повторяю: все дело в том, чтобы ограничиться одной важнейшей целью и изменять как можно меньше. То немногое, что при этом будет изменено, может проявить потом такую преобразующую силу, что само собой перестроит почти все жизненные формы»¹⁶. «Ученые мужи» нашли тогда то немногое, что при изменении перестроило бы многое — если бы речь шла не о главной ценности китайской цивилизации. Здесь же была затронута именно она — государство.

Государственная система в Китае сложилась естественным путем, методом проб и ошибок, начавшись с неудачного эксперимента Цинь Шихуана, приобрета затем свою жизнеспособность. Могло ли ослабленное государство эффективно противостоять внутренним и внешним врагам, природным бедствиям и «варварам»? Во всяком случае, менее успешно. Сильное правительство в Китае было не прихотью отдельных лиц и групп, а объективной необходимостью, гарантией стабильности и порядка. В понимании древнекитайских элитистов, развитие производительных сил грозило пря-

мым подрывом государства. Вспомним: «...если народ богат, то невозможно заставить его служить за жалованье». Для бюрократов развитие производительных сил всегда означало утрату могущества, невозможность обогащаться за счет служебного положения. Что же касается крестьян, то им (по сравнению с предыдущим периодом яростной, жесточайшей борьбы отдельных царств, память о которой была жива) жизнь не казалась такой уж плохой. Словом, объективно рождалась дилемма: или оставить все так, как есть (не во всем хорошо, но в целом не так уж и плохо), или решиться на новое, которое еще неизвестно, к чему приведет. Сейчас — стабильность и порядок, так стоит ли лишаться этого, особенно после стольких трудностей в достижении имеющегося?

Дискуссия «о соли и железе» — единственная в своем роде в китайской истории. Понятно, почему она состоялась в период стагнации: во время роста и так имело место временное линейное развитие, а в период упадка уже поздно было что-либо предпринимать. Однако естествен вопрос: почему сходные условия стагнаций в других циклах не приводили к аналогичному результату? Конечно, каждый цикл имел свои неповторимые черты, и историки ханьской эпохи, возможно, могут привести ряд аргументов, объясняющих возникновение дискуссии *Яньгелунь* именно в эпоху Ранней Хань. Мне же кажутся значимыми два момента: роль *шэньши* в обществе в эпоху Хань (в отличие от последующих эпох) и достигнутый в то время уровень общественного благосостояния.

В объяснении застойности Китая Макс Вебер сделал упор на два обстоятельства: отсутствие независимых от государства религиозных сил и жречества и несформированность буржуазии. Если абстрагироваться от конкретики и обобщить высказывания ученого, то можно высказать так: в Китае у государства не было оппозиции, имеющей свою идеологию, осознающей свои интересы и способной активно за них бороться. В средневековой Европе борьбу за перемены возглавила буржуазия, однако следует ли отсюда, что подобную борьбу всегда и везде должна возглавлять именно она? Почему аналогичную миссию не могло выполнить в Китае конфуцианство, которое в Китае было многоликим (это и религия, и жречество, и влиятельный привилегированный слой общества одновременно)? Конфуцианство одно могло выполнить то, что в Европе выполняли духовенство — носитель морально-этических норм и буржуазия — руководящая сила общества (однако, при условии оппозиции государству.)

В китайской древности социальный слой образованных людей — *шэньши* — был расколот на конфуцианцев и легистов. Вплоть до начала нашей эры легисты — сторонники сильной государственной власти — становились советниками государей и чиновниками госаппарата. Конфуцианцы также стремились к власти, но чаще выступали в роли легальной оппозиции. Легальность и лояльность не защищали их от легистов, которые при Цинь Шихуане физически расправлялись с конфуцианцами. В последний раз в роли легальной оппозиции конфуцианцы могли выступить в первый период ханьского цикла. Далее конфуцианцы встали у кормила власти, а само конфуцианство вобрало в себя многие постулаты легизма. Окончательно конфуцианцы лишились возможности выступать в роли оппозиции после введения экзаменационной системы. Зарождение ее относится к ханьскому времени¹⁷, однако окончательное становление — к VIII в. н. э. Ориентация всего слоя образованных людей на сдачу экзаменов при получении чиновничьей должности, привилегированное положение их, налоговые и иные льготы от государства, наконец, фактическое превращение всех *шэньши* в штатных и (в значительно большем числе) внештатных сотрудников государственного аппарата, защитников сложившихся устоев и ценностей — все это объективно лишило слой образованных людей возможности стать массовой интеллектуальной оппозицией, способной выступать против основных устоев государства. Разумеется, всегда бывают исключения из правил, но исключения — отдельные личности, не поддержанные массовыми социальными слоями, — не определяют хода исторических событий.

Если изменение социальных функций *шэньши* объясняет тот факт, почему образованные люди, способные во все времена наиболее глубоко осмысливать актуальные проблемы, после Ханей не реализовали своих знаний в общегосударственных дискуссиях о путях развития, то этого объяснения еще недостаточно для ответа на вопрос: почему полемика состоялась в 81 г. до нашей эры? Ответ, по-видимому, нужно искать в изменении общественного благосостояния в то время.

Как известно, первое объединение Китая при правлении Цинь Шихуана было относительно кратковременным и заполнено почти непрерывными войнами. Однако второе уже принесло плоды в деле эффективного использования природных ресурсов на благо общества. Были достигнуты довольно высокие и устойчивые урожаи.

В. М. Штейн при оценке годового урожая ханьского Китая исходил из наличия 700—800 млн. му культивируемых земель. Он использовал перевод В. Эберхарда тогдашних му в гектары (1 му=0,045 га) и оценку размеров ханьской пашни (36 млн. га). Исходя из *Циньханьшу* и *Гуань-цзы*, В. М. Штейн принял урожайность с 1 му в 1—2 даня (взяв для перевода даня в современные весовые единицы эквивалент Дабса — 29,3 кг, получил среднюю урожайность для всей обрабатываемой земли в интервале от 20 до 50 млн. т). Получив такой результат, Штейн усомнился в нем¹⁶. При тогдашнем населении около 50 млн. человек подобная урожайность означала 400—1000 кг зерновых в год на душу населения. Однако была ли в действительности оценка Штейна нереальной?

Не имея возможности получить действительную картину, можно сравнить полученные Штейном данные с современными, например с 1952 г. Тогда, в нормальной политической обстановке, китайская деревня трудилась практически без применения машин, минеральных удобрений, инсектицидов, химикатов, используя орудия труда, которые не в переносном, а в самом прямом смысле были доисторическими. По сообщению агентства Синьхуа от 23.IX.1979 г. урожай в 1952 г. составил 163,9 млн. т на посевной площади 112,3 млн. га¹⁷, то есть урожайность была 1460 кг/га. Урожайность при Ханях составляла, исходя из вышеприведенных данных, 650—1300 кг/га, то есть даже верхняя граница интервала правдоподобна. Но отсюда следует, что в Древнем Китае производство 1000 кг зерна на душу вовсе не было явлением абсолютно неправдоподобным.

В настоящее время в КНР на основании анализа исторических документов считают, что в 2 г. н. э.²⁰ население Ранней Хань составляло 59,5 млн. человек, пашня — примерно 577 млн. му. На душу населения приходилось 9,68 му пашни. Урожайность зерновых с одного му составляла 140 цзиней, производство зерна на человека — 1355 цзиней (627 кг) в год на душу населения. В дальнейшем лишь в начале танской эпохи отмечается более высокая производительность труда. Так, в конце VII — начале VIII в. урожайность с 1 му составляла те же 140 цзиней, но производство на душу населения — 1784 цзиня (882 кг) зерна²¹.

Однако имеются и другие оценки. Например, американский ученый Чжао Ган полагает, что в начале нашей эры производство зерна на душу населения было около 300 кг²². При таком уровне производства излишков сверх собственного потребления у крестьян не могло быть, а расходы были большими. Для того чтобы сдерживать кочевников, не допуская их прорывов на территорию империи, нужно было содержать мобильную конную армию, превосходящую армию *сюнну*. При отсутствии пастбищ для корма лошадей нужно было иметь зерно, а его излишков не было, поэтому конная армия, адекватная армии *сюнну*, у китайцев отсутствовала. Из сказанного можно предположить, что продовольственная ситуация в ханьскую эпоху была не столь благоприятной, как это следует из предыдущих данных.

В итоге мы должны рассматривать два варианта.

1. Система общественных отношений в эпоху Хань, включающая в себя низкие налоги и высокий уровень производства, отвечала требованиям массы населения. Намерение усовершенствовать ее могло возникнуть лишь при длительном неблагоприятном воздействии внешнего фактора, каким была агрессия *сюнну*, и было обусловлено желанием гарантировать сохранение высокого жизненного уровня даже в неблагоприятных условиях. В нормальных условиях высокий уровень производства продовольствия заставлял китайцев руководствоваться принципом житейской мудрости «от добра добра не ищут», а в условиях же нарушения гармонии (внутреннего и внешнего Порядка) стремиться восстановить этот Порядок, и не больше.

2. Система отношений и уровень производительности труда обеспечивали лишь неустойчивое равновесие между потребностями населения в продовольствии и уровнем его производства. При этом естественно желание поиска лучшей жизни. Внеправильственная оппозиция потерпела поражение в дискуссии *Яньгелунь*, возможно, из-за отсутствия психологической решимости их авторов.

Об этом хорошо сказал Вернер Гейзенберг: «Когда спрашивают, в чем, собствен-

но, заключалось великое достижение Христофора Колумба, открывшего Америку, приходится отвечать, что дело было не в идее использовать шарообразную форму Земли для проникновения западным путем в Индию, эта идея уже рассматривалась другими. Дело было и не в тщательной подготовке экспедиции, в мастерском оснащении кораблей, что могли осуществить опять же и другие. Самым трудным в этом путешествии было, несомненно, решение оставить всю известную до тех пор землю и плыть так далеко на запад, чтобы возвращение назад с имеющимися припасами было уже невозможно». Гейзенберг далее говорит о науке, но его слова можно с успехом отнести и к обществу: «Подобным же образом подлинно новую землю в науке можно открыть лишь тогда, когда вы в решающий момент готовы покинуть ту почву, на которой покоилась прежняя наука, и в известном смысле совершить прыжок в пустоту... Но когда приходится вступать на действительно новую землю, может случиться так, что мало воспринять содержание новых идей, надо еще и изменить саму структуру мышления, чтобы понять новое»²³. Возможно, что чем дальше, тем труднее было китайцам «совершить прыжок в пустоту» и «изменить саму структуру мышления».

Макс Вебер смело брался за решение сложнейших научных проблем. Что же помешало ему осуществить более глубокий анализ традиционного Китая? Недостаток информации? Боязнь обобщений? Отказ от свойственных ему принципиальных установок? По-видимому, все это имело место, но не исключено, что главным было другое.

Для образованного европейца (вплоть до наших дней) традиционный Китай — олицетворение восточного деспотизма — антипод западной демократии, негативное явление, короче, «империя зла». Макс Вебер, как «хomo политикус», вырос на ценностях европейской цивилизации. Он разделял и всю свою жизнь обосновывал преимущества европейской системы ценностей. Как ученый он стремился быть выше стереотипов и предрассудков, стремился видеть то, что находилось за горизонтом обычных представлений, обусловленных опытом предшествующих поколений и жизненными аргументами. Разумеется, не везде в равной мере, но оба жизненных императива нашли отражение и в его творчестве. Не случайно, отдавая явное, нескрываемое предпочтение и личные симпатии протестантской этике, при обращении к Китаю Вебер ведет речь о двух рационализмах, то есть о двух различных, но равно целесообразных представлениях о мире и о себе. Если для рядового европейца традиционный Китай находился (да и до сих пор находится) по ту сторону добра, то для Вебера он находился по ту сторону добра и зла одновременно. Как ученому Веберу оставалось сделать лишь один шаг для рассмотрения Китая в качестве самоценного явления, хотя как человек Вебер находился под сильным влиянием современного ему «здорового» смысла, которому свойственны все предрассудки его времени.

¹ Вебер Макс. История хозяйства.— Пг., 1923.— С. 16.

² Там же.— С. 20—29, 59—60, 74—80.

³ Weber Max. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht.— Stuttgart, 1891.

⁴ Вебер М. История хозяйства.— С. 65—66.

⁵ Там же.— С. 32.

⁶ Васильев Л. С. Конфуцианство в Китае. // Вопросы истории.— 1968.— № 10.— С. 70.

⁷ Переломов Л. С. Древние китайцы и их соседи: политические аспекты взаимоотношений.— Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй.— М., 1983.— С. 121.

⁸ Цит. по: Кроль Ю. Л. «Рассуждения о соли и железе» Хуан Куаня как памятник диалога, сформировавшего государственную доктрину китайской империи. // Страны и народы Востока.— М., 1982.— Вып. XXIII.— С. 41—42.

⁹ Цит. по: Штейн В. М. Гуань-цзы. Исследование и перевод.— М., 1959.— С. 355.

¹⁰ Там же.— С. 285, 286.

¹¹ Там же.— С. 355, 356, 362.

¹² Там же.— С. 356—357.

¹³ Там же.— С. 361.

- ¹⁴ Маркс К. Капитал.— Т. 3.— Ки. 3. / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 25.— Ч. II.— С. 348.
- ¹⁵ Маркс К. Нищета философии. / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 4.— С. 133.
- ¹⁶ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. Пер. с нем.— М., 1989.— С. 267.
- ¹⁷ Переломов Л. С. Китай в эпоху Лего и Чжаньго. Деспотии Цинь и Хань в III—I вв. до н. э. Кризис древних империй. / История Китая с древнейших времен до наших дней.— М., 1974.— С. 39.
- ¹⁸ Штейн В. М. Гуань-цзы.— М., 1959.— С. 71, 74.
- ¹⁹ Ганшин Г. А. Экономика КНР.— М., 1959.— С. 329.
- ²⁰ В это время в Китае была проведена первая перепись населения.
- ²¹ Нунье цзинцизи вэньти (Вопросы экономики сельского хозяйства).— Пекин, 1982.— № 4.— С. 64.
- ²² Chao Kang. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis.— Stanford, California, 1986.— P. 216.
- ²³ Гейзенберг В. Указ. соч.— С. 198.

Число экземпляров

Результаты учета и учета экземпляров за 1988 год, по состоянию на 31 декабря 1988 г. по № 3 и № 88 и статьи 4. Восточный отдел библиотеки Восточного — Центрального — Пекинского — Института — Пекин.

№ 38

К 18

В. МАТВЕЕВ

II.

К совершенно иным научным сюжетам, к иным переводам В. А. Вельгус обращается в 1960 г. Темой его изысканий становится изучение на материале китайских источников ранее XI в. морских связей Китая в бассейне Тихого и Индийского океанов и выявление в этих источниках сведений о странах и народах Африки. К подобной перемене научных интересов обязывало Виктора Андреевича поступление в 1960 г. на работу в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР, где на протяжении 15 лет он был сотрудником сектора Африки.

В этом научном центре по инициативе тогдашнего руководителя сектора, члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге была предпринята грандиозная работа по выявлению, переводу, исследованию, комментированию и изданию средневековых памятников письменности на различных языках, в которых содержались известия об Африке, ее народах и их образе жизни. Научное значение этого предприятия заключалось в том, что оно должно было создать источниковедческую базу для написания подлинно научной истории африканских народов в средние века и тем самым расширить наши представления о развитии общемирового исторического процесса. Как известно, до того времени прошлое Африки и ее роль во всемирной истории практически не учитывались. Политическое же значение состояло в том, что выходявшие на дорогу независимости африканские народы хотели знать свое доколониальное прошлое и таким образом добиться какого-то морального самоутверждения после долгих лет колониального существования. Смысл этой работы объяснялся и тем, что сами африканские народы в большинстве своем до появления европейцев оставались бесписьменными.

К тому времени уже была начата разработка арабских источников и предполагался поиск источников на других языках, в том числе на китайском. Д. А. Ольдерогге был осведомлен о Викторе Андреевиче как о выдающемся специалисте-китаеведе и считал, что именно он сможет наилучшим образом осуществить китайскую часть всего предприятия. Он не ошибся в своем выборе. Виктор Андреевич появился в секторе Африки Института этнографии в Ленинграде весной 1960 г. и до сентября числился нештатным сотрудником. Затем он был принят на должность младшего научно-технического сотрудника, а в декабре переведен на должность старшего научно-технического сотрудника, в которой проработал до 25 марта 1967 г., когда уже после защиты кандидатской диссертации получил должность и звание младшего научного сотрудника. Я упоминаю об этих обстоятельствах жизни Виктора Андреевича, чтобы показать, что возврат к нормальному существованию был для него совсем нелегким. По своим знаниям и научной квалификации Виктор Андреевич безусловно имел основания претендовать на более высокое звание, но мешала «формальность». До конца 1962 г. у него не было документа о высшем образовании. Таким образом, в течение почти двух с половиной лет научная работа Виктора Андреевича проходила параллельно с подготовкой к университетским экзаменам и их сдачей.

Занимаясь смежной темой, связанной с арабскими источниками, и к тому же работая в одном кабинете с Виктором Андреевичем, я был постоянным свидетелем его деятельности, имел возможность контактов с ним, которые достаточно скоро перешли в дружеские отношения, продолжавшиеся до самой его смерти. Видя, как работал Виктор Андреевич, и, в общем, находясь в курсе его научных, учебных и других забот, я не мог не разделять той высокой оценки его профессиональных качеств,

---

Матвеев Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЛО ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
Окончание. Начало см. 1990.— № 4.

которую ему давали и дают специалисты по Китаю. Впечатляли и личные качества Виктора Андреевича. Его манера общения с окружающими была мягкой. Всех, особенно женщин, подкупала его обходительность. Обаяние, готовность помочь своими знаниями коллегам располагали и привлекали к нему людей, в числе которых был и я. Когда же мы познакомились ближе и провели не один вечер вместе, я узнал, что за мягкостью Виктора Андреевича крылись и воля, и упорство в достижении поставленной цели, и обдуманная решительность. Мне показалось, что с особой четкостью эти качества проявились у него в заключении, о котором он редко, но рассказывал.

Как любой человек, подвергшийся необоснованному лишению свободы, он тяжело переживал свой арест. Еще в Ленинграде, будучи под следствием, он непрерывно ходил по камере, не находя себе места. Недоумение вызывало нервное возбуждение, к этому добавлялось полуголодное существование. Содержался он тогда в одиночной камере. И вот однажды дверь камеры открылась, и надзиратель неожиданно сунул ему миску с пшенной кашей. По словам самого Виктора Андреевича, он «умял» эту кашу, и жизнь показалась ему уже не столь безвозвратно погубленной. К сожалению, люди, подобные этому охраннику или надзирателю, встречались Виктору Андреевичу не часто. Совсем другими были два следователя, которые вели его «дело». Они добивались признания в ложном обвинении, и Виктор Андреевич решил бороться против него разумными методами. Ему инкриминировали нечестные действия по отношению к китайской Красной армии. Не опровергая того, что ему приписывали следователи, но пользуясь их невежеством, Виктор Андреевич называл те места, где бывал он сам, но где никогда не бывала китайская Красная армия, делая таким образом обвинение бессмысленным. Расчет был на то, что на суде обнаружится несостоятельность обвинения, и он будет освобожден. Но когда следствие было закончено, Виктор Андреевич не удержался и сказал следователям об истинной ценности их обвинения. Оба следователя пришли в ярость.

Во время пребывания в лагерях Казахстана, в частности в Джезказгане, Виктор Андреевич дважды готовился к побегу. Один раз заключенные решили захватить грузовик, который приходил к месту работы. Они хотели воспользоваться отлучкой шофера. Все как будто складывалось удачно. Участники побега, а их было восемь человек, собрались к грузовику, но в последний момент человек, умевший водить машину, испугался. Момент был упущен.

В другой раз Виктор Андреевич намеревался воспользоваться подземным ходом, ведущим на волю, который удалось прорыть группе заключенных. Ход проходил по малопосещаемой части территории лагеря, и его не могли сразу обнаружить. Через него якобы уже выбирались старики-туркмены, сходили в близлежащий поселок и вернулись обратно. Но однажды один из оперуполномоченных, выйдя «до ветру», оказался над ходом и провалился в него. Заключенные, роя этот ход, непрозвонно забирали вверх, отчего слой земли над ним оказался слишком тонким. Начались дознания, обыски, допросы. Несомненно, что последствия неудачи побега для его участников были ясны, и это предполагало наличие у них незаурядных человеческих качеств. Виктор Андреевич этими качествами обладал.

Но вернемся к его научной деятельности. В своих занятиях Виктор Андреевич всегда неукоснительно придерживался твердого принципа: во всех случаях и при всех обстоятельствах доходить до самых истоков исследуемого вопроса и освещать его во всех аспектах, внутренних связях и деталях. Это качество требовало невероятных усилий и изнурительного труда, но зато позволяло добиваться исключительных результатов. Знания, полученные вследствие этих усилий, вместе с теми, что он приобрел в Китае и в общении с академиком В. М. Алексеевым, сделали Виктора Андреевича обладателем глубокой и чрезвычайно своеобразной эрудиции. Он стал одним из лучших в мире специалистов в области китайско-африканских связей, культурных связей в бассейне Индийского океана, китайской географической номенклатуры в этом регионе, китайского мореплавания и китайского судостроения, а также в соответствующих областях китайской культуры. Очень скоро имя Виктора Андреевича заняло равноправное место среди имен его коллег. Ему начали писать, его мнением стали интересоваться крупнейшие специалисты. Однако для самого Виктора Андреевича эта работа начиналась нелегко, и не потому, что он вступил здесь на незнакомую почву, а главным образом из-за эмоциональных нагрузок, которые он постоянно испытывал в силу огромной ответственности, с какою относился к научной работе, а также из-за беспокойства, вызванного отсутствием

в Ленинграде некоторых необходимых ему источников и исследований. Мне запомнилось обсуждение на заседании сектора Африки первой его статьи «О средневековых китайских известиях об Африке и некоторых вопросах их изучения»¹. Виктор Андреевич очень волновался. Лишь после ряда выступлений, когда он увидел доброжелательное к нему отношение, то, что его коллеги смогли оценить ход его рассуждения, и когда он сам в какой-то мере смог посмотреть на свою работу со стороны, несколько оттаял и успокоился. Уже в этой работе Виктор Андреевич показал свою профессиональную подготовленность, широту научных взглядов. Виктор Андреевич, как и следовало, начал со знакомства с существовавшей к тому времени литературой по теме. Сама по себе эта задача очень нелегка. Изучение такого обширного комплекса, как культурные связи в бассейне Индийского океана, представляет собой объект научных исследований специалистов самых различных отраслей востоковедения — не только, например, арабистов, иранистов, африканистов, китаистов, но и специалистов по классической филологии и истории, египтологов и др. Перед Виктором Андреевичем стояла задача учесть то, что уже было сделано его предшественниками, оценить сделанное, разобраться и вынести о нем свое критическое суждение. И с этой задачей он справился превосходно.

Текст, который он представил на обсуждение, а затем опубликовал, был не только и не столько обзором научной литературы, но настоящим критическим рассмотрением существовавших по этой проблеме концепций. Естественно, основное внимание было уделено китайским известиям. Показательно, что Виктор Андреевич сразу же уловил и отметил характерную черту разработки проблемы: изолированность исследований ученых Запада и ученых Востока. Труды западных ученых, как правило, далеко не полностью учитывали работы китайских и японских ученых. Порою европейские ученые в XX в. не знали того, что было на Востоке установлено и доказано во второй половине XIX в. Это неизбежно приводило к снижению уровня критики источников в европейской науке, что в свою очередь вело к неверным идентификациям, неправильным интерпретациям фактов, необоснованным выводам и в конце концов к неверному изображению китайско-африканских связей. И эта, и другие статьи показывают методы научной работы Виктора Андреевича. Полностью описать их невозможно, так как они всегда зависели от конкретной исследовательской ситуации, но можно выявить некоторые общие черты, полезные для востоковедов. Их характерной чертой было изучение фактов не в отрыве друг от друга, а в их совокупности, в комплексе и в их взаимной связи. Именно благодаря этому Виктору Андреевичу удалось так быстро и успешно разобраться в сложном материале проблемы и оценить уровень ее исследований в Европе, Китае и Японии. Одним из главных его инструментов в таком подходе были источниковедческие методы, которые он применял. Попытаемся, хотя бы частично, проследить эти методы на материале его работ.

Вначале он устанавливал хронологическую последовательность источников, содержащих сведения по его теме, затем определял текстологическую близость интересующих его отрывков, характер их взаимной связи и зависимости друг от друга. Это позволяло выяснить, какой текст следует считать наиболее ранним, если не первоначальным. На основании такого текста Виктор Андреевич мог видеть характер изменений в более поздних текстах интересующего его отрывка и внести в эти тексты необходимые исправления. Найденный таким образом наиболее достоверный текст служил материалом для исторической оценки, исследования и использования. Одним из наиболее важных вопросов, возникавших на этом этапе исследования, было рассмотрение различных форм географических названий и установление наиболее близких к правильным, оригинальным. Найденная номенклатура названий давала картину связей Китая со странами Запада и, конечно, Африки. Эта же номенклатура служила основой для суждения о способах и путях, какими эти географические названия попадали в китайский язык. Полученная картина, несомненно, не могла быть полной в силу ограниченной информативности самих источников, а также в силу того, что конкретные известия каждого отдельного источника требовали углубленного исследования в виде экскурсов в какую-то более специальную область знания.

Следующий этап включал в себя два момента: исследование смежных тем на основании китайских источников и привлечение источников на других языках для проверки и уточнения китайских известий с одновременным критическим исполь-

зованием научной литературы, то есть уже выполненных исследований. Для привлечения данных из источников на других языках, помимо китайского, Виктор Андреевич использовал имеющиеся переводы и публикации. По возможности, он всегда считал необходимым обсудить свои соображения со специалистами по данной отрасли востоковедения. Это оберегало его от неверного понимания известия и помогало найти оттенок смысла.

Воспитанный в двух культурах, и китайским, и русским языками он владел в одинаковой мере. Отлично чувствуя оттенки обоих языков, Виктор Андреевич добивался максимального соответствия русского перевода китайскому тексту и был исключительно требователен к себе в смысле литературного стиля, красоты и изящества изложения при всей простоте, четкости и даже изысканности своего русского языка. Он неустанно работал над стилистическим улучшением того, что писал, и углубленным пониманием того, что читал. Мне приходилось видеть, как он часами листал словари в поисках более точного значения, нужного оттенка или наиболее подходящего выражения, листал страницу за страницей, том за томом.

Все это еще было только частью работы. Чтение китайского источника любой эпохи, вплоть до XIX в., представляет особые трудности. Такой текст отличается от современного научного текста не только изменениями, вызванными течением времени, но главным образом тем, что он был рассчитан на эрудированного читателя того времени, что предполагало и особое знание языка и знание специального набора иероглифов. Именно отсюда происходит сложность чтения таких текстов в наши дни, требующая поисков в словарях и справочниках.

Большую трудность в работе со средневековыми китайскими источниками представляла идентификация географических и иных названий не китайского происхождения. Можно с уверенностью сказать, что без такого выяснения исследовать культурные связи Китая с народами других стран просто невозможно. Виктору Андреевичу приходилось постоянно иметь в виду локальные и исторические варианты китайского языка. В результате приспособления чужеземного названия к китайской фонетической системе, особого характера структуры китайского слога, использования китайской письменности, в которой с одним и тем же иероглифическим знаком могли быть связаны различные звучания, в зависимости от времени и места создания источника, изменения чтения иероглифического знака (произношения китайского языка) в различные эпохи китайской истории — в результате всего этого первоначальное звучание чужеземного слова могло измениться до полной неузнаваемости. Поэтому для определения первоначального звучания попавшего в китайский язык чужого слова необходимо знание исторической фонетики китайского языка. Лишь в этом случае исследователь может выяснить, о каком именно иностранном названии идет речь в источнике. Виктор Андреевич прекрасно понимал эту особенность китайского источниковедения и умело использовал эти свои знания в работе.

Следует сказать, что, хотя систематическое изучение и целенаправленное исследование китайских культурных связей в бассейне Индийского и Тихого океанов началось в основном с середины XX в., на рубеже 40-х и 50-х годов, отдельные работы на эти темы появлялись и раньше, с конца XIX — начала XX в. В этих ранних работах уже накопился некоторый запас идентификаций, среди которых встречались и неверные, основанные как раз на таких случайных звуковых совпадениях.

Кроме того, нужно указать, что в своей первой статье Виктор Андреевич ввел в обращение данные источников VIII в., тогда как до него считалось, что наиболее ранние известия на китайском языке о западных территориях и об Африке относятся лишь к IX в. Он выделил круг главных источников, проследил характер их использования в научной литературе, обратил внимание на такую группу источников, как картографические, а тонкое знание реалий китайской книжности позволило ему верно оценить изображенное на картах.

Эта первая работа сразу же поставила Виктора Андреевича в ряд серьезных исследователей данного круга проблем. Она произвела особенно сильное впечатление еще и потому, что была опубликована вместе с другой статьей — «Страны Мо-линь и Бо-са-ло (Лао-бо-са) в средневековых китайских известиях об Африке»². На наш взгляд, эта статья могла бы служить образцом источниковедческого

исследования, органично связанного с историко-этнографическим исследованием. В ней мы встречаем применение всех тех методов и правил, которыми Виктор Андреевич руководствовался и о которых мы говорили выше. Интересно отметить, что, разбирая результаты работ своих предшественников — Е. Бретшнейдера, Ф. Хирта, Б. Лауфера, Чжан Синлана, Ж. Ж. Дойвендака, Ся Ная, Чжан Тешэна, Т. Филези, Дж. Киркмана, П. Уитли, — Виктор Андреевич практически демонстрирует читателю их исследовательскую кухню, объясняет ход их рассуждений, на этом фоне выявляет их ошибки и показывает причины этих ошибок. В позитивной части исследования Виктор Андреевич на основании изучения источников, в том числе с учетом соображений палеографии, убедительно доказал, что несколько названий в сущности представляют одно, но в различной степени искаженное название. Сличая тексты одних и тех же описаний и их расхождения, применяя при этом сложную систему сопоставлений и предположений, Виктор Андреевич реставрировал наиболее древний текст, определял эпоху, в которую произошли его изменения и искажения и доказывал правильность своего рассуждения. Он построил целую цепь доказательств, каждое из которых является очередной, последующей ступенью приближения к окончательному выводу. Этот вывод заключался в установлении значения двух основных географических названий: Бо-са-ло и Мо-линь, которые, соответственно, обозначали одно из племен группы беджа, носившее название бишарийа, и область Марис (на нубийском языке — юг) в Нубии, соответствовавшую древнему Мероз. Сопоставив свои выводы с данными арабских источников, Виктор Андреевич получил дополнительное их подтверждение.

Эти две работы сразу определили главные темы и вопросы в разрешении проблемы китайских связей с Африкой и вообще в бассейне Индийского океана и обратили на себя внимание научных кругов и в нашей стране, и за рубежом. Профессор Чикагского университета, признанный глава в изучении культурных связей бассейна Индийского океана, тогдашний президент Ассоциации азиатских исследований (Association for Asian Studies) Пол Уитли в 1967 г. в Найроби на международной конференции африканистов прочитал доклад «Восточная Африка и Восток». В нем он познакомил со статьями Виктора Андреевича широкую научную общественность. При этом, ссылаясь на них, он принял концепцию Виктора Андреевича и укрепил собственные взгляды его выводами. Доклад П. Уитли под измененным названием был опубликован в 1975 г., благодаря этой публикации Виктор Андреевич стал известен и признан как ученый, можно сказать, во всем мире. П. Уитли, напомнив, что данную проблему рассматривали Чжан Синлан в 1930 г., Ж. Ж. Дойвендак в 1947 г. и Т. Филези в 1961 и 1962 гг., так писал по поводу статей Виктора Андреевича: «Позднее и совсем недавно В. Вельгус, работающий в Институте этнографии в Ленинграде, одновременно открыл новые письменные источники информации и заново исследовал уже известные материалы, связанные с ранним периодом этой проблемы (речь идет о китайско-африканских связях. — В. М.). Обе статьи В. Вельгуса, в которых он излагает свои выводы, знаменуют дальнейший прогресс в нашем понимании китайско-африканских связей».

Особенно высокой была оценка статьи Виктора Андреевича «Страны Мо-линь и Бо-са-ло (Лао-бо-са) в средневековых китайских известиях об Африке». «Работа В. Вельгуса, — писал П. Уитли, — представляет собой крайне сложный образец аргументации. Она, давая ответ на одну из наиболее трудных китайско-африканских головоломок, еще раз продемонстрировала существенную надежность средневековых китайских описаний Западной Азии и Восточной Африки. И когда текст и реальность не совпадают, то вина за это слишком часто ложится на исследователей XX века»³.

В 1967 г. Виктор Андреевич блестяще защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук. Темой диссертации были «Раннесредневековые китайские известия об Африке и проблема культурных связей в бассейне Индийского океана». Основную часть исследования составляли две названные статьи. В то же время в диссертации намечались пути и подходы к решению новых задач, которые были освещены в последующих публикациях Виктора Андреевича. Тематами этих публикаций стали изучение морских и сухопутных маршрутов из Китая в другие страны, в том числе морского пути из Гуанчжоу (Кантона) в Персидский залив, и выяснение характера китайского мореплавания в различ-

ные эпохи. Уже на этой стадии Виктору Андреевичу удалось показать несостоятельность распространенного прежде мнения, что китайцы начиная с VI в. (а по мнению некоторых, даже до начала нашей эры) совершали дальние морские плавания, в частности плавали в южноаравийские порты и в Восточную Африку.

В диссертации рассматривались также вопросы состава китайского флота и китайского судостроения, было выяснено, кому принадлежали большие морские корабли «бо» и кто на них плавал. Любое из перечисленных исследований заслуживало присуждения степени кандидата наук, так как представляло собой отдельное открытие, которое существенным образом меняло принятые в науке мнения. Представляется, что по сумме и характеру того нового, что внесла в науку диссертация Виктора Андреевича, она с полным правом могла бы претендовать на ученую степень доктора наук, и удивительно, как его оппоненты не высказали такого мнения.

Следующими публикациями Виктора Андреевича были «Маршрут плаваний из Восточной Африки в Персидский залив в VIII веке» и «Исследование некоторых спорных вопросов истории мореходства в Индийском океане»⁴. Обе они относятся к 1969 г. Первая статья дает проверенный и доказанный результат изысканий относительно характера известий в одном источнике VIII в. В ней Виктор Андреевич опровергает принятую в западной науке точку зрения на вопрос, где заканчивался названный в источнике маршрут, и доказывает, что завершался он не в Персидском заливе, а на побережье Восточной Африки. Подобное мнение уже высказывалось китайскими учеными, в частности Чжан Синланом, но Виктор Андреевич значительно углубляет и конкретизирует то, что у Чжан Синлана было только предположением.

Вторая статья, по сути дела, произвела переворот в наших представлениях о китайском мореходстве по южным морям. Виктор Андреевич убедительно доказал, что в действительности это мореходство было прежде всего занятием народов прибрежных, главным образом народов малайского происхождения. Китайцы же имели связи с заморскими странами вначале через посредство народа юэ, затем, в VII в. — малайских народов: тямов, кхмеров, суматранцев, яванцев, с VIII в. — народов Ближнего Востока: персов, затем — арабов. Сама же по себе эта статья представляла собой пространный и интереснейший экскурс, в котором автор затрагивал многие стороны тогдашнего мореходства и торговли в южных морях, включая организацию плаваний, состав участников, дальность морских походов, и даже устанавливал принадлежность кораблей и их типы.

Неудивительно, что обе названные статьи были переведены на английский язык и опубликованы в числе наиболее интересных и важных по своей научной новизне работ членов Восточной комиссии Географического общества СССР в специальном сборнике⁵. Именно эта публикация на английском языке сделала исследования и имя Виктора Андреевича широко известными в мировой науке, и его работы стали широко цитироваться в трудах зарубежных специалистов по китайско-африканским связям.

Комплексная разработка известий источников часто приводила Виктора Андреевича к тому, что в сферу его исследований попадали материалы, которые на первый взгляд не имели прямого отношения к главной теме. Однако он умел находить их связи с темой, интересовавшей его в первую очередь, и ставил их служить своему исследованию. К числу таких работ относятся «Первые сообщения китайских источников об Александрии в Египте» и «Александрийские фокусники в Китае»⁶. Первая статья по совершенно ювелирной тонкости историко-филологического анализа может считаться образцом не только для китайистов, но и для востоковедов других специальностей. Вторая демонстрирует умение использовать и связывать известия, казалось бы, не имеющие между собой ничего общего.

Наконец, оригинальным опытом соединения в исследовании известий китайских и персидских источников может служить статья Виктора Андреевича, которая вышла в свет уже после его кончины: «Цэн-Тань — Зангистан XI века — в китайских источниках»⁷. В этой работе на основании персидской географической номенклатуры Виктор Андреевич определяет, какой именно топоним передает китайское название, устанавливая таким образом его местонахождение и разрешая загадку,

которую не удавалось раскрыть его предшественникам. Несомненно, что эта удача Виктора Андреевича объяснялась его вниманием к данным смежных отраслей востоковедения и квалифицированной помощью той научной среды, которая его окружала.

В 1973 г. Виктор Андреевич перешел из сектора Африки в сектор зарубежного Востока, и в 1975 г. ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. В 1978 г. им была выпущена книга «Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI века)». Книга фактически подводила итог восточным и западным исследованиям по названной теме и включала все открытия, сделанные самим Виктором Андреевичем, а также дополнения и улучшения, сделанные после опубликования отдельных статей. Книга получила высокую оценку в нашей стране и за рубежом. На нее были написаны две рецензии видными специалистами в области китайской культуры Л. Н. Меньшиковым и А. А. Бокшаниным⁸.

Сотрудница университета города Толедо (США) М. А. Толмачева опубликовала в бюллетене Международного академического союза обстоятельный обзор книги Виктора Андреевича⁹.

В том же 1978 г. Виктор Андреевич ушел на пенсию по инвалидности в возрасте 56 лет. Сказалось подорванное в лагерях здоровье. Ходил он теперь с палочкой, передвигаться ему стало нелегко. Как бы нужны ему были в это время те семь лет, что он провел в заключении! Жить ему оставалось всего два года. Будь у него силы, наука располагала бы второй частью его труда (который он задумал и начал осуществлять), посвященной китайско-африканским связям в период XI—XV вв. и позже. Но об этом остается только сожалеть. Он продолжал разрабатывать тему китайского мореходства и китайских морских связей, но увидеть эти свои последние работы опубликованными ему уже было не суждено.

Оценивая вклад Виктора Андреевича в изучение китайско-африканских связей и мореходства в Индийском и Тихом океанах, нельзя не отметить, что, хотя для выполнения этой темы ему не хватило срока, отпущенного ему судьбой, сделано было очень много. Его открытия составили новую страницу в изучении этой темы, и не его вина, что он не смог сделать все, что собирался. Ведь на все им сделанное в этой области ушло немногим более 15 лет.

После его кончины И. Э. Циперович составила еще одну книгу его работ. Это упомянутый в ее воспоминаниях сборник под названием «Средневековый Китай». В него вошла статья «Цэн-Тань — Зангистан XI века — в китайских источниках», все остальные работы до того времени на русском языке не публиковались. Здесь были помещены статьи «Китайская джонка и китайское мореходство ранее XV века» и «Китайцы и море», а также рецензия на книгу Чжан Тешэна «Первые шаги в изучении истории китайско-африканских связей».

В книге «Средневековый Китай» помещено двенадцать статей источниковедческого характера. Одиннадцать из них были написаны в конце 60-х — начале 70-х годов для международного издания, носившего название «Сунская библиография», которое было опубликовано в Гонконге в 1978 г.¹⁰ Издание было предпринято по инициативе французского китаиста И. Эрвэста, который организовал для этой цели специальный комитет. В этой весьма престижной работе участвовали ученые многих стран мира, получился исключительно серьезный библиографический справочник, который можно сравнить, например, с пятитомной «Историей арабской литературы» К. Брокельмана или аналогичным справочником Ч. А. Стори «Персидская литература» в трех томах. «Сунская библиография» насчитывала свыше 600 страниц и имела целью дать библиографическое описание письменных памятников Сунской эпохи, то есть XII—XIII вв. Каждая из статей Виктора Андреевича давала исключительно содержательное описание памятника, в котором были учтены все основные материалы и издания. Обычно они содержали разделы, посвященные общей характеристике источника, его изданиям и литературе, написанной о нем. Для каждого сочинения Виктор Андреевич определяет его жанр, сообщает об обстоятельствах жизни его автора и условиях его создания, очень кратко пересказывает его содержание, отмечая при этом состав отдельных его частей, место сочинения среди других памятников литературы этого периода, а также связанные с

сочинением и его историей вопросы хронологии, цитаты из сочинений более раннего периода или более ранних авторов, характер получения автором его сведений и т. п. Любая из этих статей — шедевр источниковедческого описания. Несмотря на небольшой объем статей, каждая из них требовала огромных знаний в области синологического литературоведения и большой начитанности в китайской литературе того периода. Всем, кому приходилось заниматься подобной или аналогичной работой, известно, как нужны порою исследователю такие статьи и насколько нелегко бывает их составлять.

Работая последние годы в секторе зарубежного Востока, Виктор Андреевич одновременно со своей основной темой занимался исследованием и описанием коллекционных предметов из фондов Музея этнографии по народам Китая. Эта работа требовала не только знания страны и языка, но и хорошего знакомства с материальной и духовной культурой. Для нее, например, необходимо умение расшифровывать стилизованные надписи, имитирующие различные древние формы написания китайских иероглифов, которые часто украшали предметы традиционного китайского быта; необходимо умение ориентироваться в китайской литературе энциклопедического жанра, умение увидеть и распознать надписи на иных языках и иногда написанных не иероглифами, а другим письмом (например, арабским алфавитом) на таких же предметах неханьских народов Китая. Виктор Андреевич обладал знаниями во многих из этих областей. Им было описано 50 различных единиц хранения, и описи составили три авторских листа текста. Работа эта была также весьма важна по той причине, что число лиц, хорошо знающих традиционную материальную культуру китайцев, невелико, а сама эта культура достаточно быстро размывается внедрением в быт изделий промышленного производства.

Была и еще одна работа, выполненная Виктором Андреевичем. Это перевод раздела о философии наиболее выдающегося неоконфуцианского мыслителя XII в. Чжу Си, известного комментатора китайских классических сочинений, в книге китайского автора Люй Чжэньюя «История политической мысли в Китае», которая была издана в Пекине в 1955 г.¹¹ Перевод этой книги был предпринят целой группой китаистов Москвы и Ленинграда, но вследствие переоценки философских и политических воззрений автора не был доведен до конца и напечатан. Виктор Андреевич выполнил перевод своей части. К сожалению, перевод остался в рукописи.

В 1980 г. Восточная комиссия Географического общества СССР представила книгу Виктора Андреевича «Известия о странах и народах Африки» к Золотой медали имени П. П. Семенова-Тяньшанского, но кончина Виктора Андреевича помешала обсуждению представления, так как согласно уставу Общество присуждает медаль только своим здравствующим членам.

Кончина Виктора Андреевича была отмечена некрологом в журнале «Народы Азии и Африки» (1981, № 1). Журнал «Советская этнография», орган института, в котором он работал, обошел его кончину молчанием. Но, пожалуй, наиболее полно скорбь научного мира по поводу его смерти выразил 2 марта 1981 г. в личном письме вдове Виктора Андреевича тот же Пол Уитли: «Я был глубоко потрясен известием о кончине Вашего супруга. Он был ученым, перед которым я испытывал глубокое восхищение, и мне будет очень недоставать той пробуждающей мысли и идеи переписки, которую мы вели в течение многих лет. Для изучения стран побережья Индийского океана его потеря невозполнима. Ни один ученый в мире не обладал такими знаниями и опытом и таким чудесным искусством, какие необходимы для работы на этом поприще. Но исследователи китайско-африканских связей будут оплакивать его еще больше».

...В ноябре 1981 г. Восточная комиссия Географического общества СССР организовала специальное заседание, посвященное памяти Виктора Андреевича. Многие ученые из самых разных стран прислали на это заседание письма в память о Викторе Андреевиче. Письма пришли из США — от П. Уитли и Дж. Хаурали, из Японии — от профессоров Кавагучи Хисао, Ямадо Нобуо, Ядзимо Хиконти, Сибя Есинобу; из Сингапура — от профессора Сюй Юньцяо; из Франции — от профессора И. Эрвута, из Италии — от профессора Т. Филези, из Швейцарии — от профессора Дж. Миллза, из Венгрии — от доктора И. Эчеди. Особенно прочувствованным было письмо Ильдиико Эчеди. Выражая признательность Виктору Андрееви-

чу за советы по поводу ее собственных работ, она писала: «Какое это прекрасное чувство сознавать, что есть коллега, который с таким вниманием читает твою статью, и ведь это редкий случай, когда отклика на твою работу не приходится ждать десятков лет или около того»¹².

В 1948 г., менее чем через полгода после того как состоялось личное знакомство академика В. М. Алексеева и В. А. Вельгуса, В. М. Алексеев подарил Виктору Андреевичу свой фундаментальный труд «Китайская поэма о поэте»¹³. В дарственной надписи на этой книге он назвал Виктора Андреевича «молодым и уже замечательным китаистом». Сейчас, когда Виктора Андреевича нет с нами, мы можем с уверенностью сказать, что он всей своей жизнью и всеми своими трудами подтвердил высокую оценку своего учителя.

г. Ленинград
18 июня 1989 г.

¹ Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия.— Т. 90.— Африкана VI.— М.-Л., 1966.— С. 84—103.

² Там же.— С. 104—121.

³ Paul Wheatley. *Analecta Sino-Africana Recensa*.— East Africa and the Orient. Cultural Syntheses in the Precolonial Times.— London, 1975.— P. 77—78, 81—82.

⁴ Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия.— Т. 93.— Африкана VII.— Л., 1969.— С. 109—176.

⁵ The Countries and Peoples of the East. Selected Articles. Moscow, 1974.— P. 45—90.

⁶ Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия.— Т. 103.— Африкана X.— Л., 1975.— С. 59—88.

⁷ Памятники письменности Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974.— М., 1981.— С. 161—193.

⁸ См.: Народы Азии и Африки.— 1980.— № 4.— С. 221—227.

⁹ M. Tolimacheva. Recent Research on the Early Chinese Sources on Africa / Bulletin of Information.— Accra, 1979.— № 5.— P. 30—39 (International Union of Academies. Commission 12: Fontes Historiae Africanae).

¹⁰ A Sung Bibliography (Bibliographie des Sung). Hong Kong, 1978.

¹¹ В. А. Вельгус. Средневековый Китай.— № 45.— С. 141.

¹² Из письма И. Эчеди в Географическое общество СССР от 9 марта 1981 г.

¹³ В. М. Алексеев. Китайская поэма о поэте. Пг., 1916, 155 с.

Он ехал в Россию с надеждой...

(О судьбе директора
Интернационального клуба
моряков во Владивостоке)

Е. БОНДАРЕНКО

Идеи социализма и коммунизма сейчас переживают кризис, а в годы после первой мировой войны они владели передовыми умами мира. Наша страна в те годы привлекала к себе многих зарубежных коммунистов. Они рвались в Советскую Россию, не зная о том, что их ждет сталинщина. Сталин был идеологом, которому верили не только у нас, но и за рубежом. И это не вина тех, кто верил, а наша общая беда. Трагедия многих чистых душой коммунистов, попавших в молох сталинизма, продолжает нас волновать. Примером подобной трагедии была судьба заведующего Владивостокским интернациональным клубом моряков в 30-е годы Леопольда Дельваля, погибшего в сталинских застенках в 1938 г. (К слову, в 30-е годы ныне закрытый город Владивосток имел Интернациональный клуб моряков.) Гласность, доступ в архивы позволили восстановить многие эпизоды из жизни Дельваля, которые, как нам кажется, поучительны и интересны, показывают стремления и чаяния незаурядного человека, личности.

* * *

Дельваля арестовали апрельской ночью 1937 г. В самом факте ареста для него не было ничего непривычного: это был восемнадцатый арест в жизни польского коммуниста, два года назад прибывшего на Дальний Восток из Москвы по направлению Исполкома Коминтерна. Аресты сопровождали всю 42-летнюю жизнь Дельваля, но этот, владивостокский, был особенным. В восемнадцатый раз его арестовала не царская охранка, как в 1912 г. в польском городе Плоцке за коммунистическую пропаганду среди рабочих, и не германские власти, как в 1916 г., когда в результате облавы на коммунистов он был пойман и заключен в концлагерь.

Апрельской ночью 1937 г. Дельваля везли во Владивостокскую тюрьму люди из НКВД. Для них Леопольд Дельваль был неблагонадежным иностранцем, уволенным с работы за «политическую неустойчивость». Именно с такой формулировкой Дельваля несколько дней назад сняли с должности заведующего Владивостокским интернациональным клубом моряков. Ни он, ни его жена, румынка Татьяна Данилефф, получившая в 1935 г. советское гражданство, выехать из Владивостока не успели. Да и куда ехать? Дельваль прекрасно понимал, что в Москве его ждет та же самая участь — ведь теперь он неблагонадежный, уволенный с работы иностранец.

Обратного пути на родину, в Польшу, тоже не было. Даже если бы какая-то

Бондаренко Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР.

немыслимая сила перенесла туда Дельваля, то и там он был бы немедленно арестован за коммунистическую пропаганду среди рабочих Плоцка и Варшавы. Во всех полицейский карточках Польши с 1919 г. числилась его фамилия — в ту пору он был секретарем областного комитета Компартии Польши.

Из протокола допроса Л. Дельваля 13 апреля 1937 г.
во Владивостокской тюрьме*

Фамилия: Пакульский (Дельваль)
Имя и отчество: Мариан (Леопольд) Людвикович
Дата рождения: 24 января 1895 года
Происхождение: родился в поселке Каменица, на юге Польши, в семье служащего, поляк, польский гражданин.
Имущественное положение: недвижимого имущества не имел и не имею.
Образование: высшее.

Всю свою сознательную жизнь Дельваль стремился попасть в Россию. Это его желание было столь же сильным, как и страсть к революционной борьбе. Его настоящее имя — Мариан Пакульский — было сменено на партийный псевдоним, а жизнь всецело подчинена интересам партии. Вместе с тем он постоянно учился. Любознательность его не ведала предела, жажда к познанию вела все дальше и дальше от дома — сначала в гимназию города Плоцка, затем в Варшавский университет, Школу восточных языков в Париже, Парижскую высшую школу общественных наук, Сорбонну.

«Получил некоторое высшее образование, так как систематической учебы мешали мне отсутствие средств, партийная и общественная работа» — так скромно оценил впоследствии Дельваль свои энциклопедические, по словам коллег, знания во всех областях гуманитарных и общественных наук, совершенное владение семью языками.

Но образование никогда не было вершиной жизненных устремлений Дельваля. Оно, скорее, являлось подспорьем в революционной работе. Языки изучались Дельвалем для общения с революционерами всех стран, науки — для скорейшего построения бесклассового коммунистического общества...

Из протокола допроса Л. Дельваля
во Владивостокской тюрьме

Сведения об общественной и революционной работе:

С января 1910 г. я состоял членом Плоцкого правления Союза прогрессивной молодежи, с апреля 1911 до середины 1915 г. — членом Плоцкого правления Союза социалистической молодежи; с декабря 1918 по март 1923 г. — членом Коммунистической партии Польши (1919—1923 гг. — секретарь областного комитета компартии в Плоцке).

«Вступая в коммунистическое движение, я решил приспособить всю свою частную жизнь к тому, что удобно будет для партии. Вся моя жизнь идет согласно решениям партии коммунистов» — эти слова, сказанные Дельвалем в 1933 г., за четыре года до его последнего ареста, можно назвать главной жизненной установкой человека, посвятившего себя революционной борьбе. Но при всей своей увлеченности партийной работой Дельваль никогда не был аппаратным чиновником. Исполнял обязанности секретаря Плоцкого обкома Компартии Польши — и одновременно являлся учителем гимназии в Плоцке, позднее специализировался на профсоюзной и кооперативной работе. Был организатором профсоюза сельскохозяйственных рабочих Варшавского воеводства и выступал за всеобщую стачку этого союза. Организовывал союз металлистов в Варшаве, различные рабочие кооперативы. Участвовал в межсоюзных связях рабочих и крестьянских кооперативов. «Был арестован раз семнадцать, но сидел не подолгу, — вспоминал Дельваль об этом периоде своей жизни. — По-на-

* В сообщении использованы документы Центрального государственного архива Дальнего Востока РСФСР (Томск), Партийного архива Приморского края, архива Комитета государственной безопасности СССР по Приморскому краю.

стоящему сидел один только раз — 8 месяцев. Первый раз меня посадили за революционные выступления перед рабочими. Мне было 16 лет, и только из-за молодости меня не выслали в Олонецкую губернию. В 1916 г. я сидел в тюрьме, потом был выслан в концентрационный лагерь. В 1920 г. сидел раз пять: все аресты были связаны или со стачками, или с периодическими облавами, которые устраивались на коммунистов».

В 1920 г. 25-летнего Дельваля призвали на военную службу в польскую армию. «За что вы арестовывались во время службы в польской армии?» — спросил его через 17 лет владивостокский следователь.

«Я арестовывался четыре раза по обвинению в принадлежности к Польской компартии, за организацию антивоенной пропаганды среди польских солдат», — ответил Дельваль.

Партийной работе он был предан беспредельно. Вместе с тем был нетерпим ко всякого рода хвастовству, тому самому «комчанству», которое неоднократно критиковал в свое время В. И. Ленин. «Не нужно слишком много говорить об успехах, — повторял своим товарищам по борьбе Дельваль, — мы не имеем права много говорить об успехах, когда влияние буржуазных националистических партий в Польше достаточно сильно. Нельзя сравнивать силы коммунизма и реформизма только по статистическим данным, нужно принимать во внимание не только количественные показатели сторонников коммунизма и капитализма в Польше, нужно иметь в виду всю совокупность борьбы, прежде всего массовое рабочее движение. Только тогда может состояться правильная оценка расстановки классовых сил в стране».

Этот в высшей степени самокритичный, трезвый анализ действительного положения дел коммунисты Польши сочли признаком пессимистического характера Дельваля.

Из протокола допроса Л. Дельваля во Владивостокской тюрьме

Вопрос: По чьей инициативе вы в 1923 г. были переброшены во Францию?

Ответ: Это было сделано по моему желанию. Как секретарь Плоцкого областного комитета компартии я ежемесячно ездил в Варшаву, в Бюро ЦК Компартии Польши. Однажды я услышал там, что требуется человек во Францию для коммунистической работы среди польских эмигрантов. Я изъявил желание заняться этой работой, 6 февраля 1923 г. я выехал во Францию.

Вопрос: Чем вы занимались во Франции?

Ответ: Там я вел партийную работу среди польских эмигрантов, создал и выпускал польскую газету — орган Компартии Польши.

И здесь, при всей своей привязанности к родной Польше, ее компартии, Дельваль принимает решение стать членом Французской коммунистической партии. «У меня есть по этому поводу свое личное мнение, — отвечал он на многочисленные вопросы польских коммунистов. — Я считаю, что руководство Компартии Польши слишком кокетничает с меньшевиками. Это недопустимо».

С 1923 по 1930 г. Дельваль жил в Париже, работал во французской секции МОПРа, был членом Польского комитета Унитарной федерации горняков. Дельваль жил в Париже и мечтал о Советском Союзе как о стране, где мог бы в полной мере раскрыться как коммунист, как человек, для которого интересы партии важнее всего. Он много читал об СССР, с вниманием слушал рассказы приезжавших из Союза польских и французских революционеров.

Мечта Дельваля осуществилась в начале 1930 г. Знакомый поляк, находившийся в политической эмиграции в Москве, сообщил ему, что активу Профинтерна — одной из ведущих организаций Коммунистического интернационала в СССР — нужны революционеры-интернационалисты, знающие языки.

«В Москву я приехал в надежде, что здесь всесторонне ознакомлюсь с мировым революционным движением, — рассказывал Дельваль следователю Владивостокской тюрьмы. — Приехав, я просил, чтобы меня прикрепили к заводу. Меня интересовало, как живут и работают московские рабочие, как функционирует их партийная организация. Меня прикрепили к партячке завода, там я работал с большой охотой, выступал почти на каждом заседании».

В 1931 г. Дельваль стал членом ВКП (б).

Вступая во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, Дельваль был уверен в абсолютной правильности политики Сталина по отношению к международному пролетариату. Он не знал, что на его родине, в Польше, уже начались расправы над руководителями польских коммунистов. Дельваль не знал многого и из того, что делалось в те годы в СССР. Прозрение началось с 1933 г., когда он стал инструктором Советского бюро Интернационала моряков и портовых рабочих. На этой должности ему пришлось работать с зарубежными моряками, а также со стенограммами политических бесед, которые присылались в Совбюро из различных интерклубов страны.

Вопросы зарубежных моряков советским лекторам были прямы, бесхитростны, в чем-то наивны, но они вновь и вновь погружали Дельваля в глубокое раздумье. Эти бесхитростные вопросы подтверждали все чаще возникавшие у него сомнения в справедливости системы, созданной Сталиным, явно указывали на пороки общества, о котором он столько лет мечтал как об обществе социальной справедливости.

Из материалов партийного архива Приморского края

Вопросы моряков американского парохода «Сан-Клементо» лекторам Владивостокского интерклуба (Из стенограммы беседы)

Вопрос 1: *Вы называете свою страну самой демократической, но зачем же вы расстреливаете людей, не голосующих за большевиков, а также лучших ваших специалистов?*

Вопрос 2: *Все ваши газеты пишут о радостной и счастливой жизни, которую вам дал товарищ Сталин. Почему же вы не упоминаете о людях России, завоевавших эту жизнь в жестокой борьбе?*

Вопрос 3: *Почему пусто в ваших продовольственных магазинах — нет ни картошки, ни капусты, ни лука, ни молока, ни хлеба?*

Вопрос 4: *Почему вы говорите о социальной справедливости в СССР, а мы видели много бедно одетых, оборванных людей, которые просят на улицах милостыню?*

Вопросы, каждый из которых подобен пулеметной очереди... Как опытный партийный работник, интернационалист, Дельваль понимал, что построение социалистического общества невозможно без жертв и ошибок, но он не мог объяснить себе многое из того, что происходило в СССР в 30-е годы в результате культа личности Сталина. Понимание происходящих извращений идей социализма и бессилие в попытках исправить что-либо были для Дельваля невыносимы. Пессимистичное настроение, нежелание безоговорочно принимать и бездумно подхватывать бодрые революционные лозунги не могли остаться незамеченными его московскими коллегами. Их раздражала энциклопедическая ученость Дельваля, его привычка все подвергать анализу, во всем сомневаться. В результате обмен партийных документов 1933 г. едва ли не стал для Дельваля последним.

Из стенограммы обсуждения деятельности Дельваля на «чистке партии» в 1933 г.

Коммунист Хаскин: *Товарища Дельваля знаю около года. Нужно сказать, что он очень развит. Мы его называли «ходячая энциклопедия», но Дельваль абсолютно не организатор и не администратор. Он очень много работает над собой, но он не умеет заставлять работать других.*

Коммунист Сольц: *Вас обвиняют в том, что у вас есть пассивность, недостает революционности и отсюда ваш пессимизм. Не видно, чтобы вы достаточно крепко верили в то дело, в которое мы верим.*

Дельваль: *Я понимаю генеральную линию партии. Я понимаю тот путь, который ею наметен. Я понимаю, что этот путь является единственным, по которому нужно идти. Это самое основное. Я сросся с движением настолько, что могу переносить даже и некоторые неприятные вещи. Я должен открыто сказать, что есть отдельные мелочи, которые мне могут не нравиться. Я понимаю, что человек может быть недоволен, когда он выходит из трамвая без пуговиц, — это мелочь, это не может быть политической установкой. Но мне кажется не важно, если я недоволен... Когда я говорю с иностранцами, я им разъясняю, почему все это так нужно, почему иначе не может быть. Я им объясняю, что те мелочи, которые они видели*

и которые им не нравятся, изживаются.

Дельвалю самому советовали изжить у себя такие «недостатки», как наличие собственного мнения, склонность к нестандартному мышлению. В этих качествах Дельваля также виделась угроза сталинскому обществу, где, по мнению вождя, все люди выполняли роль маленьких одинаковых винтиков одной огромной машины.

Шел 1935 год. Дельвалю предложили переехать на Дальний Восток и принять руководство Владивостокским интернациональным клубом моряков. Дельваль с радостью согласился. Тяжелая атмосфера подозрительности, сгустившаяся вокруг него в Москве, не предвещала ничего хорошего. Но в личной жизни Дельваля произошли серьезные изменения. Неразговорчивый, одинокий, погруженный в себя человек наконец-то обрел душевное спокойствие, встретив в Москве свою судьбу. Эту женщину звали Татьяна Зиновьевна Данилефф, она была политэмигранткой из Румынии, в Москве работала на радиозаводе. Время не оставило нам фотографии Татьяны Зиновьевны, но судьба этой женщины достойна того, чтобы о ней узнали потомки.

Из протокола допроса Т. З. Данилефф-Дельваль во Владивостокской тюрьме

Родилась в 1907 г. в деревне Столычичени (Румыния), в семье деревенского учителя. Окончив женскую гимназию в 1926 г., была учительницей в родной деревне до 1928 г. Являлась членом комсомольской организации Румынии. В 1928 г. уехала в Прагу, поступила там в университет. Вернувшись домой на летние каникулы, больше не поехала учиться из-за отсутствия средств. Занималась революционной работой.

В сентябре 1930 г. опять уехала в Чехословакию в Брно, где училась в Высшей текстильной школе. В Румынию вернуться даже на каникулы не могла, так как против меня было возбуждено судебное следствие по обвинению в «шпионаже в пользу СССР». Заочно на суде в Бухаресте была приговорена к 15 годам каторжных работ.

За время своего пребывания в Брно принимала участие в коммунистических демонстрациях, неоднократно арестовывалась полицией. В октябре 1931 г. мне было предложено оставить пределы Чехословакии в течение 24 часов. Так как мне было трудно жить в Чехословакии нелегально, я решила просить разрешения на въезд в СССР. При содействии руководства Компартии Чехословакии я получила это разрешение в консульстве СССР в Праге, предоставив доказательства своего безвыходного положения.

В конце октября 1931 г. приехала в Москву. Давно увлекаюсь радио и имея в СССР возможность заняться любимой работой, я стала работать на радиозаводе имени Орджоникидзе в качестве контролера. За свою работу была премирована.

В мае 1935 г., уехав с мужем во Владивосток, Татьяна Зиновьевна подала прошение о переходе в советское гражданство. На вопрос о причинах, побудивших ее принять это решение, Татьяна Данилефф ответила: «Хочу всегда жить и работать в СССР, пользоваться правами и исполнять обязанности гражданина Советского Союза».

Они поселились в центре Владивостока, на тихой тогда улице Суйфунской (впоследствии она была названа именем репрессированного в те же годы военачальника И. Уборевича), недалеко от Интернационального клуба моряков, занимавшего одно из лучших зданий центральной улицы города — Ленинской (сейчас в этом здании находится Дом офицеров флота).

Владивосток ошеломил Дельваля своей восточной, невиданной им прежде экзотической, бесконечным сиянием морской глади Золотого Рога, разноязыким гомоном на улицах, террасами спускавшихся к морю.

Принимая дела во Владивостокском интерклубе, Дельваль обратил внимание на то, что состав работников клуба за последние полтора-два года почти полностью обновился. Недоумевая, он обратился за разъяснениями к своему заместителю, инструктору интерклуба по англо-американской работе Ивану Сафроновичу Никитину. Тот объяснил, что в клубе было много случайных людей, в том числе иностранцев, которых пришлось уволить за политическую неблагонадежность. Никитин не сказал Дельвалю главного: за каждым иностранцем в клубе был установлен негласный надзор, досье на каждого иностранного сотрудника находилось в управлении НКВД по Дальневосточному краю.

Из докладной записки по кадровому составу
Интерклуба Владивостока в 1935 г.

Интернациональный клуб моряков в г. Владивостоке имеет в своем штате 11 человек, из них 5 политработников и 6 человек технического персонала.

Инструктором по скандинавским странам с мая 1935 г. во Владивостокском интерклубе работает Гарольд Христьянсен — датчанин, 1909 г. рождения, член Компартии Дании с января 1932 г., плавал матросом на датских судах 8 лет. В мае 1934 г. будучи работником интерклуба г. Копенгагена, был послан в СССР для обмена опытом работы интернациональных клубов, владеет шестью языками.

Инструктором по англо-американской работе с октября 1933 г. работает англичанин А. А. Смоллер 1891 г. рождения. В СССР проживает с 1917 г., основная профессия — педагог, имеет высшее педагогическое образование. Совмещает работу в интерклубе с деятельностью заведующего кафедрой английского языка в Дальневосточном государственном университете, доцент. Владеет четырьмя языками.

Инструктором по китайской работе в 1935 г. является Н. Чанюков, китаец, 1906 г. рождения, проживавший до 1925 г. в Кантоне. Социальное происхождение — рабочий, основная профессия — стивидор. В 1934 году закончил китайско-ленинскую школу во Владивостоке.

В клубе также существовала японская секция, инструктором которой был японский коммунист Миури, и греческая секция, возглавлял которую политэмигрант Сасаки. Можно только догадываться, что стало впоследствии с этими людьми, поскольку к 1940 г. они или уволились из интерклуба добровольно, как это сделал Гарольд Христьянсен после ареста Дельваля, или были уволены с той же страшной формулировкой о политической неблагонадежности. Но в 1935 г., не подозревая о предерженности своей будущей судьбы, они увлеченно работали с иностранными моряками, видя в этом общении залог будущей всемирной социалистической революции.

В год сотрудники интерклуба проводили работу более чем с 7 тыс. зарубежных моряков, как в самом интерклубе, организуя лекции, беседы, вечера отдыха, так и непосредственно на судах. Особое внимание в условиях тихоокеанского региона Дельваль старался уделить морякам японских, корейских и китайских судов. С помощью работников Владивостокского интерклуба на судах создавались революционные группы и судовые революционные комитеты. Создание таких групп и комитетов среди восточных команд проводилось владивостокскими интернационалистами нелегально, поскольку за одно только посещение интерклуба, не говоря уже об участии в организации ревкомов, японских, корейских и китайских моряков увольняли с работы.

Администрация судов, прибывших во Владивосток из стран Юго-Восточной Азии, всеми силами препятствовала интернационалистам в посещении пароходов. Дельваль неоднократно видел на палубах японских судов специальные таблички: «Вход работникам интерклуба запрещен». Однако это не останавливало Дельваля и его коллег, а побуждало искать новые формы работы с иностранными моряками, как легальными, так и нелегальными.

Пропагандистская работа Дельваля и его коллег среди японских, корейских и китайских моряков не проходила бесследно. Так, после беседы с пропагандистами Владивостокского интерклуба команда японского парохода «Хонзон-мару» устроила забастовку в порту Кобэ против перевозки военного снаряжения в Шанхай. Команда была снята с парохода, руководители забастовки арестованы.

Работникам интерклуба сообщили также, что в порту Гэнзан на пароходе «Кондзан-мару» был арестован корейский моряк, у которого нашли антивоенную литературу. Как выяснилось, эта литература была взята им во Владивостокском интерклубе.

На этом же пароходе активистами интерклуба была создана революционная группа японских моряков. Группа добилась ликвидации «старшинки» — пароходского ростовщика, удерживавшего до 20 % из выдаваемых морякам ссуд и авансов.

Несмотря на угрозы со стороны администрации, на японских судах «Хосин-мару», «Сичжоу-мару», «Томи-мару» также были ликвидированы «старшинки» и созданы революционные группы моряков. Судовой комитет парохода «Сакаи-мару» после посещения Владивостокского интерклуба предъявил требование к администрации судна о повышении заработной платы. В порту Кобе японские моряки выпустили два революционных воззвания.

Интернациональная работа чрезвычайно увлекла Дельваля. Кроме непосредственно общения с иностранными моряками, Дельваль много времени уделял организации

учебы своих сотрудников. Для того чтобы сделать Владивостокский интерклуб настоящим международным культурным центром зарубежных моряков на Дальнем Востоке, Дельваль с первых дней своей работы в клубе организовал учебу сотрудников по проблемам международного движения, по изучению экономики и политики тех стран, суда которых прибывали во Владивосток. Он делился своим богатейшим опытом легальной и нелегальной революционной работы. По предложению Дельваля в клубе проводилось углубленное изучение иностранных языков для сотрудников и внешних активистов. Сам он вел кружок по истории мирового коммунистического движения.

В начале 1937 г. в Дальневосточное морское пароходство из центра пришло секретное телеграфное распоряжение о необходимости избавляться от иностранцев на всех руководящих постах. В стране уже шла «охота на ведьм», когда каждый иностранец, независимо от своих политических взглядов и убеждений, объявлялся шпионом. Так поиск «врагов народа» внутри страны вылился в аналогичные акции по отношению к зарубежным коммунистам, находившимся в советской политэмиграции.

...Иногда Дельвалю казалось, что вокруг него образовался вакуум. При нем прекращали свои разговоры подчиненные, контролировались все его беседы с зарубежными моряками. От этой подозрительности у Дельваля опускались руки. Его опасения подтвердил англичанин Смоллер, состоявший с 1917 г. в советском гражданстве. На одном из собраний сотрудников интерклуба он, глядя на Дельваля в упор, заявил, что, по его мнению, на ответственных постах не должно быть иностранных подданных, поскольку, занимая ответственный пост, они пользуются излишним доверием, имеют на руках секретные документы, которые могут довести до сведения контрреволюционных элементов.

Дельваль понимал, что Смоллером владел панический страх. Советский гражданин Смоллер имел родственников в Англии и сам был чистокровным англичанином. 20 лет назад стремление к справедливости, вера в светлое будущее человечества привели его в революционную Россию. Смоллер всегда сохранял дружеские отношения с Дельвалем, но сейчас, обвиняя Дельваля в несуществующих грехах, он спасал себя.

В первых числах апреля 1937 г. поляк Леопольд Дельваль был освобожден от должности заведующего Владивостокским интерклубом. 7 апреля за ним захлопнулись двери Владивостокской тюрьмы.

**Справка Комитета государственной безопасности СССР
по Приморскому краю в отношении Дельваля Л. Л.
от 22 февраля 1990 г.**

Сообщаем, что Дельваль Л. Л. был арестован органами УНКВД по Дальневосточному краю 7 апреля 1937 г. и по необоснованному обвинению в проведении шпионской деятельности в пользу контрреволюционной польской националистической и военной организации ПОВ постановлением НКВД и прокурора СССР от 30 декабря 1937 г. приговорен к расстрелу.

Его жена, Данилефф Татьяна Зиновьевна, арестованная 17 сентября 1937 г., этим же постановлением без предъявления какого-либо обвинения приговорена к расстрелу.

Содержались они во Владивостокской тюрьме. Приговоры приведены в исполнение соответственно 26 апреля 1938 г. и 8 февраля 1938 г. Указать точное место захоронения Дельваля Л. Л. и Данилефф Т. З. в связи с отсутствием сведений в материалах дела не представляется возможным. Места массовых захоронений лиц, репрессированных в г. Владивостоке, находятся в 1,5 км восточнее городского кладбища...

Определением военной коллегии Верховного Суда СССР постановление НКВД СССР и прокурора СССР от 30 декабря 1937 г. отменено, а дело в отношении Дельваля (Пакульского) Леопольда (Мариана) Людвиновича и Данилефф Татьяны Зиновьевны производством прекращено за отсутствием состава преступления. Они реабилитированы посмертно.

В. СИДХМЕНОВ

Мифическое животное дракон пользовалось и пользуется у китайцев неизменным поклонением и популярностью, являясь тотемом далеких предков, древнейшей эмблемой еще при зарождении китайской нации и символом развития ее культурных ценностей.

Древнее предание гласит, что в эпоху династии Ся, которая существовала более четырех тысяч лет назад в юго-западной части нынешней провинции Шаньси (и даже до нее), существовал род, называемый «лун» («драконом»). Видимо, в этот период и появилось впервые изображение дракона. В 1984 г. китайские археологи в крупных могилах того периода обнаружили керами-

ческие блюда с цветным орнаментом в виде дракона (обрядовые предметы).

Дракона изображают самым причудливым образом: иногда его глаза похожи на крольчьи, уши — на коровьи, туловище — на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти; у него растут длинные усы. В другом варианте голову дракона рисуют как у верблюда, усы как у зайца, глаза — быка, шею — змеи, брюхо — ящерицы, чешуя — карпа, когти — орла, лапы — тигра. Встречается изображение дракона и в виде большой змеи или животного, напоминающего одновременно и тигра, и лошадь. Чаще других дракона в Китае изображают с головой лошади и хвостом змеи, с крыльями по бокам туловища, четырьмя лапами (размер изображения может быть от червяка до огромного чудовища).

Дракона наделяли «девятью сходствами»: «его рога — панты оленя, голова — верблюда, глаза — демона, шея — змеи, брюхо — моллюска, чешуя — карпа, когти — орла, лапы — тигра, уши — быка».

Во всех случаях облик этого мифического животного выглядит величественным, суровым и воинственным.

По-разному объяснялось возникновение изображения дракона. Одни искали это сходство в морской змее, удаве или аллигаторе, которые водились в долинах великой реки Янцзы, другие — в архаичном животном типа ящера.

По китайской мифологии, дракон — повелитель водной стихии дарил людям воду, щедро орошал поля тех, кто верно ему служил, защищал крестьян от неисчислимых бедствий. В иерархии китайских божеств дракон занимает третье место после Неба и Земли.

По убеждению верующих, существовали драконы хорошие и плохие, покровительствующие семье или приносящие ей несчастье. Злых драконов привнесли в Китай буддисты, использовав общераспространенные легенды о драконах, обитавших в горах. Эти горные драконы губительны, а обитавшие в озерах и реках — дружелюбны и полезны.

Дракон наделялся исключительно острым зрением: он мог на дальнем расстоянии разглядеть любые почти невидимые предметы, а в греческом языке слово «дракон» переводится как «пристально смотреть».

Образ дракона известен многим европейским и африканским культурам как олицетворение жестокости или греха. В то же время прослеживается сходство европейского и восточного драконов в их связи с водой. В Древней Греции считалось, что драконы оберегают священные ручьи.

Почему дракон ассоциировался с водой? Наблюдая за загадочной формой облаков в небе, древний китаец видел среди них и чудовище-дракона, которое опускалось на землю в виде дождя. Это воспринималось как дар извивающихся драконов.

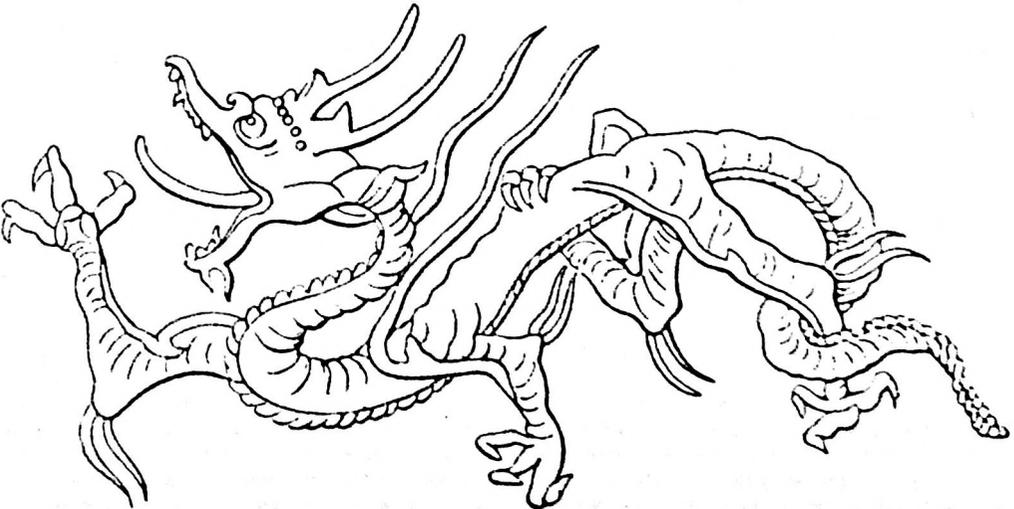
Издавна дракон наделялся сверхъестественной силой перевоплощения и передвижения: он мог быть видимым и невидимым, крылатым или бескрылым, но всегда обладал способностью взлететь благодаря огромной внутренней силе. Он мог достигнуть неба или так вытянуть свое тело, что оно простиралось надо всем морем. У него блестящий панцирь из желтой чешуи, волосистый хвост и косматые лапы, под длинной мордой — борода. Его лоб выдается вперед над пылающими огнем глазами, уши — маленькие и толстые, пасть широко раскрыта, язык — длинный, зубы — острые. На его пламенном выдохе могла свариться рыба, а на огненных испарениях его туши она могла изжариться. Когда он, бушуя, поднимался на поверхность, вздымалось море, пенились водяные смерчи, свирепствовали тайфуны. Когда он, бескрылый, взлетал в воздушное пространство, выли ветры, на землю обрушивались ливневые потоки, с домов слетали черепицы крыш, небесный свод наполнялся грохотом, и все, что ни встречалось на его пути, начисто сметалось ревом урагана, возникавшего от скорости его полета.

В морских глубинах в великолепных дворцах, сооруженных из цветных прозрачных камней, с хрустальными дверьми обитали морские драконы. Они питались жемчугом и опалами, их окружали многочисленные служители, навещали божества и духи. Таких драконов насчитывалось пять. Длина каждого из них представлялась необъятной. Чудовища считались настолько огромными, что, изменяя свое местонахождение, сталкивали одну гору с другой. Главный дракон занимал центральное место, а остальные четыре — северную, западную, южную, восточную стороны. Народная легенда утверждала, что на дне моря хранятся бесчисленные сокровища и все они принадлежат царю-дракону. Отсюда появилось выражение: «Богат, как царь-дракон».

Морской дракон имел пять лап с пятью острыми когтями на каждой. Весной он взлетал на небо, а осенью укрывался в водной стихии. Он был владыкой всех — и соленых, и пресных — водоемов.

Царь-дракон (*лунван*), символизирующий благополучие и мир, регулировал выпадение дождя. Как и другие божества, драконы раз в году поднимались в высшие сферы небес, чтобы «сделать отчет» перед Верховным Владыкой.

В Китае, по народным верованиям, существовали Небесный дракон, который оберегал обитель божеств на небе, поддерживал их, чтобы они не упали на землю; Божественный дракон, который создавал ветер и дождь во имя благоденствия людей; Земной дракон, контролировавший моря и течения рек; Дракон, оберегавший подземные сокровища, чтобы их не растаскивали смертные.

Поэтому в китайской мифологии все явления природы связывались с образом дракона: ниспослание дождя, землетрясения, наводнения, солнечные или лунные затмения. Причина землетрясений — движения рассерженного дракона. Всякого рода смерчи объяснялись полетом или борьбой драконов, при которой они оставляли следы своих когтей на различных предметах — разрушали дома, поднимали в воздух лодки, вырывали с корнями деревья. Солнечное или лунное затмение — возмущенный дракон пожирает светило. (По другой версии, светило пожирал не дракон, а небесная собака — *тянь гоу*.) Во время солнечного затмения все население выходило на улицу и поднимало невероятный шум: звенели колокола, звучали барабаны и гонги. С помощью всего этого рассчитывали запугать дракона и заставить его оставить в покое солнце.

Виновником наводнений был, конечно, водяной дракон. Он являлся в масках различных животных, которых находили во время наводнений в реках (ящерицы, змеи, зайца и т. п.). При обнаружении жертв наводнений устраивались церемонии задабривания дракона.

Таким образом, драконы находились везде: в земле, воздухе, воде, в доме, выполняя роль домового. В феодальном Китае даже выпускались карты, на которых обозначались места расположения драконов.

Дракон и дух колодца.

В каждом городе и деревне, вблизи озера, реки, переправы, колодцев, около водоема любого размера находилась кумирня царя-дракона. Моряки, рыбаки, переправляющиеся через реку земледельцы, нуждавшиеся в воде для своих полей, регулярно возжигали благовония и приносили жертвы могущественному божееству водной стихии, прося его быть милосердным и справедливым. Религиозные процессии в честь дракона проходили в Китае в разное время года. Особенно много их было в мае, когда от горячих солнечных лучей трескалась земля, и в июне, когда после дождей выражалась благодарность дракону за его благое деяние.

Рядом с мифическим чудовищем в танце дракона колыхались знамена различных цветов: желтые и белые символизировали ветер и воду, черные и зеленые — тучи. Один из участников церемонии нес на коромысле ведро с водой, которой кропил прохожих, приговаривая: «Приди, о дождь! Приди, о дождь!» Процессию сопровождала шумная толпа. Матери посылали сыновей подбирать огарки свечей, падавшие с туловища дракона — такие огарки служили защитой от засухи. На пути процессии раскладывали костры — на них сжигали «жертвенные деньги».

Крестьяне окрестных деревень в ивовых венках с благовонными палочками и «жертвенными деньгами» в руках под звуки гонгов направлялись в городской храм дракона, где, совершив древний ритуал поклонения, обращались к божеству с просьбой ниспослать им дождь. Продолжительная засуха рассматривалась как отказ дракона. Тогда возле его изображения устраивались либо молебствия, либо обряд «бичевания дракона». Рукотворному дракону, сделанному из глины, наносили удары плетью или бамбуковой палкой, требуя дождя; бумажного или матерчатого дракона разрывали на куски. Доставалось даже царю-дракону: его изображение выставляли под палящие лучи солнца — пусть на себе испытает, что такое жара.

Согласно суевериям, «настоящий» дракон никогда не обнаруживал свою плоть перед смертными людьми: если видели его голову, то скрыт был хвост; если видели хвост, то была скрыта его голова. Дракона всегда изображали в облаках или воде.

Конфигурацию же дракона можно было определить по очертанию гор или по течению горной реки, которая извивалась вдоль долин. Считалось, что пологое русло реки, разно-

образные холмы и долины формировались драконом. Вода — стихия, в которой дракон наслаждается счастьем. Извилистые берега реки подтверждали существование его вьющейся фигуры.

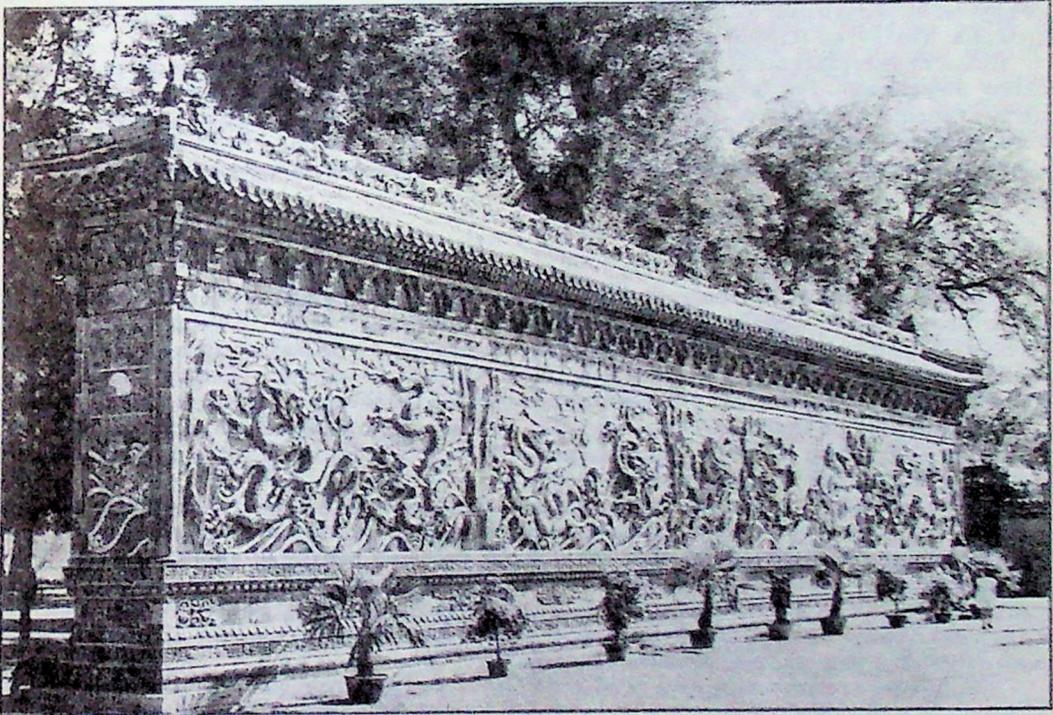
Так и сегодня можно услышать легенду о том, что цепи холмов, которые почти со всех сторон окружают Пекин, это — защищающий дракон, обеспечивший процветание столице. Холмы, окружавшие гробницы 13 минских императоров в пригороде Пекина, это — дракон, который защищал династию Мин в течение почти 300 лет.

В книге геомантов сказано, что дракон следует за течением воды, он постоянно находится там, где встречаются два потока. Курс следования дракона определяется направлением течения воды или очертанием земли — возвышается она или ниспадает, высокая ее поверхность или низкая.

Быть захороненным в месте, напоминавшем дракона, считалось хорошей приметой. Геоманты называли всякую высокую поверхность земли *лун* (дракон), а всякую низменную — *шуй* (вода). Дракон считался хозяином высокогорья, а вода — владичицей низменности.

Примерно в VII в. до н. э. изображение дракона использовалось для украшения одежды, а позже драконом украшали ворота, музыкальные инструменты, архитектурные сооружения, рукоятки меча, крыши домов, посуду и т. п. В Пекине перед воротами Тяньаньмэнь стоят две высокие декоративные колонны из белого камня — *хуабяо*. Резьба на этих колоннах изображает драконов.

В феодальном Китае повсюду можно было увидеть изображение драконов: в императорских дворцах, в храмах, на мемориальных обелисках и других древних сооружениях, на одежде и предметах прикладного искусства. В реквизите китайского классического театра немало предметов с изображением дракона, встречается оно в живописи, скульптуре.

Стела с "жизнеописанием" Дракона.

С драконом связано много народных поговорок. О человеке, больше всего дорожившем своим достоинством, говорили: «Идет, словно дракон, проходит, словно тигр» или: «Идет, словно дракон, бросает взгляд, словно тигр»; о человеке с большими способностями, который показывает людям не все, на что он способен: «У божественного дракона мы

видим голову, но не видим хвоста»; о людях бездарных, но с амбицией: «У него голова дракона, а хвост змеи»; о человеке, занявшем высокое положение в обществе: «Дракон совершил прыжок в небесные ворота».

Люди верили во всемогущество дракона, и этим суеверием пользовались правители Китая для укрепления своего господства. Стремясь вселить в души подданных трепет и суеверный страх, они приписывали себе качества этого мифического животного. Об императоре говорили: «Его лицо — лицо дракона, его глаза — глаза дракона, его халат — халат дракона, его руки — когти дракона, его дети — потомство дракона».

На одежде, утвари, мебели, которыми пользовался император, — всюду можно было увидеть изображение этого мифического животного. К названию всех принадлежавших императору вещей добавлялось слово «лун», то есть дракон.

Самым почтительным титулом императора был «истинный дракон», а слово «дракон» связывалось со всеми предметами, которыми пользовался правитель страны. Его трон назывался «местом дракона», кисточка, которой он писал, называлась «кисточкой дракона», мемориальная доска в больших храмах в честь императоров именовалась «мемориальной доской дракона».

При династии Мин (1368—1644) красный цвет считался национальным, поэтому императорским гербом был красный дракон. При маньчжурской династии Цин (1644—1911) национальным считался желтый цвет, поэтому официальным гербом был дракон желтый. Китайские драконы были фиолетовыми, голубыми, белыми, черными. Считаясь символом мужской силы и власти, управляющий судьбами страны дракон изображался на государственном флаге Китая, на официальных одеждах императора и его близких.

На государственном гербе правителей феодального Китая и их одежде был изображен дракон с четырьмя лапами и пятью когтями на каждой. Императорский халат отличался от других не только цветом (желтым), но и эмблемой. На нем были вышиты четыре золотых дракона: два — на плечах и по одному на груди и спине.

Даже правительственные ордена в феодальном Китае носили название этого мифического животного. Так, в конце XIX в. существовал орден Двойного дракона, имевший пять степеней. Князья и члены императорской фамилии награждались орденом Желтого дракона, министры и послы — орденом Красного дракона, сотрудники дипломатического корпуса — орденом Синего дракона, лица других сословий — орденом Черного дракона.

* * *

С наступлением весны крестьянин готовится к полевым работам, в это время отмечается день, называемый «лун тай тоу» — «дракон поднимает свою голову» после долгой спячки. В начале зимы он засыпает в укромном месте, а как только первые теплые дни приносят первые грозы, он взлетает на небо верхом на молнии. Дракон олицетворяет обновленную жизнь, которая разделялась всем миром насекомых — отсюда берет название этот день: «Пробуждение возбужденных или находящихся в спячке насекомых». (По китайскому календарю этот праздник приходится на второе число лунного месяца — приблизительно между 20 февраля и 20 марта.)

В этот день мать семейства обычно встает раньше других, зажигает в темном месте благовонные палочки и шепотом произносит: «Дракон, подними голову, тигр, подними голову, а сонный червяк, не поднимай головы». Дракон является владыкой водной стихии, и его пробуждение от зимней спячки влияет на будущий урожай. Тигр — царь зверей и почитается в народе за силу и красоту. Насекомые, находившиеся в зимнем оцепенении, открыв глаза, будут размножаться и принесут людям много хлопот, поэтому еще в темноте их просят, чтобы они не просыпались так рано.

Женщины готовят в этот день особые блины — «чешуя дракона» и лапшу — «драконо-вый ус». В этот день запрещается шить, чтобы случайно не попасть иглой в глаз проснувшегося дракону.

В конце мая или начале июня отмечается Праздник дракона, его называют также Праздником лета (*дуань у цзе* или *дуань ян цзе*).

Так как считалось, что дракон питает водой целебные травы, в этот день входные двери домов украшались душистыми букетами трав. Наполненные толченой травой амулеты подвешивались к косичкам или пришивались к одежде детей.

В начале лета надо было напомнить людям о болезнях от ядовитых пресмыкающихся и насекомых, которые в это время года особенно опасны для человека. На стенах комнат вывешивались картины-заклинания, изображавшие гибель пяти «основных вредоносных существ»: змеи, сороконожки, жабы, скорпиона, ящерицы.

Дух змеи мог принять образ мужчины и заставить девушку выйти за него замуж или под маской красивой девушки совратить юношу. Сороконожка — герой многих сказок — могла вползти в помещение и ночью убить всех его обитателей. Жаба — тварь луны и ночи — пользовалась невидимыми стрелами, которыми внезапно поражала человека — он умирал от малярии. Скорпион и ящерица опасны ужасными ядами.

Во дворах домов вывешивались ветки полыни и айра. Неприятный запах этих трав мог прогнать ядовитых тварей и послужить противоядием при их укусах. Применялись также средства, носившие символический характер. Образ тигра, например, олицетворял победу над ядовитыми пресмыкающимися, поэтому в Праздник лета в большом количестве изготавливались большие и маленькие тигровые маски из шелка, бархата и хлопчатобумажной ткани.

Праздник дракона связан также с именем великого китайского поэта Цюй Юаня (жил в III в. до н. э.).

Дух Цюй Юаня, не получая жертв, страдал от голодных мук. Накормить его считалось неременной обязанностью живых, поэтому в реку бросали рис. Но огромный дракон, гласит легенда, отнимал у духа Цюй Юаня рис, поэтому надо было накормить не только дух поэта, но и дракона, чтобы он от голода не проглотил Цюй Юаня. В день смерти поэта устраивались гонки на лодках. Жертвоприношения в его честь и соревнования на лодках, устраиваемые на реках в этот день, с незапамятных времен служили средством почитания духов утопленников. Нос лодки изображал открытую пасть дракона с большими клыками, корма — его хвост, а остов лодки, выкрашенный под чешую, — туловище. Гребцы, молодые, физически закаленные, крепко держали в руках длинные тяжелые весла с широкими лопастями. На носу лодки стоял человек, смотревший внимательно вперед, разыскивающий глазами труп Цюй Юаня и готовый бросить в воду при встрече с ним жертвенный рис. Музыканты, расположившиеся на корме лодки, били в гонги и барабаны, воодушевляя гребцов, оглушительным шумом отгоняли дракона, которого боялся Цюй Юань.

Поэт Цюй Юань.

Соревнование на драконовых лодках.

После поданного сигнала десятки весел врезались лопастями в мутную воду, создавая монотонный всплеск, и «драконовая лодка» быстро двигалась по водной глади. Серебристые струйки воды отскакивали от ее носа, водяная пена, переливающаяся различными цветами, окружала лопасти весел. Напряженные лица рулевого и гребцов говорили о серьезности и торжественности происходящего. Каждая лодка, соревнуясь, стремилась первой прийти к месту предполагаемой гибели Цюй Юаня, чтобы поднести ему жертвы. Победителей громкими криками, оглушительными ударами в барабаны и цимбалы приветствовали тысячи наблюдателей, собравшиеся на берегу.

Праздник «драконовой лодки» представлял собой живописное зрелище, которое оставалось надолго в памяти зрителей.

Дракона почитали не только как божество — он был неизменным спутником и участником всех народных гуляний, на которых исполнялся «танец дракона». Так было в Древнем Китае. Такая же традиция сохранилась и после образования КНР.

П. Россов, наблюдавший в 1900 г. за «танцем дракона» в Порт-Артуре, подробно описав увиденное, заключал:

«Иностранец под наплывом необычайных впечатлений впадает как бы в состояние гипноза. Ему кажется, что он находится перед сонмом чертей и ведьм, в бешеном экстазе исполняющих какой-то дьявольский танец. А вся картина, приобретая феерический колорит, представляется не постижимым очарованием».

П. Россов зафиксировал свои впечатления 90 лет назад. Изменилось ли с тех пор отношение китайцев к «танцу дракона»?

В феврале 1984 г. в городе Мэйсян (провинция Гуандун) отмечался Праздник фонарей. И вот как очевидец описал свое впечатление от «танца дракона».

«Вершиной всей праздничной программы было волнующее зрелище — «пылающий дракон». На землю спустилась ночь. И вдруг тишину прорывает треск местной «артиллерии», поколебавший якобы землю и небо и потревоживший самого дракона. На площадь выбегают 30—40 обнаженных по пояс юношей и размахивают горящими факелами. За ними следует новая группа парней, бьющих в гонги и тарелки, их сменяет еще одна группа людей с длинными бамбуковыми шестами, на которых висит по связке хлопушек. Эти три группы как бы очищают путь дракону. И вот на площадь выплывает сначала ма-

Танец Дракона.

ленький дракон. Он то лежит, то скачет вслед за парнями по кругу площади. Они уже начинают третий круг, когда на площади из «логова» неторопливо и бесшумно «выползает» громадный дракон.

Дракон состоит из 11 звеньев, начиненных множеством самодельных фейерверочных ракет и хлопушек. Разукрашенный громадный дракон с высоко вздернутой головой, размахивая хвостом, описывает по площади круги. Его ведет к центру большая колонна людей, которые крутят во все стороны горящие факелы, то и дело взрывая хлопушки. Движения юношей, что несут на своих шестах грозного дракона, удивительно согласованы между собой, и это сказочное чудовище извивается всем телом, как живое. Вдруг раздается взрыв, и из раскрытой пасти дракона извергается поток огня, а с его головы дождем сыплются фейерверочные искры. Так начинается это необыкновенное зрелище горящего дракона, переносящее нас в сказочный мир.

Дракон «хочет заглотать» солнце.

Гигантский дракон мечется и скачет, а огонь охватывает одно его звено за другим, пока не загорается все тело. Все это происходит под удары гонгов и тарелок, оглушительный треск хлопушек и свист ракет, от которых вот-вот, кажется, расколется ночное небо, а зрители приходят в еще больший восторг. Обнаженные по пояс парни, не обращая внимания на февральский холод и искры, с еще большим пылом делают свое дело, и дракон с рыком и ревом мчится по площади. Его 30-метровое туловище так и сверкает вспышками ракет и хлопушек. В ночном воздухе и облаках дыма летают искры: красные и золотые, зеленые и синие, голубые и фиолетовые. Поистине волнующее зрелище! Вся площадь тонет в буре восхищенных возгласов».

Советский китаевед Л. М. Яковлев в 1946 г. в этнографическом очерке «Дракон» писал: «Заканчивая статью, необходимо отметить, прошли годы, столетия, тысячелетия; забылись старые сказки, легенды и мифы. Давно развенчали ученые легенду о драконе, доказав, что кости ископаемых животных принадлежат подчас более страшным и грандиозным существам, которых человек никогда не видел. Дракон же продолжает еще жить в верованиях миллионов людей. Как тысячи лет тому назад, он сотрясает горы, навлекает засуху или наводнение, поднимает бури и тайфуны, доказывая верующим свое существование. И в ужасе они спешат возжечь курения и умолюстивить гневного владыку, чтобы он не губил их благосостояния и не нарушал устоявшихся устоев жизни».

И в наши дни по китайскому телевидению можно услышать песню, прославляющую дракона. В ней есть такие слова: «Китай — родина дракона. Китай — родина моя. Дракон — воплощение мужества, непобедимости. Его воля устремлена к солнцу, к людям. Дракон велик, дракон могуч. Китай — родина дракона». Всюду можно встретить сегодня изображение дракона в Китае.

И хотя вера в его всеислие после образования КНР значительно ослабла, однако китайский народ любит это изображение. Он остался неизменной темой в китайском искусстве, в быту.

«Большой драконовый корабль», на палубах которого свыше шестидесяти фигур празднично одетых людей, олицетворяющих различные народности Китая, рассекая волны, стремительно идет вперед. Образ дракона «вернулся в руки народа» с присущим ему символическим значением: мудростью, волей, народной силой. Этот корабль-символ сделан был группой мастеров из слоновой кости к десятилетию КНР.

Через мифы, легенды и сказки, ставшие неотъемлемой частью китайской литературы, живописи, скульптуры, хореографического и прикладного искусства, прославлялись такие черты китайского народа, как находчивость, храбрость, свободолюбие, мужество, самопожертвование, бескорыстие, честность, искренняя любовь, дружелюбие, справедливость, скромность, жизнерадостность и др. Большой вклад в это вносит и «древний символ дракона», ставший самым любимым зрелищем массового зрителя, обогативший мировую хореографическую культуру через Танец дракона.

«Дракон не у дел».

Художник Чжан Гуан-юй.

Царь-Дракон: теперь люди сами обуздают реку Хуанхэ, мне нечего делать. Я подаю прошение об отставке.

Однако сегодня сама жизнь развеяла суеверия во всеилие Дракона. Крестьяне даже сложили песенку, подрывающую веру в него. Она начинается такими словами:

На небе нет Бога,
На земле нет царя-Дракона.
Я сам и бог,
Я сам и царь-Дракон.
Явился я.
Горы, открывайте передо мною
Дорогу!

Сунь Лутан. Наука школы «Кулак Восьми триграмм»

В. МАЛЯВИН

Книга известного мастера ушу Сунь Лутана (Сунь Фуцюаня) «Наука школы „Кулак Восьми триграмм“» (Багуацюань сюэ) — классический и притом чрезвычайно редкий в своем роде трактат, раскрывающий теоретические основы одной из элитарных даосских школ китайского ушу — так называемой школы «Ладонь Восьми триграмм» (Багуа чжан). Ее автор Сунь Лутан родился в 1861 г. в одной из деревень провинции Хэбэй и с детских лет учился у известного наставника школы «Синъи цюань» («Кулак формы воли») Го Юньшэна. Рассказывают, что маленький Сунь неизменно сопровождал учителя в его частых поездках по стране. Учитель ехал верхом на лошади, а Сунь держался за ее хвост и бежал сзади, проделывая за день путь в тридцать и более километров. Вот так будущий мастер ушу закалил свой организм и характер. Позднее Сунь Лутан поселился в Пекине и стал изучать технику «Багуа чжан» под руководством одного из лучших мастеров этой школы Чэн Тинхуа. Он также изучал третье традиционное направление даосских школ ушу — гимнастику «Тайзи цюань» («Кулак Великого Предела»), создав на основе традиционных стилей свой оригинальный стиль этой школы. С начала 20-х годов и до самой своей смерти в 1933 г. Сунь Лутан преподавал в лучших школах и академиях ушу (или, как говорили тогда, «гошу» — «государственного искусства»), имел множество учеников. Ему принадлежит целый ряд авторитетных сочинений по теории и практике так называемых внутренних школ ушу: «Изложение подлинной сущности кулачного искусства», «Наука школы „Кулак формы воли“», «Наука школы Кулак Великого Предела» и пр.

Книга Сунь Лутана, посвященная школе «Багуа чжан», появилась в 1916 г. и была переслана в Китае лишь в 1988 г. Она представляет собой систематическое, кстати сказать единственное в китайской литературе, описание теоретических аспектов традиции «Багуа чжан» и шире всех школ «внутреннего» направления китайского ушу. Сам Сунь Лутан считал это сочинение именно памятником традиции и отводил себе роль не столько автора, сколько составителя и редактора. В предисловии к своей книге он писал: «Учитель Чэн давал только устные объяснения и не делал никаких записей. Я же, опасаясь, что наставления его будут утеряны, приложил изображения основных поз и присовокупил к ним свои поверхностные разъяснения, расширив смысл переданного мне учителем...» Следует отметить, что к моменту написания книги еще не существовало никаких письменных текстов школы «Багуа чжан». Опыт Сунь Лутана оказался настолько удачным, что его книга сразу же стала авторитетнейшим руководством по теории «Багуа чжан» и долгое время расходилась среди любителей ушу в списках. В наши дни она по-прежнему остается ценнейшим, незаменимым источником для изучения традиций китайского ушу.

Что касается самой школы «Багуа чжан», то возникла она позже других «внутренних» школ ушу, однако за короткий срок снискала огромный авторитет и популярность в Китае. Основоположником ее был Дун Хайчуань (1798—1882). Жизнь Дун Хайчуаня окутана покровом легенд. Известно, что он был уроженцем провинции Хэбэй Китая и, как гласит предание, «с детства любил воинские искусства, по натуре был прям и тверд, высоко ценил долг и справедливость». В молодые годы Дун Хайчуань был вынужден бежать из родной деревни, и однажды, странствуя по пустынным горам, он встретил даосского монаха, который обучил его «искусству кулачного боя в стиле Восьми триграмм». Достоверность этого рассказа проверить невозможно, но надо за-

метить, что в некоторых местностях Китая и поныне сохраняются стили рукопашного боя, очень близкие технике «Багуа чжан». Несомненно, школа «Восьми триграмм» была плодом творческой переработки и усовершенствования некоторых приемов рукопашного боя, бытовавших в народе. Рассказывают, что Дун Хайчуань был связан с различными повстанческими отрядами и в конце концов укрылся от преследования в доме знатного аристократа и даже стал евнухом. Молва приписывает ему разные необычайные способности, например умение ходить по стене, прыгать с места на два с лишним метра в высоту, вести бой с каким угодно количеством соперников и пр. По преданию, у Дун Хайчуаня, как у Конфуция, было 72 ученика. Чэн Тинхуа был среди них одним из лучших.

Характерные особенности традиционных школ китайского ушу определены тем, что их теория и практика имели целью воспитания некоего высшего единства знания и опыта всех сторон человеческой деятельности, в котором исчезает противостояние единичного и всеобщего, мысли и чувства, идеи и действия. Но эта верховная целостность человеческого бытия, по определению, несводима к интеллектуальным абстракциям: она открывает себя в конкретных образах и практических правилах, она неотделима от бесконечно разнообразной мозаики жизненных ситуаций, всей необозримо сложной паутины между природными явлениями. Традиция ушу имеет своей основой особую науку мировых соответствий, взаимовлияния вещей, которая оправдывается не теоретическими моделями реальности, а эффективностью действия, определяемого конкретными свойствами пространства и времени. Нельзя не отметить, что момент разрыва и посредования между отдельными звеньями мировых цепочек соответствий имеет в ней особое значение: подобно паузе, формирующей музыкальный ритм, он придает китайской картине мира внутреннюю, структурную, символическую по-своему характеру глубину. — глубину бездны на поверхности, неизъяснимого в слове, потаенного в явленном. Иными словами, здесь всякий образ и всякое действие оказываются символами неких сокровенных или, говоря языком даосской традиции, «подлинных» (чжэнь) образов, которые равнозначны без-образу и без-действию. По китайским понятиям, эта символическая глубина явлений принадлежит области мудрости, другими словами — интуитивному, неизъяснимому постижению жизненной «подлинности». Традиционная же наука в Китае есть лишь внешнее оформление, или «врата», мудрости. Эта наука практики превыше всего.

Общая методическая основа китайской науки содержится в древнейшем китайском каноне «Книга перемен» («И цзин»). Основу же «Книги перемен» составляют восемь триграмм — комбинации двух видов черт: целой, символизирующей начало *ян* — мужское, деятельное, светлое начало мироздания — и прерванной, символизирующей начало *инь* — начало женское, пассивное, темное. В китайской космологии взаимоотношения этих двух универсальных мироустроительных сил не имеют ничего общего с противоборством неких абсолютных этических принципов. Значение каждой из них определяется только «по обстоятельствам», так что одно и то же явление может соотноситься и с силой *инь*, и с силой *ян*. Считается также, что начало *ян*, «достигнув своего предела», переходит в начало *инь*, и наоборот. Триграммы указывают на определенные фазы, состояния и принципы взаимодействия мировых сил. Они тоже наделяются длинным рядом символических обозначений. Ниже приведен перечень восьми триграмм:

- ☰ Цянь — творчество, крепость, небо, отец.
- ☷ Кунь — свершение, уступчивость, земля, мать.
- ☳ Чжэнь — возбуждение, движение, гром, первый сын.
- ☵ Кань — погружение, опасность, вода, второй сын.
- ☶ Гэнь — стояние, незаблемость, гора, третий сын.
- ☴ Сюнь — уменьшение, проникание, ветер, первая дочь.
- ☱ Ли — смывка, выявление, огонь, вторая дочь.
- ☲ Дуй — разрешение, радость, водоем, третья дочь.

Триграммы располагаются по кругу, как бы символизируя собой мировой круговорот. Примечательно, что единого порядка расположения триграмм не существует, подобно тому как в китайской мысли мы не найдем идеи некоего абсолютного принципа бытия, одного «единственно верного» порядка мироздания. Различаются два круга триграмм: один из них соответствует так называемому «Предшествующему Небу» (*сянь тянь*), другой — «Последующему Небу» (*хоу тянь*). Различие между «Предшествующим» и «Последующим» Небом играло важную роль в даосской науке.

«Предшествующее Небо» означало расстояние «до форм», сокровенное «семя» всего сущего, тогда как «Последующее Небо» — это зримый и мыслимый «мир форм». Первое символизирует инволюцию, движение внутрь, второе — эволюцию, развертывание вовне. Символ же универсума в даосизме, как и в некоторых других древне-восточных традициях, — это двойная спираль, в которой движение внутрь и вовне оказывается в конце концов неразделимым. Так в даосизме обосновывалось стяжание вечной жизни непосредственно в биологическом цикле жизни (мире «Последующего Неба»). В даосских школах ушу разделение между «Предшествующим Небом» и «Последующим Небом» распространяется и на органы человеческого тела (например, почки, формирующиеся, кстати, прежде других органов, относятся к «Предшествующему Небу», а селезенка — к «Последующему»), и на различные виды движения: «Предшествующему Небу» соответствуют, в частности, состояния «предвосхищения удара» или внутреннее, «понятное» движение жизненной энергии организма (*ци*), обратное движение физического тела. Мастерство в традиции ушу — это, в конце концов, умение сохранять равновесие разнонаправленных процессов в нашей жизни: движение «вовне» и «внутри», поступательное и возвратное, растяжение и сжатие и т. д. В книге Сунь Лутана отмечаются важнейшие практические следствия учения о «Предшествующем Небе» и «Последующем Небе» для занятий по школе «Багуа чжан».

Надо сказать, что в даосской науке восемь триграмм обозначают завершающий этап космогенеза, творения мира путем последовательного деления, первичного единства. В этом отношении даосская концепция космогенеза отчасти напоминает схемы космической эволюции в европейской гностической традиции. Исходной точкой космического процесса объявляется Беспредельное (*у цзи*) — имя первозданного Хаоса. Из Беспредельного рождаются «два начала», отождествляемые с *инь* и *ян*, эти «два начала» порождают «четыре явления» (символы четырех сторон света и времен года, четырех конечностей человеческого тела и пр.), а «четыре явления» дают жизнь восьми триграммам. Последние, разумеется, тоже имеют свои соответствия среди частей тела и психофизических состояний человека. Вот некоторые из этих соответствий:

Триграмма	Часть тела	Состояние
Цянь	Голова	Активность
Кунь	Живот	Покой
Чжэнь	Ноги	Касание языком верхнего неба
Кань	Уши	Наполненность в животе
Гэнь	Руки	Вытягивание вверх шеи
Сюнь	Бедро	Пустота в стопе
Ли	Глаза	Пустота в груди
Дуй	Рот	Освобожденность в плечах

Комбинации двух триграмм образуют в совокупности 64 гексаграммы, которыми, согласно китайским представлениям, исчерпывается все разнообразие явлений в мире — по сути, неисчерпаемое. Таково состояние «Великого Предела» (*тай цзи*) — предела творения в даосской космогонии. Любопытно, что китайская медицина различает в человеке 64 сустава, соответствующих 64 гексаграммам. Таким образом, человеческое тело в китайской науке — это прообраз не только строения космоса, но и мирового творческого процесса. Реальность же в китайской картине мира — это не метафизический принцип, не субстанция, а, говоря современным языком, пространственно-временной континуум, бездна творческих метаморфоз мира. Смысл занятий «Багуа чжан», как и традиционный жизненный идеал китайцев, состоит в «непрестанном обновлении», причем комплексы упражнений «Багуа чжан» как бы воспроизводят матрицу мировых перемен. А части или органы тела, которыми оперирует китайская наука о человеке, оказываются символическими обозначениями тех или иных «функциональных систем» мироздания, которые связывают воедино космос, человека и общество.

Наука восьми триграмм определила арсенал основных технических приемов школы «Багуа чжан». Так, в традициях школы различаются восемь основных, так называе-

мых «материнских», поз, соответствующих определенным триграммам: поза льва (триграмма Цянь), поза единорога (триграмма Кунь), поза змеи (триграмма Кань), поза ястреба (триграмма Ли), поза дракона (триграмма Чжэнь), поза медведя (триграмма Гэнь), поза феникса (триграмма Сюнь) и поза обезьяны (триграмма Дуй). В арсенале «Багуа чжан» имеются также восемь комплексов упражнений по восемь фигур в каждом. Эти фигуры, как легко догадаться, имеют соответствие среди 64 гексаграмм.

Основопологающим упражнением в школе «Багуа чжан» является круговое движение, которому Сунь Лутан отводит немало места в своей книге. С точки зрения космологии речь идет о пресуществлении Беспредельного в Великий Предел. С точки зрения духовного опыта речь идет о последовательном прояснении и углублении самосознания. Наконец, комплексы фигур, принятые в «Багуа чжан», являют физический прототип этого перлюкосмического процесса. Соответствия между различными аспектами даосского совершенствования в школе «Багуа чжан» отмечаются в публикуемых ниже текстах. Здесь важно отметить, что цель занятий «Багуа чжан» состоит в достижении высшей цельности нашего опыта, но эта цельность раскрывается в ускользающем равновесии разнонаправленных процессов: раскрытия и сокрытия, наполнения и опустошения, растяжения и сжатия, покоя и движения. Старые мастера школы описывали это состояние в следующих словах: «Стоишь, как гора, ступаешь, словно идешь под водой, воля подобна развевающемуся флагу или колеблющемуся пламени свечи, энергия организма клубится, подобно облакам, и растекается по всем порам тела. Дух и энергия, воля и сила собраны воедино...» Разумеется, традиция «Багуа чжан» впитала в себя важнейшие принципы и понятия даосской философии, в частности идею превращения материализованной энергии, единой субстанции жизни (*ци*) в «семя», символические прообразы всего сущего (*цзин*) и далее в чистую духовность (*шэнь, ли*); идею равновесия выявления и сокрытия, эволюции и инволюции в круговороте Великого Пути мироздания; требование постоянного присутствия сверхволи (*и*), неотделимой от безыскуснейшей телесной интуиции и потому не несущей в себе ничего произвольного, и т. д. А в результате практика «Багуа чжан» знаменует органическую слитность сознания и жизни, культуры и природы; в этой практике утверждается полнота человеческого существования, без которой не может быть и полноценной человеческой личности.

Перевод выполнен по тяньцзиньскому изданию 1988 г. В приложении помещен соответствующий раздел книги: «Истоки «Ладони Восьми триграмм» рода Цао» («Цао-ши багуа чжан пу») (ред. Лу Цзингуй). Эта книга увидела свет в 1942 г. и в 1988 г. была переиздана тяньцзиньским издательством «Гуцзи шудянь».

Наука школы «Кулак Восьми триграмм»

Сунь Лутан

1. Форма и сущность кулачного искусства «Восьми триграмм»

В древности Фуси, будучи царем Поднебесной, созерцал образы на Небе, созерцал порядок на земле, созерцал узоры зверей и птиц, сообразные с линиями земли¹. Вблизи обрассал взор к собственному телу, вдали обращал взор к явлениям мира и таким способом сотворил восемь триграмм, всемерно постигнув совершенство духовного просветления и определив законы соответствия всего сущего. Если говорить применительно к человеческому телу, то голова соответствует триграмме Цянь, живот — триграмме Кунь, ноги — триграмме Чжэнь, бедра — триграмме Сюнь, уши — триграмме Кань, глаза — триграмме Ли, руки — триграмме Гэнь, а рот — триграмме Дуй. А если говорить, имея в виду строгие тела, то живот соотносится с Беспредельным, пупок — с Великим Пределом, почки — с двумя началами мироздания, две руки и две ноги — с Четырьмя явлениями, восемь суставов на руках и ногах — с восемью триграммами, а 64 сустава тела — с 64 гексаграммами... Восемь триграмм, соответствующих внутренним органам, относятся к области внутреннего и являют собой основу, а восемь триграмм, соответствующих четырем конечностям, относятся к области внешнего и являют собой способ применения основы. Внутреннее — это Предшествующее Небо, а внешнее — это Последующее Небо. Во «Внутреннем Каноне»² говорится: «В каждом человеке имеется основа

Предшествующего и Последующего Неба. Почки — основа Предшествующего Неба, селезенка — основа Последующего Неба». Основа означает: корень или исток. Не бывает, чтобы река не имела истока, а дерево не имело корней. Очистите исток реки, и она сама собой станет полноводной. Увлажните корень дерева, и листья его станут пышной. Таков закон самой природы. Искусные в деле врачевания должны первым делом радеть об основе и знать, что почки соответствуют водам Севера, а вода — исток Небесного единства, что селезенка соответствует земле как Срединной стихии³, а земля — мать десяти тысяч вещей. В человеческом организме сначала появляется селезенка, а потом во взаимном порождении воды, огня, дерева и металла образуются все пять внутренних органов, после чего появляются шесть внутренностей⁴, четыре конечности и сотня костей. Так человеческое тело обретает законченность. И Предшествующее, и Последующее Небо в теле человека неотделимы от восьми триграмм...

2. Три порока новичков в школе

Три порока в учении суть следующие: 1) Волнение; 2) Стесненность в движениях; 3) Напряжение в плечах и в животе.

У того, кто взволнован, энергия будет скапливаться в груди, и в деятельности всех органов тела наступит разлад. У того, кто стеснен в движениях, кровь не будет свободно обращаться в организме, энергетические каналы окажутся закупоренными, и там, где скопится энергия, возникнет болезнь. У того, кто не сможет снять напряжение в плечах и животе, «ци», поднимающееся вверх, не возвратится в Киноварное поле⁵, в ногах не будет опоры, а во время занятий в организме не будет гармонии, так что все движения будут не к месту и не ко времени. Вот почему, коли не обращать внимания на три порока, можно причинить себе вред занятиями кулачным искусством.

3. Девять правил занятия кулачным искусством

Девять правил занятий по школе «Восьми триграмм» суть следующие: 1) Умей оседать; 2) Умей охватывать пространство; 3) Умей воспарять; 4) Умей блюсти пределы; 5) Умей скручиваться; 6) Умей быть расслабленным; 7) Умей держаться земли; 8) Умей сжиматься; 9) Владей восходящим, пронизающим, вторгаться нисходящим и круговыми движениями.

Оседание: центр тяжести должен находиться ниже пояса, и тогда энергия сама потечет вверх по позвоночному столбу.

Охват: грудь всеобъятно пуста; открыв себя миру, следуй токам ци, и тогда энергия инь сама опустится вниз.

Воспарение: восходящее движение жизненной силы.

Пределы: кончик языка, темя и кончики пальцев.

Скручивание: руки вращаются вдоль своей оси, и энергия достигает середины ладоней.

Расслабление: плечи раскрыты и кажутся упругими, как натянутый лук.

Влечение к земле: когда руки выставлены вперед, локти обращены вниз, словно земля притягивает их.

Сжатие: плечи и бедра следуют вращению туловища.

Восходящее, пронизающее, нисходящее и круговое движения: восхождение представляется в следование, пронизающее движение — в круговое. Восходящее движение — поступательное, нисходящее — попятное. Восхождение и пронизание означают вход в пространство, защищаемое противником, а нисходящее движение и вращение означают нанесение удара. Их чередование подобно безостановочному вращению колеса.

4. Четыре совершенства, восемь видов мастерства и четыре состояния

Четыре совершенства означают: следование, движение вспять, согласие и превращение. В них выражается закон разнообразия всех движений в кулачном искусстве.

Следование: руки и ноги двигаются соответственно их естественному строению. Движение вспять: ци действует в направлении, обратном действию физической силы. Согласие: ци и физическая сила уравновешены и не ущемляют друг друга. Превращение:

ци Последующего Неба возвращается в Киноварное поле и восходит вновь к подлинному ян.

Восемь видов мастерства означают: толчок двумя руками, поддержка руки противника, захват руки противника, отвод руки противника вправо или влево, вверх или вниз, блокирование сбоку, наложение руки на противника, удар открытой ладонью, сдерживание противника. Эти восемь видов мастерства имеют 64 случая применения, которые соответствуют 64 гексаграммам.

5. Беспредельное

Форма Беспредельного соответствует тому состоянию, когда человек еще не начал упражнение, и сознание его как бы хаотично и смутно, ци в теле движется произвольно, повинувшись лишь Небесной природе, не имея ни меры, ни порядка. Тогда человек не стремится украшать себя вовне и укреплять жизненную силу внутри. Он способен лишь следовать потоку жизни, не интересуясь, откуда приходит он. Тело его как бы пустотно и податливо.

Занятия по школе «Восьми триграмм» начинаются с формы Беспредельного. В исходной позиции нужно встать прямо, руки опущены и расслаблены, пятки вместе, ступни развернуты на 90°. У вас должно быть такое ощущение, словно вы парите в пустоте. Покой — это сущность Беспредельного, а движение — способ применения Беспредельного. Если говорить о покое: внутри вас полная пустота, исчезли все мысли, взгляд не устремлен ни вовне, ни вовнутрь. Если говорить о движении: следуете естественному вращению тела. Тогда в вас может родиться ци Беспредельного. Оно вздымается, подобно клубящимся испарениям, и растекается, как водный поток. Хотя существо Беспредельного ускользает от нашего разума, его можно мгновенно постичь сердцем, ибо тело наше способно само по себе знать, что такое Беспредельное.

6. Великий Предел

Форма Великого Предела рождается из Беспредельного и получает определенность во взаимодействии сил *инь* и *ян*. В человеческом теле левая сторона соотносится с *ян*, а правая — с *инь*, внешняя сторона рук и ног соотносится с *ян*, а тыльная — с *инь*. В кулачном искусстве поворот налево обозначает силу *ян*, а поворот направо — силу *инь*. В круговом движении претворяется единое *ци*. Единое *ци* — это и есть Великий Предел. В круговороте единого *ци* нет ничего застывшего и определенного, в нем нет ни присутствующего, ни отсутствующего, но все происходит само по себе...

В искусстве «Восьми триграмм» превращение Беспредельного в Великий Предел происходит следующим образом: в исходном положении нужно стоять прямо, опустив вниз центр тяжести. Затем нужно выдвинуть вперед правую ногу, причем ширина шага должна зависеть от вашего роста. Ступая левой ногой, следите за тем, чтобы ее ступня была немного повернута внутрь круга (при вращении направо правая нога внутренняя, а левая — внешняя). Колени при ходьбе почти соприкасаются, плечи повернуты внутрь, спина слегка округлая, поясница расслаблена, голова стоит прямо. Правая рука обращена к центру круга на уровне задней ноги, ее ладонь находится на высоте глаз. Большой палец отставлен в сторону, взгляд устремлен в «пасть тигра»⁶. Остальные пальцы слегка согнуты и не касаются друг друга. Левая рука тоже обращена внутрь круга на уровне живота, ее указательный палец примыкает к локтю правой руки. Обе руки как бы толкают что-то перед собой: это называется «в поступательном движении обретать движение вспять». Кончик языка касается верхнего неба, дыхание происходит через нос, оно медленное и глубокое. В целом в движении по кругу нужно чувствовать себя естественно, тогда внешнее и внутреннее в нас будут сами по себе пребывать в гармонии.

7. Две силы мироздания

Две силы мироздания в своем взаимодействии определяют законы растяжения и сжатия единого *ци*. Вращение влево соответствует силе *ян*, вращение вправо — силе *инь*, действие же Великого Предела, как уже говорилось, — это движение единого *ци*, подобное нескончаемому течению вод. Начало *ян* в Великом Пределе — это распростра-

нение *ци*. Древние мудрецы говорили, что Путь распространяется повсюду; он так велик, что вне него ничего нет, и так мал, что ничего не вмещает в себя; он охватывает все Шесть полюсов⁷ света и пребывает в мельчайшей песчинке. Таков же смысл кулачного искусства.

Приняв форму Велико Предела и передвигаясь по кругу, можно менять направление по своему усмотрению. Но следует менять позы в соответствии с круговоротом единого *ци*, а если все время ходить по кругу в одной и той же позе, то настоящего мастерства достичь будет трудно. Совершая круговое хождение, нужно следить за тем, чтобы верх и низ тела друг в друге продолжались и наличествовало шесть соответствий единого *ци* внутри и вовне. Шесть соответствий означают: соответствие между сознанием⁸ и волей, между волей *ци* и между *ци* и физической силой. Таковы «три внутренних соответствия». Соответствия между плечом и бедром, локтем и коленом, ладонью и ступней называются «тремя внешними соответствиями». Соединение внешних и внутренних соответствий дает в совокупности «шесть соответствий». После длительных и упорных занятий ученик может уяснить их смысл для себя.

8. Четыре образа

Две силы мироздания тоже несут в себе свое инь и ян: одно великое и одно малое. Все вместе они образуют четыре явления. Четыре явления соответствуют четырем стихиям: металлу, дереву, огню и воде, а в человеческом теле четырем внутренним органам: сердцу, печени, легким и почкам. В кулачном же искусстве они соответствуют движениям вперед и назад, вправо и влево — тому, что в просторечии зовется «двойное обращение ладоней»⁹; четыре явления не охватывают стихию земли, ибо земля — это Великий Предел. Непрерывно рождающее живое зовется землей. А круговорот единого *ци* зовется Великим Пределом. И земля, и Великий Предел — это только Единое.

Соединения двух триграмм дают в общей сложности 64 гексаграммы. Среди шести черт каждой гексаграммы три нижние черты являют образ трех начал мироздания: Неба, Земли, Человека. В трех верхних чертах гексаграммы образ трех начал мироздания удваивается. Здесь тоже есть свое *инь* и *ян*. Поэтому повороты влево соответствуют трем нижним чертам гексаграммы, а повороты вправо — трем верхним. Так вращения вправо и влево в кулачном искусстве «Восьми триграмм» подобны непрерывно текущему потоку, а взаимодействие *инь* и *ян* делает возможным бесконечное творение жизни из самой себя.

9. Единение Предшествующего и Последующего Неба в «Восьми триграммах»

Восемь триграмм Предшествующего Неба — это круговорот Единого *ци*. Из Великого Предела проистекает действие Небесной Истины. Таково истинное тело жизни, еще не потерпевшее ущерба. Восемь триграмм Последующего Неба соответствуют состоянию разделенности *инь* и *ян*, добра и зла, а также утрате целостности подлинного тела жизни в творческих превращениях мира. Изначальная целостность подлинного тела означает отсутствие всяких проявлений и полное недеяние. Секрет недеяния — это следование внутри противодействия. Так, в движении вспять таится сила *ян* Предшествующего Неба, а в поступательном движении пресуществляется сила *инь* Последующего Неба. Так мы возвращаем себе облик, данный нам до рождения¹⁰, и не позволяем энергии *инь* нанести урон подлинному телу. Урон же подлинному телу наносится с того самого мига, как появляются зримые образы жизни. Что же касается деяния, то его суть заключается в противодействии следованию общему ходу событий. Следование естественному ходу вещей погружает в стихию *инь* Последующего Неба, а движение вспять возвращает к стихии *ян* Предшествующего Неба. Обладая обликом, полученным от рождения, мы, возвращая в себе энергию *ян*, восстанавливаем свое подлинное тело. Сила *ян* укрепляется, сила *инь* следует, и мы вновь прозреваем в себе изначальный облик: вот так осуществляется единение Предшествующего и Последующего Неба...

Приступающий к занятиям должен знать принцип единения Предшествующего и Последующего Неба, внутреннего и внешнего круга триграмм. Если проводить между ними различие, то следует еще раз сказать, что Предшествующее Небо — это сущность Последующего Неба, а Последующее Небо — это способ применения Пред-

шествующего Неба. Не будь Предшествующего Неба, Последующее не имело бы корня, а без Последующего Неба Предшествующее Небо не будет иметь законченности. Чтобы Предшествующее Небо обрело полноту и целостность, нужно опереться на зримые формы Последующего Неба и следовать пути деяния и превращений. Однако, еще не овладев как подобает кулачным искусством, мы склонны делать различие между следованием и движением вспять, растяжением и сжатием. Это означает, что энергии Предшествующего и Последующего Неба в нас пребывают в разладе.

В кулачном искусстве Предшествующее Небо соответствует силе Бесформенного¹¹. В нем воплощается природа человека. Последующему Небу соответствует зримый облик, взаимодействие инь и ян, выявление и сокрытие¹², растяжение и сжатие, четыре явления и сопутствующие им разновидности инь и ян. В нем воплощается состояние человека. С точки же зрения единства Предшествующего и Последующего Неба сознание человека — это и есть небесная правда. Воля — это раскрытие сознания, а человеческое тело направляется волей. Если мы будем всегда хранить предельную ясность сознания, мы сможем до конца претворить свою природу. Но на начальном этапе занятий мы не в состоянии употребить всю силу нашего организма, наша физическая сила не соединяется целиком с ци, а ци не соединяется целиком с волей. Для нас еще сохраняется различие между растяжением и сжатием. Чтобы добиться единения Предшествующего и Последующего Неба, нужно устранять три порока кулачного искусства и строго держать девять правил школы «Восьми триграмм». Тогда все движения тела будут проистекать из нашей воли, и по прошествии времени мы научимся полностью владеть своим состоянием. Тогда во время занятия верх и низ тела будут продолжаться друг в друге, руки и ноги будут следовать друг другу, а внутреннее и внешнее сольются воедино. Тогда мы постигнем существо единения Предшествующего и Последующего Неба.

10. Духовная практика и возвращение к пустоте по школе «Восьми триграмм»

В кулачном искусстве различаются совершенствование в мастерстве и преображение в духе. Но духовная практика в нем не отличается от форм Восьми триграмм. Посему раскрытие и сокрытие, движение и покой, наступление и отступление по школе «Восьми триграмм» ведет нас к тайне Беспредельного. Следует лишь помнить о том, что во время тренировки нельзя применять силу, а нужно добиваться того, чтобы все движения направлялись волей, тогда свершится преображение наших телесных сил. Мы как бы перестанем различать между наличием и отсутствием, наполненностью и пустотностью. Нам станет доступным движение в покое, и мы перестанем замечать, что двигаемся. Ведя схватку с другими людьми, мы как бы не будем замечать соперника, а тело наше будет действовать совершенно свободно. Тогда мы сможем видеть, ни во что не всматриваясь, изменять, ничего не предпринимая, всего достигать, не совершая усилий. Тогда мы придем к кулачному искусству без применения кулака, к воле, не имеющей в себе ничего произвольного, к состоянию «без-формы» и «без-образа», где нет ни «я», ни «другого».

Мой учитель господин Чэн говорил: «Обретающее чистоту небесного ци — это семя¹³. Обретающее покой земного ци — это могущество духа». Кто стяжает и то, и другое, достигнет духовного преображения. Кто хочет овладеть секретом преображения духа, должен заниматься сообразно времени, месту, погоде и сторонам света. Так, в часы преобладания ян нужно вращаться влево, а в часы преобладания инь — вправо и каждый день, каждый час менять направление. Необходимо выбрать место в лесу, или в уединенном храме, или в чистой комнате. Форму занятий нужно выбирать в зависимости от состояния природы...

Все сущее в этом мире обретает совершенство благодаря духовной энергии Неба и Земли, животворным веяниям солнца и луны. Так же все происходит и в кулачном искусстве. Ибо великие мудрецы хранят в своем сердце принципы всех вещей, телом своим охватывают все явления мира, так что они единотелесны с великой пустотой. Поэтому каждое движение их сердца распространяется по всему миру и достигает всех Шести полюсов мироздания. А когда они покойны, в их сердцах вмещается все их ци, и они опять-таки соединяются телесно с Великой пустотой. Иногда спрашивают: «Мудрецы — тоже люди. Как же могут они жить наравне со всем Небом и всей Землей?» Я отвечаю: «Мудрец вмещает в себя исконную энергию Неба и Земли,

следует своей природе и совершенствуется в дао, а потому его тело — словно девяти-слойные небеса и прекрасная яшма. Волнение не проникает в его сердце, каждая его мысль — чистый образ небесной правды, и каждое его движение — действие небесного дао. Вот почему он способен всюду поспевать без усилий, всего добиваясь без раздумий и безупречно претворять Срединный Путь. Истина кулачного искусства сливается воедино с путем великих мудрецов. Пусть учащиеся усердно претворяют ее!

Приложение. Что нужно знать изучающему кулачное искусство

1. Приступая к занятиям, необходимо прежде удалить загрязненное ци и вобрать в себя чистое ци, хорошо размяться, разработать мышцы и сухожилия, добиться беспрепятственного обращения крови в теле.

2. Приступать к занятиям следует, справив естественные надобности. Нельзя заниматься, плотно поев или выпив вина. Необходимо умерять свои желания. Если не соблюдать эти требования, дух и физическая сила ослабнут.

3. Сделав в течение нескольких минут подготовительные упражнения, нужно без отдыха заниматься длительное время, потом сделать перерыв, полностью успокоиться и после этого садиться есть и пить. Заниматься нужно каждый день, а если заниматься редко и помногу, то причинишь себе только вред.

4. Во время занятия рот нужно держать закрытым и дышать через нос. Нельзя задерживать дыхание, ибо это может повредить здоровью.

5. Руки и ноги при ударе должны быть подобны стреле, выпущенной из лука; в кривизне ищи прямогу. Центр тяжести должен опуститься как можно ниже. Необходимо четко соблюдать различие между ударами на верхнем, среднем и нижнем уровнях, ударами прямыми и боковыми.

6. Нужно, чтобы руки пребывали в согласии с глазами, глаза пребывали в согласии с сердцем, плечи пребывали в согласии с поясницей, положение туловища — с шагом, а шаг — с руками. Руки, ноги, торе и поясница должны двигаться в согласии, следуя велению сердца.

7. Руки невесомы, взгляд быстр, сознание быстро, шаги тоже быстры, но уверенны. Соперник не двигается — я тоже не двигаюсь. Когда соперник начинает двигаться, я двигаюсь прежде него. Порою, прежде чем он сделает движение, мы громко кричим, чтобы смутить его и не позволить ему напасть. Это тоже означает опередить соперника.

8. Руки должны быть или пустыми, или наполненными. притом пустая рука может стать наполненной, а наполненная — пустой. Если я могу поразить соперника пустой рукой, это рука может мгновенно стать наполненной, а если соперник избежал удара или отвел руку в сторону, то наполненная рука должна стать пустой. Поэтому в противоборстве не следует самому применять силу, а нужно действовать, сообразуясь с действиями соперника. Сила должна быть живой, а не мертвой, и она не должна уходить в пустоту. Тогда сила в нас будет постоянно возрастать и меняться по нашей воле. Если же просто бить со всей силы, тогда руки и ноги будут скованы и соперник подчинит вас своей воле.

9. Следует знать: если соперник сильнее вас, то лучше нападать сбоку, а если вы сильнее соперника, то можно нападать по центру.

10. Следует знать: если соперник создает пустоту и завлекает в нее, то нужно быстро ее заполнить и наносить удар. А если соперник сам смело атакует, лучше заманить его или обойти его со стороны, чтобы он провалился в пустоту.

11. Ноги не следует поднимать высоко, удары ногами нужно наносить без усилия, позы должны меняться молниеносно, глаза все видят, уши все слышат.

12. Не сделав прочного захвата, не вытягивай вперед обе руки сразу. Того, кто отрывает сразу обе ноги от земли, соперник легко одолеет.

13. Обучающийся кулачному искусству должен каждый день в хорошо проветренной комнате в течение десяти минут практиковать «покойное сидение»¹⁴. Вначале нужно дышать носом, удаляя все застарелое, загрязненное ци и вбирая в себя новое и чистое ци. Затем сидеть, задержав дыхание, глядя на кончик носа и отрешившись от всех мыслей. Следует волей направлять движение ци по всему телу. По прошествии десяти минут нужно десять раз щелкнуть челюстями, проглотить скопившуюся во рту слюну, а потом встать и не спеша ходить в течение десяти минут.

¹ Здесь воспроизводится предание о происхождении «космического» языка триграмм, содержащееся в древнем комментарии к «Книге перемен».

² Имеется в виду «Внутренний канон Желтого Императора» — основополагающее медицинское сочинение Китая.

³ В китайской космологии земля ассоциировалась с центром.

⁴ Имеются в виду желудок, желчный пузырь, тонкая и толстая кишки, пищевод, мочевой пузырь.

⁵ Киноварное поле — область скопления ци в человеческом организме, находящаяся в 4–5 см ниже пупка.

⁶ Имеется в виду пространство между кончиком указательного пальца и кончиком отставленного в сторону большого пальца.

⁷ Имеются в виду четыре стороны света, зенит и надир.

⁸ В оригинале букв. «сердце». Сближение деятельности интеллекта с «жизнью сердца» и, следовательно, с чувственной природой человека — одна из характерных особенностей китайской мысли.

⁹ «Двойное обращение ладоней» — один из базовых комплексов движений в школе «Багуа чжан».

¹⁰ «Образ, существующий до рождения» — традиционное в даосизме определение «подлинного», символического человека — символического прообраза людей «во плоти и крови».

¹¹ Бесформенное — еще одно наряду с понятиями Великой Пустоты и Хаоса обозначение символической реальности, превосходящей все сущее.

¹² Имеется в виду одновременное движение вовне и внутрь в круговороте Оси дао как двойной спирали.

¹³ Еще одно обозначение символического прообраза вещей, сокровенно содержащего в себе полноту их природных свойств.

¹⁴ «Покойное сидение» (цзин цзю) — традиционное наименование медитации в даосизме.

Автор выражает глубокую благодарность мастеру школы «Багуа чжан» Суй Юньцзяну за ценную помощь в переводе и толковании книги Сунь Лутана.

Чайная церемония

С. МАРКАРЬЯН,

Э. МОЛОДЦОВА

Облик современной Японии — это многокилометровые мосты и туннели между ее островами, скоростные автострасы и железные дороги, опоясавшие всю страну. И если небоскребы и суперэкспрессы стали расхожими символами сегодняшнего дня Японии, то мосты и туннели — символы ее устремленности в завтра. Связав воедино острова, они дают новый импульс стремительному развитию всех районов.

Мчащиеся по этим мостам, тоннелям, дорогам сотни тысяч машин и экспрессов отражают динамизм повседневной жизни японцев. И даже порой не верится, что пассажиры этих «тойот», «ниссанов», «хикари» могут часами любоваться цветущей сакурой, самозабвенно участвовать в различных празднествах, заниматься икэбаной и чайной церемонией. Но занимаются... Подтверждением тому служат около десяти миллионов приверженцев одной из самых популярных в Японии школ чайной церемонии Ура Сэнкэ. Ее глава, как его называют. Великий мастер школы чая Сэн Сосицу (пятнадцатый по счету в ее пятивековой истории) в августе 1988 г. демонстрировал древнюю традицию приготовления чая (*тядо*) в Москве.

Велика популярность чая практически во всем мире, но нигде этот удивительный напиток не оказывает такого огромного влияния на культурную жизнь человека, как в Японии. Именно здесь и зародилась чайная церемония (*тя-но ю*), которую не встретишь в других странах. Она отражает специфику японского восприятия мира, для которого характерен синтез разнородных элементов культуры — архитектуры, садово-паркового искусства, живописи, приготовления и сервировки пищи. В Японии приготовление чая — это соединение воедино восприятия природы, предметов искусства, определенное созерцательное настроение, общение и творческий акт. Не странно ли, что это особое японское искусство, требующее тишины, уединения, покоя, почему-то все еще продолжает не только существовать, но и активно процветать в современной, во многом европеизированной Японии?

Второе тысячелетие японцы пьют чай. Куда бы вы ни пришли с деловым визитом или просто в гости, первое, что вам предлагают, — это чашка зеленого чая. Зеленым чаем также завершается любая японская трапеза. В настоящее время в стране производится около 100 тыс. тонн чая, в основном зеленого. Среди сортов этого вида чая можно выделить: *гэкуро* — наивысший сорт зеленого чая второго сбора; *бантя* — зеленый чай более низшего сорта; *ходзитя* — поджаренный *бантя*, который пьют в холодном виде; *кукитя* — низший сорт зеленого, хотя, строго говоря, его уже нельзя назвать зеленым, ибо в нем уже нет листочков, его употребляют часто в холодном виде. Обычный чай (*кота*), который все мы пьем, в Японии составляет всего лишь 20 % потребляемого чая и в основном импортируется. А вот для чайной церемонии используется главным образом растертый в порошок зеленый чай *гэкуро*. Уже само название *гэкуро*, в переводе «яшмовая роса», говорит о его несравненном качестве. Ведь яшма для японцев — символ всего прекрасного и почитаемого.

Все это многообразие сортов чая появилось не сразу. Вначале японцам были известны лишь местные сорта, которые не отличались высоким качеством. Хорошие сорта чая, привозимого из Китая, были очень дорогими и недоступными большинству населения. Лишь с XII в., когда монах Эйсэй привез из Китая семена чая, в Японии стали культивировать «настоящий» чай. До сих пор самый высококачественный сорт Удзи выращивается в южных пригородах г. Киото, в тех местах, где впервые были высажены семена, привезенные Эйсэем.

Этикет чаепития, позднее оформившийся в чайную церемонию, своими корнями тоже связан с Китаем, с приходом оттуда через Корею буддизма. Одним из ритуалов буддизма было подношение на алтарь Будды чашки чая, так же как и цветов, что породило в свою очередь искусство икэбаны. Кроме того, монахам издавна были известны прекрасные тонизирующие свойства чая. Особенно широко чай стал использоваться адептами секты Дзэн во время их многочасовых медитаций. Эта секта получила большое распространение в Японии, ибо проповедовала возможность достижения «нирваны», состояния «просветления», любым человеком в условиях обыденной жизни. Это учение вдохнуло духовную жизнь в этикет чаепития, что и сделало чайную церемонию неотъемлемым компонентом японской культуры.

Во время чайной церемонии происходило органичное соединение прекрасного и обыденного, духовного и материального, эстетического и прагматического, что еще в большей степени содействовало популярности чайной церемонии. Кроме того, она получила широкое распространение потому, что стала одной из доступных форм социального общения. Этикет чаепития, пришедший в Японию в контексте буддизма и приобретший первоначально популярность среди монахов, затем вышел за стены храмов. Отделившись от строгих религиозных пут, этот этикет был усвоен философами, художниками, поэтами, которые любили вести за чашкой чая научные диспуты и поэтические турниры.

Это послужило началом устройства в богатых аристократических домах церемоний чаепития и коллекционирования чайной утвари китайского производства, впоследствии и японского. В этот период стала достаточно популярной своеобразная игра — дегустация чая (*тогя*). Она начиналась рано утром и продолжалась до позднего вечера. За это время участвующие должны были отведать до 50 сортов чая и определить, где они были выращены. Лучший знаток чая получал ценный подарок.

Прошли века, и, казалось бы, довольно простой обряд чаепития превратился в повсеместно сейчас известную чайную церемонию. Ее основоположником является знаменитый мастер чая Сэнно Сэки (1521—1591), который известен в истории культуры страны под именем Рикю. Он стал родоначальником династии мастеров чая. Три его правнука создали три существующие до сих пор самые известные в стране школы этого искусства. Сосицу (1622—1697) основал школу Ура Сэнкэ, которая стала общедоступной для всех сословий; Соса (1619—1672) — Омотэ Сэнкэ, которая пользовалась популярностью среди аристократов; Сосу (1593—1675) — Мусанокодзи Сэнкэ. Существовали, конечно, и другие школы. Несмотря на их различия, все они были проникнуты духом дзэн-буддизма с его строгой регламентацией, что было подчинено цели самоусовершенствования личности.

Сущность искусства *тядо* заключена всего в четырех иероглифах — *ва, кэй, сэй, дзяку*, но в них сокрыт глубокий смысл. Идея, выражаемая иероглифом *ва*, означает гармонию — единение человека с природой, взаимную связь и поддержку между людьми. Понятие *кэй* — уважение друг друга, равноправие всех людей, стремление человека избежать любых конфликтов. Иероглиф *сэй* переводится как чистота, что воспринимается как очищение через соприкосновение с прекрасным. Значение *дзяку* — тишина, спокойствие, которые нужны любому человеку для нормальной жизни. Эти эстетические принципы чайной церемонии остаются неизменными до сих пор, так же как и строго канонизированная форма их проявления.

Чайная церемония совершается в специальном уединенном домике (*тясицу*). Казалось бы, в огромных городах с их многоярусными скоростными дорогами, подземными городами с фонтанами, площадями, километрами магазинов, ресторанов, баров не осталось уже укромных уголков. Однако они есть и гармонично соседствуют с этим современным «безумным» миром. Они, так же как этот мир, примета современной Японии. В сутолоке Токио, Осаки и других мегаполисов, а не только в таких заповедных городах, как Нара, Киото, Камакура с их бесчисленными храмами и парками, можно натолкнуться на глухую стену, за которой совсем иной мир. Мир красоты и созерцания, покоя и отдохновения, философских раздумий и поэзии, а в целом — своего рода система отдыха от повседневных забот.

Ритуал чайной церемонии по сути очень прост. Хозяин принимает одного или несколько гостей, чтобы вместе с ними выпить чаю. Но проведение этого ритуала строго регламентировано: веками тщательно разрабатывались все мельчайшие де-

гали, начиная с места действия, времени проведения, используемой утвари и поведения всех присутствующих.

Чайный домик, напоминающий по внешнему виду скромную деревянную хижину или пристанище рыбака, располагается в уголке специально разбитого сада (*тянива*). Такие сады устраивались для того, чтобы чайный домик отгородить от основных монастырских построек, на территории которых они первоначально и появились. Это делалось с целью создания иллюзии отрешенности и присущих ей тишины и спокойствия. Такие сады стали появляться в XVI в. Атмосфера сада, напоминающего уголок нетронутой природы, создает настроение, необходимое для подготовки к чайной церемонии. Этому способствует все декоративное оформление сада. Устланная большими камнями дорожка (*родзи*) ассоциируется с тропинкой среди гор или в полях. Каменные сосуды для воды (*цукубаи*) напоминают о необходимости очищения перед совершением церемонии. Зачерпнув деревянным ковшиком воды из этого сосуда, ополаскивают рот и руки. Здесь же и неизменный спутник японских храмов — каменный фонарь, воплощение душ ушедших поколений, — освещает в сумерках дорожку к чайному домику.

Все просто, утилитарно, то, что в Японии называют *сибуи* (скромный, неприязнательный). Ведь чайная церемония — постижение прекрасного в обыкновенных вещах повседневной жизни, в которых и скрыта подлинная красота. Конструкция домика строго регламентирована, начиная от ориентации по странам света и связанного с этим освещения и кончая мельчайшими деталями. Строится он из самых обычных материалов — дерева, бамбука, соломы, глины. Архитектура его предельно проста, а внутренняя лаконичная обстановка не отвлекает внимание посетителей. Вход в домик — квадратное отверстие — в старину не превышал 90 см, чтобы подчеркнуть символическое равенство положения всех входящих. Любой человек, независимо от сословия, ранга и чина, должен был встать на колени, чтобы преодолеть порог чайного домика. Или, как говорили в старину, «оставить меч за порогом». В настоящее время наряду с таким входом имеется и обычная дверь.

Чайный домик, как правило, невелик. Например, площадь *тясицу* Юин в Киото, принадлежащего школе Ура Сэнкэ и существующего в настоящем виде с 1789 г., всего 4,4 татами¹. Традиция устройства чайной церемонии в таких небольших домиках, а не в огромных, великолепных залах в домах аристократов идет от Рикю. Он полагал, что большие помещения не нужны, ибо человек путем самоуглубления может расширить свой мир до бесконечности. Сохранившиеся со времени Рикю старинные чайные домики охраняются государством как «национальные сокровища».

Внутреннее убранство *тясицу* тоже неприязнательно. Стены обычно темного цвета, часто обмазаны просто глиной. Рикю, впервые применивший ее вместо белой бумаги, которой обтягивали стены, считал, что свет не дает возможности ощутить полную умиротворенность. Пол устлан татами, небольшое окно находится под потолком. Все это создает полумрак, ибо яркий дневной свет мешает сосредоточиться на проведении ритуала, понять красоту окружающего интерьера. Эти эстетические принципы японцев хорошо передает классик современной японской литературы Танидзакэ Дзюньитиро: «...Мы считаем, что красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей, плетущей узор светотени. Вне действия, производимого тенью, нет красоты: она исчезает подобно тому, как исчезает при дневном свете привлекательность драгоценного камня «ночной луч», блестящего в темноте»².

Единственным украшением интерьера является свиток какэмоно или икэбана, помещенные в *токонома*³. Какэмоно может быть картиной кисти старого мастера или образцом каллиграфии, передающим какое-либо философское изречение. Какэмоно обычно отражает девиз проводимой чайной церемонии, ибо каждая церемония имеет свою тему. В Москве при проведении чайной церемонии мастер *тядо* Сэн Сосицу выбрал какэмоно с изображением вечнозеленой сосны, которая является символом долголетия. Этот девиз означал, что, пока будет расти сосна, будет мир на земле. Атмосферу каждой церемонии помогает создавать и соответствующая аранжировка цветов. Они подбираются в соответствии с сезоном, временем дня и девизом.

Как и прежде, во время *тя-но ю* большое внимание уделяется чайной утвари и порядку ее подготовки для совершения церемонии. Сначала в комнату вносят большой керамический сосуд, закрытый лакированной крышкой, для чистой

воды. Затем — чашки, бамбуковую ложку для чая, венчик для сбивания пены, ящик для хранения чая, сосуд для использованной воды и бамбуковый ковш для зачерпывания воды. В полу *тясицу* сделан очаг, для которого готовят специальные дрова из сакуры, над ним висит металлический котелок самой простой формы, какие встречаются практически в каждом крестьянском доме.

Наибольшее значение в чайной церемонии придается чашкам. Примечательно, что не используется классический бело-синий китайский фарфор, считающийся самым изысканным, а преобладают керамические неправильной формы чашки, покрытые патиной, имитирующей трещины. Это делалось для того, чтобы придать чайной утвари оттенок старины, ибо в старинных вещах усматривается непреходящая ценность красоты и связь веков. Толщина стенок и форма чашек зависят от времени года. Зимой они толще, а форма более закрытая. В теплый сезон — тоньше, а форма более открытая. Но основной принцип весьма утилитарен: чашка должна быть удобной для использования.

Чайная церемония начинается с обряда приема гостей. В углу комнаты, где расположен очаг и чайная утварь, сидит хозяин (или хозяйка), который совершает чайную церемонию. Его называют мастером чая (*тядзин*). Исстари строго регламентирована церемония рассаживания гостей. Первым входит и садится ближе всего к хозяину так называемый почетный гость (*сёкяку*). Обычно он занимает место около *токонома*.

Перед завариванием чая совершают символический ритуал «очищения» утвари, который одновременно очищает мысли и души присутствующих. Для этого используется шелковый платок (*фукуса*), его края символизируют четыре стороны света, а две стороны — Небо и Землю. Затем начинается процесс приготовления чая. В котелке над очагом закипает вода, но, строго говоря, это не совсем кипение в нашем понимании — она не должна сильно бурлить. Зачерпнув ковшом немного воды, мастер согревает ею чашку и венчик для взбивания чая. Затем вытирает эту чашку льняной салфеткой и насыпает ложечку чайного порошка. Залив водой чай, хозяин начинает взбивать пену. От соотношения количества воды и чая, от быстроты движения рук мастера, времени взбивания и температуры воды зависит вкус чайного напитка. Если, например, вода чересчур горяча, то пропадает аромат чая. Если долго пропаривать, то он становится темным и горьким.

Это кульминация приготовления чая. Все зависит от мастера. При строгой регламентации всего процесса, все же каждый творит по-своему. Это настоящая импровизация, отражающая мироощущение мастера и его отношение к приглашенным. Импровизация, согласно учению дзен-буддизма, необходимое условие для освобождения творческой энергии, несмотря на строгую канонизацию. Особое очарование этой церемонии состоит в том, что *тядзин*, подобно актеру, каждый раз действуя по одному и тому же сценарию, никогда не может с абсолютной точностью повторить себя. Именно от мастера зависит гармония всего происходящего. Неторопливые размеренные движения рук мастера чая настолько изящны и пластичны, что уже сами по себе создают общую атмосферу покоя и сосредоточенности. За чашкой чая идет неторопливая беседа и рождается взаимное душевное расположение. Появляется отрешенность от всего, что не имеет отношение к данному моменту. Происходит полная релаксация.

Во время чайной церемонии готовят *кой-тя* (густой чай) или *усуя* (жидкий чай), а иногда и тот и другой. В этом случае чайная церемония распадается как бы на два этапа. Во время перерыва между ними гости выходят полюбоваться садом. Созерцание, любованье природой, общение с ней — один из важных компонентов чайной церемонии. Это связано с принципом японской эстетики — культом природы, отраженном в поэзии, живописи, национальных праздниках. Человек не просто любит сезонными проявлениями природы (любование цветущей сакурой, луной, багряными листьями клена, снегом), а осознает свое место в ней. Густой чай заваривают в большой керамической чаше, из которой каждый из присутствующих отпивает понемножку и передает соседу, предварительно обтерев край бумажным носовым платком. Жидкий чай заваривается в небольших чашках для каждого гостя отдельно.

Существует строгий ритуал подношения чашки чая гостю. Ее подают той стороной, которая считается самой красивой, т. е. как бы лицевой. Получив чашку, он должен повернуть ее противоположной стороной, ибо считается недопустимым

приоткрываться губами к лицевой. После того как чай выпит, все любуются чашками, утварью, поскольку это подлинные предметы искусства. Любование также совершается по определенному ритуалу. Держа чашку на левой ладони, ее поворачивают правой рукой в нужном направлении, рассматривая форму, цвет, орнамент, внутреннюю часть, оценивают фактуру материала, затем переворачивают вверх дном, что означает окончание церемонии.

Казалось бы, чайная церемония должна ограничиваться только чаем. Однако обычно ей предшествует угощение различными блюдами (*кайсэки*). Делается это для того, чтобы лучше затем ощутить вкус чая. *Кайсэки* (дословно: камень на груди) ведет свое происхождение от того времени, когда монахи во время медитации подолгу не ели и клали горячие камни на живот, чтобы снять ощущение голода. Во время угощения подаются рис, супы, рыба, батат, сакэ. Они приготовлены таким образом и подаются в такой посуде, чтобы не была нарушена гармония с окружающей средой. Именно такая обстановка придает даже простым обыденным блюдам особую изысканность. «Однажды, — пишет Танидзаки, — я был приглашен на чайную церемонию, где нам подали суп из мисо. До того времени я ел этот суп, не обращая на него особенного внимания, но когда я увидел его поданным при слабом свете свечей в лакированных черных чашках, то этот густой суп цвета красной глины приобрел какую-то особенную глубину и очень аппетитный вид»⁴.

Во время самого процесса чаепития подают разнообразные сладости. Считается, что последний кусок надо проглотить перед тем, как выпить чай, ибо сочетание сладкого и терпкого рождает особое ощущение.

В последние десятилетия чайная церемония в ее классическом виде сохранилась в основном в чайных домиках. Однако широко она проводится и в обычных помещениях со столами и стульями. Такие помещения, специально предназначенные для чайной церемонии, имеются в современных отелях, универмагах, культурных центрах и пр. Несмотря на присутствие европейской мебели, классический ритуал тщательно сохраняется.

Очень часто японцы устраивают *тяно-ю* по разным поводам у себя дома. Иногда это просто угощение друзей чаем, но с соблюдением определенных канонов. Это связано с тем, что социопсихологическому стереотипу японца присуща приверженность к строго регламентированному поведению, соблюдению точно установленного ритуала, неукоснительному выполнению социальных правил.

Современная жизнь вторглась не только в интерьер *тясицу*, но и в производство утвари для чайной церемонии. В настоящее время, как никогда прежде, изготавливается большое количество различной чайной утвари, в большинстве случаев на современном техническом уровне. Безусловно, сохраняется и ремесленное производство, особенно в области гончарного искусства и лаковых изделий.

В свое время чайная церемония дала мощный импульс развитию керамики, фарфора, изделий из бамбука, лака, металла. Используя бытовую утварь повседневного обихода, она подняла эти изделия на высокий эстетический уровень, включив их в понятие красоты. Связанное с этим развитие ремесел обеспечивало не только нужды самой чайной церемонии, но и обычной жизни. Это привело к тому, что большинство предметов бытовой материальной культуры японцев весьма изысканно. Лакированная чайная утварь, керамические чаши, бамбуковые изделия, металлические котелки являются предметами коллекционирования.

Чайная церемония культивируется и поддерживается в сегодняшней Японии в общем контексте сохранения традиционной культуры. Она пропагандируется как проявление самобытности японцев. По словам Сэн Сосицу, в Японии, пожалуй, нет человека, который бы не знал *тядо*. Чайной церемонии посвящены факультативные курсы во многих университетах и институтах, организуются различные кружки по изучению этого вида искусства в универмагах, культурных центрах, фирмах, общественных организациях, сельскохозяйственных кооперативах, т. е. в гуще населения. Чайные церемонии проводятся для детей, молодежи, стариков. Каждый возраст находит в этой, казалось бы, устаревшей церемонии свой интерес. И это помимо существования многочисленных профессиональных школ. В некоторых школах имеются специальные классы, где *тя-но ю* изучают иностранцы. Потомки родоначальника чайной церемонии Рикю открыли чайные домики в Нью-Йорке

и Париже. Например, Ура Сэнкэ имеет 43 филиала в 20 странах мира.

Чайная церемония, очевидно, привлекает в настоящее время много любителей, не только среди японцев, потому что она, как немногие другие традиции, осталась оазисом «нормальной» жизни в нашем автоматизированном мире. Ведь сейчас хозяйки вполне могут забыть кулинарное искусство, довольствуясь продуктами быстрого приготовления. Кроме того, в современном мире, где люди, подчас так разобщены, в чайной церемонии, с ее эстетическими и философскими принципами, собирающей людей вместе, видится средство для преодоления отчужденности. Более того, искусство чайной церемонии, например по мнению Сэн Сосицу, может преодолеть различия языков, религий и политических систем. «Мы считаем, — сказал он во время демонстрации *тя-но ю* в Москве, — что именно дух *тядо* как выражение взаимного уважения людей поможет созданию общества, государства и мира в целом, свободных от всяких конфликтов». Можно согласиться с этими словами в том смысле, что чайная церемония пропагандирует уважение людей друг к другу и равенство. И как гуманистическое явление культуры может способствовать сближению народов мира.

¹ Татами — соломенные маты, модуль измерения площади помещений. 1 татами=1,8 кв. м.

² Дзюньитиро Танидзаки. Избранные произведения. В 2-х т. Пер. с яп.— Т. 1.— М., 1986.— С. 510.

³ Токонома — ниша в стене, красный угол японского национального жилища.

⁴ Дзюньитиро Танидзаки. Цит. соч.— С. 496—497.

Читатель И. В. Сквородников из Семипалатинска просит рассказать о том, как происходит конверсия военного производства в КНР. Предлагаемая статья является ответом на этот вопрос.

Б. ГУСЕВ

7 декабря 1988 г. в своем выступлении на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М. С. Горбачев призвал все государства начать радикальную конверсию военного производства, осуществить переход «от экономики вооружений к экономике разоружения»¹. Советским руководством, таким образом, был сделан принципиальный теоретический вывод о том, что для разоружения мало одной лишь политической воли государств, что этот процесс представляет собой сложнейшую экономическую, точнее, технико-экономическую проблему, без решения которой сама возможность разоружения становится проблематичной. С трибуны ООН глава Советского государства объявил о намерении СССР разработать и представить свой внутренний план конверсии, опубликовать свой опыт трудоустройства специалистов из военной промышленности, использования ее оборудования, зданий и сооружений в гражданском производстве. Как подчеркивал в своей статье «Сколько стоит безопасность» Е. Шашков, «накопленный... потенциал оборонного комплекса должен возвращать долги народу... Но если произвести существенную перестройку «пирамид» (секторов оборонной экономики.— Б. Г.), они смогут стать настоящим локомотивом научно-технического прогресса в стране в целом»². В этой сфере, как подчеркивается далее, наша практика существенно обгоняет теорию.

В этой связи немаловажным представляется изучение опыта перепрофилирования военного производства в Китае — социалистической стране, начавшей этот процесс раньше нас. В известной степени этот опыт даже ценнее для нас, нежели западный, ведь при всей несхожести внутренних и внешних предпосылок конверсии в СССР и КНР общего у нас все-таки больше, чем разделяющего. Нас объединяют с Китаем один и тот же социальный строй, единая цель — с помощью кардинальных реформ экономической и политической структур достичь нового качества, облика социализма. Нас объединяет, наконец, общее стремление обеспечить безопасность и мирное будущее наших народов.

Проблема конверсии военного производства в КНР была вызвана к жизни экономической реформой, решение о которой принял состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. К этому пленуму страна пришла с крупнейшей в мире армией и явно несоразмерной с потребностями обороны военной промышленностью, мощности которой к тому же оставались на 70—80 % незагруженными, а загруженные отличались в 2—3 раза меньшей эффективностью по сравнению с гражданскими отраслями³. К этим экономическим предпосылкам добавились политические — в виде постепенного отхода от образа врага и концепции «угрозы с Севера», а также настоятельной необходимости ограничения политической роли армии. Закономерно поэтому, что наряду с изменениями собственно в военной промышленности было произведено существенное сокращение вооруженных сил, а сама армия

стала еще активнее, чем раньше, включаться в процесс экономического строительства, помогать местным организациям своей рабочей силой и техникой. Причем теперь такая помощь оказывается на возмездной основе.

Что же касается кадровой военной промышленности, то до 1979 г. хозяйственный механизм в ней выделялся среди остальных отраслей разве что большей степенью централизации; по мере развития товарно-денежных отношений, внедрения экономических методов управления промышленностью в ходе реформы хозяйственной системы в целом оборонное производство все больше становилось как бы инородным телом в промышленной структуре КНР. Поэтому проблема конверсии военной промышленности оказалась тесно увязанной с задачей распространения на эту отрасль основных принципов экономической реформы и с самого начала носила, таким образом, преимущественно экономический, а не политический характер. Можно без преувеличения сказать, что именно хозяйственная реформа стала решающим фактором, толкнувшим китайскую военную промышленность на путь конверсии.

Теоретическим обоснованием конверсии оборонного производства в КНР стала выдвинутая в начале 1987 г. в научных кругах страны концепция построения «обороны репродуктивного типа». В основе концепции лежало осознание порочности такого положения, когда военная экономика функционирует как «замкнутая модель», в результате чего чистыми потерями являются не только расходы на оружие, боеприпасы, содержание и обучение войск, но и на военно-научные исследования, а также капитальное строительство, которые во многих странах, помимо своей непосредственной оборонительной функции, приносят также ощутимый экономический эффект (например, в США изобретение, сделанное в военной области, по закону через год автоматически раскрывается и может быть использовано той же фирмой в производстве гражданской продукции). В Китае поставлена задача достичь такого состояния, когда упомянутый экономический эффект превысит расходы страны на оборону в целом.

Такая постановка проблемы вызывает ряд вопросов. Как справедливо отметил в своей статье «Мирная профессия оружия» В. Потапов, «не оборонная промышленность должна развивать производительные силы и кормить общество, а, наоборот, общество должно содержать своих воинов, обеспечивать их всем необходимым. Иначе общество окажется в зависимости, в подчинении у военных, а это ни в какие времена не доводило до добра»⁴.

Но даже если абстрагироваться от этих опасений и взглянуть на проблему с чисто экономической точки зрения, все равно выполнение этой задачи будет сопряжено с большими трудностями. Очевидно, что даже значительная отдача от хозяйственной деятельности воинских частей (прежде всего в строительстве), а также от входящих в структуру НОАК предприятий и учреждений проблемы не решит. Сравнительно благополучная ситуация сложилась в области трансфера военной технологии, хотя, как подчеркивалось на состоявшемся в начале 1987 г. в Пекине симпозиуме по стратегии развития оборонной экономики, несмотря на колоссальную экономическую эффективность от внедрения передаваемых в гражданские отрасли научно-технических разработок, большинство из них представляет собой ординарную технику и технологию, применяемую на оборонных предприятиях, а огромное количество передовых технических достижений все еще заперто в сейфах военных ведомств⁵. Тем не менее сама постановка этой задачи свидетельствует о понимании того факта, что «стена секретности, старательно воздвигнутая между гражданским и военным производством, блокирует развитие... экономики и поднятие жизненного уровня населения», — проблема, по мнению Ю. Васильчука, пока еще до конца не осознанная в нашей стране⁶. Наиболее очевидным следствием такого понимания стало значительное сужение границ секретности в публикациях на военно-научные темы. Так, в начале 1988 г. было объявлено о рассекречивании 200 с лишним крупных научно-технических достижений оборонного характера для последующего их использования в гражданских отраслях⁷. В целом же, указывалось в печати, «как часть всей совокупности военных расходов расходы на научные исследования уже становятся репродуктивными»⁸.

Сравнительная легкость, с которой китайские военно-научные организации включаются в гражданскую экономику, объясняется не только их естественной повышенной гибкостью по сравнению с кадровой оборонной индустрией. Дело в том, что в

начале 1987 г. (а частично в экспериментальном порядке в 1985 г.) сфера военных НИОКР в Китае была переведена на систему контрактов (взамен прежней системы бюджетного финансирования). При такой системе основная часть средств на разработку вооружений находится в руках военных потребителей, которые размещают свои заказы в конкурсном порядке или на основе переговоров. Это означает превращение отношений между ними и разработчиками в отношения заказчика и подрядчика, создание условий для развертывания конкуренции, включение разработки вооружений в орбиту плановой товарной экономики. В полном объеме эта система стала осуществляться с 1988 г., когда на контрактную систему было переведено 80 % всех военных научно-технических программ⁹, а большая часть государственных ассигнований на разработку новых типов вооружений передана из Комитета оборонной науки, техники и промышленности непосредственно военным потребителям; одновременно был осуществлен ряд других реформ в области планирования, управления и финансирования данной сферы, приближающих ее хозяйственный механизм к механизму, действующему в невоенных научных исследованиях. Как отмечалось в печати, на основе направляющего государственного планирования, экономических и правовых рычагов в разработке вооружения и снаряжения в Китае произойдут значительные перемены¹⁰. В их числе — дальнейшее расширение применения системы торгов на получение подряда на разработку вооружений (первым таким опытом было заключение в начале 1987 г. на основе торгов подряда на создание ракетного сторожевого корабля нового типа для китайских ВМС; время на его разработку и строительство сократилось вдвое по сравнению с обычным сроком исполнения подобных заказов в прошлом, а качество постройки имеет мало аналогов в истории китайского судостроения)¹¹.

Конверсия военных НИОКР в Китае существенно облегчается тем, что в научных исследованиях невоенного профиля экономический механизм сложился еще раньше. Очевидно, что в условиях, когда научная продукция (независимо от своего назначения) является товаром, дальнейшее направление деятельности военно-научных учреждений будет всецело зависеть от финансовой политики государства. В случае сокращения ассигнований на военные цели потенциал оборонной науки не останется бездействующим и автоматически переключится на гражданские нужды.

Иначе обстоит дело в кадровой военной промышленности КНР. Статистика свидетельствует, на первый взгляд, о достаточно заметных сдвигах в этой области (доля гражданской продукции составляла в 1986 г. на предприятиях Министерства вооружений 40 %, авиационной промышленности — 60, а атомной промышленности — 28 %¹², а в 1987 г. ее стоимость возросла еще на 25 % при росте валовой продукции всех оборонных отраслей, включая космическую, на 22 %¹³). Однако если вспомнить об имеющихся незагруженных мощностях, можно предположить, что почти весь этот рост был достигнут за счет их расконсервации, а перепрофилирования действующего производства практически не происходило. Следует отметить, что из-за объединения в конце 1986 г. управления военными и гражданскими машиностроительными отраслями путем слияния министерств машиностроения и вооружений (в апреле 1988 г. сюда добавилась и электронная промышленность), а также из-за того, что предприятия министерств атомной и аэрокосмической промышленности традиционно выпускают как военную, так и гражданскую продукцию, динамика увеличения доли последней в валовой продукции трех отраслей не может служить показателем реальной конверсии. Как отмечал В. Потапов, существуют три обособленных процесса: конверсия вооруженных сил, расширение выпуска товаров мирного назначения оборонной промышленностью и собственно конверсия военного производства. «Выпуск невоенных товаров (зачастую это просто вещи, которые употребляются и в оборонном, и в гражданском секторе, — товары двойного назначения) — это еще не конверсия. Ведь они производились военными заводами и раньше, правда в меньшем количестве. Но в количестве ли дело?» И далее: «Диверсификация не меняет сути военного промышленного предприятия, преобразить его, заставить переродиться может только конверсия, смысл которой не в расширении производства товаров мирного назначения оборонной промышленностью, а в последовательном превращении военных заводов в гражданские предприятия. Иначе всегда остается возможность быстрого поворота назад к наращиванию производства вооружений, и в базисе общества продолжает сохраняться раковая опухоль — военная экономика, постоянно подвергающая

милитаристской интоксикации весь социальный организм»¹⁴. Поэтому если говорить о конверсии в узком смысле слова как о процессе полного перепрофилирования оборонных предприятий в гражданские, то это явление носит в Китае пока эпизодический характер. Выпуск продукции «двойного назначения» и даже чисто гражданской продукции на военных заводах является не более чем специфическим заказом оборонному производству и не может, строго говоря, рассматриваться в качестве таковой, ибо, по справедливому определению А. Киреева, «конверсия имеет место там, где гражданское производство налаживается не наряду, а вместо военного»¹⁵. Одна из причин такой половинчатости заключается в том, что в отличие от гражданского сектора экономические рычаги управления еще только начинают затрагивать военную промышленность и говорить о заметном включении ее в орбиту товарного хозяйства пока не приходится. Частичная переориентация мощностей оборонной индустрии на выпуск гражданской продукции осуществляется поэтому по указанию сверху, при этом возникает ряд сложностей, вызываемых противоречием между конвертированным потенциалом, вовлекаемым в рыночные отношения, и основным производством, продолжающим оставаться в жестких рамках централизованного административно-планового управления. Это противоречие существенно сдерживает темпы конверсии военной промышленности в КНР.

Действительно, реформы охватили отрасль пока лишь в организационном плане. Помимо упомянутого слияния министерств, внутри образовавшегося ведомства (до апреля 1988 г. — Государственного комитета по машиностроению (ГКМ), затем — Министерства машиностроения и электронной промышленности) было выделено три группы предприятий: специализирующихся на выпуске главным образом военной, преимущественно гражданской и исключительно гражданской продукции¹⁶. К началу 1988 г. в системе ГКМ насчитывалось около 200 предприятий, из них гражданскую продукцию производили приблизительно $\frac{2}{3}$, причем для $\frac{1}{3}$ выпуск гражданской продукции являлся основным источником средств¹⁷. Кроме того, как сообщила китайская печать, производственные мощности четырех оборонных министерств (вооружений, атомной, авиационной и космической промышленности) были впервые переданы в ведение Госсовета, это означает, что отныне вся гражданская продукция, производимая на предприятиях указанных отраслей, включается в народнохозяйственный план. Мирными исследованиями и выпуском гражданской продукции занято свыше 70 % персонала оборонных предприятий, НИИ и КБ¹⁸.

Что же касается внедрения экономических методов управления и организации производства, то, как справедливо отмечал А. Морозов, «вследствие военной специфики перевод предприятий кадровой военной промышленности на новые условия хозяйствования вызывает особые трудности. Ранее руководство этой отраслью... строилось по принципу: «государство выделяет капиталовложения, спускает план, закупает продукцию, обеспечивает прибыли и покрывает убытки». Это, естественно, существенно ограничивало сферу применения стоимостных категорий в военной промышленности, продукция которой, практически минуя рынок, непосредственно распределялась в войска. Эти особенности вытекают из специфики самого продукта военного производства, его потребительской стоимости. Очевидно, что преодолеть эту специфику военной продукции никакая реформа системы управления и планирования не способна»¹⁹. Поэтому система «соединения военного и гражданского, мирного и немирного» (налаживание выпуска гражданской продукции на оборонных заводах) стала наиболее простым, хотя и страдающим рядом изъянов выходом из положения. К недостаткам относится прежде всего тот факт, что ввиду низкого уровня хозяйствования, низкой эффективности и неразработанности системы экономического стимулирования выпуск гражданской продукции оказался для многих предприятий убыточным. Один из таких случаев описан газетой «Цзинцзи жибао». В 1984 г. одному из чунцинских военных заводов было предписано освоить выпуск железнодорожных вагонов, что и было выполнено. Однако из-за своего «военного» статуса завод был вынужден закупать необходимое ему сырье по рыночным ценам, в результате чего их себестоимость оказалась в 4—5 раз выше, чем на гражданских предприятиях, выпускающих аналогичную продукцию, а преференции, установленные государством в отношении предприятий, обслуживающих энергетику и транспорт, на него не распространялись, в итоге выпуск вагонов принес и продолжает приносить заводу одни убытки²⁰. Понятно, что в условиях рыночной экономики такое положение

невозможно. Справедливости ради следует упомянуть и обратную ситуацию, когда за счет прибыльного гражданского производства финансируется выпуск убыточной оборонной продукции, диктуемый директивными плановыми заданиями. И в том, и в другом случае положение нельзя признать нормальным.

Нельзя сбрасывать со счетов и позицию большинства руководителей военной индустрии. Даже если верны приведенные данные о том, что рентабельность гражданской продукции в несколько раз выше военной²¹, не следует забывать, что такие критерии, как прибыль и рентабельность, играют в рамках централизованной плановой системы роль скорее счетных показателей, нежели действенных экономических рычагов. Выпуск военной продукции имеет ряд преимуществ в виде гарантированного снабжения и сбыта, твердых цен, отсутствия конкуренции и рыночной оценки качества. Эти преимущества намного превышают значение упомянутых экономических рычагов, которые пока еще слабо влияют на материальное вознаграждение персонала, и особенно руководителей оборонных предприятий, из-за чего последние проявляют мало заинтересованности в переходе на выпуск мирной продукции. Все это также оказывает тормозящее воздействие на процесс конверсии оборонного производства.

Вместе с тем в Китае уже имеется и опыт другого рода, а именно: полное перепрофилирование бывших оборонных предприятий в гражданские. Таким примером служит, в частности, передача в июне 1988 г. 13 военных заводов, ранее входивших в состав известной военно-промышленной корпорации «Бэйфан» (в западной печати именуется обычно «Чайна норт индастриз корпорейшн»), металлургическому комбинату «Шоуду». Как указывается, в прошлом эти 13 предприятий вносили большой вклад в обеспечение обороноспособности страны, однако в последние 10 лет из-за недозагруженности основных производственных мощностей ввиду резкого сокращения военных заказов их финансовое положение стало поистине критическим, падала производительность труда, трудовая дисциплина, росла текучесть кадров. Только за 1987 г. общие убытки этих предприятий составили свыше 80 млн. юаней, а менее чем за 6 месяцев 1988 г. превысили сумму в 44 млн. юаней, во второй половине года ожидалась убытки в сумме 59,65 млн. юаней²². Снабжение, планирование и производство в рамках военных заказов полностью контролировалось министерством; предпринимавшиеся попытки наладить выпуск гражданской продукции оказались малоуспешными ввиду нехватки свободных денежных средств и сырья, а также ненадежности сбыта.

Перепрофилирование указанных заводов в чисто гражданские дало скачок эффективности, превзошедший все ожидания. Достаточно сказать, что уже через месяц на одном из них — заводе по производству дизельного топлива, расположенном в провинции Цзилинь, приносившем в первой половине года около миллиона убытков ежемесячно, — убытки сократились до 6,5 тыс. юаней, еще через месяц было получено 112,8 тыс. юаней прибыли, а к началу октября прибыль возросла до 780 тыс. юаней²³. Результаты на других предприятиях были не менее впечатляющими.

Такой эффект оказался возможным только благодаря тому, что одновременно с передачей указанных предприятий в гражданский сектор на них стала распространяться подрядная система, действующая на всех предприятиях «Шоуду». Сущность ее состоит в установлении твердого процента отчислений в бюджет и нормативном распределении остающейся прибыли. После соответствующей перекалфикации руководящего состава (при резком сокращении его численности) и проведения разъяснительной работы среди рабочих она вызвала такой скачок производительности труда, который в рамках старой системы казался немыслимым.

Существуют и другие похожие примеры. Так, радиозавод № 4057, расположенный в провинции Хэнань и занимавшийся выпуском малых и средних военных радиостанций, будучи в 1980 г. в числе других 120 с лишним предприятий снят с полного государственного обеспечения и, оказавшись почти на грани банкротства, занялся выпуском бытовой радиоэлектроники. Путем импорта и освоения передовой технологии ему удалось наладить выпуск 20 новых изделий, которые за период с 1984 по 1987 г. составили более половины валовой продукции завода и обеспечили ему большую часть прибыли. В 1987 г. прибыль достигла 6,58 млн. юаней, что соответствует стоимости всего основного оборудования предприятия²⁴.

Отчего же столь успешный опыт не только не распространяется повсеместно,

но и носит, как мы уже подчеркивали, единичный, эпизодический характер? В условиях потепления международного климата и сокращения потребностей страны в оборонном потенциале полная конверсия избыточных мощностей военной промышленности и сосредоточение выпуска вооружений на немногих остающихся военных предприятиях представляются более логичными даже с технологической точки зрения. Экономический же выигрыш от такого шага, как мы только что показали, стал бы неизмеримо выше тех результатов, которые достигнуты в настоящее время от половинчатой «конверсии» в рамках курса на «совмещение военного и гражданского». Почему же в Китае не выбрали этот путь (даже напротив: имеются сведения о подключении к выполнению военных заказов гражданских предприятий и научных учреждений)? По мнению некоторых западных обозревателей, это произошло потому, что определенные силы в КНР стремятся с помощью этого курса «сохранить большую военную промышленность... которую невозможно в полной мере использовать постоянно»²⁵. Сохраняя все экономические, технологические и организационно-управленческие возможности для ее реконверсии в кратчайшие сроки, этот курс в значительной мере сводит на нет и политическое значение всего процесса конверсии, состоящее в том, что даже в случае обострения международной напряженности возможности резкого скачка гонки вооружений оказываются ограниченными. Как считает Ю. Васильчук, «этот путь лишь так называемой конверсии может показаться очень выгодным... — не нужны большие расходы на перестройку военных заводов. Будут довольны и военные — полностью сохранятся предприятия, которые хоть завтра снова загружай выпуском танков и другой военной техники»²⁶. Очевидно, что такая опасность сохраняется не только в СССР.

Если допустить, что китайский курс на «сочетание военного и гражданского» знаменует собой временный, переходный, пусть даже достаточно длительный этап на пути к собственно конверсии, то в случае продолжения реформ в экономике, направленных на создание в стране подлинного социалистического товарного хозяйства, кадровая военная промышленность, как представляется, вряд ли сможет долгое время оставаться белой вороной. Распространение же в полном объеме принципов экономической реформы на оборонную индустрию предполагает не только превращение прибыли из счетного средства в рычаг экономического стимулирования, но и развертывание действенной конкуренции между военными производителями, придание военной продукции свойств полноценного товара. В качестве образца может служить успешный опыт перестройки системы военно-научных исследований и ОКР.

Вместе с тем по ряду признаков можно заключить, что «сочетание военного и гражданского» в представлениях китайского руководства являет собой полноценный заменитель того, что понимается сейчас под конверсией во всем мире. В частности, премьер Госсовета Ли Пэн, заслушав отчет о работе состоявшегося в первой половине октября 1989 г. Всекитайского совещания по вопросам сочетания военного и гражданского производства, подчеркнул, что оборонная промышленность должна твердо придерживаться этого курса и впредь. В изложении Синьхуа (13 октября) этот материал был подан под заголовком «Ли Пэн о конверсии военного производства», однако мы должны отметить здесь, что такой заголовок является неверным как по форме, так и по сути. С чисто терминологической точки зрения термин «конверсия» («цзюнь чжуань минь») не встречается в выступлении Ли Пэна ни разу (в отличие от «цзюнь минь цзехэ», который может переводиться только как «сочетание военного и гражданского»). По существу же, ни о каком перепрофилировании оборонных заводов нет и речи, напротив, премьер Госсовета КНР высказался за «дальнейшее развитие производства новейших видов оружия, овладение передовой мировой технологией» и сохранение, таким образом, «устрашающей силы». В проведении курса на «сочетание военного и гражданского» предлагается «копироваться на руководство государственного плана»²⁷. Это, как представляется, не может не ограничивать возможности для перехода в будущем к подлинной конверсии на рыночных принципах.

Дальнейшее развитие событий может иметь двойные последствия. Прежде всего в силу отсутствия как розничного, так и оптового рынка для сбыта продукции вверенных им предприятий руководители оборонной индустрии будут всячески стремиться воздействовать на единственный остающийся у них канал внутреннего сбыта — контракт (госзаказ), добиваясь любыми средствами его увеличения, а также расширения экспорта оружия. Предотвратить негативные последствия такого давления способна

только система действенного общественного (парламентского) контроля за военными расходами и экспортом военной техники, которая в свою очередь может быть создана только в случае демократизации политической системы Китая, расширения полномочий ВСНП и усиления гласности в его работе. Тогда уже не директивы сверху, а сама экономическая действительность приведет к автоматическому перепрофилированию всех мощностей оборонной промышленности сверх минимально необходимых потребностей на выпуск гражданской продукции. В противном случае экспорт оружия, по которому Китай уже сейчас занимает 5-е место в мире²², может быть сочтен менее сложным и более выгодным способом решения проблемы простаивающих мощностей военных заводов, а выигрыш от нынешней «конверсии» будет использоваться не на повышение уровня общественных производительных сил и качества жизни народа, а, как и прежде, в основном для скрытого финансирования модернизации обороны.

¹ Известия.— 1988.— 8 декабря.

² Коммунист.— 1989.— № 4.— С. 116.

³ Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 6.— С. 77—78.

⁴ НТР: проблемы и решения.— 1989.— № 17.

⁵ Гуанмин жибао.— 1987.— 23 марта.

⁶ Московские новости.— 1989.— 15 января.

⁷ Жэньминь жибао.— 1988.— 7 января.

⁸ Гуанмин жибао.— 1987.— 23 марта.

⁹ Аргументы и факты.— 1989.— № 41.

¹⁰ Жэньминь жибао.— 1988.— 24 января.

¹¹ Там же.— 9 февраля.

¹² Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 6.— С. 85—86.

¹³ Жэньминь жибао.— 1988.— 9 января.

¹⁴ НТР: проблемы и решения.— 1989.— № 17.

¹⁵ Огонек.— 1989.— № 27.— С. 7.

¹⁶ Жэньминь жибао.— 1987.— 20 июля.

¹⁷ Там же.— 1988.— 7 января.

¹⁸ Там же.— 1987.— 20 июля.

¹⁹ Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 6.— С. 80.

²⁰ Цзинцзи жибао.— 1988.— 25 февраля.

²¹ Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 6.— С. 81.

²² Жэньминь жибао.— 1988.— 6 декабря.

²³ Там же.

²⁴ Там же.— 1988.— 20 июня.

²⁵ Financial times.— 1987.— 6 January.

²⁶ Московские новости.— 1989.— 15 января.

²⁷ Жэньминь жибао.— 1989.— 14 октября.

²⁸ Аргументы и факты.— 1989.— № 41.

С. НЕВЕРОВ

Надеюсь, что из первой публикации вы получили некоторое представление о том, как звучит японская речь, а некоторые даже заучили, пока механически, ряд приведенных фраз. Возможно, кто-нибудь обратил внимание и на то, что многие японские слова в русской транскрипции сопровождаются присоединенными через дефис показателями *ва*, *га*, *но*, *о* и т. д. Это падежные показатели, с помощью которых осуществляется склонение существительных. Падежи существительного в японском языке следующие:

Именительный тематический — показатель *ва* (указывает тему, о которой что-то сообщается):

Ватáкуси-ва гакусэ́й дэс — Я (тема) студент (сообщение)

Именительный рематический — *га* (указывает то новое, что сообщается):

Ватáкуси-га икима́с — Я (сообщение) пойду (именно я, а не кто-то другой)

Именительный общий (бессуффиксальный, или звательный) — показателя нет (нулевой показатель):

Анáта! — Обращение к близкому человеку

Родительный — *но*

Дательный — *ни*

Винительный — *о*

Направительный (падеж направления) — *э*

Творительный — *дэ*

Совместный — *то*

Исходный — *кара*

Исходно-сравнительный — *ёри*

Предельный — *мадэ*

Синтаксис японского языка довольно сложен, но мы решили ограничиться лишь рамками навыков общения и не стремимся научиться разбирать сложные литературные обороты. Поэтому остановимся на основных моделях предложений, наиболее широко представленных в устной речи. Их можно свести к трем.

1) сказуемое выражено существительным или так называемым именным прилагательным с глаголом-связкой *дэс* — есть: кто-то (что-то) есть; кто-то (что-то) каков (каково):

Ватáкуси-ва гакусэ́й дэс — Я студент есть

Кóрэ-ва фукудэ́йцу дэс — Это сложно (сложное) есть

2) сказуемое выражено именем прилагательным (так называемым предикативным, способным быть предикатом без связки *дэс*):

что-то (кто-то) — каково (каков)

Кáми-ва сирóй — Бумага белая

Глагола-связки *дэс* в этом случае может не быть, но может и быть:

Кáми-ва сирб́й дэс — Бумага белая есть

3) сказуемое выражено глаголом:

кто-то (что-то) совершает какое-то действие

Ватáкуси-ва какима́с — Я напишу

Хотелось бы, чтобы изучающие язык твердо усвоили принцип «творческого подхода к предмету». Вместе с простым заучиванием слов и фраз старайтесь подмечать общие принципы и правила. Буду очень рад, если вы обратили внимание на то, что многие приведенные выше японские фразы оканчиваются словами с *мас*. Это глагольный суффикс, употребляемый в вежливой речи. Можно сказать последнюю фразу и так: «*Ватáкуси-ва*

к^ику» — Я напишу. Вас поймут, но... не оценят. Нейтрально-вежливая форма с *мас* предпочтительней.

Суффикс *мас* имеет значение настоящего и будущего времени. Таким образом, это утвердительная форма настоящего (будущего) времени: *какимас* — пишу (буду писать). В устной диалогической речи чаще приходится выражать действия, происходящие в данный момент, что достигается с помощью длительного вида глагола, который в диалоге обычно имеет форму *...-тэ имас*:

Вагакуси-ва кийтэ имас — Я пишу

Амэ-га фугтэ имас — Дождь идет

Человек, прибывший в чужую страну, неизбежно задает множество вопросов. Диалогическая речь и обращение к собеседнику связаны с необходимостью употребления специальных вежливых форм — с пресловутой «японской вежливостью». Гонорифическая система японского языка действительно очень богата и сложна (об этом специально можно рассказать позже). Пока же предлагаем вниманию читателя образцы некоторых, как нам представляется, наиболее употребительных вопросов в кратчайшей нейтральной или нейтрально-вежливой форме.

И вновь буду рад, если читатели обратят внимание на то, что все приводимые ниже японские вопросительные фразы оканчиваются на частицу *ка*. Постановкой ее в конце предложения оформляется вопрос.

Еще одно замечание, прежде чем перейти к некоторым обиходным вопросительным фразам. Практически любой вопрос японцы, так же как и большинство народов мира, начинают с извинения за доставленное беспокойство. Слово *сумимасэн* (букв. извините) в сочетании с противительным союзом *га* употребляется при обращении в начале фразы со значением «извините, пожалуйста...»; «скажите, пожалуйста...».

ГДЕ?

Где паспортный контроль?

ДОКО?

Сюцуню:к^оку-канри-ва доко дэс ка

Сюккоку — выезд из страны; *ню:коку* — въезд в страну. В сочетании (и с некоторым фонетическим изменением) образуется сложное слово *сюцуню:коку* — въезд и выезд из страны.

Канри — контроль. Таким образом, *сюцуню-коку-канри* — букв. контроль за въездом и выездом из страны.

Значение и порядок использования частиц *ва*, *дэс* и *ка* объяснялось выше.

Где справочное бюро аэропорта?

К^у:ко:-но аннайдзэ-ва доко дэс ка

Скажите, пожалуйста, где стоянка такси?

Сумимасэ га такуси:-нориба-ва доко дэс ка

К^у:ко: — аэропорт

Аннайдзэ — справочное бюро

Нориба — букв. место посадки (в данном случае на такси)

Нору — глагол «садиться верхом на лошадь», а также на любой транспорт.

Где наш автобус (наша машина)?

Где мое место?

Вагакуси-но сэки-ва доко дэс ка

Где мой билет (мои вещи)?

Вагакуси-но кинпу (нимбуцу)-ва доко-ни аримас ка

Где моя каюта (комната)?

Вагакуси-но сэнсицу (хэя)-ва доко дэс ка

Где находится переводчик?

Цу:яку-сан-ва доко-ни имас ка

Басу — автобус (от англ. bus)

Курума — букв. телега. В настоящее время употребляется и в значении «автомашина».

Аримас — глагол *ару* — быть, находится, имеется — с упоминавшимся уже суффиксом вежливости *мас*. Выражения *доко-ни аримас ка* и *доко дэс ка* практически эквивалентны: первое — с оттенком «где находится (имеется)?», второе — «где (есть)?».

Кинпу — билет (на транспорте, в театр и т. д.)

Нимбуцу — багаж, вещи

Сэнсицу — каюта

Хэя — комната

Цу:яку — переводчик

-сан — суффикс вежливости, присоединяемый к фамилиям, названиям должности, профессии и т. д. Имеет также вариант *-сама*, который чаще всего используется работниками сферы услуг при обращении к клиентам. В парикмахерских, лавках, мастерских,

учреждениях мастера, хозяева, служащие чаще всего обратятся к вам, используя выражение *о-кяку-сама*, где *о* — префикс вежливости, *кяку* — клиент, гость, пассажир и т. п., *-сама* — суффикс вежливости. Тем самым подчеркивается вышестоящее положение клиента. Суффикс *-сан* нейтрален и широко используется не только при обращении к конкретным лицам по фамилии, но и когда известна только их профессия, например водитель, переводчик.

КОГДА?

Когда прибывает наш...?

самолет

поезд

теплоход

Фунэ — букв. — лодка, судно. Слово «теплоход» точно передается английским заимствованием *мóта-сиппу* (*motor-ship*). Но в разговорной речи практически о любом судне можно сказать *фунэ*.

Когда начинается ...?

завтрак

обед

ужин

Когда мы будем в гостинице?

Когда будет экскурсия?

Когда начинается представление в театре?

Когда начало соревнований?

...-ва *нандзи-кара дэс ка*

тё:сёку

тё:сёку

ё:сёку

Хотэру-э ицу цукимас ка

Канко:-ва ицу дэкимас ка

Гэкидзё:-но каймаку-ва нандзи дэс ка

Сиби-ва нандзи-кара дэс ка

Нандзи — какое время, который час. В сочетании с показателем исходного падежа *кара* (см. выше) *нандзи-кара* означает «с какого времени».

Хотэру — гостиница европейского типа (в отличие от *рёкан* — гостиница в японском стиле). От заимствованного из английского языка слова *hotel*.

Цукимас — глагол *цукү* — прибывать — с суффиксом *мас*.

Канко: — экскурсия, осмотр достопримечательностей.

Дэкимас — глагол *дэкиру* с суффиксом *мас*. Глагол *дэкиру* имеет множество значений: «мочь, иметь возможность; быть готовым; получаться; появляться; произрастать».

Гэкидзё: — театр

Каймаку — букв. поднятие занавеса

Сиби — спортивное соревнование

КТО?

Кто этот человек?

Кто это говорит?

Кто председательствует?

Кто будет участвовать?

Кто поедет?

Кто придет?

ДАРЭ? ДОНАТА?

Аноката-ва доната дэс ка

Ханаситэ иру но-ва дарэ дэс ка

Дарэ-га дзатё: дэс ка

Доната-га санка-симас ка

Доната-га ику цумбри дэс ка

Дарэ-га кимас ка

Дарэ — кто; *доната* — более вежливый вариант этого же местоимения.

Ханаситэ иру или *ханаситэ имас* (глагол *иру* — быть, существовать — с суффиксом *мас*) — упоминавшаяся уже форма длительного вида (действие, совершающееся в данный момент) от глагола *ханасу* — говорить.

Дзатё: — председатель (собрания)

Санка — участие; *симас* — глагол *сүру* — делать, осуществлять — с суффиксом *мас*; *санка-симас* — букв. Принимать участие, участвовать.

Ику — идти, ехать

Цумбри — намерение; в сочетании с предшествующим глаголом выражает намерение действия.

Кимас — глагол *куру* — приходить — с суффиксом *мас*.

ЧТО?

НАНИ? НАН?

Что вы сказали?

Что здесь написано?

Что это значит?

Что сегодня (идет) в театре?

Что у нас в программе сегодня?

Нан то оссята но дэс ка

Кёко-ни ва нан то кайтэ ару но дэс ка

Сёрэ-ва до: иу(ю:) ими дэс ка

Кёмбан-но сибби-но дасимёно-ва нан дэс ка

Кё:-но сукэдзё:ру-ва до: няттэ имас ка

То — изъяснительно-подчинительный союз со значением «так» (говорить, думать и т. д.). *Нан то оссытта* — Как (что именно) вы сказали? *Оссытта* — форма прошедшего времени глагола *оссыру* — вежливого эквивалента глагола *ханъсу* — говорить.

Кыйтэ ыру — написано — форма пассива от глагола *каку* — писать. Глаголы *ыру* и *ыру* имеют одно значение «быть, существовать находиться», но *ыру* употребляется с неодушевленными существительными, а *ыру* — с одушевленными. Кроме того, *ыру* в сочетании с другими глаголами дает, как уже упоминалось, форму длительного вида этих глаголов, а *ыру* — форму пассива, или страдательного залога. Таким образом, *кыйтэ ыру* значит «пишу, пишете» (в данный момент), а *кыйтэ ыру* — «написано» (кем-то).

Ями — смысл

До: — как

Иу(ю:) — говорить, называть. *До: ыу ыми* — букв. как именуемый смысл? (то есть какой смысл, какое значение?)

Сибái — театр, театральное представление

Дасимбио — театральная постановка

Кê: — сегодня

Сукэдзю:ру — программа, расписание (от англ. Schedule)

Нáру — становится, складывается. *Дò: нáттэ имáс ка* (длительный вид от глагола *нару*) — букв. как складывается (программа)?

КАК?

Как называется наш отель?

Как поступить?

Как проехать (пройти) в ...?

Как узнать ...?

Как позвонить в ...?

ДО?: НАН?

Вагакуситати томáру хотэру-ва нан то ымáс ка

До: сурэбá ий дэс ка

...-э до: икэбá ий дэсê: ка

...-ва до: сирабэтарá ий дэсê: ка

...-э дэнва до: какэтарá ий дэс ка

Томáру — останавливаться (в отеле и т. п.)

Нан то ымáс ка — как называется? (вопросительное местоимение *нан* с изъяснительно-подчинительным союзом *то* и глаголом *иу* с суффиксом *мас*).

До: сурэбá ий дэсê: ка — букв. если как сделать, то будет хорошо? *Дэсê:* — форма будущего времени предположительного от глагола-связки *дэс*. *Ий (эй)* — хороший — наречная форма этого прилагательного *эку* уже встречалась нам в предыдущем тексте. *Сурэбá* — форма условного наклонения от упоминавшегося уже глагола *сýру* — делать.

По этой же часто употребляемой в речи формуле образованы и все последующие вопросы:

До: икэбá — как проехать? (форма условного наклонения от глагола *ику* — идти, ехать).

До: сирабэтарá — форма условного наклонения от глагола *сирабэру* — узнавать, проверять.

До: какэтарá — форма условного наклонения от глагола *какэру*, здесь: звонить по телефону. Что касается формы условного наклонения, то она образуется двойко: прибавлением суффиксов *ба* или *тарá*, имеющих одинаковое значение. Употребление того или другого определяется удобством произношения с данным глаголом.

ПОЧЕМУ?

Почему так?

Почему вы возвращаетесь?

Почему мы стоим?

Почему отправление так рано?

НАДЗЭ? ДО:СИТЭ?

Надзэ со: дэс ка

Дò:ситэ мо: о-каэри дэс ка

Надзэ томáттэ ыру но дэс ка

Сюппáцу-ва дò:ситэ сáннаи хайй дэс ка

Дэнва — телефон

О-каэри дэс ка — вежливая форма вопроса (вы возвращаетесь?) с глаголом *каэру* — возвращаться (сравните с приведенной ранее формой *о-ханъси-ни наримáс ка* — говорите ли вы?)

Томáру — стоять (омоним глагола *томáру* — останавливаться, см. выше). *Томáттэ ыру* — длительный вид этого глагола.

Сюппáцу — отправление (поезда, самолета, автобуса и т. д.)

Сáннаи — наречие «так, таким образом»

Хайй — прилагательное «быстрый, ранний»

И наконец, последняя группа вопросов, которые по значимости для туристов следовало бы поставить на первое место.

СКОЛЬКО?

Сколько это стоит?

ИКУРА? ИКУЦУ? ДОНОКУРАЙ?

Кóрэ-ва икура дэс ка

Сколько с меня?
 Сколько на счетчике?
 Сколько времени нужно на дорогу до аэро-
 порта?
 Сколько времени займет осмотр города
 (музея)?
 Сколько студентов в университете?

Икурá о-харáи-ситарá ий дэс ка
Мэ:та:-ни ва икурá дэгэ имáс ка
Ку:ко:-мáдэ донокурáй дзикáн-га какари-
мáс ка
Синáй-кэмбóуцу (хáкубуцукан-кэмбóуцу)-ни
ва дбнокурáй дзикáн-га какаримáс ка
Кóно дайгáку-ни ва гакусэ́й-га нáннин
гурáи имáс ка

Сколько дней мы будем в Токио?

Тó:кё́:-ни ва нáннитикан тайдзáй-симáс ка

Икурá? Икúцу? Донокурáй? — равноценные варианты вопросительного слова «сколько». *Икурá* чаще употребляется в значении «сколько стоит?», *икúцу* — в значении «сколько (единиц измерения)?», в частности *о-икúцу дэс ка* означает «сколько вам лет?». *Донокурáи* — «сколько приблизительно, в каком объеме?»

Харáу или *харáи-сúру* — глагол «платить». *О-харáи-ситарá* — упоминавшаяся выше условная форма «если сколько заплатить (то будет достаточно)?».

Мэ:та: — счетчик (от англ. meter)

Дзикáн — время, промежуток времени

Какáру — требоваться, быть затраченным

Синáй-кэмбóуцу — осмотр города (*си* — город)

Хáкубуцукан — музей

Дайгáку — вуз

Гакусэ́й — студент

Нáннин — сколько человек? (вопросительное местоимение *нан* и так называемый счетный суффикс для счета людей *нин*).

Нáннити — сколько дней? *нáннитикан* — в течение скольких дней? (суффикс *кан* — показатель длительности времени).

Тайдзáй — пребывание; *тайдзáй-сúру* — глагол «находиться, пребывать».

ЛИ ВАНЬЧЭН

Одной из отличительных особенностей сегодняшней жизни Китая является освещение тем, бывших до недавнего времени запретными. На страницах китайской прессы сегодня публикуются материалы, появление которых еще пять-шесть лет тому назад казалось делом немислимым. Этот процесс свидетельствует и о демократизации общества, и о стремлении читателей открыть для себя те грани жизни страны, которые на протяжении многих лет скрывались от них. Огромный интерес вызывают публикации о личностях, стоявших у кормила власти Китая как до образования КНР в 1949 г., так и после этого. Десятки лет пропаганда создавала образы лидеров, прибегая к краскам только одного цвета, и сейчас за этими схемами читатели жаждут увидеть живых людей.

Историческая новелла Ли Ваньчэна, опубликованная в журнале «Сяньдай цзятин», выходящем в Ханчжоу, открывает нам одну из неизвестных страниц китайской истории. Автор уходит от каких-либо оценок политической деятельности Чан Кайши и рисует портрет вполне обычного для своей эпохи человека, с его недостатками и слабостями. Надеемся, перевод этой новеллы будет интересен и советским читателям.

* * *

Женился Чан Кайши (Цзян Цзешу), следуя китайской традиции, по-существу, еще ребенком. Он хорошо запомнил день свадьбы. В то утро он сразу почувствовал особое внимание к своей персоне. Все началось с того, что мать достала из шкафа новое платье, шапку и велела ему надеть. Облачившись в это одеяние, Чан Кайши сначала крутился перед близкими, а потом не смог отказать себе в удовольствии покрасоваться перед зеркалом. То, что он увидел, было поразительно. На него с удивлением смотрел мальчик, одетый как взрослый мужчина.

— Вот это да! — воскликнул он и с важным видом направился к дверям.

— Не убегай, ведь у тебя сегодня такое радостное событие, — окликнула его мать.

— Я просто выйду посмотреть, а богатая не буду, — чинно ответил ей сын.

— Никуда не ходи! Весь перепацкаешься, как тогда появишься перед гостями? — повысила голос мать.

У Чан Кайши моментально испортилось настроение.

— Тогда не нужна мне новая одежда! — выкрикнул он и сорвал с головы шапку.

— Никакого сладу с тобой нет, — рассердилась мать. — У нас такой счастливый день, а ты опять злишь меня! — голос ее дрожал, она готова была расплакаться.

Трудная судьба выпала на долю урожденной Ван — матери Чан Кайши. Досталась она в жены владельцу соляной лавки «Драгоценное благополучие» Цзян Чжаоуну. На десятый год их семейной жизни муж умер, оставив ее с двумя родными сыновьями и пасынком. До конца жизни вдова не снимала с себя траур, часто и усердно молилась, просила всемогущего Будду даровать ее детям счастливую жизнь, а ей — покой в загробном мире. Разве могла она знать, что пасынок Цзян Цзешу проявит непочтительность и между ними возникнет вражда?

Случилось так, что к их дому подошел буддийский монах за подаянием. Цзешу в это время стрелял по стайке воробьев и промахнулся. Обернувшись, он увидел пришельца и вспомнил, что появление монаха — дурная примета, и, не раздумывая, тут же ударил его. Все это произошло на глазах матери. Ей не понравилось поведение пасынка, и она отругала его за жестокость. С того времени их отношения испортились, в семье начался разлад. Вскоре Цзешу потребовал раздела имущества. Мачеха всегда жалела его, сознавая, что он рано лишился матери, а теперь остается круглым сиротой. Движи-

мая добрыми чувствами, она отдала ему соляную лавку и наследство недавно умершего деверя, а сама с двумя детьми переехала в небольшой дом. Этот поворот судьбы запал в душу и надолго сохранился в памяти Чан Кайши.

После раздела жизнь вдовы стала еще тяжелее. Через два года от болезни умер ее младший сын. Теперь Чан Кайши стал единственной надеждой матери. А тот, хотя и рос довольно хилым мальчиком, очень любил озорничать, поэтому с ним то и дело случались разные несчастья. Почему после занятий в школе, скажем, не пойти на песчаную отмель и не устроить там сражение? Он ведь слыл заводилой среди сверстников, и те охотно откликались на его зов. Вооружившись палками и бамбуковыми ножами, мальчишки делились на два отряда, и начинался бой. Сражение шло до первой крови. Когда же взрослые начинали искать виновного, то им, конечно, оказывался Чан Кайши. Родители «побежденных» шли к дому вдовы, и ей каждый раз приходилось приносить извинения.

Ван чувствовала, что справиться с сыном становится все труднее и скоро он совсем отобьется от рук. Поэтому она и решила женить его. Во-первых, женитьба, возможно, образумит сына, во-вторых, в семье появится помощница, а, в-третьих, чем раньше Цзешу женится, тем скорее пойдут внуки, которые и по хозяйству помогут.

Воспользовавшись услугами свахи, вскоре нашли невесту, тоже деревенскую, звали ее Мао Фумэй, родилась она в 1882 г. и была старше Чан Кайши на четыре года. Девушка вполне устраивала Ван, поэтому все формальности, предписанные ритуалом, прошли быстро. Оповестили родных и друзей, спросили совета у прорицателя, познакомились с родителями, послали подарки в дом нареченной. Но сегодня, когда надо было встречать невесту, Чан Кайши опять показал свой норов и вызвал недовольство матери.

По правде говоря, Кайши совсем не собирался сердить мать — просто ему наскучило ждать и захотелось немного побегать с друзьями. Увидев, что матери это не нравится, он отказался от своей затеи, послушно надел шапку и подошел к Ван:

— Матушка, — заискивающе произнес он, — не сердись!

Тем временем вдалеке послышалась музыка, деревня постепенно наполнилась

шумом. Ван догадалась, что возвращаются родственники, ездившие за невестой, и велела сыну уйти во внутренние покои.

Теперь Чан Кайши вел себя как агнец: шел туда, куда приказывал распорядитель, и отвечивал поклоны, когда ему говорили. Вот около него посадили невесту с подарками, вот молодые вошли в зал и поклонились табличкам предков. Незадолго до окончания церемонии перед домом начали пускать хлопушки, которые стали с шумом разлетаться в разные стороны. Тут-то Чан Кайши и показал, на что способен. Он сорвал с головы обшитую красной бахромой шапку, чтобы не мешала, бросил ее на пол и в два прыжка выскочил из зала. На улице он вместе с местными мальчишками, глазевшими на торжество, стал носиться за хлопушками.

Молодым еще предстояло поклониться родственниками невесты и их друзьям, а затем совершить поклоны перед матерью жениха. Но сейчас все смешалось, и ритуал был нарушен. Невеста оказалась брошенной и не знала, уйти ей или остаться. Хорошо, что с нее еще не сняли свадебный головной убор, поэтому никто не заметил ее покрасневшего от стыда лица. Глядя на то, как жених, забыв обо всем на свете, носится вместе с деревенскими детьми, гости начали презрительно посмеиваться.

Отец невесты слыл в своих краях весьма почтенным человеком, и после того, что произошло с его дочерью во время свадьбы, он потерял к своему зятю всякое уважение. Спустя год во время Праздника весны в деревню из уездного города прибыла процессия с фонарями и большой шевелящейся фигурой дракона. Чан Кайши с детства любил принимать участие в таких процессиях. Он тут же побежал в конец шествия, чтобы поддержать хвост дракона, потому что там как раз требовался человек маленького роста.

Вдоволь нарезвившись с драконом и фонарями, Чан Кайши вбежал в дом тестя и радостно закричал:

— Отец, приготовьте угощение для участников шествия!

Тесть и раньше всем своим видом подчеркивал презрение к зятю, а сейчас его неприязнь усилилась, поскольку шествие с фонарями он считал пустой тратой времени. И когда Чан Кайши вместе с участниками праздника прошел по деревне, то в глазах тестя окончательно потерял свое лицо. А потому, услышав требование зятя, он лишь насупился и

процедил сквозь зубы: «Голодранец!» Хотя Чан Кайши был еще мал, он уже в полной мере обладал чувством собственного достоинства. Кроме того, у него пробудилось сознание лидера, ведь у себя в деревне он привык командовать сверстниками. Чан Кайши услышал оскорбление и поклялся, что никогда в жизни не простит этого тестю.

Ненависть к тестю не повлияла на отношения Чан Кайши с женой. Мао Фумэй была добродетельной женщиной. Ее отличали внешняя суровость и в то же время мягкость характера. Она уважала мужа и соблюдала приличия, как подобает высококонрастной женщине. Фумэй понимала, что отношения мужа и отца прервались навсегда, но мудрость ее подсказывала выход из положения. Она попросила своего дальнего родственника стать домашним учителем Кайши. Ведь считалось, что уважение к учителю равносильно уважению к отцу. Поэтому почитание, с которым Чан Кайши относился к своему наставнику, благоприятно сказалось и на отношениях с женой. Одним словом, их связывали именно те чувства, которые могли возникнуть между супругами в старом Китае.

Так прошло несколько лет. Чан Кайши вырос, возмужал, научился подавлять в себе упрямство. Он уже успел сменить несколько учебных заведений. Жизнь и прелюдия революционных событий увлекли молодого человека. В начале века разразилась русско-японская война. Земли Китая стали ареной кровопролитных сражений. Чан Кайши бросил школу и решил посвятить себя военному делу. Надо было ехать в Японию и там постигать военную науку. Прежде чем отправиться за границу, он поступает в военное училище в городе Нинбо. Там молодой человек изучает военные трактаты «Взгляд на запрещение в древней литературе» и «Суждения Дун Лайбо», а также самостоятельно штудирует «Военный трактат Суныцзы», «Поучение Ган Цзинь» и другие исторические и военные книги. К этому времени жизнь его входит в спокойное русло. Он вызывает к себе жену и снимает квартиру в тихом живописном месте недалеко от ботанического сада. Стремясь расширить кругозор жены, он просит сестру одного из своих сокурсников позаниматься с ней.

Это был период времени, когда молодая женщина поняла, что на свете существует любовь, что жизнь может при-

носить радость. К сожалению, счастливая пора закончилась очень скоро. Через полгода в знак протеста против маньчжурской династии Чан Кайши обрезал косу и навсегда связал свою жизнь с армией. С этого времени у него начинаются годы странствий. Он считал, что достичь желаемого на военном поприще можно, только отказавшись от житейских радостей. Поэтому он без колебаний отправляет молодую женщину к свекрови. И Мао Фумэй ничего не оставалось делать, как безропотно подчиниться воле мужа. Жизнь ее с этих пор наполнилась печалью и тоской.

В Токио Чан Кайши ждало разочарование. Его не приняли в военное училище, потому что у него не было официального направления. Ему пришлось вернуться на родину. Однако он не думал отказываться от своей мечты и твердо решил найти в Китае училище, в котором преподавание велось бы на заграничный манер. Вскоре он берет себе имя Цзян Чжицина и становится слушателем военной школы в провинции Чжецзян.

По возвращении из Японии Чан Кайши мучила мысль, где взять деньги на учебу в военном училище. Понимая, какие мысли терзают супруга, Фумэй молча достала самую дорогую вещь из своего приданого — шкатулку с драгоценностями — и протянула мужу. Это была единственная жертва, которую могла сейчас принести ему жена. Кайши не нашел слов, чтобы выразить свою благодарность, и лишь долго смотрел на Фумэй. Она отвела взгляд и застенчиво опустила голову.

С этой шкатулкой Чан Кайши отправился в Ханчжоу. По дороге он остановился в Нинбо, нашел родственника жены и попросил его продать драгоценности.

Родственнику понравилась целеустремленность молодого человека. Он улыбнулся, когда увидел, как тот бережно поставил перед ним шкатулку, покачал головой и сказал:

— Ты должен добиться положения в армии, а твоя жена пусть заботится о твоей матери. Я тоже не останусь в стороне и дам тебе деньги на дорожные расходы, а шкатулку верни жене.

Чан Кайши обрадовался такому повороту событий. Он взял у родственника сто юаней, поблагодарил его и простился. И хотя шкатулка с драгоценностями так и не была продана, Чан Кайши всегда помнил этот случай. Как знать,

может быть эта шкатулка сыграла в его жизни одну из главных ролей.

* * *

После года пребывания в Чжецзянском военном училище, где Чан Кайши показал себя старательным слушателем, он поступил на ускоренные пехотные курсы, готовившие командный состав для правительственных войск.

Многое, происходившее в стенах училища, не могло не вызвать возмущения Чан Кайши. Однажды японский военный врач, рассказывая о бактериях, для примера показал слушателям обыкновенную глину:

— В этом комке, — сказал он, — может находиться до четырехсот миллионов микробов.

Здесь он решил блеснуть остроумием и добавил:

— Их положение можно сравнить с существованием такого же количества китайцев.

От подобного оскорбления в жилах молодого человека закипела кровь. В то время как никто из присутствующих и бровью не повел на слова японца, Чан Кайши не выдержал, подбежал к кафедре, схватил эту глину, разломал ее на восемь частей и, подняв руку с одним комком, воскликнул:

— А в Японии проживает пятьдесят миллионов человек, и все они подобны пятидесяти миллионам бактерий, находящимся в этой грязи!

Врач никак не ожидал такой наглости и в изумлении уставился на Чан Кайши. Его изумление сменилось гневом, когда он разглядел, что у молодого человека обрзана коса.

— Да ты, оказывается, революционер! — закричал врач.

Услышав такое обвинение и опасаясь, что дело может принять плохой оборот, Чан Кайши взял себя в руки и позволил японцу отчитать себя. После этого происшествия многие однокурсники говорили ему:

— Вот уж не ожидали, что ты окажешься таким храбрецом!

В 1908 г. Юань Шикай основал училище для младшего офицерского состава, в котором преподавание велось на новых принципах. Чан Кайши, как один из наиболее способных слушателей, получил рекомендацию для поступления в это училище. Окончив его, он вновь

отправился в Японию и поступил на подготовительное отделение пехотной школы.

В Японии молодой человек сблизился с шанхайским дельцом Чэнь Цзимзем и под его влиянием вступил в Объединенный союз, созданный Сунь Ятсеном, чтобы принять участие в революционном движении.

Время занятий на подготовительном отделении быстро пролетело. Чан Кайши, постигавший тонкости военного дела, с облегчением вздохнул, будто сбросил с плеч тяжелую ношу, и сразу вспомнил о доме. Он отправил матери и жене письмо и начал собираться в путь.

Когда Мао Фумэй узнала, что муж скоро приедет, она вся ожила подобно тому, как расцветают весной деревья. Радость наполнила все ее существо. Она принялась готовиться к встрече. Каждый день убирала дом, все вокруг блестело, и казалось, что вещи радуются вместе с ней. А когда она поставила праздничные красные свечи, дом как будто приготовился вновь принять новобрачных.

Чан Кайши переступил порог своего дома и первое, что он увидел, были мать и жена. Они стояли на коленях перед статуей Гуаньинь и молились о благополучном возвращении сына и мужа. Чан Кайши внезапно ощутил себя в привычной с детства обстановке. Он почувствовал себя бумажным змеем, который улетел за тысячи ли от дома, но нить, связывающая его с родными, не оборвалась. Опершись о дверь, молодой человек безмолвно замер. Первым увидела мужа Мао Фумэй, но показывать свою радость считалось неприличным, поэтому она лишь слегка потянула свекровь за край одежды. Та обернулась — и не поверила своим глазам: в дверях стоял ее родной сын! Силы покинули старую женщину. Не поднимаясь с колен, она с любовью смотрела на сына, и слезы медленно катились по ее лицу. Мать чуть заметно шевельнула губами и позвала его. Родной голос заставил молодого человека очнуться, и он с криком «Матушка!» бросился поднимать ее с пола. От волнения Чан Кайши не находил слов, а в глазах блеснули слезы.

По древнему обычаю жена не смела прерывать разговор свекрови с сыном, поэтому Мао Фумэй молча принесла мужу горячую воду, чтобы тот смыл дорожную пыль. Принимая от жены

кувшин с водой, он посмотрел на нее, и этот взгляд был красноречивее всяких слов. Женщина постыдилась ответить ему тем же. Она лишь низко опустила голову, лицо ее зарделось. Только на кухне Фумэй позволила себе вспомнить взгляд мужа, и сердце ее захлестнула радость.

Сегодня, стряпая обед, она постаралась проявить все свое мастерство, особенно когда варила куриный бульон с клубнями таро. Глядя, с каким наслаждением муж ест свое любимое блюдо, она радовалась от всей души.

Если верить поговорке, супруги, встретившиеся после долгой разлуки, подобны молодоженам. В присутствии матери Чан Кайши чинно пил чай, вел себя весьма благообразно и, казалось, совсем не замечал жены. Но когда они остались одни в своей спальне, то не скрывали чувств и были поистине счастливы. Только в конце каникул перед возвращением в Токио Чан Кайши ясно ощутил, что нежность жены может помешать ему достигнуть цели.

В 1909 г. у супругов появляется первенец Цзян Цзинго. Долгожданный малыш наполнил новым содержанием жизнь всех членов семьи, и в том числе его отца, хотя тот и был за тысячи ли от дома. Старые люди мечтают, что внуки продолжают их род, и в этом находят утешение, а молодые видят в своих детях радость, которую дарует им жизнь. Вот и Мао Фумэй, глядя на сына, испытывала бесконечное счастье. Маленький Цзинго скрашивал длительное уединение, полную зависимость от свекрови и бесконечные думы о муже. С появлением наследника Чан Кайши тоже стал чувствовать себя спокойнее. В доме подрастал мужчина, и это оправдывало отсутствие Чан Кайши. Тем более, что в то время мораль стояла на стороне тех, кто оставлял семью во имя достижения своей цели. Поэтому Чан Кайши перестал мучиться угрызениями совести и весь ушел в учебу.

В 1911 г. в Китае началась Синьхайская революция, свергнувшая господство маньчжур. Страстное желание быть в гуще грядущих перемен заставило Чан Кайши и его земляков без промедления вернуться на родину. Вместе с Чэнь Цзимэем он приехал в Шанхай и без колебаний включился в борьбу с цинской династией. 6 ноября в Шанхае была провозглашена победа революции. Благодаря протекции Чэнь Цзимэя Чан Кайши получил должность командира полка.

Однако власть захватила реакционная клика Юань Шикая. Чан Кайши вслед за Чэнь Цзимэем вновь уехал в Японию. После злодейского убийства одного из лидеров Гоминьдана Сун Цзяожэня он тайно вернулся в Шанхай и стал вести подготовку правительственного переворота среди верных Юань Шикаю войск. Но все попытки оказались тщетными, и выступление против новой власти было потоплено в крови. Эти обстоятельства вынудили Чан Кайши скрыться на конспиративной квартире Чэнь Цзимэя во французской концессии.

После долгих месяцев, проведенных вне семейного очага, он вновь очутился в уютном, богато обставленном особняке. Здесь хозяйничала служанка, которой Чэнь Цзимэй приказал смотреть за домом. Звали ее Яо Ичэн. Девушка оказалась расторопной не только в домашних делах. В это опасное для гоминьдановцев время, когда их повсюду подстерегали опасности, она стала глазами и ушами молодого человека, помогала ему поддерживать связь с местными членами партии. Молодые люди были подобны двум лодкам в бурном море, которые случайно нашли друг друга. И теперь, чтобы спастись, они пошли рядом. Наблюдая за Яо Ичэн, молодой человек понял, что ей свойственны непосредственность и в то же время серьезность, что она искренне предана ему. Не оставили его равнодушным и ее миловидное лицо, стройная фигура. Он почувствовал, что в их отношениях появилось нечто новое, и он уже не мог жить без этой девушки. Яо Ичэн как молния зажгла недавно успокоившееся сердце Чан Кайши.

Яо Ичэн была старше Чан Кайши и прекрасно видела многие его недостатки. Не менее хорошо понимала она и то, что этот человек отличается от многих. Отныне, чтобы ни случилось, по жизни им суждено идти вместе. И хотя она не позволяла Чан Кайши открыто проявлять свои чувства, в душе была рада его любви. Молодой человек воспринял все это как подарок судьбы, и Яо Ичэн стала его супругой. В обществе того времени не осуждалось, если у мужчины было две жены, и это считалось вполне нормальным явлением. Когда трудные дни миновали, Чан Кайши снял в городе квартиру и поселился там вместе с Яо Ичэн. Они наняли повара, курьера и служанку.

Несмотря на то что у Чан Кайши появилась молодая жена, он по-прежнему не засиживался дома и часто уезжал по делам. Семейный очаг для него был скорее местом, где он мог немного отдохнуть. Да и обязанности главы семьи он не считал для себя самым важным делом. Яо Ичэн и до замужества догадывалась, что ее ждет одинокая жизнь, поэтому сейчас она молча мирилась со своим положением. Прошло несколько лет. В Шанхае стало известно, что в мае 1916 г. в Токио был убит Чэнь Цзимэй. Это событие потрясло супругов. Теперь Чан Кайши всецело отдает себя делу Гоминьдана и расстается с Яо Ичэн, оставляя ей сына Цзян Вэйго.

Весной 1924 г. начальник военной школы Вампу Чан Кайши получил от Вэйго письмо и фотографию. Вот что писал мальчик: «Я уже давно не виделся с Вами, дорогой отец, и очень соскучился. Если бы у меня выросли крылья, я смог бы прилететь в Гуанчжоу и встретиться с Вами». Чан Кайши несколько раз перечитал это коротенькое послание. Фотографию сына он поставил на своем письменном столе и подолгу смотрел на нее. Теперь он часто вспоминал свою жизнь в Шанхае, и ему захотелось увидеть Яо Ичэн. Не раздумывая он отправил с нарочным письмо в Шанхай.

Вскоре Яо Ичэн вместе с сыном приехала в Гуанчжоу. Встреча принесла супругам и радость, и огорчение. Жена пробыла в Гуанчжоу довольно долго, а потом вместе с мальчуганом уехала в Сучжоу, к своим родителям. Теперь свою жизнь она посвятила воспитанию сына, молитвам и отрешилась от внешнего мира.

В отличие от Яо Ичэн Чан Кайши отнюдь не предавался унынию и живо интересовался всем, что происходило вокруг него. Расставшись с Яо Ичэн, он познакомился с госпожой Чэнь Цзежу. Это была высокая женщина с крупными чертами лица, вовсе не блиставшая красотой, но покорявшая всех своим обаянием. Чэнь Цзежу родилась в Сучжоу, но детство и юность ее прошли в Шанхае, где она получила образование и выучила русский язык. Светский образ жизни и положение, которое она занимала в обществе, оказались очень полезными для Чан Кайши. Вскоре после знакомства в его душе пробудились искренние чувства. Любовь была взаимной, и молодые супруги поселились в иностранном селтлменте.

Это был один из самых бурных периодов жизни Чан Кайши, наполненный разнообразными событиями и потрясениями. Именно в это время после очередного переворота Чан Кайши вслед за Сунь Ятсеном был вынужден, спасаясь от опасности, бежать на канонерской лодке. Часто в опасных ситуациях Чан Кайши оказывался вместе с Чэнь Цзежу. Однажды он вместе с супругой был приглашен на банкет. По пути они попали в руки бандитов, но, к счастью, благодаря решительным действиям начальника охраны, который сразу же организовал поиски, им удалось избежать беды. В благодарность за вызволение из плена охранники получили от Чэнь Цзежу двести юаней.

Чан Кайши испытывал глубокие чувства к своей подруге. Это была и нежность к женщине, и восхищение ее талантами и преданностью делу Гоминьдана. Последнее выражалось в том, что, когда Сунь Ятсен поручил Чан Кайши возглавить организацию политических контактов с Советской Россией, Чэнь Цзежу, владея русским языком, оказывала ему большую помощь. Перед началом Северного похода, который ставил целью разгромить милитаристов и разрабатывался при помощи советских военных советников, ее дом в Шанхае стал конспиративным местом встречи представителей китайской и советской сторон. Был и такой случай: начальник охраны Чан Кайши получил приказ прибыть в Шанхай, но внезапно заболел. Чэнь Цзежу, рискуя быть схваченной, отвезла его в миссионерскую больницу, где он находился на лечении в течении двух недель. После этого случая начальник охраны всякий раз благодарил ее за то, что она не побоялась риска и проявила о нем заботу. Об этом узнал и Чан Кайши и стал еще больше ценить в Чэнь Цзежу не только подругу, но и единомышленника.

В марте 1927 г. войска Северного похода вернулись в Шанхай. Чэнь Цзежу чувствовала себя окрыленной и была уверена, что ее муж после долгой разлуки сразу вернется домой. Она с нетерпением ждала его. Она и не предполагала, что уже несколько лет Чан Кайши мечтает о новой жене. Только глубокой ночью 26 марта он появился на пороге дома. Чэнь Цзежу казалось, что ожидание было для нее подобно долгому сну, очнувшись от которого она увидела любимого. С приездом хозяина дом пробудился и пришел в движение, но жена,

зная, что Чан Кайши не любит суматохи, велела лишь одной служанке накрыть стол в беседке, а остальную прислугу отпустила отдыхать. Потом, приблизившись к мужу, с упреком спросила:

— Что же ты не предупредил меня о своем приезде? Я бы заранее приготовила ужин.

В ответ Чан Кайши только махнул рукой:

— Не надо беспокоиться, я уже поужинал.

— Ведь ты уже давно в Шанхае, а ко мне пришел только сейчас. Неужели не знал, что я все время жду тебя? — эту фразу Чань Цзежу произнесла мысленно. Упреки остались в ее сердце. Она и не догадывалась, что ужин, о котором упомянул Чан Кайши, имеет самое непосредственное отношение к ее будущей судьбе.

* * *

В тот вечер Чан Кайши ужинал в доме Сун Цзывэня, шурина Сунь Ятсена.

Было девять часов вечера, когда в комнату вошла хрупкая девушка с тонкими чертами лица, и воздух наполнился ароматом изысканных духов. Это была Сун Мэйлин — младшая сестра хозяина дома. Она церемонно поклонилась гостю и выразила сожаление, что до сего времени не могла разделить его общество. Чан Кайши совсем забыл о том, что должен ответить на ее слова. Сердце его бешено заколотилось, необычайное волнение охватило все его существо. В его памяти сразу возник дом Сунь Ятсена, где он видел ее несколько лет тому назад. Она гостила у своей сестры Сун Цинлин — жены Сунь Ятсена. Тогда она была совсем девочкой в коротком платьице, со смешными косичками, грациозная и подвижная. Как хороша она была! Чан Кайши понял, что вновь влюблен. Тогда же он рассказал о своих чувствах Сунь Ятсену, надеясь, что учитель поймет и разделит его радость.

Вначале Сунь Ятсен был крайне удивлен, но потом решил, что такое стремительное увлечение имеет мало шансов на успех. Он посоветовал Чан Кайши не торопиться, а сам подумал, что хотя тот и сильный человек, но на этот раз его ждет неудача. Может, это и к лучшему. Неожиданно для Сунь Ятсена его жена, когда узнала о намерениях Чан Кайши в отношении ее сестры, пришла в страшное негодование.

Прошло несколько лет. Чан Кайши был настроен решительно и не собирался отступать. Смело идти к достижению цели — вот принцип, которого он придерживался всю жизнь. Через несколько месяцев ему вновь предстояло участвовать в Северном походе. Накануне отъезда он захотел еще раз увидеть предмет своего обожания и принял приглашение от Сун Цзывэня. После ужина он еще долго оставался в доме хозяев. Всю ночь он думал, чем может покори́ть сердце капризной девушки. Утром Чан Кайши велел телохранителю подать походную форму и, облачившись в нее, долго любовался на себя в зеркало. Он остался доволен собой. Пусть ему уже скоро сорок, но он по-прежнему подтянут и молодцеват. У него мужественное лицо и достойные манеры, а это, как он знал, производит впечатление на женщин... Ну что тут можно добавить? Да только то, что Чан Кайши был очень самоуверен.

Судьбу Сун Мэйлин решала ее мать, которая после смерти мужа стала старшей в роду. Она была категорически против этого брака. Во-первых, Чан Кайши был уже женат и у него подрастали сыновья. Потом, он не был христианином, а посему такой кандидат был недостоин ее дочери. Сун Цзывэнь тоже был противником брака сестры с Чан Кайши. Но неожиданно у Чан Кайши появился и союзник. Живое участие в судьбе Мэйлин приняла старшая сестра Сун Айлин. Она обратилась с просьбой к священнику уговорить Сун Цзывэня не выступать против Чан Кайши и приложила все силы, чтобы склонить мать на его сторону.

После переворота 12 апреля 1927 г., когда Чан Кайши захватил власть в Шанхае, он попросил дать ему десятидневный отпуск и сразу отправил приглашение Сун Мэйлин приехать в Чжэцзян. Прежде чем сделать это предложение, он, конечно, заручился поддержкой Сун Айлин. Та в свою очередь убедила сестру согласиться на эту поездку.

Когда поезд, в котором ехала Сун Мэйлин, подошел к перрону, Чан Кайши уже ждал ее. В элегантно́м костюме, высокой соломенной шляпе, белых туфлях он был похож на иностранца.

Поезд остановился, и Сун Мэйлин сошла на перрон. Чан Кайши с улыбкой подошел к ней, пожал руку, взял сумку, всем своим видом выражая девушке глубокое почтение.

Они поехали вдоль реки на легкой

машине, а затем на катере к подножию гор Цзяошань. Здесь в уединенном, живописном месте находился храм. Они поселились в кумирне и каждый день совершали длительные прогулки, осматривая достопримечательности. Так без забот пролетели дни отпуска.

Когда Сун Мэйлин вернулась в Шанхай, старшая сестра встретила ее словами:

— Теперь ты поняла, что это хороший человек!

Мэйлин молча улыбнулась, такая оценка была ей приятна.

Раньше девушка не придавала значения ухаживаниям Чан Кайши, была равнодушна к его чувствам. Однако, когда Сун Мэйлин увидела, что брату не нравится ее новый поклонник, возмутилась. Девушка была крайне самолюбива и не хотела кому-либо, кроме матери, позволять распоряжаться ее судьбой. И хотя ей были неприятны семейные сцены, тем не менее она не мешала Чан Кайши выражать свои чувства, да и сестра всячески его поддерживала. Чем чаще Мэйлин виделась с ним, тем лучше узнавала. Теперь разница в возрасте и то, что он был женат, не казались ей препятствием. Девушка понимала, что благодаря своим достоинствам Чан Кайши сможет добиться многого. А поскольку она была честолюбива, то брак с таким человеком был для нее соблазнительным, и бывшее безразличие исчезло.

События лета и осени 1927 г. круто изменили жизнь героев нашего повествования. Распри в военной верхушке вынудили Чан Кайши подать в отставку. Но то, что происходило в его личной жизни, можно определить словами «на поприще чиновника потерпел поражение, в области чувств добился цели». Чан Кайши был настойчив в своих действиях и заставил матушку Сун поверить в искренность своих намерений. Когда она по делам поехала в Японию, Чан Кайши, не считаясь с расходами, тут же отправился за ней и снял дом там же, где поселилась она. На следующий день он пришел к ней с визитом и завел решительный разговор. Визит закончился только во второй половине дня. Когда он покинул матушку Сун и по дороге встретил хозяйку своего дома, он с радостью закрылся.

— Госпожа, я победил! Теперь надо срочно написать на родину. Пожалуйста, приготовьте тушь!

Вечером на одном дыхании он исписал иероглифами пять листов.

Утром следующего дня он купил кольца для помолвки, а матушка Сун подарила ему Библию.

По возвращении в Шанхай Чан Кайши приступил к выполнению условий, поставленных будущей тещей. Он должен был принять христианство и развестись с женой. Решил начать с более простого. Попросил родственницу помочь ему в этом щекотливом деле, а именно уговорить сначала Яо Ичэн на развод. При этом он обязался помочь ей деньгами и согласился оставить сына. Яо Ичэн давно уже не строила никаких иллюзий относительно своего мужа и приняла все условия.

Чэнь Цзэжу была человеком современных взглядов и не долго огорчалась такой развязкой романа. Получив от бывшего мужа сто тысяч долларов, она уехала в США. Гораздо сложнее оказалось уладить дела с Мао Фумэй, которая, как вы помните, была его первой женой. Чан Кайши прекрасно сознавал, что, не уладив с ней все должным образом, он мог повредить своей репутации. Родственники могли обвинить Чан Кайши в том, что он выгнал жену из дома и оставил ее без пропитания. В этом случае он пожизненно носил бы клеймо безнравственного человека. Он не хотел ставить себя под удар тех, кому мешала его известность, поэтому надо было что-то предпринимать. Сначала Чан Кайши не мог ничего придумать, пал духом и начал проявлять нерешительность, но потом прибегнул к хитрости, придумав, как сделать, чтобы обе стороны остались довольны. Чан Кайши решил формально развестись с первой женой и поместить об этом объявление в газетах, чтобы его прочитали родственники Сун Мэйлин. Сам же рассчитывал не порывать своих тайных отношений с Мао Фумэй и оставить ее хозяйкой своего сельского дома. Позже обе женщины смирятся с таким положением.

1 декабря 1927 г. Чан Кайши и Сун Мэйлин обвенчались в одной из церквей Шанхая. Корреспондент местной газеты, выходившей на английском языке, назвал эту церемонию «самой грандиозной за последнее время». Что касается Мао Фумэй, то ее жизнь отныне стала подобной траурной мелодии. некогда полнокровная жизнь рассеялась как

дымка. Женщина утешала себя лишь тем, что осталась хозяйкой в доме мужа, и, значит, он полностью с ней не порвал. А то, что жизнь не дала ей радости, это, по ее мнению, определяется судьбой, на которую роптать нельзя.

Спустя некоторое время Чан Кайши привез молодую жену в свою родную деревню. Грациозная Сун Мэйлин с подчеркнутым уважением обратилась к Мао Фумэй, которая уже выглядела почти пожилой женщиной. Молодая женщина почтительно вручила ей соболей, женьшень и другие дорогие подарки. Мао Фумэй также придерживалась этикета, показывая образец гостеприимства. Все это, конечно, было приятно Чан Кайши. Впоследствии он не раз приезжал сюда, и Фумэй угощала его любимыми блюдами. Если он заблаговременно сообщал о своем приезде, она успевала приготовить сладости, например пельмени со сладкой начинкой, которые обычно подают в Новый год. Однажды Чан Кайши взял с собой Мэйлин. Мао Фумэй приготовила на кухне еду и незаметно ушла через заднюю дверь на улицу. Почему она так сделала? Наверное, ей было не очень приятно встречаться с новой женой. А может быть, она просто не хотела, как того требовал обычай, склоняться перед ней в поклоне. Мао Фумэй никому не рассказывала об этом. Покладистость и искренность, строгость и добропорядочность всегда были присущи первой жене Чан Кайши. Для нее много значило мнение односельчан, которые почтительно называли ее матушкой.

Сианьский инцидент, во время которого Чан Кайши, не решавшийся выступить против японских агрессоров, был арестован, потряс Сун Мэйлин. У нее не было возможности воспрепятствовать проискам группировок, которые начали плести заговор с целью спровоцировать в Китае гражданскую войну. Женщина срочно вылетела в Сиань, где встретилась с Чжан Яном, который мог повлиять на судьбу Чан Кайши. Она приложила все усилия, чтобы убедить его в мирном решении конфликта.

Мао Фумэй, простая деревенская женщина, чтобы спасти Чан Кайши, стала действовать иначе. Все дни она проводила на коленях перед изображением Будды, умоляя его сохранить жизнь мужу. Она побывала в Ушаньском храме и дала обет всемогущему Будде, обещая отдать свою жизнь в обмен на благо-

получие Чан Кайши. Когда муж узнал об этом, он был тронут.

25 декабря 1938 г., когда японские самолеты начали бомбить Цикоу, Мао Фумэй убежала из дома, но, вспомнив, что не заперла дверь на ключ, вернулась обратно. В этот момент раздался взрыв, и она была заживо погребена под развалинами. Это случилось через два года после освобождения Чан Кайши из-под ареста, но многие говорили, что Будда выполнил обет женщины. С тех пор как Чан Кайши принял христианство, он говорил окружающим, что верит в это учение. В своем освобождении он увидел проявление воли всевышнего, который послал женщину, чтобы спасти его. Теперь его мучил вопрос: какая из женщин спасла его: Сун Мэйлин или Мао Фумэй? Со временем он склонился к мысли, что все-таки его спасла первая жена. Мао Фумэй уже покинула этот мир, и ее муж до конца дней своих чувствовал свою вину перед ней.

После победы в войне Сопротивления Японии Чан Кайши еще раз побывал в родных местах. Он приказал привести в порядок могилы жены и матери, отремонтировать храм, в котором молилась жена и дала тот роковой обет. Весной 1949 г. перед тем, как уехать на Тайвань, он в последний раз приехал в Цикоу и провел там три месяца. На этот раз он взял с собой внуков. Целыми днями Чан Кайши водил их по окрестностям и рассказывал о своем детстве. Приводил он детей и к родным могилам. Подолгу стоял возле них и, удаляясь, еще часто оборачивался. Может быть, он тосковал о своих утратах, а может, испытывал запоздалое раскаяние перед близкими. Наступил закат его жизни, и, как многие старые люди, он с болью думал о своих близких, ушедших в мир иной.

*Перевод с китайского языка
Н. В. ЗАХАРОВОЙ*

Сокровища русской духовной миссии в Пекине

И. КАРМАНОВСКАЯ

С момента создания Петром I Духовной миссии в Пекине (1715 г.) до начала XX в. русское Китаеведение, монголоведение и маньчжуристика своей *Alma mater* считали Пекинскую Духовную миссию, откуда вышла целая плеяда крупных ученых-синологов (Иакинф — Н. Бичурин, Палладий Кафаров, В. Васильев и др.); талантливых переводчиков китайской и маньчжурской литературы (З. Леонтьевский, А. Леонтьев, И. Россохин); преподавателей, практических работников, менявшихся из поколения в поколение.

Огромное значение в формировании этих специалистов имела библиотека. По размерам своего книжного фонда (свыше 10 тыс. т.) (1, с. XXIV)*, по количеству находящихся в ней редчайших китайских изданий это была, вероятно, одна из крупнейших не только для своего времени (а тогда единственной в своем роде) научных Китаеведческих библиотек. Длительное время она была уникальной базой для научных исследований русских ученых-востоковедов.

Можно предположить, что было несколько библиотек, о чем свидетельствуют как история миссии (см.: Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет. Вып. 1—2.— Казань, 1887), так и пометки на книгах из собраний Иркутского университета или синологического отдела ИНИОН АН СССР типа: «Российская и европейская библиотека», «Старая русская библиотека», «Казенная», «Ученическая». В свое время высказывались мысли о том, что собственную библиотеку должна была иметь и семинария при миссии. (2, с. 9).

Здесь мы остановимся только на одной — Библиотеке миссии — и будем пользоваться этим сокращением, рассказывая о Библиотеке Российской духовной миссии в Пекине.

«Первая православная миссия (1715—1728 гг.), снаряженная в Пекин, была обеспечена прилично. Ей были даны иконы, ризница, утварь и богослужебные книги», — пишет Н. Адоратский. (3, с. 64). Видимо, эти «богослужебные книги» и положили начало сформировавшейся через несколько десятилетий Библиотеке миссии. Книги передавались соответствующими актами от одной миссии к другой. Так, согласно инструкции для членов V миссии (1755—1771 гг.), «начальник миссии обязывался принять в Пекине под расписку церковную утварь, книги» (там же, с. 203).

Книжные богатства множились и во времена VII миссии (1781—1794 гг.), а в Библиотеке выделился отдел иностранных книг (его каталог был составлен архимандритом Иакинфом Шишковским незадолго до отъезда из Пекина). Каталог указывает на полное обеспечение миссии богослужебными книгами. О книгах на китайском и маньчжурском языках в этот период времени сведений не сохранилось.

Начальник VIII миссии Софроний Грибовский (1794—1807 гг.) подарил Библиотеке ряд книг, затем собрание пополнилось изданиями, пожертвованными учениками и членами миссии. В Библиотеке в этот период имелись книги на нескольких языках и различного содержания, много было христианских, приобретенных от католиков. 12 мая

Кармановская Ирина Львовна — аспирантка ИНИОН АС СССР, автор статей: «Библиография работ советских Китаеведов в «Цзиньдайши яньцзю». — ПДВ.— 1984.— № 4; «Развитие библиотечных и информационных учреждений КНР», «Национальная библиотека в Пекине». — ПДВ.— 1987.— № 5; «Старейшее китайское издательство». — ПДВ.— 1988.— № 5 и др.

* Здесь и далее числа, написанные арабскими цифрами (в скобках — с 1 по 22) соответствуют порядку нумерации в библиографии — конец статьи. — *Прим. ред.*

1793 г. архимандрит Софроний обратился в Священный Синод с прошением о необходимости приобрести для Библиотеки миссии кроме церковных и некоторые «поучения св. отцов», книги с толкованием на св. писание. Определением Св. Синода от 13—16 мая 1793 г. было постановлено «выдать новой миссии ряд требуемых изданий». (4, с. 317). В документах также упоминалось, что Софроний не нашел в Пекине никаких пособий для учеников, поэтому в 1796 г. нанял на церковные деньги частного учителя и завел казенную библиотеку. Годом раньше для студентов миссии он основал особую учебную библиотеку, которая стала отделением казенной. Покупка Софронием книг на церковные деньги и основание казенной библиотеки были одобрены коллегией иностранных дел.

Развитие книжных коллекций миссии во времена IX миссии — «Бичуринский период» — к сожалению, никак не освещается в просмотренных нами источниках. Тем не менее, хочется сказать несколько слов о личности Бичурина. Никита Яковлевич Бичурин, известный под монашеским именем как отец Иакинф, является одним из ярчайших представителей русского востоковедения. Крупнейший ученый, намного опередивший свое время, «вольнотумец в рясе», Бичурин был связан с А. С. Пушкиным, декабристом Н. А. Бестужевым, другими прогрессивными людьми своего времени. Н. Я. Бичурин привез в Россию из Китая целый караван (из 15 верблюдов — около 400 пудов) ценнейших китайских книг, ящики своих рукописей. Книги пополнили фонды некоторых российских библиотек (рукописи трудов Бичурина хранятся, в частности, в Казани и Ленинграде). Немало исследователей уже имели возможность познакомиться с бичуринским наследием, у других же встреча с ним может только состояться¹.

Размеры денежных средств, ассигнуемых Священным Синодом для выписки журналов и необходимых русских книг, не превышали 250 руб. в год серебром (5, с. 62), а в 1860 г. сумма уменьшилась до 50 руб. серебром, поэтому члены миссии были вынуждены приобретать книги и журналы на китайском и европейских языках за свой счет. В документах тех лет читаем, что «членом миссии принадлежит главное и живое участие в обогащении библиотеки» (6, с. 48).

Китайское правительство также весьма сочувственно относилось к пополнению фонда и охране Библиотеки. Так известно, что при его содействии члену миссии (впоследствии академику В. П. Васильеву) удалось приобрести ряд ценных изданий. Известны случаи, когда Библиотеке дарили книги частные лица. Так, в 1804 г. директор училища русского языка подарил миссии «Новый лексикон Сергея Волкова» (Спб. б. г.), выписанный им из Кяхты.

Однако официальной датой основания Библиотеки миссии принято считать 1795 г., и связывают это событие с именем Петра Каменского, который очень любил книги. Взяв с собой в Китай большое число книг разнообразного содержания, он подарил их миссии со своей дарственной надписью. П. Каменский был «одним из популярнейших людей в кругах пекинской знати». (там же, с. 45). Отдых свой он не представлял без книги, часто посещал Библиотеку миссии, основание которой было им и положено. «В 1795 г. я в Пекине, не найдя ни одной нужной книги, из своих весьма немногих книг положил казенной библиотеке основание и лелеял ее как нежное дитя... Мною пожертвована в тамошнюю Российско-императорскую библиотеку прекрасная и редкая коллекция христианских книг на китайском, маньчжурском языках. Могу сказать святую истину, что коллекция сия бесценна. ...Генерал-губернатор М. М. Сперанский пожаловал мне свой перевод и латинский подлинник самого лучшего издания «Подражание Христу», но я, любя пекинскую библиотеку, мною заведенную и нежно возвращенную до возможного совершенства, сей бесценный подарок передал в оную» (8, с. 28, 50).

27 июля 1818 г. Александром I был утвержден Проект инструкции для миссии, который детально регламентировал все стороны ее функционирования. В инструкции говорилось, в частности, что «миссия (П. Каменского. — Прим. ред.) обязана по мере данных ей средств собирать для своей библиотеки как книги, так и географические карты, планы городов... Находя хорошие книги и вещи, должно покупать их по 2 экземпляра — один для миссии, другой для вывоза в Россию» (10, с. 25).

На покупку китайских и маньчжурских книг отводилось 500 руб. (11, с. 16). «Во исполнение высочайше утвержденной инструкции, данной мне... я отыскивал лучшие и полезные книги, — писал П. Каменский. — ...Во время последнего моего пребывания в Пекине, я большое употребил старание собирать сколько возможность позволяла христианские священные книги... Одну значительную коллекцию собранных книг посвятил в Российско-императорскую библиотеку в Пекине, другую — вывез в любезное отечество». (АВПР —

Ф. 161. Гл. архив. 1—5, оп. 4 — дело 1, п. 16 «О книгах, купленных в разное время: 1839—1849 гг.»).

В 1830 г. П. Каменский привез в Россию большую библиотеку на китайском и маньчжурском языках. Свыше 100 книг он передал в семинарию и гимназию Иркутска, в Публичную библиотеку Петербурга, в Московский университет, Петербургскую духовную академию и Азиатский департамент.

Журнал «Китайский благовестник»², который издавался Российской духовной миссией в Пекине с 1904 г., писал: П. Каменский «более полувека трудился на благо Пекинской миссии и православного христианства в Китае» (9, с. 1).

В проекте инструкции начальнику XI Пекинской Духовной миссии В. Морачевичу высказывалось предостережение о том, что «назначенную по расписанию сумму на покупку книг, карт и прочего употреблять со всевозможною бережливостью и осторожностью, дабы не подвергнуться обману... и вообще стараться приобретать вещи полезные» (12, с. 13). В этот период в распоряжение миссии перешло имущество католической церкви с книжными сокровищами, собранными португальскими миссионерами. В архиве внешней политики России (АВПР) имеется каталог этой богатейшей библиотеки (13). Список книг составлялся членами Российской миссии тщательно и любовно: книги рассторгированы по 117 (!) отделам, среди которых (наиболее значительные) разделы «богословья» (270 назв.), «благочестивые размышления» (211), «аскетика» (86), «церковное красноречье» (85)³ и др. Всего по каталогу числится 3345 назв.— довольно существенное и полезное, но, к сожалению, временное пополнение фонда Библиотеки миссии.

П. Е. Скачков (14, с. 149) так описывает историю появления португальской библиотеки в Российской миссии. В 1838 г. в Пекине умер последний из западноевропейских миссионеров в Пекине португальский миссионер Пирес Перейра, приехавший в Китай в 1800 г. Еще при жизни П. Перейра просил В. Морачевича в случае смерти продать имущество, вырученные деньги перевести португальской миссии в Макао. В завещании Перейры, оставленном отцу Вениамину, говорилось: «Все имущество португальских миссионеров продать и вырученные за то деньги отослать в Португалию для передачи кому следует». В. Морачевич отправил в Азиатский Департамент донесение относительно этого дела. Незамедлительно последовал «Проект предписания старшему священнику миссии в Пекине Вениамину Морачевичу», содержащий следующее: «Азиатский Департамент получил Ваше донесение от 12 мая 1839 г. по делу об имуществе, оставшемся от португальских миссионеров. Крайне прискорбно... что вы приняли на себя действия, которые до миссии вовсе не должно бы касаться и которые, кроме хлопот и неприятностей, ничего другого для нас не представляют... Ваш поступок был неосторожен и вам следовало еще при жизни покойного епископа отклонить от себя подобное дело, как несовместное с нашими видами и которое для самой миссии могло иметь неприятные последствия.» (АВПР — Ф. 161, Гл. архив — 1—5, оп. 4 — 1840 — № 32 «О принятии Пекинской миссией в свое заведение имущества, оставшегося после смерти португальского епископа Перейры, принадлежавшего миссионерам») Специальный пункт в предписании (№ 2) предназначался приставу XII миссии Любимову Н. И., в котором говорилось: «От португальских миссионеров после смерти последнего их епископа Перейры осталось на попечение нашей миссии движимое и недвижимое имущество, которое по точному смыслу завещания покойного епископа должно быть передано португальскому правительству» (15, с. 12). В своем донесении в Азиатский Департамент П. Любимов писал: «Португальское правительство должно быть обязано благодарностью нашему правительству за принятие участия, ибо без его участия португальское имущество в Пекине было бы расхищено и пропало бы безвозвратно.» (АВПР — Ф. 161 — № 32).

Португальская библиотека была передана во время XIV миссии российским послом Н. Игнатевым, однако небольшая ее часть (узкоспециального профиля, в частности по астрономии) была вывезена в Петербург и передана Петербургской обсерватории.

Знакомясь с «Каталогом книг, русских и иностранных, находящихся в Пекинской Духовной миссии» (16), который имеется в фондах АВПР, можно получить представление о характере фонда Библиотеки миссии того периода. Всего в «Каталоге» перечисляется 1445 назв., разбитых на 16 отделов: богословские книги, исторические, всеобщая география, философия, ученые сборники и записки, медицинские книги, естественные науки (с подразделами: ботаника, зоология, физика, химия, технология), военное искусство, астрономия и математика, законоведение и политика, статистика и торговля, экономия и сельское хозяйство, философия, словесность, географические атласы и карты. (Названия отделов

приведены в точном соответствии с «Каталогом»).

Разнообразие собранных в Библиотеке книг позволяет судить об универсальном характере ее фонда. Из других документов по истории миссии известно также о хранившихся в Библиотеке многочисленных словарях, проповедях бывших членов миссии. В рукописях Петра Корниевского (1833—1878 гг.) — он был последним из врачей, прикомандированных в Пекинскую духовную миссию в 1857 г., находился в Китае до 1862 г. — можно найти каталоги медицинских книг, имевшихся в Библиотеке миссии и лично у П. Корниевского. По каталогам можно судить, насколько богата была Библиотека китайскими медицинскими изданиями⁴. Сохранился также «Каталог китайских, маньчжурских и тибетских книг, находящихся в Библиотеке Пекинской духовной миссии» (17).

Чтобы представить себе способы закупок литературы для Библиотеки миссии, следует познакомиться с содержанием имеющихся в фондах АВПР записок в различные книжные магазины, российским консулам, советникам посольств многих стран. Так, 7 октября 1839 г. господину советнику посольства стат. советнику Киселеву в Лондон была направлена записка следующего содержания: «Многоуважаемый Николай Дмитриевич! В январе 1840 г. отправляется новая миссия в Пекин. По сему случаю от Азиатского Департамента по высочайшему повелению искуплены нужные для начальника книги по восточной части. Но некоторых необходимых сочинений на английском языке не оказалось. Поэтому обращаюсь к вам купить книги у лондонских книгопродавцев и выслать на адрес Азиатского Департамента...» (АВПР — Ф. 161 — Гл. архив — 1—5, оп. 4 — № 21 «О книгах, находящихся в Библиотеке нашей Пекинской миссии: 1839—1849 гг.»). Подобная же записка о закупке книг у парижских книгопродавцев была направлена российско-императорскому генеральному консулу в Париже. А в 1839 г. иеродиакон Гурий Карпов получил 1112 названий книг из магазина Ильи Глазунова. (Там же). В инструкции начальнику XII миссии отцу Поликарпу говорилось, что «при нынешнем значительном приращении Библиотеки миссии нужно, чтобы она содержалась в особом порядке: всем книгам должен быть составлен подробный и систематический каталог... Библиотечную сумму вы будете употреблять с бережливостью, покупая только книги нужные и полезные для учебных занятий членов миссии. Редкие сочинения и карты можно будет приобретать в 2-х экземплярах, с тем, чтобы один оставался при миссии, а другой для вывоза в отечество», (АВПР — Ф. 161 — Гл. архив — 1—5, оп. 4 — № 20 «О препровождении книг, вещей и пр. из Пекина в Петербург и обратно: 1842—1843 гг.»). В донесении статского советника Любимова в Азиатский Департамент от 11 мая 1842 г. говорится: «Честь имею представить при сем список вывезенных китайским, маньчжурским и другим книгам для Библиотеки Азиатского Департамента. Часть сих книг была куплена о. Аввакумом еще до приезда новой миссии на штатную библиотечную сумму, а остальные книги куплены были по приезде новой миссии... Денег не хватает. Я уплатил из собственных денег. Посему прошу Департамент учинить зависящее от него распоряжение и возвратить мне... 190 руб. 67 коп. серебром... Из числа вывезенных сочинений есть весьма редкие и такие, которые в самом Пекине нельзя иначе достать, как по случаю.» (АВПР — Ф. 161 — Гл. архив — 1—5, оп. 4 — дело 1, № 16 «Реестр китайских и маньчжурских книг, купленных по пребыванию в Пекин новой миссии».)

Библиотечные книги долгое время хранились в общем старом помещении в Южном Подворье. Давно назрела необходимость в строительстве нового библиотечного помещения. В 1842 г. ассигнования на постройку библиотеки в Пекине составили 13 500 руб. (18, с. 112). Но прошло еще много лет, прежде чем книги были перевезены в новое просторное здание. 7 декабря 1876 г. Государственный Совет утвердил ежегодную сумму содержания миссии в 15 600 руб. и единовременное ассигнование на ремонт здания в 16 500 руб. На эти деньги были построены новые помещения для членов миссии, колокольня, библиотека (там же, с. 158). За постройкой наблюдал иеромонах Флавиан, он же заведовал в то время Библиотекой⁵. Надо отметить, что особой должности библиотекаря при миссии не было. Чаще всего заведовали Библиотекой студенты миссии. Так, во времена XII миссии обязанность эта была возложена на студента Гошкевича, в следующей миссии — на студента Успенского. Не лишним будет напомнить содержание инструкции начальнику миссии отцу Поликарпу (1840 г.), в которой уже тогда говорилось о том, что «для большего порядка необходимо возложить на кого-либо из членов миссии должность библиотекаря. Обязанность его будет хранить все книги в целости, исправности и выдавать оные кому нужно с вашего разрешения и с надлежащими отметками в каталогах и расписками.» (АВПР — Ф. 161 — Гл. архив — 1—5, оп. 4 — № 20 «О препровождении книг, вещей и пр. из Пекина в Петербург и обратно»: 1842—1843 гг.)

Под наблюдением членов миссии к работе в Библиотеке были привлечены также образованные китайцы, составлявшие каталоги китайских книг. Архимандриты Аввакум (Честной), Палладий, Гурий постепенно при помощи иеромонахов и китайских помощников приводили в порядок Библиотеку, обращая особое внимание на китайский отдел. Принята была карточная система, причем на одной карточке часто помещали описания 2 или 3 книг одновременно. Никакой определенной библиотечной системы не применялось. Была предпринята многотрудная и кропотливая работа по описанию китайских книг, переведенных на русский язык. Кроме того под надзором Попова П. С. (Мао Линь — российский генеральный консул в Пекине, приват-доцент Петербургского университета) была начата работа по составлению аннотаций на ряд китайских книг.

В конце 1897 г. при миссии была открыта типография для печатания книг на китайском и русском языках. Заметно стал расти и фонд Библиотеки. К 1900 г. в Российской духовной миссии в Пекине за 200-летний период ее существования сложилась богатая библиотека из русских, западных и восточных изданий.

Однако в годы боксерского восстания (1898—1900) при разрушении построек миссии вся Библиотека, за редчайшим исключением, была уничтожена. «Вся Библиотека истреблена огнем», — писалось в документах того времени. (19, с. 48). «31 мая, когда зашло солнце, — вспоминает иеромонах Авраамий, лично испытавший и вынесший вместе с другими русскими осаду посольства, — весь небосклон над городом озарился пожарами, которые все множились и разбрасывались на большие пространства... Разорено Северное Подворье. Прежде подверглись разграблению квартиры наши, Библиотека, школа, типография. Вся миссия разрушена дотла. Кроме миссийских зданий, которые еще можно восстановить, погибло множество таких книжных и научных сокровищ, которые утрачены безвозвратно. Так, сгорела обширная Библиотека, состоящая из учебных китайских книг, святоотеческих сочинений и массы всевозможных словарей... лишились всех богословских книг и китайских учебников, изданных Флавианом. В складе лишились всех миссийских изданий на китайском языке. Сгорели и архивы миссии... Сгорела масса таких вещей и книг, которые дороги по воспоминаниям и стоили большого труда при доставке их из России.» (20, с. 67—69).

На восстановление разрушенной Пекинской миссии Св. Синодом в распоряжение ее начальника было отпущено одновременно 150 тыс. руб. Ежегодный бюджет на содержание миссии увеличился до 30 тыс. руб. (См.: Православный благовестник — 1902 — № 10 — С. 84). В 1903 г. православная церковь в Пекине снова ожила, широко раскидывая свои владения, желая иметь все нужное для благоустройства Подворья, для монастыря, для школ и хозяйства. После устройства Подворья в Шанхае началось восстановление Библиотеки. Было приобретено много книг по богословию, истории и географии на иностранных языках (21, с. 23). А когда восстановили миссию в Пекине, здесь тоже снова начала собираться Библиотека — сначала большей частью из русских книг, — которая разместилась в небольшом помещении. Теснота не позволяла держать книги в должном порядке — вопрос о строительстве нового здания тревожил миссионеров. Так, в отчете о состоянии Пекинской духовной миссии за 1909 г. (Китайский благовестник — 1910 — вып. 1 — С. 3) сообщалось, что «до сего времени не последовало распоряжений по многим существенным вопросам, возбужденным прежними ходатайствами. Так, остается открытым вопрос о школьных помещениях и здании Библиотеки в Пекине».

Спустя 5 лет было выстроено новое здание. Книжные богатства миссии можно было снова собрать воедино, привести в порядок. В отчете о состоянии Пекинской духовной миссии за 1914 г. (Китайский благовестник — 1915 — Вып. 1—2 — С. 29) читаем об этом событии следующее: «В 1914 г. было построено одноэтажное каменное, с подвальным этажом, несгораемое здание для помещения Библиотеки в саду миссийской усадьбы». «Духовная сокровищница» в Пекине была высоко оценена современниками. Так например, член миссии А. Виноградов писал: она «развивалась и существует, благодаря духовным сокровищам, скрытым в недрах ее Библиотеки» (22, с. 7). Для исследователей Азии, не только российских, но и иностранных, Библиотека была «привлекательна и ценна».

Таким образом, проанализировав приведенные материалы Архива внешней политики России (г. Москва), Центрального государственного исторического архива (г. Ленинград), фондов синологического отдела ИНИОН АН СССР, Государственной библиотеки СССР им. Ленина, удалось наметить основные вехи в истории, формировании, развитии Библиотеки Российской духовной миссии в Пекине и назвать ее одной из старейших библиотек не только в России (Публичная библиотека в Санкт-Петербурге открыта в 1814 г., Румянцевская библиотека в Москве — в 1828 г.), но и за рубежом, (не считая, конечно, мо-

настырских и лаврских книгохранилищ).

Подробно Библиотека сегодня не изучена. Известно, например, что несколько десятков книг в 1872 г. были переданы в библиотеку Иркутской духовной семинарии⁶, откуда они в 1918 г. вместе с семинарской поступили в научную библиотеку Иркутского государственного университета. Основные фонды Библиотеки Российской духовной миссии после Октябрьской революции 1917 г. были помещены в Российское посольство в Пекине. Жалованья посольским работникам первое время не платили, и торговля книжными сокровищами Библиотеки была делом не редким. Только в 50-е гг. библиотека медленно стала приводиться в должное состояние — к разборке и описанию фондов привлекались советские специалисты, работавшие в то время в Пекине.

Так, недавно в архиве АН СССР автором статьи обнаружен документ следующего содержания:

15 ноября 1962 г.

Заместителю министра иностранных дел СССР тов. Орлову А. Л.

Глубокоуважаемый Александр Леонидович!

В 1957 г. МИД СССР дал свое согласие на передачу АН СССР научных библиотек бывшей Российской духовной миссии в Пекине и Харбинского генерального консульства. Эти библиотеки по решению Президиума АН СССР от 6 марта 1958 г. вошли в состав синологической библиотеки института Народов Азии.

Академией были выделены средства в инвалюте на оплату провоза книг из КНР в Москву, о чем своевременно был поставлен в известность валютно-финансовый отдел МИД СССР. Книги из библиотеки бывшей Российской духовной миссии были получены нами в 1959 г.

С августа по октябрь 1960 г. директор синологической библиотеки Д. Н. Зильберг специально работала в Харбине по отбору имеющей научное значение литературы и подготовке ее к вывозу. Однако по не зависящим от нас обстоятельствам книги эти вывезти тогда не удалось.

В настоящее время книги вместе с другим консульским имуществом уже отправлены и должны скоро прибыть в Москву. Поэтому прошу Вас дать указание о передаче синологической библиотеке указанных книг.

Зам. директора института
Народов Азии АН СССР

Доктор исторических наук
проф. С. Тихвинский

(Архив АН СССР, ф. 681, оп. 1, ед. хр. 1579, л. 75)

По свидетельству, например, Мясникова В. С., который в конце 60-х гг. работал в Пекине и активно пользовался Библиотекой, много ценных изданий утрачено даже в сравнении с 50-ми гг., когда очевидец принимал участие в разборке Библиотеки и отмечал хранившиеся в ней редчайшие издания. Без всякого сомнения, такими книгами пополнились чьи-то частные коллекции. Оставшиеся же книги были переданы в МИД СССР, а оттуда разошлись и попали в некоторые советские библиотеки. Как уже отмечалось, часть книг и журналов со штемпелем «Библиотека Российской духовной миссии» находится в синологическом отделе ИНИОН АН СССР, ЛОИВ АН СССР. Думается, ставить точку на судьбе старейшей Российской библиотеки еще рано. Поиск документов продолжается. Возможные новые находки могут порадовать неравнодушных любителей русской истории и культуры в будущем.

¹ См.: В. Крицков. Отец Накинфа. — Ленинград, 1984, С. 3. В этом издании в предисловии автора говорится: «В библиотеках Ленинграда хранятся свыше семидесяти трудов Накинфа, в том числе два десятка книг и множество статей и переводов, которые в 30-е и 40-е гг. прошлого века регулярно появлялись на страницах почти всех издававшихся тогда в Петербурге и Москве журналов.

Еще больше ученых трудов Накинфа не увидело света и осталось в рукописях, и среди них многотомные фундаментальные исследования, словари и переводы. В трудах Бичурнина, не утра-

тивших значения и до сих пор, содержатся подлинные россыпи ценнейших сведений об истории, быте, материальной и духовной культуре монголов, китайцев, тибетцев и других народов Азиатского Востока». — *Прим. ред.*

² С 1904 по 1907 г. журнал назывался «Известия Братства православной церкви», далее — «Китайский благовестник». В синодальном отделе ИНИОН АН СССР имеется комплект номеров журнала с пометкой (печатью) Библиотеки миссии. Более подробно о «Китайском благовестнике» см.: «Китайский благовестник» — 1939 — янв. — февр. — С. 43.

³ Названия отделов приводятся без изменений, в точном соответствии с оригиналом (каталогом).

⁴ Фонд П. Корниевского (№ 376) в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (отдел рукописей) содержит его работы по истории китайской медицины, перечень медицинских книг, хранившихся в Библиотеке Российской духовной миссии в 1859 г.

⁵ На долю Флавиана выпала трудная задача издательства богослужебных книг в переводе на китайский язык — кропотливая, серьезная работа. Флавиан выполнил задачу: он проверил, сохранил для потомства труды свои и предшественников по переводам богослужебных книг, которых он напечатал более 20. — См.: Памяти митрополита Киевского Флавиана // Китайский благовестник — 1915 — Вып. 15—16 — С. 1—2.

⁶ ЦГНА (г. Ленинград), фонд 796, опись 153, № 1211, 1872 г. — «Об отчислении книг из Библиотеки Пекинской духовной миссии Иркутской семинарии».

Библиография

1. Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Т. 2. — Спб., 1898.
2. Пекинская Духовная миссия в 1902—1913 гг. — Б. г., Б. м.
3. Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет. Вып. 2. — Казань, 1887.
4. Там же.
5. Виноградов А. Китайская библиотека и ученые труды членов императорской Российской Духовной и Дипломатической миссии в Пекине. — Спб., 1889.
6. Архимандрит Петр и 10-я миссия // Китайский благовестник. — 1915. — Вып. 13—14. — С. 10—16.
7. Там же.
8. Можаровский А. Архимандрит Петр Каменский. — Пекин, 1912.
9. Архимандрит Петр...
10. Инструкция архимандриту Петру, начальнику 10-й Пекинской миссии // Кит. благовестник. — 1915. — Вып. 13—14. — С. 21—32.
11. Можаровский А. Там же.
12. Проект инструкции новой Пекинской Духовной миссии // Кит. благовестник. — 1912. — Вып. 7. — С. 13—17.
13. Каталог библиотеки Португальской миссии // АВПР — 161 ф. Главный архив — 1823 — оп. 4, № 1. — С. 90—144.
14. Скачков П. Е. Очерки истории русского Китаеведения. — М., 1977.
15. Проект инструкции приставу Пекинской Духовной миссии // Кит. благовестник. — 1916. — Вып. 5—6. — С. 12.
16. Каталог книг, русских и иностранных, находящихся в Пекине, Российской Духовной миссии // АВПР — 161 ф. Главный архив. — 1823. — оп. 4, № 1.
17. Каталог китайских, маньчжурских, монгольских и тибетских книг, находящихся в Библиотеке Пекинской Духовной миссии и переданных в 1850 г. новой миссии // АВПР — 161 ф...
18. Краткая история русской православной миссии в Китае. — Пекин, 1916.
19. Архимандрит Петр...
20. Авраамий. Православная китайская миссия. — М., 1903.
21. Из жизни миссии // Кит. благовестник. — 1915. — Вып. 1—2. — С. 23.
22. Виноградов А. Там же.

Корейский полуостров: пути безопасности

(на вопросы журнала «ПДВ» отвечают участники международного симпозиума)

В Японии состоялся 6-й ежегодный симпозиум по проблемам Корейского полуострова, организованный директором токийского Института тихоокеанских проблем профессором М. Итикава.

По составу и количеству участников (более 100 человек) симпозиум был весьма представительным. Кроме японских специалистов-политологов, в его работе приняли участие ученые из Советского Союза, США, КНР и Южной Кореи. К сожалению, в Токио не приехали представители КНДР. Однако северокорейская позиция по ряду проблем, обсуждавшихся на заседаниях, нашла отражение в выступлениях профессоров японского Института корейских проблем, находящегося под патронажем Лиги корейских резидентов в Японии.

Показателен тот факт, что на приеме в честь участников симпозиума присутствовали в качестве почетных гостей министр иностранных дел Японии Т. Накаяма и председатель политического совета правящей либерально-демократической партии страны М. Като.

После завершения международного форума корреспондент журнала «Проблемы Дальнего Востока» встретился с членами советской делегации: К. О. Саркисовым — руководителем Центра японских исследований Института востоковедения АН СССР, и В. Ф. Ли — профессором, заведующим сектором того же института, экспертом Комитета по международным вопросам Верховного Совета СССР, и попросил их рассказать о наиболее значимых моментах, характеризующих ход научных дискуссий, проведенных в рамках симпозиума.

* * *

«ПДВ»: Симпозиум в Токио открылся через несколько дней после встречи

Президента СССР М. С. Горбачева и южнокорейского президента Ро Дэ У в Сан-Франциско. Как участники симпозиума расценили эту встречу, повлияла ли она на ход дискуссий?

К. Саркисов: Хотя подробной информации о содержании беседы двух президентов к тому моменту еще не поступило, большинство участников симпозиума сошлись во мнении, что советско-южнокорейская встреча произвела «шоковый эффект грома с ясного неба». Встреча глав государств, не имеющих дипломатических отношений, явление крайне редкое, можно припомнить лишь встречу Р. Никсона с Мао Цзэдуном, после чего последовала нормализация американо-китайских отношений...

«ПДВ»: То есть Вы считаете, что калифорнийский саммит ведет к аналогичному развитию событий в советско-южнокорейских отношениях?

К. Саркисов: Не думаю, что это произойдет уже в ближайшее время, ведь эта встреча носила рабочий характер, она только наметила контуры будущего.

В. Ли: В практике международной дипломатии состоялась «прорыв» в новое: Сан-Францисской встречей на высшем уровне создан прецедент, который принципиально обогащает традиционные политико-правовые нормы международной дипломатии.

Вместе с тем меня, как исследователя-международника, серьезно огорчили как переоценка, так и недооценка советско-южнокорейской встречи некоторыми участниками токийского симпозиума. Приверженцы первой позиции пытались представить переговоры в Калифорнии как своего рода «тотальный поворот Москвы в сторону Сеула», а сторонники противоположной точки зрения утверждали, что эта встреча якобы «не оправдала надежд обеих сторон, принесла отрезвляющее разочарование» и т. п. Эти крайние позиции, с моей точки зрения, не выдерживают объективной критики.

Есть основания считать, что советское руководство решилось на такую дипломатическую новацию после самого тщательного и скрупулезного взвешивания всех «за» и «против». Судя по всему, Пхеньян был своевременно информирован как о подготовке, так и о результатах этой встречи. Иными словами, учет советской стороной своих союзнических обязательств перед КНДР был одновременно

и катализатором и ограничителем нашей инициативы в Сан-Франциско.

«ПДВ»: В чем же увидели участники симпозиума смысл советско-южнокорейской встречи в верхах, которая буквально взбудоражила весь мир и особенно страны Юго-Восточной Азии?

К. Саркисов: Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Ученые, собравшиеся в Токио, обратили внимание на различие в освещении факта этой встречи советской и южнокорейской сторонами. Наше весьма лаконичное заявление отличалось явной сдержанностью, более того в нем содержалась фраза, которая как бы свидетельствовала о том, что ничего особенного не произошло: «М. С. Горбачев подтвердил принципиальные позиции Советского Союза в вопросе о мирном объединении Кореи...» И далее в сообщении ТАСС подчеркивалось: «Что касается установления дипломатических отношений, то этот вопрос может встать по мере развития связей и в контексте общего оздоровления политической ситуации в регионе и на Корейском полуострове».

Такая оценка явно контрастировала с бодро-оптимистическим заявлением президента Корейской Республики Ро Дэ У, который говорил об установлении дипотношений уже в ближайшем будущем и о взаимных визитах двух президентов.

В. Ли: Хочу подчеркнуть, что Советский Союз, несомненно, заинтересован в том, чтобы подталкивать обе части Кореи к конструктивному общекорейскому диалогу. Вместе с тем, нашей дипломатии приходится, очевидно, считаться с тем, что Пхеньян еще не вполне созрел для того, чтобы окончательно осознать непреложную реальность — что Юг Кореи — отнюдь не «полуколония» США, а полноправный партнер во всех дискуссиях по ненасильственному воссоединению Корейского полуострова.

Может ли одна встреча, даже если она касается высшего эшелона, урегулировать проблемы, накопившиеся за десятилетия? Конечно, нет. Откладывается на некоторое время проблема «официально-протокольного» дипломатического признания Сеула Москвой. Но именно «официально-протокольного», ибо сам факт переговоров на высшем уровне между президентами двух стран означает, по мнению большинства ученых — участников симпозиума, не что иное, как дипломатическое признание «де-факто».

Конечно, советско-южнокорейский диалог на высшем уровне вызвал обостренную реакцию не только научных, но и правящих кругов Японии, которые уже не первый год свою «жесткую позицию» в отношении СССР связывают с проблемой «северных территорий». Верно и то, что с установлением прямых деловых и официальных связей между Москвой и Сеулом частично ослабевает потенциальная монополия Токио как крупнейшего партнера СССР в регионе. Не случайно реалистически мыслящие деятели в Токио именно теперь стали особо подчеркивать, что японо-советские отношения не сводятся лишь к «северным территориям», что есть иные крупные потенции взаимовыгодного сотрудничества.

«ПДВ»: Итак, оценка участников симпозиума советско-южнокорейской встречи не была однозначной, вероятно, потребуется время для всестороннего анализа ее политических итогов и влияния, которое она, несомненно, окажет на развитие ситуации на Корейском полуострове. Какова Ваша точка зрения по этому вопросу?

К. Саркисов: Как и всякий неординарно смелый шаг встреча эта имеет и плюсы, и минусы, однако плюсов все же больше, а в этом смысле встреча имеет историческое значение. Она явно меняет динамику процессов, которые идут в регионе. Теперь должны среагировать США и Япония, которые вряд ли захотят, чтобы Советский Союз оказался в выгодном положении, когда только он будет иметь дипломатические отношения с обеими Кореями. Следовательно, встреча в Сан-Франциско должна как минимум дать новый импульс переговорам Вашингтона с Пхеньяном, которые уже несколько лет ведутся в китайской столице. Японцы тоже должны призадуматься. Еще в то время, когда премьером был Н. Такэсита, Токио пытался выйти на официальные контакты с Пхеньяном, но получил довольно резкий отказ. Сейчас ситуация изменилась. Кроме того, у Японии остается такой сильный козырь, как предоставление Северу экономической помощи. Я полагаю, что в конечном счете Пхеньян оставит в стороне свой негативизм в отношении Японии и свои опасения, что контакты с японцами будут способствовать «перекрестному признанию» двух корейских государств, и пойдет на установление связей с Токио. Но главной фигурой для Пхеньяна в но-

вой геостратегической ситуации являются все же Соединенные Штаты. Именно на отношениях с ними будет концентрировать свои усилия северо-корейская дипломатия. Однако у американцев, которые были бы не прочь скорректировать складывающийся баланс, есть свои проблемы. В первую очередь, и об этом говорилось на симпозиуме, Вашингтону трудно пойти на признание северокорейского правительства и системы, существующей там, по идейно-политическим соображениям. Проявление гибкости в этом вопросе затруднено и тем, что еще живы воспоминания времен корейской войны, тем более, что в США остаются у власти те, кто тогда воевал.

В. Ли: Мне представляется, что с окончанием периода «холодной войны» в позициях великих держав стали более рельефно проследиваться элементы ретроспективного компромисса по корейскому вопросу. Искусственное разделение Корейского полуострова, особенно военно-политическое противостояние Севера и Юга Кореи — серьезная преграда на пути реализации принципов тихоокеанского экономического сотрудничества. В случае понижения степени военно-политической конфронтации США могли бы на практике реализовать программу сокращения довольно обременительных расходов на содержание единиц войск на Юге Кореи. Япония открыла бы для себя новый стабильный регион деловой активности, а перед Китаем, наконец, отпала бы постоянная необходимость маневрировать между Пхеньяном и Сеулом. Вместе с тем не могу не подчеркнуть, что наиболее универсальную заинтересованность во внутрикорейском мирном урегулировании проявляет СССР. Продвижение на этом нелегком пути может внести весомый вклад в реализацию концепции азиатской безопасности М. С. Горбачева, открыть для нас нового делового партнера, расчистить почву для действительного отхода от постсталинистских деформаций «азиатского социализма»... Иными словами, создание воссоединенной и действительно демократической и прогрессивной Кореи находится сегодня в универсальном русле советского внешнеполитического курса в Азии. И мне представляется, что это более или менее отчетливо осознают сегодня в политических кругах обеих частей Кореи.

«ПДВ»: В токийском симпозиуме участвовали и ученые из КНР. Интересно

было бы узнать их позицию в отношении советско-южнокорейской встречи в верхах, ведь Китай не может стоять в стороне от этих процессов.

К. Саркисов: Разумеется, китайский фактор остается важнейшим. На симпозиуме с развернутыми докладами выступили двое ученых из КНР. Насколько я понял, основная их мысль заключалась в том, что Советский Союз, идя на встречу в верхах, имел на это полное суверенное право, однако, любые действия должны восприниматься под тем углом зрения, насколько они способствуют стабилизации ситуации на Корейском полуострове и содействуют мирному объединению Кореи путем диалога между Севером и Югом. Против этого трудно что-либо возразить.

Китай, судя по всему, не осудил встречу в Сан-Франциско, но и не одобрил ее. Мне представляется, что и для Китая в столь смелом и неординарном шаге со стороны советского президента есть плюсы и минусы. Пекин, имеющий обширные экономические, да и не только экономические связи с Республикой Корея и кровно заинтересованный в их развитии, сам давно готовится к нормализации отношений с Сеулом, но не может этого сделать в силу целого ряда обстоятельств. Одна из причин традиционного плана — боязнь испортить отношения Пхеньяном и подтолкнуть его к более тесным отношениям с Москвой. Сейчас этот мотив исключается — Москва идет на установление отношений с Сеулом. В известном смысле, у китайского руководства развязываются руки. Но остаются другие причины, в частности, идейно-политическая близость с Севером (чего уже давно нет у Москвы). Поэтому, я думаю, что Пекин все же пойдет на расширение связей с Сеулом, воздерживаясь пока от установления дипломатических отношений. Что же касается учреждения консульств и обмена торговыми представительствами, то думаю, что это произойдет уже в ближайшее время.

«ПДВ»: Думается, обсуждение факта встречи М. С. Горбачева с Ро Дэ У не было единственной темой, которую обсуждали ученые на симпозиуме в Токио. Какие еще проблемы поднимались в дискуссиях на пленарных заседаниях симпозиума?

К. Саркисов: В принципе, симпозиум рассматривал военно-политические аспекты корейской ситуации, а также проб-

лему снижения военной напряженности и прекращения гонки вооружений в обеих частях Корейского полуострова.

Проблемы действительно острые, болезненные для всех корейцев, главная забота которых не допустить новой братоубийственной войны. Но в условиях, когда нет элементарного потенциала взаимного доверия, не налажен механизм политического диалога, когда две стороны говорят по-корейски, но фактически на разных языках, решение вопросов разоружения или военной разрядки — дело крайне сложное.

Юг, пройдя через различные стадии авторитарных режимов, на волне экономического бума пришел к процессу демократизации. Север шел своим путем. В результате сейчас наблюдается различие в уровнях развития и если оно достигнет критической массы, то ситуация начнет разрешаться по закону сообщающихся сосудов. Довольно осторожно об этом говорил профессор Сеульского университета Ха Йон Сен: реформы на Юге по его мнению, должны стимулировать проведение реформ на Севере.

Теперь внешний аспект. Юг после одов относительной изоляции стал активно выходить на международную арену. Провозглашение при президенте Ро Дэ У «северной политики» (Nordpolitik) копировало «восточную политику» (Ostpolitik) западногерманских социал-демократов (именно поэтому она получила немецкое название). Это был естественный, но все же блестящий ход южнокорейской дипломатии, принесшей ей успех и выход на отношения со странами Восточной Европы. На сегодняшний день Сеул не признают государства, которые можно пересчитать по пальцам. Север, приложивший огромные усилия для того, чтобы мировое сообщество признало бы его философию «чучхе», и потративший огромные силы и средства на грандиозные символы своего величия, не смог продвинуться далеко, и на сегодняшний день находится в состоянии фактической международной изоляции.

«ПДВ»: Но ведь такое состояние может привести к непредсказуемым последствиям?

К. Саркисов: Разумеется. Именно поэтому все, что делается сейчас, должно быть направлено на то, чтобы не усугублять изоляцию Севера.

Я обратил внимание на стремление всех сторон не концентрировать в ходе

дискуссий внимание на идеологических вопросах, не задевать болезненного самолюбия северян. Мне запомнились слова уже упоминавшегося профессора Ха, который высказал разумную мысль: Республика Корея может внести вклад в обновление политики Севера в отношении Юга, обеспечив успех своим собственным внутривластным реформам.

В. Ли: Здесь я особо выделил бы инициативу Сеула, направленную на создание первоосновы переговорного механизма в рассматриваемом регионе. Такой механизм, по мнению президента Ро Дэ У, мог бы сформироваться в ходе не обусловленных какими-либо предварительными условиями переговоров СССР, США, Китая, Японии, Северной и Южной Кореи с целью обсуждения эффективных мер снижения военно-политической конфронтации в регионе и прежде всего на Корейском полуострове. Принцип многосторонности, универсальности сулит немалые взаимные преимущества в разрывании делового сотрудничества. Принимая во внимание позитивную в целом реакцию Пекина и Вашингтона на итоги советско-южнокорейского диалога в Сан-Франциско, мы можем констатировать, что очередь теперь за Пхеньяном. Создается впечатление, что кое-кто на Севере Кореи все же думает не столько о воссоединении двух частей Кореи, сколько о «присоединении» Юга Кореи к Северной Кореи. Подобная тенденция — ничем не оправданная дань прошлым временам и явно не вписывается в логику нового политического мышления. Между тем ни один трезво мыслящий деятель в наше время не может не учитывать, что Корейский полуостров превращен в гигантскую взрывоопасную «пороховую бочку».

«ПДВ»: В заключение нашей беседы хотелось бы узнать Ваше, Владимир Федорович, мнение о той роли, которую могли бы сыграть в деле урегулирования корейской проблемы граждане корейской национальности, проживающие за пределами полуострова Корея.

В. Ли: В последние годы все более важным субъектом кропотливого поиска мирного воссоединения Кореи становятся этнические корейцы, проживающие в Японии, СССР, Китае, США, Канаде, Бразилии, Аргентине. Видные корейские ученые-обществоведы, проживающие в разных странах, регулярно собираются на представительные международные форумы,

где ведут взвешенные и профессиональные диалоги по корейскому вопросу. Не был исключением в этом плане и симпозиум в Токио, участники которого говорили о том, что мирное воссоединение Кореи — это прежде всего дело самих корейцев, то есть северян и южан. История не простит никому, кто допустит повторения трагедии корейской войны 1951—1953 гг., унесшей миллионы человеческих жизней.

В Советском Союзе ныне проживает около 500 тыс корейцев, которые начали селиться на территории Приморского края еще с середины прошлого века. Недавно была основана Ассоциация советских корейцев, в рамках которой начала действовать Исследовательская группа по изучению проблем общекорейского воссоединения.

У верующих КНДР

С нег густо припорошил обочины дороги, и ее проезжая часть выделяется своим темно-серым цветом среди подступающей со всех сторон белизны. Дорога разветвляется и, расширяясь, переходит в площадку. Словно всю ее заполняет приземистое серовато-белое строение, с четко очерченными линиями. Вход над ним венчает черный крест. Узкие проемы внешних ниш, между ними в глубине — темный зев дверей.

Без скрипа раскрываются их створы. Нас приветствует преподобный Ли Сон Бон, пастор протестантской церкви «Понсу», что в Пхеньяне. В окна льется свет: поблескивает желтым мебель, на передней белой стене темный крест. Белое и черное здесь не сливаются, как на дороге, что привела к этому храму. Местами припорошенное снегом шоссе теряет свой однотонный темный цвет.

— Да,— говорит преподобный Ли Сон Бон,— все здесь, как и сама церковь, новое. Она начала действовать в 1988 г. Хотя,— добавляет пастор,— протестантская община появилась гораздо раньше. Организация корейцев протестантского вероисповедания — Федерация корейских христиан — была основана 28 ноября 1946 г. в Пхеньяне.

Заходит речь о посещаемости церкви, о количестве священнослужителей, их

Представители Ассоциации начали участвовать во многих международных семинарах по проблемам Кореи. И это вполне закономерно: советские корейцы кровно заинтересованы в недопущении нового кровопролития на Корейском полуострове.

Взросшее национальное самосознание корейцев, как полноправных граждан советского многонационального сообщества, позволяет им действовать в качестве все более активного субъекта в решении одной из ключевых проблем мировой политики — ненасильственного воссоединения Корейского полуострова.

«ПДВ»: Мы признательны за ответы на вопросы, надеемся, что они заинтересуют читателя.

(Беседу вел Б. ПИЩИК)

подготовке. На воскресные службы в церкви «Понсу» приходит 200—300 человек, в основном взрослые, рассказывает пастор. Кроме того, в деревне Шильгор (в окрестностях Пхеньяна) строится еще одна протестантская церковь. Ныне в Пхеньяне служат 30 священников-протестантов. В городе с 1972 г. функционирует духовное училище. Срок обучения — 3 года.

Задаю пастору вопрос:

— Сколько человек обучается на курсе? Каков их состав?

— В среднем на курсе 10 человек,— отвечает преподобный Ли Сон Бон.— Состав разный,— и добавляет с неизменной улыбкой: — сейчас среди учащихся и две женщины.

— Старые, молодые?

— 30, 50 лет.

Свет падает на крышку фисгармонии. Она пока безмолвствует, но в ближайшее воскресенье под ее аккомпанемент зазвучат песнопения.

Пастор протягивает несколько книжек. Листаем. Псалмы. Изданы в 1982—1983 гг. в КНДР. А это — Библия, отпечатанная в одной из типографий Южной Кореи.

На прощание пастор Ли Сон Бон дарит цветной иллюстрированный буклет на английском языке «Федерация корейских христиан». В кратком очерке «История и деятельность Федерации корейских христиан» читаем: «Она ставит своей программой прилагать усилия, направленные на процветание страны посредством патриотизма, поддерживающего конституцию

и политику правительства республики... вносить вклад в благополучие человека и укрепление мира во всем мире».

И снова дорога. Сейчас она петляет и ползет вверх. С одной стороны, ее сжимают покрытые лесом крутые склоны гор, с другой — долина реки Хёнал. Мы в горах Мёхансан. Это севернее Пхеньяна. Если ехать из него до ближайшей здешней станции поездом, то поездка займет три часа.

Исторически горы Мёхансан — очаг буддизма в Корее. В глубине гор многочисленные пещеры, где уединялись отшельники, разного размера и значимости буддийские храмы. Типичным из них является храм Похён-са.

У обочины дороги приземистые расписные ворота. В них по углам напряглись, бессильные сорваться с места, два чернокожих стража. Таращат глаза, от натуги из орбит вылезли белки. Беззвучно скалят зубы. В глазах угроза, а может быть, вопрос: «Кто? И зачем явился?»

Замедлив шаг и разглядев стражей, идем дальше. Опять ворота. По обе стороны два белолицых бесстрастно-равнодушно глядят перед собой. Выражение их лиц примерно такое: «Ну, раз пропустили его, то мы препятствовать не станем». И словно в подтверждение — недвижны остаются ветви, что держит каждый из них в руке. И так же неподвижны под ними лев и слон.

За этими воротами — еще одни. Надпись гласит: «Ворота Небесных царей». И вот они по двое расположились напротив друг друга. Цари — хранители четырех стран света: Севера, Юга, Запада и Востока. У каждого свое обличье и соответственно регалии. У того, что вправо от входа, — в руке меч, у его соседа рядом — большая цитра, один из тех, что напротив, держит в левой руке знамя, а на ладони правой — пагоду, у другого — красная пилюля в правой, а левой сжимает дракона, что извивается, видимо, от боли.

По обе стороны широкой дороги, ведущей из «Ворот Небесных царей», стоят темно-серые каменные стелы. Колонки иероглифов повествуют об истории создания этой обители. 1042 г. — время основания храма Похён-са. Века наложили свой след на каменные доски: кое-где знаки плохо различимы.

Со временем храм Похён-са стал средоточием целого комплекса. Не все дошло до наших дней. Но и сохранившиеся по-

стройки, залы и пагоды впечатляют разнообразием красок и мастерством умельцев. Сколько понадобилось его, чтоб местный, невзрачный с виду камень превратить в изящную тринадцатиярусную пагоду восьмигранного сечения, которая, как страж, встала перед цветистым строением зала Тэун.

Неспешно раскрываются одни из разноцветных врат Тэуна, и перед взором входящего восседают в ряд золотые и золотополые Будды. Между сидящими Буддами стоящие, того же золотого цвета.

На первый взгляд Будды сидящие ничем не отличаются друг от друга. Поза одна и внешность вроде тоже. Но все же оказалось, есть различие — в положении рук. И в этом заключен свой смысл, расположение рук передает душевные подвижки. Рукой ваятеля водил здесь вовсе не каприз.

А в этом зале одно изваяние. Оно, кажется, заполняет собою все пространство. Перед величественной фигурой Будды, не подвластной времени, трудно, наверное, бывает человеку удержаться от неслестного для него сравнения: что тут твой рост, твои руки и ноги... А уж о словах и говорить нечего. Надолго ли запомнит кто, что говорил когда-то ты? А заповеди Будды дошли до днесь.

Легкая улыбка застыла в углах губ Будды. Она такую же останется в тот день, когда завьется дымок нехитрых светильников, рука положит подношение и зазвучат слова, обращенные к нему. Но что в ней, в этой улыбке?

Внешне ничем особо не приметное строение. И в этом тоже свой смысл: хранилищу книжной премудрости не пристало выставлять себя. Книга ведь тоже ценна не переплетом, а содержанием.

В легком поклоне, приветствуя, склоняет голову монах Поп Ён. Он в темно-красном одеянии, на полах его не очень выделяются вышитые небольшие черные кресты. И мысль моментально возвращается к протестантской церкви в Пхеньяне. Крест там на здании и на стене и здесь — на одежде буддийского монаха.

Поп Ён, как рассказал он сам, закончил буддийское училище в Пхеньяне. Перед поступлением туда обучался в педагогическом институте. Ему за 60, но на вид гораздо меньше. Тому причина, смеется монах, необыкновенный воздух гор Мёхан.

Монах подводит к шкафам, в которых хранятся буддийские каноны.

Это — «Ганчжур», — подтверждает

Поп Ён и добавляет: — Его печатали на острове Канводо.

Почти 20 лет (с 1232 по 1251 г.) в храме Похён-са переводились и писались буддийские священные тексты.

Здесь, в храме Похён-са, в зале Чанген, хранится 1159 томов из «Большого свода буддийских священных писаний» «Тэчжанген». Они печатались с более чем 80 тыс. деревянных блоков, на которых был вырезан текст. Это проявление духовного радения впечатляет не меньше, чем архитектура и убранство главного корпуса храма Похён-са и расположенные поблизости от него храмы Санвон, Пульен, Хвачжан, Гечжо и Пэкхва.

В этом же зале, где в шкафах хранятся тома буддийского канона, на стенах мужские портреты старинного письма.

— Это Сосандэ-са. — В голосе монаха звучит глубокое уважение.

На поясном портрете выделяется большая продолговатая голова, с редкой растительностью на макушке. Глаза закрыты веками, и выражения глаз не видно.

В Корею свято чтят память Сосандэ-са, мыслителя и патриота. Это он, буддийский монах, возглавил борьбу местного населения против иностранного вторжения. Помощниками его явились ученики Са Мен Тан и Цо Ен, их облик запечатлен на остальных двух портретах.

— Здесь, в этом зале, — говорит Поп Ён, — хранится подлинник сочинения Сосандэ-са — «Мун цзип».

Века отделяют деяния Сосандэ-са от наших дней, но его подвиг патриота живет в памяти народа по сей день. В храме Суцун-са и по сей день совершается обряд жертвоприношения в честь Сосандэ-са, 15 августа по лунному календарю отмечается как день его памяти.

Словно прощаясь, нежно звенят от легкого ветерка колокольчики на кромке крыши одного из залов храма Похён-са. К их перезвону остается безучастным семитонный колокол, отлитый в 1469 г. на острове Канводо. Звучание колокольчи-

ков так слабо, что оно, видно, оставляет безучастным великана. Он ждет своего часа.

Сверху все черное, лишь на груди, где разошлись полы халата, белеет треугольник ткани. Но черное и тут теснит: подобие галстука пересекает белый треугольник. На свету неярко переливается какой-то знак, вроде броши, что стягивает черный галстук. Передо мной преосвященства Сим Сан Дён и Ли Дэн Су, соответственно секретарь и главный инспектор ЦК Буддийской ассоциации КНДР.

Идет беседа. Заходит речь о подготовке буддийских богословов. В 1965 г., рассказывают собеседники, было учреждено буддийское училище. В нем 3-летний срок обучения. Училище финансируется ЦК Буддийской ассоциации.

— Не испытывает ли училище недобора?

— Нет. Желающих хватает, даже имеет место нечто вроде конкурса.

— Занимаются ли монахи мирскими делами?

— Они участвуют в общественном труде: безвозмездно помогают работникам кооперативов в пересадке риса. Монахи собирают лекарственные травы и продают их государству.

В свою очередь преосвященства задают вопросы о положении буддизма в СССР, спрашивают о наличии буддийской литературы в книгохранилищах Советского Союза.

Из уст обоих священнослужителей звучат слова признательности единовещам в Советском Союзе за их поддержку борьбы корейского народа за объединение Кореи.

Всему конец приходит. И нашей беседе тоже. Ладони соединив и прижимая их ребром к груди, священники почтительно и с достоинством кланяются.

*В. С. КУЗНЕЦОВ,
доктор исторических наук*

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

На перепутье

Realining Korea's National Priorities for Economic Advance: Presidential Commission Report on Economic Restructuring.— Seoul, 1988.— 155 p.— Изменение национальных приоритетов Кореи в целях экономического прогресса. Доклад президентской комиссии по структурной перестройке экономики.— Сеул, 1988.— 155 с.

Среди плодов нового политического мышления — бум интереса к Южной Корее, которую долгие годы описывали в основном как «объект неоколониалистской эксплуатации». Как бы в компенсацию сегодня внимание приковано в основном к тем осязаемым достижениям, которые принес Южной Корее «новый индустриализм», при этом иной раз в ущерб взвешенности подхода к той сложной и многомерной картине, которую представляет собой социально-экономическое развитие этой страны. В этой связи особенно ценен авторитетный «взгляд изнутри», примером которого является доклад президентской комиссии по структурной перестройке экономики «Изменение национальных приоритетов Кореи в целях экономического прогресса». Само создание и работа комиссии тесно связаны с процессом демократизации страны, более широким участием общественности в выработке политики. В состав комиссии вошли крупные ученые, известные общественные деятели, такие, как Ю Чхан Сун (председатель) — бывший премьер-министр, президент влиятельной Федерации корейской промышленности, Ку Бон Хо (генеральный секретарь) — президент авторитетного Корейского института развития (сотрудники которого наряду с работниками Корейского института экономики и технологии активно участвовали в подготовке доклада), представители делового мира, профсоюзов и др. На протяжении 6 месяцев комиссия провела 10 пленарных заседаний и 54 заседания подкомитетов, выезжала на места.

Комиссия была призвана оценить характер и значение изменений в социально-экономической ситуации страны, ее место в мировой экономике, спрогнозировать новые тенденции экономического развития Южной Кореи и предложить правительству рецепты

для выработки адекватной экономической стратегии. Соответственно доклад структурно разделен на четыре раздела. В первом — оценивается «новая экономическая среда», в которой предстоит действовать хозяйству Южной Кореи, а три последующих — раскрывают основные направления предлагаемого комиссией курса: изменение роли страны в международном разделении труда, перестройка структуры экономики и «выравнивание» уровня жизни.

Авторы доклада признают, что проводимая с начала 60-х годов политика экспорт-ориентированного роста фактически подошла до своего предела, породив серьезные побочные проблемы. К их числу в докладе с полным основанием отнесены усиливающаяся социальная дифференциация и имущественное неравенство, углубление диспропорций в развитии индустриальной и аграрной сфер различных регионов, склонность поддерживаемого правящими кругами крупного бизнеса к паразитизму. Фактически речь идет о торможении роста двойственностью структуры экономики, где процветающий «транснационализированный» сектор все дальше отрывается от традиционного. На внешней арене Южная Корея, долгое время пользовавшаяся льготами развивающейся страны, в условиях кардинального изменения своего валютно-финансового положения вследствие аккумуляции актива платежного баланса столкнулась с растущим противодействием партнеров, требующих доступа «на равных» на рынки Южной Кореи, испытывает негативное влияние протекционизма и регионалистских тенденций. В докладе лишь вскользь упомянута бурная социально-политическая обстановка в стране, но следовало бы признать, что для Южной Кореи второй половины 80-х годов процесс демократизации оказался, как ни странно это может показаться, фактором торможения экономического прогресса, снижения международной конкурентоспособности страны. К числу требующих решения проблем мы бы добавили необходимость преодоления опасности технологического отставания, создания базы непрерывного технического обновления новейших отраслей. В целом, однако, диагноз поставлен правильно: южнокорейская экономика оказалась на перепутье, когда многие прежние представления устарели, а новые еще не выработаны.

Подходы авторов доклада к выработке основной линии экономической политики базируются на привычном для южнокорейских экономистов «интернационализированном» мышлении, именно поэтому на первый план вынесены не внутренние аспекты воспроизводства, а предложения, касающиеся взаимодействия южнокорейского хозяйства с мировым рынком. Встревоженные ростом протекционизма на основных экспортных рынках (прежде всего США) и регионализмом, замыкающим торгово-экономические связи в

не включающих Южную Корею зонах, что «отвлекает от нее товаропотоки» (с. 21), члены комиссии смогли предложить, однако, лишь более активное продвижение идей либерализации международных экономических отношений. Одновременно говорится о готовности Южной Кореи к усилению связей внутри тихоокеанского региона (включая, заметим, КНР и СССР).

Хорошо понимая, что Южная Корея не в состоянии устанавливать свои правила игры и вынуждена уступать требованиям более сильных партнеров, суть которых — в открытии южнокорейского рынка товаров и услуг, авторы доклада подводят под это теоретические выкладки о том, что «прошлые экономические обоснования ограничительной импортной политики, а именно хронический дефицит платежного баланса и необходимость защиты находящихся во младенчестве отраслей, уже более не существуют» (с. 27). Вследствие этого логичным представляется вывод о необходимости скорейшего устранения тарифных и нетарифных барьеров (включая бюрократические и институциональные препятствия импорту). При этом наиболее острым и болезненным вопросом остается либерализация ввоза сельскохозяйственных продуктов. В случае снижения пошлин на ввоз продовольствия южнокорейские крестьяне окажутся полностью неконкурентоспособными и обреченными на разорение. Поэтому неотъемлемым условием либерализации сельскохозяйственного импорта должна стать эффективная программа поддержки отечественного аграрного сектора. Комиссия предлагает поэтапное открытие сельскохозяйственного рынка, сопряженное со структурными изменениями в южнокорейском сельском хозяйстве и сопровождаемое компенсацией крестьянам, мерами по поддержанию стабильности продовольственных цен, содействием экспорту некоторых сельскохозяйственных продуктов. Очевидно, в сложившихся условиях у Южной Кореи нет иного выхода, кроме как принести в жертву интересы южнокорейского села; вряд ли, однако, крестьяне удовлетворятся предложенными, довольно ограниченными, мерами компенсации, что готовит базу для новых социальных катаклизмов.

К другим важным направлениям внешнеэкономических реформ относятся либерализация импорта услуг (особенно в области информатики, а также в страховании), ослабление государственного регулирования валютных операций, предоставление большей свободы развитию валютного рынка и рынка ценных бумаг (включая предоставление возможности для свободного перелива капитала из-за рубежа).

Особого внимания заслуживают положения о «новой экономической дипломатии». Одной из важных ее целей является стремление «погасить» беспокойность западных стран агрессивным проникновением южно-

корейских монополий. В перспективе Южная Корея также не отказывается от цели войти в число равноправных членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Для нас особый интерес представляет такой аспект «новой экономической дипломатии», как налаживание деловых связей с социалистическими странами. Авторы доклада, надо признать, придерживаются не слишком конструктивной точки зрения о «рискованности экономического обмена в условиях недостаточного сотрудничества на межгосударственном уровне» (с. 44). В связи с этим не слишком обнадеживающим выглядит содержащееся в докладе предостережение относительно «излишних ожиданий» в отношении связей с социалистическими странами, а также относительно того, что эти связи не должны наносить ущерба существующим обязательствам (с. 44—45).

Следствием проведения указанных комплексных мер во внешнеэкономической области должны стать внутризкономические структурные сдвиги, прежде всего в промышленности и растущей сфере услуг. Их вектор — продвижение к «информационному обществу» и создание соответствующей базы производства и обслуживания средств информатики, развитие связанных с ней наукоемких отраслей и сектора услуг. Одновременно стране не избежать болезненного процесса сворачивания низкотехнологичных, неэффективных отраслей и производства. Как предупреждают члены комиссии, несмотря на давление общественности, для сохранения конкурентоспособности страны придется воздержаться от государственной поддержки умирающих отраслей и фирм. В частности, весьма непростой является проблема приспособления к новым экономическим условиям угледобычи в связи с ростом неэффективности шахт и снижением потребления угля: здесь комиссия не может предложить ничего утешительного, кроме мер по снижению ущерба от сворачивания отрасли.

Кричащие проблемы остаются и в первичном секторе, объединяющем сельское и лесное хозяйство, а также рыболовство. Одновременное решение задач удовлетворения спроса на их продукцию и обеспечения нормальных условий жизни занятых здесь вряд ли может быть легким. Предложенный в докладе путь концентрации и специализации в сельском хозяйстве «с целью создания высокотехнологичного производства» означает выталкивание из села значительных масс населения, причем предусмотренные меры по компенсации и социальному обеспечению тех, кого эти социальные потрясения коснутся, носят довольно ограниченный, по существу благотворительный, характер.

К позитивным сторонам доклада можно отнести объективный подход к проблеме монополизации и концентрации экономической власти. Констатируя, что в Южной Корее «степень концентрации экономической власти

остается весьма высокой» (с. 71), авторы отмечают такие негативные последствия этого, как удушение конкуренции, неэффективность функционирования монополий, торможение социально-экономического прогресса, проникновение крупных конгломератов во все отрасли экономики, их тесную связь с правящими кругами и военными, что затрудняет меры по ограничению их влияния. В качестве противодействия предлагаются законодательные меры по ограничению государственной поддержки крупного бизнеса, увеличению возможностей мелкого и среднего бизнеса (включая повышение роли Комиссии по справедливой торговле), более жесткое налогообложение с выраженной антитрестовской направленностью.

В докладе затронуты также проблемы технического прогресса в увязке с приоритетностью наукоемких отраслей, что диктует необходимость создания собственной базы исследований (в том числе усиления частного сектора), реформы системы образования и подготовки кадров с ориентацией на выпуск специалистов высшей квалификации. Среди серьезных проблем, с которыми придется столкнуться стране, — безработица, в том числе структурная, что связано как с увеличением предложения на рынке труда, так и со смещением спроса в сторону более квалифицированной рабочей силы.

В условиях обострения социальных конфликтов комиссия исходит из того, что «социальным мандатом Кореи на исходе 80-х годов является повышение благосостояния нации» (с. 101). В докладе приведены убедительные доказательства того, что усиление социального неравенства, углубление пропасти между бедными и богатыми уже породили острое противостояние и конфликты, поставившие под угрозу само будущее страны. Реалистично оценивая ситуацию и учитывая рост эгалитаристских настроений в южнокорейском обществе, комиссия предлагает меры по устранению наиболее одиозных проявлений неравенства и источников «незаконных» доходов, выравниванию имущественного положения с помощью налогообложения и системы перераспределения, а также стабилизации цен. Одновременно признана необходимой помощь малообеспеченным со стороны государства, «стратегия депауперизации» (с. 130). Магистральное направление снижения социальной напряженности, однако, комиссия ищет на опробованных в развитых странах путях повышения удельного веса «среднего класса», с чем, очевидно, можно согласиться. Важным аспектом достижения социальной справедливости является также ликвидация региональных диспропорций, прежде всего между столичным регионом и периферией, между индустриальным юго-востоком и аграрным юго-западом, между городом и селом. С этим направлением тесно связан вопрос о повышении местной автономии, задача сохранения южно-

корейской деревни не просто как производящей единицы, а как важного для национального духа и традиций социума.

Представленные в докладе направления социальной политики нацелены на достижение «классового мира» за счет создания действенной системы социальной защиты, поскольку «уровень социальной защищенности в Кореи... чрезвычайно низок с учетом ее национального дохода и степени экономической развитости» (с. 119). Предложенные комплексные меры социального обеспечения направлены в первую очередь на облегчение положения малообеспеченных и непривилегированных слоев главным образом за счет бюджетных ассигнований. Среди требующих скорейшего разрешения социальных проблем — жилищная (степень обеспеченности жильем остается ниже 60 % — с. 138), которую предполагается решать путем облегчения доступности приобретения собственного жилья широкими слоями населения за счет льготных кредитов. Комиссией предложены также меры по контролю за состоянием окружающей среды, облегчению транспортной проблемы в городах.

Фундированные выводы и рекомендации комиссии все же, как нам кажется, покоятся на несколько суженной базе — анализе социально-экономической обстановки конца 80-х годов и экстраполяции существующих тенденций (таких, как актив платёжного баланса, рост курса воны) в будущее. Между тем практика прежде всего самой Южной Кореи показывает, что результатом такого одномоментного подхода зачастую является быстрое обесценение даже самых продуманных рецептов из-за меняющейся динамики экономических переменных. В этом смысле доклад, очевидно, выиграл бы от многовариантности прогнозов. Страдают известной односторонностью и некоторые разделы, связанные с ограничением функций государственного регулирования, демонополизацией, — возможно, из-за социальной ангажированности разработчиков концепции новой политики южнокорейского правительства. В целом, однако, доклад дает пример трезвого и рационального подхода к социально-экономическим проблемам и решимости их преодолеть.

Г. Д. ТОЛОРЯЯ,
кандидат экономических наук

Документальная панорама русско-японских отношений

Л. Н. Кутаков. Россия и Япония.— М.— 1988: «Наука», Главная редакция восточной литературы.— 382 с.

К сожалению, нельзя не согласиться с тревожной мыслью академика Д. С. Лихачева о том, что «и по сей день некоторые люди, числящие себя по ведомству (именно по ведомству!) науки, не стесняются выступать по одному и тому же вопросу с совершенно противоположными мнениями в зависимости от нынешней конъюнктуры»¹. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что именно марксистский метод изучения дает исключительно богатые возможности исследователю показать исторический процесс правдиво, не ухудшая и не улучшая объективность. Поэтому совершенно необходимо, как справедливо пишет член-корреспондент АН СССР историк Ю. Поляков, «приучать людей, занимающихся политикой, к объективным знаниям, какими бы суровыми и неприятными они ни были... Нельзя подчинять историю сиюминутным интересам»².

Приятно отметить, к чести советской исторической науки, что среди наших ученых всегда были, есть и будут настоящие исследователи, историки-марксисты, которые в основу своих работ закладывают тщательное, глубокое, вдумчивое изучение и анализ неопубликованных архивных материалов, документальных публикаций, широкого круга мемуарных источников. Именно к числу подобных ценных исторических исследований можно отнести монографию Л. Н. Кутакова, посвященную актуальнейшей теме — русско-японским отношениям в XVIII — начале XX века.

На фоне узкой временной специализации ученых, преобладающей в историографии последних лет, рецензируемая монография выгодно отличается широкими хронологическими рамками, большим историческим периодом, что требует от автора всестороннего анализа, незаурядной научной подготовки, эрудиции, комплексного исследования не только взаимоотношений России и Японии, но и общего развития международной обстановки изучаемого периода. Уже эта отличительная особенность книги Л. Н. Кутакова свидетельствует о том, что она представляет серьезный вклад в советскую историческую науку.

Радикальные изменения во внутренней и внешней политике Советского Союза за последние годы — годы перестройки — закономерно вызвали особый интерес к истории вообще и нашей страны в особенности. Этот интерес носит всеобщий характер, охватывает все слои общества, все возрастные группы. Знание истории, ее уроков, законов общественной жизни и международных отношений имеет большое значение при принятии политических решений. В основе исторической науки лежат объективно существовавшие исторические факты. Но надо учитывать и то, что творят науку люди, испытывающие всякого рода страсти, обладающие теми или иными моральными качествами, и что в ходе научного творчества постоянно возникают противоречия между строгой объективностью науки и субъективными особенностями творящих ее людей.

Другая характерная особенность труда Л. Н. Кутакова — чрезвычайно широкое использование архивных материалов. Ценнейшим источником оказался Архив внешней политики России, и в частности его неопубликованные фонды: несколько отделов фонда Главного архива, фонда Сношений России с Японией, фонда Японского стола за 1824—1918 годы, фондов Канцелярии, Китайского стола, Секретного архива, Азиатского департамента и некоторых других. Богатейшие материалы указанных фондов нашли непосредственное отражение в сносках монографии. Немало интересных материалов было почерпнуто автором и во время работы в фондах других использованных им архивов: Центрального государственного архива древних актов, Архива внутренней политики, культуры и быта, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального государственного военно-исторического архива. Тем самым впервые в научный оборот был введен целый ряд новых документов чрезвычайной важности. Прекрасная библиография, скрупулезно названная автором «Список использованной литературы», сама по себе представляет большую ценность для специалистов (с. 360—375). Тщательная научная проработка богатого документального и научного материала придает авторскому анализу высокую достоверность и историческую правдивость.

Актуальность и, можно даже сказать, злободневность темы исследования Л. Н. Кутакова не вызывает сомнений. Автор сумел воссоздать подлинную историю взаимоотношений России и Японии за более чем двухвековой период, что позволило ему убедительно доказать миролюбивый характер политики России по отношению к Японии, начиная с первых контактов между обеими странами в начале XVIII века и до конца XIX века, когда интересы правящих классов обоих государств столкнулись в борьбе за влияние на Азиатском континенте. Кульминацией этой борьбы явилась русско-японская война 1904—

1905 годов, но и она была развязана именно японскими милитаристами. К этой войне Япония готовилась заранее, опираясь на заключенный в начале 1902 года союзный договор с Англией и при фактической поддержке со стороны США. Накануне войны велись длительные дипломатические переговоры между Россией и Японией, которые 6 февраля 1904 года Япония прервала, а в ночь на 9 февраля внезапно, без объявления войны, напала на русскую эскадру в Порт-Артуре. Но и после этой неудачной для России войны русское правительство не строило никаких планов нападения на Японию. Однако вопреки очевидным фактам определенные японские политические круги, публицисты и ученые при поддержке со стороны буржуазной историографии США, Англии, ФРГ и некоторых других стран предпринимают попытки исказить историю русско-японских, а затем и советско-японских отношений, приписывая русской политике мнимую «извечную агрессивность», стремление будто бы к захвату японских территорий. Все это необходимо для оправдания ссылок на мифическую «русскую угрозу» ползуцей милитаризации в Японии.

Автор монографии смог убедительно доказать безусловный приоритет России в открытии и освоении новых земель на Дальнем Востоке. Ермак, а затем и другие русские землепроходцы, «ермацкие детишки» — среди них Семен Дежнев, Михаил Стадухин, Василий Поярков, Владимир Атласов — уже с середины XVII века осваивали морские пути ради открытия новых земель и проходили до северо-западного побережья Америки. Что же касается исследований Сахалина и Курильских островов, то они тоже были начаты русскими землепроходцами с середины XVII века. С тех пор этот процесс не прекращался и был продолжен в XVIII веке великими русскими путешественниками-первооткрывателями.

Освоение и заселение Сахалина и Курильских островов русские землепроходцы начали в XVIII веке, при этом коренное население этих земель переходило в русское подданство. Выход России к Тихому океану, освоение континентального побережья, а также Сахалина и Курильских островов укрепляло ее позиции на Тихом океане. Однако в то же время она становилась непосредственным соседом Японии.

Все внутривнутриполитические и внешнеполитические причины, географические, социально-экономические и политические факторы предопределяли стремление России устанавливать и развивать дружественные, мирные, взаимовыгодные, добрососедские взаимоотношения с Японией. Такова была политика русского правительства независимо от того, кто и в какое время его возглавлял. Но неоднократные попытки России установить взаимовыгодные для обеих стран торговые отношения, дружественную взаимопомощь в рыболовстве и судоходстве наталкивались на

упорное и неизменное сопротивление и противодействие Японии.

Сначала это было связано с политикой самозащиты, которая проводилась с 40-х годов XVII века феодальными правителями Японии. В отличие от США, Англии и Франции, которые в 50-х годах XIX века принудительно навязывали Японии ряд неравноправных договоров, Россия не пыталась насильственным путем вмешиваться в ее внутренние дела. Дальневосточная политика России издавна была направлена на установление дружественных отношений с Японией, хотя во многом и имела целью создать преграду проникновению в эти районы Англии, Франции и США, стремившихся установить свое колониальное владычество в северо-западной части Тихого океана.

Первое официальное русское посольство во главе с А. Лаксманом было отправлено в Японию в 1792—1793 годах. В 1803 году Японию посетило посольство Н. П. Резанова, но от установления отношений с Россией Япония вновь отказалась. Вместе с тем с конца XVIII — начала XIX века Япония делает попытки захватить ряд островов Курильской гряды и даже Сахалин, уничтожая на них знаки принадлежности этих территорий России.

Обстановка в Европе в те годы, неудачная для России Крымская война неблагоприятно повлияли на позиции России и на Дальнем Востоке. Нельзя забывать того факта, что в это время в северо-западной части Тихого океана и окружающих Японию водах господствовал англо-французский флот, активно участвовавший против России в Крымской войне. В этих условиях русский посол на переговорах с Японией вице-адмирал Е. В. Путятин не сумел противостоять нажиму со стороны японского правительства и согласился на неоправданные уступки (гл. III). В силу этого в договоре об установлении торговых и дипломатических отношений между Россией и Японией, подписанном в 1855 году, Россия уступила Японии часть островов Курильской гряды и признала Сахалин совместным владением. Сделав эти уступки, царское правительство надеялось на установление добрососедских отношений и связей, рассчитывая, что улучшение отношений России с Японией лишит западные державы возможности использовать последнюю в борьбе с Россией на Дальнем Востоке и Тихом океане. В книге приводится большой фактический документальный материал, подтверждающий именно миролюбивую и дружественную политическую направленность курса России по отношению к Японии. Достаточно привести для примера инструкцию МИД первому русскому консулу в Хакодате И. А. Гошкевичу, данные в 1858 году. В них указывались не только конкретные, но и длительные цели русской внешней политики по отношению к Японии. «Заключением с Японией трактата 1855 года Россия, — подчеркивалось в ней, — после полувекowych усилий достигла важной цели. Ее

политической и торговой деятельности открыто новое поприще, на котором дальнейшие успехи несомненны при благоразумии и постоянстве... Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние ее дела чужды нашей политике. Старайтесь убедить в этом японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях» (с. 139). Но практика показала, что этот дружественный курс России не встретил поддержки со стороны Японии и вызвал резкое противодействие со стороны США, Англии и Франции.

В начале 70-х годов прошлого века между Россией и Японией вновь начались переговоры о Сахалине и Курильских островах. Переговоры завершились в 1875 году Петербургским договором о передаче Японии Курильских островов за отказ от ее претензий на южную часть Сахалина. Передача Японии гряды Курильских островов протяженностью 1200 км была вынужденным действием царской дипломатии. Во многом это объяснялось сложными задачами внешней политики России в Европе, связанными с франко-германским военным противостоянием, с обострением конфликтов на Балканах, с явно выраженными стремлениями Англии и США открыто вмешиваться в русско-японские переговоры и с безусловным господством на Тихом океане военных флотов этих двух стран.

Ясно, что ослаблением позиций России на Дальнем Востоке в этот период времени воспользовалась японская дипломатия. Тем не менее необходимо отметить, что в договоре 1875 года был четко зафиксирован отказ Японии от притязаний на Сахалин и включение его в состав территории России.

XIX век завершился, как известно, разделом мира и первыми империалистическими войнами за его передел. К этому времени на Дальнем Востоке Япония стала сильной агрессивной военной державой, открыто заявившей о своих целях — захвате Кореи и территорий Китая. Определенным препятствием к их осуществлению оказалась для нее политика России. В 1904 году Япония вероломно начала войну с Россией, одержала в ней победу и смогла навязать русскому правительству в 1905 году Портсмутский договор. 9-я статья договора и 10-е Приложение к нему свидетельствуют об отказе Японии от ранее заключенных договоров с Россией. Япония сама разрушила договорную основу русско-японских отношений, захватила южную часть Сахалина.

Проблемам русско-японской войны и мирным переговорам в Портсмуте посвящена шестая глава монографии, содержащая очень интересный материал. Большое внимание автор уделяет также и двусторонним переговорам последующих лет, включая русско-японское соглашение 1910 года. При этом правильно

отмечается постоянное стремление японцев проникнуть на русский Дальний Восток, пользуясь слабым экономическим освоением Россией этих территорий.

Переговоры с Японией продолжались и после начала первой мировой войны, когда Россия обратилась с просьбой продать ей оружие, которое было крайне необходимо русской армии на фронтах Европы. Несмотря на поддержку союзников — Англии и Франции, — Япония в просьбе отказала. При этом японский премьер-министр посоветовал русскому послу отправить в Европу русские войска с Дальнего Востока, заявив, что «японская армия в случае надобности готова принять на себя поручение поддержать порядок» на русских дальневосточных территориях (с. 337—338). 19 октября 1915 года Япония официально объявила о своем присоединении к англо-франко-русской декларации от 4 сентября 1914 года о незаключении сепаратного мира. Тем самым она вступила в первую мировую войну, но активной помощи никому из союзников не оказывала, готовя силы для захвата колоний в Азии, в том числе и русского Дальнего Востока, после окончания войны.

И с присущим японцам терпением правящие круги Японии дождались, как им показалось, подходящего момента для оккупации русского Дальнего Востока после Октябрьской революции в России. При этом они получили не только согласие, но и горячее одобрение других союзников по Антанте.

Автор рецензии изучил и сделал фотокопию с интереснейшего документа, хранящегося в архиве МИД Франции, «Меморандума по поводу мер, которые необходимо предпринять по отношению к России», датированного 4 декабря 1917 года. Этот весьма обстоятельный и подробный документ был выработан на состоявшейся в Париже конференции представителей стран Антанты. Присутствовали делегации от Англии, Италии, США, Японии и Франции. Констатировав, что Россия «пришла в состояние анархии и беспорядка», представители Антанты выработали ряд совместных мер по оккупации России. При этом особая роль отводилась США и Японии, которые должны были оккупировать Дальний Восток, Сибирь и территории вдоль всей Транссибирской дороги с целью свергнуть Советское правительство, уничтожить большевиков и подавить революцию. В конце документа констатировалось: «И еще раз следует подчеркнуть, что Соединенные Штаты и Япония являются, благодаря своему географическому расположению и состоянию их военных средств, единственными державами Антанты, которые могли бы реализовать эту программу, столь же необходимую для их собственных интересов, сколь и для общих интересов Коалиции». Весной 1918 года Япония первой начала вооруженную интервенцию в Советскую Россию, оккупировав Приморье, Приамурье, Забайкалье, в 1920 году

был захвачен и Северный Сахалин. Интервенция сопровождалась разрушением городов и поселков, гибелью многих тысяч людей, грабежом национальных богатств России.

Японская оккупация Дальнего Востока длилась более четырех лет, а с Северного Сахалина последние части японской армии были выведены лишь в 1925 году. Япония еще раз продемонстрировала бесцеремонное нарушение всех ранее заключенных договоров с Россией, и это четко и аргументированно показано в рецензируемой монографии.

Книга Л. Н. Кутакова чрезвычайно актуальна, ибо она дает поучительный и достоверный материал об устойчивых тенденциях в истории русско-японских отношений. Ныне проблемам азиатско-тихоокеанского региона, в том числе развитию советско-японских отношений, справедливо уделяется большое внимание. Можно отметить расширение советско-японского диалога, создание постоянно действующей рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел по мирному договору, которого, как известно, между нашими странами нет, на регулярной основе проводятся встречи глав внешнеполи-

тических ведомств. Мешают процессу развития двусторонних отношений силы в Японии, в своекорыстных интересах реанимирующие миф о «русской угрозе», «угрозе с севера». Ряд политических деятелей Японии требуют вернуться к положениям русско-японских договоров прошлого века. Однако нельзя забывать, что сама Япония своими действиями растоптала их. Нынешние границы, сложившиеся в результате разгрома Японии во второй мировой войне, четко определены Ялтинскими соглашениями и положениями Сан-Францисского мирного договора.

Работа Л. Н. Кутакова, на мой взгляд, совершенно необходима многим специалистам, преподавателям, студентам и, несомненно, найдет широкий круг читателей.

*В. АНТЮХИНА-МОСКОВЧЕНКО,
доктор исторических наук*

¹ Известия.— 1989.— 24 марта.

² Московская правда.— 1989.— 14 февраля.

Мост над рекой времени

Мост над рекой времени. Сборник произведений рус. и кит. авт. / Сост.: Семанов В. И., Валентинов Б. Г.— М.: Современник, 1989.— 75 с., ил.— (Б-ка «Дерево дружбы»).

Советское Китаеведение получило новую книгу. Издания, подобного этому, еще не было, хотя российское Китаеведение, как справедливо сказано в предисловии, сформировалось уже в XVIII веке. Речь идет о литературном сборнике из произведений русских и китайских авторов. Он был составлен В. М. Семановым и Б. Г. Валентиновым и издан в издательстве «Современник». Это литературно-художественное издание стало возможным благодаря успехам советского Китаеведения и развитию советско-китайских литературных связей, новый импульс которому был дан в результате полной нормализации межгосударственных отношений, достигнутой во время визита М. С. Горбачева в КНР в мае 1989 г.

Не случайно авторы предисловия к книге С. Гончаров и В. Семанов размышляют прежде всего о социальной и политической основе советско-китайских литературных связей.

Взаимодействие китайской культуры с культурами народов СССР, по их справедливому мнению, в немалой степени определяет грядущие перспективы синтеза культур Востока и Запада в самом широком, глобальном плане. Авторы предисловия уверены, что контакты в таких самостоятельных сферах, как экономика, наука, техника и культура, обладают самодовлеющей ценностью. Они пишут: «Следует стремиться к тому, чтобы именно сотрудничество в этих различных сферах определяло состояние политических отношений, преодолеть прежнюю ситуацию, когда политика всецело диктовала уровень конкретных связей» (с. 7).

Для советского Китаеведения, которое прежде было предельно заполитизировано и идеологизировано, это долгожданная возможность раскрепощения, в случае своей реализации на практике открывающая дорогу серьезной и долгосрочной научной работе, свободной от преходящей конъюнктуры. Это значит, что для советского Китаеведения не будет никаких «запретных зон» — как и должно быть в науке, — и, стало быть, история и культура советского и китайского народов предстанут в наших работах в объемной полноте и своей жизненной комплексности. «Представить взгляды сторон на жизнь через призму культуры — такими, каковы они есть на самом деле», — вот задача, поставленная составителями сборника. Здесь нет прежней идеологической заданности, нет постыдных пропусков и умолчаний, нет предубежденности и национальной ограниченности. Словом,

это задача, отвечающая идеям перестройки в СССР с ее категорическим требованием реализма.

«Мост над рекой времени» — сборник, составленный из произведений советских и китайских авторов. Еще в 1928 году о подобной книге мечтал известный советский писатель Б. Пильняк во время посещения Китая. Однако прежде издание подобных книг было практически невозможным, хотя сборников, посвященных китайской литературе, выходило великое множество.

Советские авторы сборника — ученые-китаеведы, поэты, писатели и журналисты. Китаеведы выступают в книге не со статьями или трактатами, а в необычном для них жанре очерка. Традицию нашего китаеведения представляет небольшой, но блестящий очерк академика В. М. Алексеева «Китайская культура в России и в СССР», написанный им еще до войны. Он отмечает, что «китайская культура современности мчится на всех парах к заимствованиям из Европы к своей перестройке». Это звучит вполне современно и сейчас. Страстный поклонник всего китайского, В. М. Алексеев понимал культуру широко и не стеснялся воздавать должное не только духовным богатствам Китая, но и достижениям китайцев в материально-бытовой сфере. «Очень хотелось бы всячески пропагандировать», — пишет В. М. Алексеев, — «столь рациональную и дешевую китайскую одежду, ничем не стесняющую движений, простую и понятную; китайскую обувь, также дешевую, стойкую и удобную; китайские чулки, не комкающиеся в потную массу и выглядящие всегда нарядно; китайскую систему еды палочками, а не зверскими колющими остриями, запикиваемыми в рот; китайские обои с изумительным орнаментом; китайскую превосходную бумагу и многое, многое прочее, что я видел, знаю и чем восхищаюсь» (с. 75).

Открывается книга очерком Ивана Семенко «Парадокс Конфуция», что глубоко символично. Учение древнего философа лежит в основе китайской культуры и, добавив от себя, сформировало национальный характер китайцев. И. Семененко анализирует парадоксальную функцию обрядности в конфуцианстве и заканчивает очерк вполне созвучным нашим дням и нашей советской действительности выводом: «О самом заветном в учении Конфуция, перефразируя известные слова, можно было бы сказать так: «И познаете прошлое, и прошлое сделает вас свободными» (с. 24).

Очерк Игоря Лисевича рассказывает о китайских поэтах «золотого века» Ли Бо и Ду Фу, его сопровождает подборка стихотворений в переводах Э. Балашова. Любителям поэзии может показаться, что поэтический язык и образность в них слишком близки XX веку. Это так, но никакой стилизации здесь нет, ибо поэтический язык китайских древних поэтов аналогичен языку образности в европейской поэзии XX века с ее привержен-

ностью к символизму и иллюзиям.

Стихи китайских классиков даны в новых переводах Э. Балашова, большая их часть уже переводилась ранее на русский язык. Комментарий к переводам составлен И. Лисевичем. Многие неточности прежних переводов были исправлены, смысл приближен к оригиналу, что и потребовало комментирования, тогда как прежде переводчики предпочитали разъяснять смысл в самом переводе путем вольного толкования оригинала. И тот, и другой подход теоретически правомерен; выбор его — дело поэтического вкуса.

Очерк Бориса Бородина «Воззрения деятелей русской культуры на Китай» приводит высказывания наших знаменитых соотечественников от А. Н. Радищева до В. И. Ленина; за ним органично следуют стихи русских поэтов о Китае: К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Гумилева, В. Маяковского.

Китаеведов, конечно, очень привлекут очерки Сергея Маркова о наших предшественниках Илларионе Рассохине и Палладии Кафарове, очерк Владимира Семанова о Ба Цзине, Галины Шишкиной о живущем в Ленинграде китайском художнике Цзян Шилуне... Впрочем, Цзян Шилун — член союза художников СССР, сорок лет его жизни прошли в нашей стране. Он, конечно же, советский художник, но пишет китайскую живопись, и, поскольку Цзян Шилун остается мастером национальной китайской живописи гохуа, он одновременно и китайский художник по своему искусству.

Китайская тема присутствует в творчестве многих видных мастеров слова советской литературы. Приятно прочесть в сборнике малоизвестную у нас китайскую историю в шести картинах Михаила Булгакова, стихи о Китае Константина Симонова, Леонида Мартынова, Юнны Мориц, Натальи Образцовой, Геннадия Гоца.

Современному Китаю посвящают свои очерки ученые-китаеведы, писатели, журналисты — те, кто там недавно побывал: Лариса Васильева, Лев Делюсин, Аркадий Удальцов, Юрий Савенков.

Китайская часть сборника не менее интересна. По жанру она тоже распадается на три категории: статьи, стихи, проза.

Закономерно, что китайский раздел открывается отрывком из «путевых заметок» о новой России, написанных Цюй Цюбо. 16 декабря 1920 года он выехал с пограничной станции Маньчжоули и 25 января 1921 года достиг Красной столицы — Москвы. Его заметки не раз публиковались на русском языке, они хорошо известны ученым, но новому поколению советских читателей также будет любопытно с ними познакомиться: свидетельство очевидца ничем не заменить!

Широкому читателю будет полезно познакомиться с интервью, которое дал Людмиле Букниной крупнейший китайский русист, профессор Гэ Баоцюань на тему «Пушкин в Китае». Всем ли известно, что на китайском

языке «Евгений Онегин» уже существует в шести переводах? Что в молодости Гэ Баоцюань присутствовал на Пушкинских торжествах в Москве в 1936 году? Что в библиотеке А. С. Пушкина имелась книга на китайском языке с русским переводом, выпущенная в Санкт-Петербурге в 1829 году? Что 7 января 1830 года А. С. Пушкин написал прошение шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, в котором выразил желание поехать с русской миссией в Китай?

Китайский раздел сборника привлекает и новыми для нас именами. Большинство опубликованных в нем поэтов и писателей принадлежат к молодому поколению и прежде никогда не переводились на русский язык. Рядом со знаменитыми именами Цзоу Дифаня, Гэ Бичжоу, Ай Цина, Ван Мэна, Лю Сянью появились новые, доселе нам не известные, но снискавшие признание у себя на родине. Переводчица Людмила Букина знакомит читателя с новыми для нас поэтами: Янь И, Шу Тинном, Гу Чэном, Гун Лю, Бэй Дао, Ли Шифэем и другими. Не могут не впечатлять написанные в тюрьме строки Янь И, обращенные к «учителю литературы» Лу Синю:

Ты этот путь ужасный
С друзьями, предающими бесстрастно,
И сам прошел. (с. 260)

Стихи новомодного Бэй Дао лишены знаков препинания — это сплошной поток слов, который выглядел бы модернизмом, — не в буквальном смысле актуальности, а в смысле давно устаревшего литературного направления, — если б не трагический смысл написанного, не имеющий с модернизмом ничего общего:

я выбрал небо
чтобы на коленях

не ползать на земле пред палачом
свободы ветер заслоняет он (с. 358)

Любопытную повесть о жизни женщин-заключенных перевел В. Семанов. Она написана Чжан Ху, чьи произведения у нас не были известны прежде.

Книга логично завершается переводами очерков о современной китайской действительности под знаком экономической реформы (Х о Да. Наши общие тревоги и радости, в переводе А. Монастырского и др.).

С точки зрения нашего Китаеведения, откровенно, что переводная часть сборника вобрала в себя работы молодых переводчиков-китаистов, которые смело встали в ряд с опытыми мастерами.

Переводы А. Гитовича, Л. Черкасского, В. Семанова соседствуют с переводами Л. Букиной, Б. Топоркова, Н. Захаровой, Б. Валентинова, З. Абдрахмановой, Т. Клавсуты, Ю. Иляхина, А. Монастырского, Д. Сапрыки, О. Прохоровой — все это новые имена в литературном Китаеведении, перед которыми долгий творческий путь.

В конце рецензии принято говорить о недостатках книги. Они есть, их не может не быть — хотя бы в силу необъятности советско-китайских связей, их самых разнообразных проявлений, — а ведь известно, что нельзя объять необъятное. Несомненное же достоинство сборника, которое нельзя ни отнять, ни оспорить, — то, что он первый в своем роде. Будущее покажет, был ли первый опыт удачен или нет, однако хотелось бы, чтобы такие совместные сборники вошли в традицию.

А. Н. ЖЕЛОХОВЦЕВ,
кандидат филологических наук

Китай с близкого расстояния

А. Д. Дикарев, А. В. Лукин. Три путешествия по Китаю. М.: Молодая гвардия, 1989. — 239 с., ил.

Советский читатель довольно долго не был избалован свидетельствами очевидцев жизни современного Китая. Причин тому много, и одна из них — почти полное отсутствие обмена людьми между СССР и КНР в 60—70-х гг. Положение, как известно, начало круто меняться к лучшему в 80-е гг., и одним из последствий этих позитивных сдвигов стало появление книг, новых для советской литературы о Китае, — путевые очерки советских людей, посетивших КНР и получивших

возможность непосредственно наблюдать жизнь страны. К такого рода изданиям относится и рецензируемая нами книга молодых советских стажеров А. Дикарева и А. Лукина об их пребывании в Китае и весьма интересных и насыщенных поездках по стране в 1984—1985 гг.

Естественно и понятно желание человека, впервые попавшего в Китай, профессионально увлеченного его историей и культурой, как можно больше узнать и увидеть, как можно глубже погрузиться в живую жизнь страны. Читая очерки Дикарева и Лукина, невольно поражаешься энергии и энтузиазму авторов, сумевших за сравнительно короткое время, в перерывах между учебными занятиями (оба стажировались в Пекинском университете, совершенствуя свои знания в области китайской истории) объехать чуть ли не весь Китай — от Шанхая до высокогорной Лхасы, от Маньчжурии до тропического Хайнаня. Отметим, что хорошее знание раз-

говорного языка чрезвычайно расширяло возможности общения авторов с самой разнообразной китайской аудиторией.

Широкие масштабы поездки позволили авторам наблюдать жизнь современного Китая во всей сложности и многообразии, причем не только в крупных политических и промышленных центрах, но и в тех районах, которые долгое время практически были недоступны для иностранцев. Книга насыщена интереснейшей информацией и меткими наблюдениями. Читатель знакомится с жизнью людей, представляющих различные слои китайского общества, с обычаями народа, его традициями и культурой. Авторы сопровождают свой рассказ квалифицированными экскурсами в историю Китая, которые органично вплетаются в ткань повествования. Они проявили и незаурядную наблюдательность, отмечая важные, но часто ускользающие от поверхностного взгляда нюансы. Перед нами — документальный рассказ о Китае середины 80-х гг., сделанный с научным анализом событий и явлений китайской действительности.

Отказавшись от односторонних оценок, авторы показывают нам эти реалии во всей неоднозначности и противоречивости. Конечно, жизнь идет вперед, и многие цифры и факты, о которых идет речь в книге, уже история. Однако время, в которое им посчастливилось совершить свое трудное, но увлекательное путешествие по Китаю, представляет исключительный интерес. Китайская реформа, политика «открытых дверей» набирали темпы, демонстрируя миру свои успехи и достижения. Естественно, Дикарев и Лукин не претендуют на полный и всесторонний анализ современных экономических преобразований в Китае, но их зарисовки тех районов и зон, где активно развернулось строительство новых экономических отношений (в частности, Шанхая, Сямэня, Шэньчжэня, Хайкоу и др.), дают как бы живой срез тех сдвигов, которые характеризовали развитие китайского общества после решений III пленума ЦК КПК в декабре 1978 г. Реформа реально отразилась на жизни людей: повысились доходы крестьян и труженников города, рынок стал насыщаться разнообразными товарами. «Следы новой политики уже заметны повсюду, — делятся авторы своими впечатлениями от Хайкоу, — особенно это относится к положению о ввозе зарубежных товаров. Магазины буквально завалены японской бытовой техникой, одеждой и косметикой из Гонконга. Есть и товары тайваньского производства» (с. 97). Огромные сдвиги произошли в общественном сознании. «Китай переживает закономерный всплеск активности во всех областях науки и культуры, — отмечают авторы. — Ведь так долго человеческая мысль была скована идеологическими клише, мертвыми лозунгами времен «культурной революции» (с. 147). Дикарев и Лукин приводят много иллюстраций этого процесса отказа китайцев от «мировоззрения лозунгами», большей раскованности в поведении

(особенно молодежи), желания самостоятельно оценивать происходящее вокруг и без стеснения обмениваться мнением даже с людьми незнакомыми.

Авторы далеки от мысли описывать в розовых тонах или идеализировать китайскую реформу, вообще лакировать ту действительность, которую они наблюдали. Да и официальная китайская печать, на которую активно ссылаются авторы, не склонна преуменьшать трудности проведения реформы и негативные явления, выявившиеся в ходе ее реализации. Они отмечают низкий уровень жизни народа (по доходам на душу населения Китай все еще находится во второй сотне государств мира). Несмотря на резкое увеличение производства зерна в стране (в 1984 г. валовый сбор превысил 400 млн. т), до 25 % крестьянских семей продолжали вести полуголодный образ жизни. Острой и сегодня остается демографическая проблема (ей авторы уделили немало страниц), а в ходе реализации политики «одна семья — один ребенок» выявились новые сложные вопросы. За последние годы в КНР обострились проблемы экологии. По-прежнему высоким остается процент неграмотных — около 250 млн. во всей стране, причем только 62 % семилетних детей посещают школу (с. 127 и др.). Нищие и бездомные, отмечают авторы, все еще встречаются не только в центральном и южном Китае, но и в более развитых северных районах. В городах существует острая жилищная проблема. Далеко не каждый китаец, пишут они, может воспользоваться плодами реформы: большинство импортных товаров стоит дорого, и далеко не все могут позволить себе их приобрести (с. 97). Наконец, уже в ходе проведения реформы выявились такие негативные явления, как рост преступности, коррупция аппарата, спекуляция валютой и т. д. Как известно, нарастание кризисных явлений в китайской экономике во второй половине 80-х гг. вынудило китайское руководство притормозить дальнейший ход реформы и приступить к мерам по регулированию народного хозяйства.

В целом авторам путевых очерков удалось нарисовать сложную и неоднозначную картину развернувшихся в стране процессов. Выход Китая из самоизоляции, его стремление на путях реформы органически воспринять все новое и передовое и среагировать на вызов современной эпохи породили уникальную модель синтеза традиционных и современных структур, когда новое буквально соседствует со старым, современные тенденции тесно переплетаются с традиционными явлениями и обычаями. Наблюдая это причудливое сочетание традиций и современности, авторы дают возможность читателю живо почувствовать неповторимый колорит сегодняшнего Китая. Вот, например, характерная зарисовка с одной из улиц: «На небольших столбах и прямо на земле разложили торговцы свой товар: гонконгские джинсы, рубашки, не-

сколько десятков разновидностей темных очков, незамысловатую бижутерию; какой-то доморощенный фармацевт демонстрирует лекарство собственного изготовления «от болезней печени, почек и прочих недугов»; громко кричит в мегафон представительница автобусной фирмы, призывая прохожих немедленно отправиться в Гуанчжоу; предлагает свои услуги гадательница по руке...» (с. 99). А вот как празднуют наступление весны студенты университета в ультрасовременном Шэньчжэне: «Мы вздрагиваем от грохота рвущихся хлопощек, барабанного боя и звука трещоток. Вдоль по современной улице движется традиционное праздничное шествие: два человека в костюмах и масках львов исполняют древний танец львов — «Шицзы у». Вокруг расположились оркестранты: несколько человек с традиционными инструментами, в основном ударными» (с. 92—93).

Конечно, отдельные элементы национальной традиции, естественно, подвергаются коррозии. Однако ее основные пласты сохраняют свою устойчивость, и авторы очерков, безусловно, правы, считая, что поддержание в КНР «интереса к традиционной национальной культуре, конечно же, не является случайностью» (с. 93). Об этом красноречиво свидетельствует то внимание, которое уделяется в сегодняшнем Китае историческому и культурному достоянию. В значительных масштабах осуществляются археологические раскопки, идет восстановление памятников старины, пострадавших не только от времени, но и от рук хунзэйбинов. Книга знакомит читателя с многочисленными памятниками материальной и духовной культуры Китая, описанных весьма квалифицированно, строго научно, а вместе с тем живо и занимательно.

И все же главное действующее лицо путевых очерков — люди Китая, их будни, нравы, обычаи и образ мыслей. Маршрут описываемых поездок часто пролегал в стороне от крупных центров и охватывал значительный ареал страны, населенный различными неханьскими национальностями и этническими группами. Естественно, это обогащало палитру наблюдений авторов, делая ее более многообразной. В книге содержится много красочных описаний народных праздников, ритуальных обрядов, зарисовок быта. Большой и занимательный раздел книги специально посвящен путешествию в Тибет, всегда труднодоступный для иностранцев. По существу, впервые через 30 лет после поездки Вс. Овчинникова и выхода его путевых очерков (см.: В. Овчинников. Путешествие в Тибет. М., 1957) современный читатель получил возможность познакомиться с сегодняшней жизнью этого сурового и уникального района Китая.

Заслуживают внимания и тонкие наблюдения авторов, касающиеся социально-психологических аспектов жизни китайцев, специфики их поведения, особенностей восприятия окружающего мира. Иной читатель может

удивиться, узнав, например, что наше представление о красоте не вполне соответствует китайскому, что большинство китайцев не прельщает дорогая нашему сердцу красота дикой нетронутой природы, что самыми красивыми в Китае, как справедливо показалось авторам, «считаются плоды человеческого труда, результат организованной обработки природы человеком» (с. 72—73) и т. д. Отметим попутно, что наша историография о Китае небогата сравнительными социально-психологическими изысканиями. Между тем такого рода наблюдения (а их в книге немало), как нам представляется, чрезвычайно важны, ибо помогают лучше узнать своего соседа и учесть в общении с ним особенности его мировосприятия и поведенческих моделей. Вполне естественно, что не все в поведении китайцев, представителей иной цивилизации и культуры, импонировало авторам. В то же время им не изменяет чувство такта и деликатности в описании и интерпретации всего специфического, с чем пришлось столкнуться в иной стране.

Путевые очерки Дикарева и Лукина лишены раз свидетельствуют, что китайский народ проявляет большой интерес к жизни советского народа и питает к нему дружеские чувства. «...У подавляющего большинства китайцев, — пишут авторы, — сохранились самые хорошие воспоминания о советских людях и их стране. В соответствующих рассказах, вопросах и суждениях наших многочисленных китайских знакомых мы не заметили и тени лицемерия. Искреннюю заинтересованность жизнью нашей страны мы не можем отнести только на счет простой вежливости или традиционного гостеприимства» (с. 29—30). Вместе с тем Китай не хочет быть чьим бы то ни было младшим партнером, стремится во всех международных делах к полной независимости и равноправию, рассчитывая в перспективе занять достойное место среди наиболее развитых государств мира. Поэтому и выражение «Советский Союз — старший брат Китая» («Сулянь лао дагэ»), бывшее в широком ходу в 50-е гг., произносится сегодня, как отмечают авторы, чаще всего с оттенком легкой иронии.

Авторы «Трех путешествий по Китаю» стремятся быть максимально объективными в описании всего увиденного, они ничего не приукрашивают и чаще всего не скрывают своих эмоций и оценок. С этой точки зрения мы могли бы характеризовать рассматриваемую книгу как интересный документ, помогающий, помимо всего, представить и определенный срез нашего восприятия Китая, увиденного глазами советского молодого человека середины 80-х годов.

Конечно, авторам этой книги, впервые попавшим в Китай, не удалось избежать опасности непомерного увлечения страной, в которой они каждый раз как бы «открывают Америку» для себя, а заодно и для читателя. Однако важным оправданием такого понят-

ного увлечения может являться хотя бы то обстоятельство, что наша широкая аудитория, которой в первую очередь адресована книга, страдает скорее от недостатка знаний о жизни китайского народа, нежели от их избытка.

Очерки заканчиваются словами замечательного ученого-китаеведа В. М. Алексеева: «Я буду бороться с пессимистическим девизом Киплинга «Восток есть Восток и Запад есть Запад. Эти близнецы никогда не встретятся».

Напротив, я убежден, что встреча «близ-

нецов» состоится и откроет огромную перспективу всему человечеству. Реакция западной души на душу Востока и наоборот создаст новую жизнь, новых людей, новую культуру».

Хочется отметить, что интересная и увлекательная книга Дикарева и Лукина о жизни дружественного нам народа в значительной мере «работает» на такую перспективу.

*Ю. В. ЧУДОДЕЕВ,
кандидат исторических наук*

«История Северо-Восточного Китая»: плюсы и минусы новой книги

История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай 1917—1949 гг. Владивосток. Дальневосточное книжное издательство. 1989. 350 с.

Тема Маньчжурии привлекала и продолжает привлекать внимание многих советских и зарубежных историков и политологов. Этот интерес проистекает прежде всего из того, что Маньчжурия с давних пор играла особую роль в судьбах Китая и занимала одно из ключевых мест в истории международных отношений на Дальнем Востоке.

На протяжении длительного периода Маньчжурия была объектом экспансионистских устремлений империалистических государств. Их влекли сюда огромные природные богатства этого региона, его стратегическое положение на Дальнем Востоке.

Наибольшую агрессивность проявляла милитаристская Япония, часто действовавшая при попустительстве и поддержке западных держав, и более всего США. К осуществлению захватнических планов Япония приступила еще в конце XVIII в. Сначала она вела захваты в Маньчжурии по частям, а в 1931 г. оккупировала всю Маньчжурию. Воспользовавшись «мюнхенской» политикой западных держав, милитаристская Япония в июле 1937 г. двинула свои войска на покорение всего Китая. Одновременно Япония вела широкую подготовку к нападению на СССР, что встретило поддержку на Западе. Впоследствии США и Англии пришлось поплатиться за не-

дальновидную политику своих правительств тысячами жизней американских солдат, погибших в войне на Тихом океане, развязанной милитаристской Японией.

Конец этим разбойничьим действиям был положен в августе 1945 г. вступлением в Маньчжурию советских войск, разгромивших миллионную Квантунскую армию, что решающим образом принудило Японию к безоговорочной капитуляции.

Географическое положение Маньчжурии, граничащей с районами Сибири и Дальнего Востока, предопределило ее особую роль в отношениях между нашими странами. С давних пор она служила мостом, связывающим многомиллионные народы двух великих государств, живущие по обе стороны границы. Здесь благодаря территориальной близости на протяжении длительного исторического периода складывались и развивались взаимовыгодное торговое, экономическое, культурное, политическое, военное сотрудничество, а также контакты и связи на общечеловеческом уровне.

Как подчеркивают авторы рецензируемой книги, они ставили перед собой задачу раскрыть внутренние экономические, социальные, политические и идеологические процессы, происходившие в Маньчжурии в 1917—1949 гг., то есть в период от победы Великой Октябрьской социалистической революции в России до победы народной революции в Китае и образования КНР. На примере Маньчжурии авторы сумели ярко и убедительно показать революционизирующее воздействие Советской России на Китай, на перестройку отношений между нашими странами на принципах ленинской внешней политики, провозглашенных в первые же дни после установления Советской власти. В книге показано, как складывалась и крепла дружба и солидарность между русскими и китайскими рабочими, другими представителями трудящихся на КВЖД, на многих промышленных предприятиях и других объектах, обслуживавших железную дорогу. Эта солидарность нашла практическое проявление в поддержке со стороны русских рабочих и слу-

жащих КВЖД борьбы китайских трудящихся за свое освобождение от гнета местных китайских милитаристов и японских колонизаторов. Со своей стороны они оказывали горячую поддержку Советской России. Многие рабочие и крестьяне Маньчжурии сражались с оружием в руках в рядах Красной Армии и партизанских отрядов против иностранных интервентов и белогвардейских банд в Сибири и на Дальнем Востоке.

На обширном документальном материале в книге глубоко раскрыта и показана грабительская сущность политики японского империализма в Маньчжурии, жестокая эксплуатация трудового населения, механизма колониальной системы, действовавшей под фальшивым названием «Маньчжурского государства» (Маньчжоу-го). Показан процесс создания японскими оккупантами в Маньчжурии промышленного и аграрного комплекса, поставленного на службу японского Генерального штаба в агрессивной войне в Китае, а затем на Тихом океане.

В книге содержится интересная информация о движении сопротивления в Маньчжурии, о его социальной базе, о роли КПК и других общественно-политических сил в этом движении, о лидерах партизанской борьбы, о героических подвигах маньчжурских патриотов и трагической судьбе партизанского движения.

На примере Маньчжурии показано, как не просто складывались и развивались межгосударственные отношения Китая и Советского Союза в период 1917—1949 гг. охарактеризованы различные этапы, через которые они прошли, показана борьба различных внутренних и внешних сил, оказывавших воздействие на советско-китайские отношения.

В заключительной главе рассматривается комплекс вопросов, касающихся положения в Маньчжурии после освобождения ее Красной армией, а также обстановка во всем Китае после окончания второй мировой войны. Широко освещены события гражданской войны, роль в этих событиях Соединенных Штатов Америки, их вмешательство во внутренние дела Китая. Империалистическая политика США, отмечают авторы в своей книге, была противопоставлена интернационалистическая политика Советского Союза, направленная на поддержку КПК в борьбе за свержение гоминьдановского режима.

В целом рецензируемая книга представляет собой крупное комплексное исследование по Маньчжурии на одном из наиболее важных отрезков ее истории — от 1917 до 1949 г., — характеризовавшемся бурными событиями, происходившими в этом стратегически важном регионе и вокруг него. В этом контексте освещена история советско-китайских отношений, ее яркие и не очень яркие страницы. Книга, несомненно, представляет большой интерес не только для ученых — востоковедов и специалистов-между-

народников, но и для широкого круга читателей. Она расширяет и углубляет наши познания исторического опыта, накопленного в наших отношениях с Китаем за истекший период, с его положительными и негативными элементами. Все это имеет особо важное значение для развития советско-китайских отношений на современном этапе после наступившей их нормализации, открывшей широкие и благоприятные перспективы.

Оценивая рецензируемую книгу в целом как ценный вклад в советскую историографию, нельзя, вместе с тем, оставить незамеченными некоторые ее слабые места и недостатки. Они вполне понятны и неизбежны, поскольку книга готовилась в основном в доперестроечный период и ее авторы вынуждены были в своих оценках руководствоваться известными командно-бюрократическими установками. Сказалась также застарелая болезнь, которая была подмечена в свое время Ф. Энгельсом. Он указывал, что «у всех русских, занимающихся наукой», имеется общий недостаток — это, говорил он, «чрезмерная вера в признанные авторитеты» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 37. — С. 384). В рецензируемой книге так и случилось: без должного критического подхода заимствованы и перенесены многие оценки из сочинений «признанных авторитетов», хотя многие из этих оценок являются неточными и явились продуктом застойного периода и «холодной войны», наложившим свою печать на историографию, подчинив ее задачам пропаганды, в том числе в сфере внешней политики и международных отношений.

Как известно, обе стороны в «холодной войне» применяли при освещении политики и действий друг друга только черно-белые тона. Применительно к китайской проблематике в наших публикациях негативно освещалось все, что касалось США и Гоминьдана и в ярко-светлых тонах — все, что касалось политики и действий руководства СССР и КПК (правда и здесь была перемена красок в зависимости от состояния наших отношений с КНР). Ныне, в свете гласности и нового политического мышления, вряд ли можно согласиться, что все действия США в Китае были вмешательством, а действия советской стороны, в том числе создание Маньчжурской революционной базы, вывоз промышленного оборудования, нарушение договора и соглашений от 14 августа 1945 г., запрещение ввода в Маньчжурию войск китайского законно признанного правительства и многое другое не было вмешательством, или «экспортом революции», а было «освободительной миссией», хотя на это Советское правительство не получало никакого мандата от китайского народа и не имело даже официальной просьбы от КПК. Вмешательство США, несомненно, заслуживает критики и осуждения, но в советских публикациях, в том числе и в рецензируемой книге, наряду с тем,

что в действительности было, приписывается и то, чего на самом деле не было — не было прямой военной интервенции, не было стремлений развязать гражданскую войну; миссия Маршалла состояла не в провоцировании гражданской войны, а в том, чтобы избежать ее путем национального примирения на основе компромисса между Гоминьданом и КПК. Вряд ли можно согласиться с содержащимися в книге утверждениями о том, что Чан Кайши проводил «проамериканскую» политику, что не по советской, а по гоминьдановской вине были сорваны условия китайско-советского договора. Имеется ряд других тенденциозных, бездоказательных, необъективных оценок и «приписок».

Повторяю, что все эти погрешности несомненно явились результатом не воли самих авторов, а условий, в которых им, как и дру-

гим советским ученым-историкам, приходилось готовить к публикации свои труды в предпрестроечный период. Теперь пришло наконец время переосмысления прошлого, и оно не может обойти стороной и многие из вопросов истории, затронутых в предлагаемой читателю рецензируемой книге.

Высказывая свои личные замечания по отдельным моментам, считаю необходимым подчеркнуть, что в целом книга «Северо-Восточный Китай. 1917—1949 гг.» представляет большой и ценный фундаментальный научный труд, способствующий расширению познаний по весьма важному вопросу истории советско-китайских и международных отношений на Дальнем Востоке.

А. М. ЛЕДОВСКИЙ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЙ ЖУРНАЛ «ЦИГУН И СПОРТ»

Под таким названием с 1991 г. начнет выходить китайский журнал на русском языке. Выпускает его издательство «Прогресс» на базе редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» совместно с Международной научной ассоциацией цигун провинции Шэньси (КНР), которая издает журнал «Цигун и спорт» в г. Сиань. Он посвящен традиционной системе психической и физической закалки — цигун. Большинству читателей она известна разве что по фантастическим версиям, представленным в не лучшего пошиба фильмах жанра «кун-фу». О том, что такое цигун на самом деле, и о содержании нового журнала рассказывает научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР А. Г. Юркевич.

• • •

Медленно, словно всплывая в воздухе, человек становится ногами... на два воздушных шарика. Другой выполняет акробатическую стойку на вытянутом указательном пальце. Третий, приставив острие копья к горлу, так наваливается на него, что древко сгибается дугой. Четвертому ассистенты буквально швыряют на темя бетонную плиту, которая с грохотом раскалывается на две части.

Перечисление показательных номеров, с которыми выступают мастера цигун, можно продолжать бесконечно. И не в цирковых трюках суть цигун — китайской системы психофизиологического тренинга. Психофизиологического — поскольку именно умение управлять своим сознанием, психикой лежит в основе навыков, позволяющих «командовать» внутренними, физиологическими процессами в организме. И добиваться от него поразительных результатов.

Не все из них и сейчас могут быть объяснены с точки зрения современного знания. А потому по-прежнему силен соблазн «отменить» их как противоречащие науке и здравому смыслу. Достаточно веским основанием для предубеждения по отношению к древним приемам совершенствования психических и физических возможностей считалось их происхождение.

Все они восходят к древнейшим религиозным культам. И некогда рассматривались как средства приобщения к природным и божественным началам, поэтапного обретения их совершенства и всемогущества. Хотя подобные методы получали

мистическое объяснение, все они опирались на реальный опыт. В частности, опыт погружения сознания в состояние транса, когда оно отключается от восприятия реального мира. Такие состояния были и остаются характерными для некоторых религиозных ритуалов, участники которых ощущают свою приобщенность к высшим силам. Определенные виды трансподобных состояний позволяют творить буквально чудеса — неожиданно выказывать физические возможности, обычно недоступные, не чувствовать боли, усталости. А подчас избавляться от болезней. Все это считалось заслугой божеств и духов.

Шаманы, маги, жрецы тщательно оберегали от непосвященных и совершенствовали такого рода методы. В частности, технику медитации — погружения сознания в состояния, позволявшие «общаться с потусторонними силами» и даже совершать «чудеса». Многие такие приемы были эффективными средствами лечения, оздоровления, продления жизни, развития разнообразных способностей. В том числе тех, которые казались окружающим сверхъестественными.

Подобная практика была известна всем народам. Но на определенном этапе исторического развития на Западе она по целому ряду причин «не вписалась» в господствующие идеологические и научные тенденции. Обломки древнего знания в этой области сохранились в случайно избежавших сожжения средневековых трактатах, в практике знахарей и «колдунов», в религиозной медитации во время молитв и богослужений.

Иначе обстояло дело в ряде восточных цивилизаций. Например, в Китае древние способы контроля за психикой и телом, формирования соответствующих навыков обогащались в русле развитых философско-религиозных течений, народных сект, семейных традиций. И в конце концов выходили за их рамки. Они получили своеобразно рациональное истолкование в понятиях традиционной науки и философии, которая в очень малой степени была в Китае «служанкой богословия». Ее положения легли в основу и теории китайской медицины. Практика цигун опирается на те же положения, что и давно доказавшая свою эффективность восточная акупунктура — иглоукальвание.

Суть этой теории — представление об универсальном наполнителе и строительном материале Вселенной — «пневме» (ци). В теле человека определенные виды ци играют роль своего рода «жизненной энергии», от них зависят психические и физиологические функции. Нарушение ритма внутренней циркуляции ци, обмена им с внешней средой вызывает заболевания. Но нормализация такого обмена и ритма внутренней циркуляции, пополнение организма необходимыми видами ци восстанавливают здоровье. И даже, в случае гармоничных отношений с окружающим миром, максимального насыщения организма жизнетворными субстанциями ци — обеспечивает обретение необычайных свойств.

Ци попадает в тело различными путями — с пищей, питьем, через биологически активные (акупунктурные) точки на теле, на которые воздействуют при иглоукальвании и массаже. Но главным образом — с вдыхаемым воздухом. Отсюда распространенная интерпретация ци как воздуха, а цигун — «работы с ци» — как «дыхательной гимнастики».

Это не совсем верно.

Методики цигун, помимо дыхательных упражнений, обязательно включают технику медитации, во многих случаях — физические упражнения, приемы массажа, даже иглоукальвание. В результате сложной «настройки» организма формируются способности к управлению им усилием воли. В том числе такие навыки, которые сейчас принято называть «паранормальными».

Например, к цигун относят в Китае действия экстрасенса. Они носят вполне официальное название — «информационная цигун-терапия». Этот феномен известен у нас как «бесконтактный массаж», легализованный во многом благодаря усилиям Е. Ю. (Джуны) Давиташвили. Методы же «бесконтактного самомассажа» входят в очень многие упражнения цигун.

Для объяснения подобных явлений ученые выдвигают различные, подчас весьма смелые гипотезы. Например, о «физических полях биологических объектов». Они возникают вследствие взаимодействия разнообразных излучений живого тела — электромагнитных, тепловых и иных, возможно, неизвестных науке. Ощущая эти поля, экстрасенс, или, как сейчас принято говорить, сенситив, получает информацию о состоянии больного. И воздействует на его «поле» своим с лечебной целью. В свою очередь «бесконтактный самомассаж» призван обеспечить прежде

всего должное взаимодействие полей организма и окружающей среды, стимулировать определенные физиологические реакции. Существует масса других предположений на этот счет. Экспериментальный материал для их проверки могут дать и наши соотечественники, от природы обладающие необыкновенными способностями. Но куда большие перспективы открывает науке существование систематизированной теории и практики развития таких качеств. Например, в йоге и цигун. Их изучение и творческое применение уже сейчас ставят под вопрос стереотипные представления о границах возможностей человека.

Наиболее активно изучаются и применяются методы цигун в Китае. Современная практика цигун там подразделяется на лечебную, оздоровительную и цигун «боевых искусств». Последнее направление уже давно известно у нас в японском варианте. Оно является частью тренинга в каратэ и позволяет спортсменам показывать чудеса, разбивая кирпичи, доски и т. п. На основе традиционных методик создаются современные, адаптированные к условиям клиник и амбулаторий, физкультурной и спортивной практики.

* * *

О том, как используются методы цигун на их родине, советский читатель может узнать «из первых рук» — от самих китайских специалистов благодаря журналу «Цигун и спорт». Он содержит информацию, представляющую интерес для энтузиастов психофизиологического тренинга, спортсменов, для специалистов разных профессий — врачей, психологов, методистов по спорту и лечебной физкультуре, и для тех, кто интересуется историей и культурой Китая. Читатели найдут в журнале подробные иллюстрированные описания методик цигун самого разного назначения, сведения по истории и теории различных направлений и школ. Немалое место в нем уделено сообщениям о том, как применяются методы цигун в тех или иных видах спорта, в том числе в «боевых искусствах» — ушу. Регулярно публикуются в журнале данные экспериментов в области использования цигун, результаты исследований, характеризующих психические и физиологические процессы, протекающие при выполнении упражнений, статистические сведения, позволяющие судить об эффективности методик. Врачи и мастера цигун освещают нюансы тех или иных упражнений, дают рекомендации по их выполнению и организации занятий. Публикуются в журнале и комментированные переводы традиционных трактатов, раскрывающих древние секреты цигун, и сведения о книжных новинках в этой области, информация по вопросам распространения цигун в Китае и за рубежом. Не забыты материалы о других известных системах психофизиологического тренинга, в том числе о йоге; специалисты сопоставляют их параметры, особенности, степень эффективности. Интересные публикации найдут в журнале даже ценители исторической и приключенческой литературы: повести и рассказы о мастерах цигун прошлого нередко «завязаны» на весьма острые сюжеты.

Жаль только, что первоначальный тираж журнала составит 75 тысяч экземпляров. Такой тираж вряд ли удовлетворит большую армию энтузиастов психофизиологического тренинга у нас в стране. Так что наш совет: поспешите с подпиской.

«Цигун и спорт» будет выходить 6 раз в год.

Индекс журнала: 70764.

Подписная цена на год — 18 руб.,
на полгода — 9 руб.

Цена одного номера — 3 руб.

А. Юркевич

Читайте в следующем номере:

- Специальные экономические зоны сегодня
- Юрий Власов о своем отце П. Владимирове
- Сеульский пасьянс
- В лабиринтах дао
- Неизвестное о гастролях Федора Шаляпина
- в Китае и Японии
- Год овцы
- Восточные единоборства в СССР

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» не может сегодня жить вне изменений, уготованных средствам массовой информации Законом СССР о печати. Учредитель журнала (ИДВ АН СССР) и редакция ожидали подобных мер, но меньше всего предвиделось, что переход на рыночные отношения начнется со средств массовой информации.

Как Вы могли заметить, в последние годы редакция «ПДВ» старалась избегать официозных материалов, избитых тем, изрядно надоевших сюжетов, и наши усилия, если судить по Вашим письмам и отзывам, не пропали даром.

Введение Закона о печати — а с ним сегодня связывается расширение прав средств массовой информации и закрепление их подлинной свободы — определяет для академических изданий новые, несравненно более сложные, нежели ранее, условия работы. Переход к рыночным отношениям при отсутствии отлаженных на долголетней практике институтов финансирования издательской деятельности чреват непредсказуемыми последствиями для академической печати.

Издательство «Прогресс», редакция «ПДВ» делят сегодня с Вами, уважаемые читатели, бремя расходов на издание журнала в связи с резким подорожанием в несколько раз средств полиграфии, бумаги и почтовых расходов. Мы вынужденно пошли на подорожание журнала, цена которого, как и многих других периодических изданий, возрастет вдвое. Со своей стороны редакция будет стремиться делать все от нее зависящее, чтобы ее работа соответствовала возросшим требованиям, выдвигаемым читателями и самой жизнью.

ДЛЯ ВАС, ЧИТАТЕЛИ!

НАШ ЖУРНАЛ В 1991 ГОДУ

«Проблемы Дальнего Востока» планируют публиковать в 1991 году статьи и другие материалы по следующим темам:

— Шаги и уроки реформы в Китае, Лаосе, Вьетнаме, Монголии.

— Секреты «экономического чуда» Южной Кореи и других новых индустриальных стран Азии.

— Лицом к Тихому океану: советская политика на Дальнем Востоке.

— Менеджмент и бюрократия по-японски.

— Архивные материалы о «белых пятнах» в истории.

— Протоколы допросов Рихарда Зорге.

— Русские фашисты в Маньчжоу-го.

— Восточный детектив «Секретный агент Японии».

— Неизвестное о гастролях Ф. И. Шалапина в Китае и Японии.

— Дао — древнейший путь к познанию любви.

— «Эликсир жизни» из тибетских монастырей.

— Школа каратэ и других восточных единоборств.

— «Цигун и спорт» — популярный китайский журнал на русском языке в приложении к «ПДВ».

Розничная продажа нашего журнала ограничена. Если Вы не хотите пропустить заинтересовавшие Вас материалы, своевременно подпишитесь на «Проблемы Дальнего Востока». Подписку можно оформить во всех отделениях связи и агентствах «Союзпечати» без ограничений.

Технический редактор Т. Ерохова

Сдано в набор 19.07.90. Подписано в печать 27.09.90. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,2. Усл. кр.-отг. 39,4. Уч. издат. л. 23,76. Тираж 14 592 экз. Заказ 1154. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам печати.
119817, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по делам издательств и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области